

М 91
77

СЛАВЯНСКАЯ БОРЬБА

1875—1876.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ВОЗСТАНІЯ БАЛКАНСКИХЪ СЛАВЯНЪ,

ЧЕРНОГОРСКО-СЕРЕБСКО-БУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ

и

ДИПЛОМАТИЧЕСКИХЪ СНОШЕНІЙ

съ Юля 1875 по Январь 1877 г.

По официальнымъ и другимъ достовернымъ источникамъ

составилъ А. Фелькнеръ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. П. Попова, Новарской пер., д. № 2.

1877.

Кровавая драма, полтора года разыгрывавшаяся на Балканскомъ полуостровѣ, постоянно угрожавшая Европѣ бѣдствіями и ужасами всеобщей войны, — возбуждавшая въ русскомъ обществѣ, отъ высшихъ до низшихъ слоевъ его, горячее сочувствіе къ братьямъ по племени и вѣрѣ, угнетаемымъ, мучимымъ и звѣрски умерщвляемымъ исконными, безчеловѣчными врагами христіанства, — вполне заслуживаетъ того общаго, напряженнаго вниманія, которое оказывалось ей публикою. До настоящаго времени однако не появилось еще въ печати систематической группировки въ одно цѣлое совершившихся съ начала возстанія событій: всѣ свѣдѣнія о причинахъ его вызвавшихъ, о ходѣ геройскихъ усилій горсти борцовъ за завоеваніе себѣ свободы и общечеловѣческихъ правъ ограничивались лишь газетными статьями, сбивчивыми, разнорѣчивыми сообщеніями корреспондентовъ съ театра военныхъ дѣйствій и тенденціозными монографіями заграничныхъ писателей. Все это, удовлетворяя, такъ сказать, ежедневной любознательности въ свое время, по своей разбросанности не можетъ служить пособіемъ для возобновленія въ памяти всѣхъ фазисовъ борьбы или для ознакомленія съ нею во всей ея цѣлости тѣмъ, кто не слѣдилъ за нею постоянно. Въ настоящее время, когда Восточный вопросъ вступилъ въ новый фазисъ и будущая борьба балканскихъ христіанъ

должна опредѣлиться можетъ быть съ помощію новой войны, группировка совершившихся событій въ одинъ цѣлый, послѣдовательный рассказъ,—не въ исторію, для которой еще не наступило время,—представляется намъ вполне умѣстной.

Рассказъ этотъ исключительно представитъ описаніе главнѣйшихъ событій въ хронологической ихъ послѣдовательности и раздѣляется на четыре отдѣла: 1) Отъ начала возстанія до передачи Портѣ проекта реформъ, составленнаго графомъ Андраши; 2) отъ передачи означеннаго проекта Портѣ до объявленія ей войны Сербіей и Черногоріей; 3) отъ этого объявленія до заключенія двухмѣсячнаго перемирія по требованію Россіи, и 4) отъ заключенія перемирія до закрытія константинопольской конференціи.

ОТДѢЛЪ I.

Съ тѣхъ поръ какъ турецкое владычество утвердилось на Балканскомъ полуостровѣ, начались безконечныя бѣдствія и страданія христіанъ, населяющихъ эту роскошную, плодородную страну. Грабежи, наслія, звѣрскія истязанія и убійства безнаказанно совершались повсемѣстно; густо населенные города и цвѣтушія селенія превращались въ груды развалинъ и пепла. Тщетно зывали балканскіе мученики къ христіанской Европѣ, умоляя о помощи противъ мусульманскаго изувѣрства и фанатизма: она сама находилась подъ обаяніемъ страха, въ ожиданіи напора дикихъ турецкихъ ордъ, уже не разъ вторгавшихся въ Венгрію и осаждавшихъ даже Вѣну. Только въ XVIII вѣкѣ, когда окрѣпла мощь, родственной балканскимъ христіанамъ по племени и вѣрѣ, Россійской державы, подана имъ дѣйствительная помощь. Первый роковой ударъ, доказавшій Европѣ, что мусульмане могутъ быть побѣждаемы, нанесенъ Туркамъ въ славное царствованіе Императрицы Екатерины II, побѣдами фельдмаршала графа Румянцева, завершившимися заключеніемъ ¹⁰/₂₂ іюля 1774 г. Кучук-Канарджійскаго мира. Порта вынуждена была, смиривъ свою гордыню, подписать тяжелыя для нея условія этого мира, VII и XIV статьями котораго она впервые обяза-

лась оказывать покровительство своимъ христіанскимъ подданнымъ, уважать и охранять святость и неприкосновенность храмовъ Божіихъ.

Съ того времени балканскіе христіане вздохнули свободнѣе; убѣжденіе, что ненавистное ярмо мусульманскаго владычества несокрушимо, въ нихъ поколебалось и зародилась надежда, что настанетъ часъ, когда сбросивъ съ себя это ярмо, они снова обрѣтутъ себѣ гражданскую свободу и общечеловѣческія права. Послѣдующія неоднократныя побѣды Русскихъ надъ Турками еще болѣе укрѣпили въ нихъ эту надежду, а потому нисколько не удивительно, что вліяніе Россіи на юговостокъ Европы сдѣлалось преобладающимъ, что только въ ней одной населенія Балканскаго полуострова видѣли свою покровительницу и взывали къ ней въ тяжелыя минуты.

Хотя мы не имѣемъ задачей представить читателямъ описаніе послѣдовательнаго хода событій, совершившихся на Балканскомъ полуостровѣ до возникновенія настоящаго возстанія, но напомнить имъ, что первая дѣйствительная помощь, оказанная христіанскимъ подданнымъ Турціи, была подана Россіей, сочли нелишнимъ, тѣмъ болѣе что государства западной Европы уже и тогда завистливо относились къ блестящимъ успѣхамъ Русскихъ на Востока. Но остановить Россію на ея пути державы не имѣли возможности: Англія была озабочена волненіями въ ея американскихъ колоніяхъ, стремившихся завоевать себѣ независимость; Франція была потрясаема внутренними смутами, разразившимися грознымъ революціоннымъ движеніемъ; Австрія и Пруссія безмолвно покорялись необходимости бездѣйствовать, надѣясь притомъ обрѣсти долю въ трофеяхъ побѣдителей. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что именно со времени заключенія Кучук-Канарджійскаго мира возникъ антагонизмъ западной Европы къ Рос-

сіи по восточнымъ дѣламъ, приведшіи первую въ 1854 году къ постыдному союзу съ полумѣсяцемъ противъ креста.

18-го (30-го) марта 1856 года подписанъ въ Парижѣ договоръ, прекратившій такъ называемую «Восточную войну». Цѣль Европы была достигнута: стремленіямъ и успѣхамъ Россіи поставленъ предѣлъ, а вліянію ея на балканскихъ христіанъ нанесенъ чувствительный ударъ. Но улучшилось ли отъ этого положеніе этихъ послѣднихъ? Болѣе двадцати лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, и кто рѣшится утверждать, что въ этотъ долгій періодъ времени уврачевались глубокія раны злополучной райи? Напротивъ, настоящее возстаніе краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что участь ихъ нисколько не улучшилась, что тѣ же несправедливости, тѣ же насилія, грабежи и убійства безнаказанно совершаются фанатическими Турками.

Парижскій трактатъ 1856 года допустилъ Турецкую имперію въ семью европейскихъ державъ, обезпечивая ея «цѣлость и независимость», — лишь подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы она прочно улучшила положеніе своихъ христіанскихъ подданныхъ, оградила ихъ отъ грубаго произвола турецкихъ властей. Въ минуты опасности, Порта никогда не скупилась на обѣщанія: она съ радостію ухватилась за поданный ей якорь спасенія и еще 10 февраля 1856 года былъ изданъ султаномъ Абдул-Меджидомъ фирманъ, которымъ подтверждались всѣ привилегіи, дарованныя его предшественниками христіанамъ, и устанавливалось полноправіе между лицами всѣхъ вѣроисповѣданій, разрѣшалось даже допускать христіанъ, наравнѣ съ мусульманами, къ занятію должностей на государственной службѣ, имѣть представителей въ государственномъ совѣтѣ. И какихъ еще щедрыхъ и богатыхъ милостей не возвѣщала христіанамъ этотъ пресловутый фирманъ. Онъ сулилъ имъ: открытіе повсемѣстно народныхъ учи-

лицъ, введеніе особаго судопроизводства, не стѣсненнаго постановленіями Корана, изданіе соотвѣтствующихъ сему законоположеній на всѣхъ употребительныхъ въ имперіи языкахъ, дарованіе права пріобрѣтать недвижимыя собственности и владѣть ими, допущеніе къ отбыванію воинской повинности съ правомъ повышенія въ чинахъ, введеніе реформъ въ управленіяхъ: тюрьмами, полиціей и провинціями; измѣненіе кредитной и монетной системъ, сообразно съ духомъ европейскихъ учреждений, развитіе торговли на широкихъ, свободныхъ началахъ во всѣхъ ея видахъ, улучшеніе путей сообщенія.

IX статья Парижскаго трактата 1856 года съ подобающимъ подобострастіемъ указываетъ на этотъ фирманъ, усиливаясь убѣдить, что онъ представляетъ прочный залогъ будущаго благоденствія христіанскихъ подданныхъ султана. Но едва ли дипломаты, подписавшіе Парижскій договоръ, вѣрили сами въ возможность практическаго примѣненія обѣщанныхъ фирманомъ реформъ. Нѣтъ, они хорошо знали, что благодѣянія, возвѣщенные султаномъ, ничто иное какъ громкія фразы, — что Порта и на этотъ разъ блистательно докажетъ справедливость пословицы: *«promettre et tenir sont deux!»* Но имъ нуженъ былъ этотъ фирманъ для успокоенія общественнаго мнѣнія и совѣсти Европы, для представленія доказательства, — хотя кажущагося, — что конференція достигла мирнымъ путемъ того, чего Россія добивалась силою оружія... И цѣль эта была достигнута: Европа успокоилась, повѣривъ на слово дипломатів, — и только позже, когда стали доходить до нея слухи, что «ни одно» изъ благодѣяній, возвѣщенныхъ султанскимъ фирманомъ 10 февраля 1856 года, не получило практическаго примѣненія, — что положеніе балканскихъ христіанъ не только не улучшилось, а напротивъ, ухудшилось.

стали раздаваться голоса, разоблачавшіе печальную истину!.. Даже и теперь, когда несостоятельность Парижскаго трактата 1856 года вполне доказана и въ немъ допущены многочисленные измѣненія, друзья Турціи еще опираются на него, чтобы сохранить «цѣлость и независимость Турецкой имперіи», необходимыя, по ихъ мнѣнію, для противодѣйствія вновь возрастающему вліянію Россіи на юго-востокъ Европы и для воспрепятствованія осуществленію какихъ-то завоевательныхъ ея цѣлей.

Парижскій трактатъ *de facto* давно нарушенъ — и прежде всего самою Портою, не исполнившею ни единаго изъ своихъ обѣщаній; пусть же она одна и несетъ на себѣ всю тяжесть своей вины, какъ передъ Европою, довѣріемъ которой она долго и нагло злоупотребляла, такъ и передъ христіанскими своими подданными, которыхъ она довела несправедливостью, притѣсненіями и жестокостями до возмущенія! Дни имперіи Османовъ сочтены и никакія ухищренія друзей не спасутъ ея отъ неизбѣжной гибели!

Не приступая еще къ описанію событій, вызвавшихъ настоящее возстаніе въ Герцеговинѣ, считаемъ нелишнимъ предварительно ознакомить читателей съ этою провинціею, обращающею на себя теперь общее, напряженное вниманіе; сообщаемъ съ этою цѣлью краткія о ней свѣдѣнія какъ въ этнографическомъ, такъ въ географическомъ и политическомъ отношеніяхъ.

Пространство, занимаемое Герцеговиною, опредѣляется приблизительно въ 264 квадратныя мили; съ 1865 года она вошла въ составъ Боснійскаго вилایета (генерал-губернаторства), а резиденція ея мутесаррифа (губернатора) находится въ Мостарѣ. Въ административномъ отношеніи она дѣлится на десять округовъ: Требинье, Билгекъ, Гацко, Ник-

шпичь, Мостарь, Невесинье, Замье, Ракитна, Соплинъ и Столаць. Водораздѣлъ между Далмаціей и Герцеговиной составляетъ рядъ параллельныхъ горныхъ цѣпей, именуемыхъ Динарскими альпами; онѣ тянутся по странѣ въ юго-восточномъ направленіи до горы Войникъ въ Черногоріи, а высшія ихъ точки, Сутисса и Воловьякъ, достигаютъ высоты въ 6,000 футовъ. Эти параллельныя горныя цѣпи пересѣкаются множествомъ поперечныхъ, что придаетъ Герцеговинѣ вполне суровый, дикій характеръ; известковая же почва горъ, обильно поглощая воду, то высасываетъ ее изъ горныхъ ручьевъ подъ землю, то выбрасываетъ наружу новыми бурными потоками. Въ Герцеговинѣ встрѣчаются лишь хвойныя лѣса, а нѣсколько бѣльшая растительность замѣтна только въ долинахъ съ наносною землею. Изъ рѣкъ значительны двѣ: Нарента и Дрина; первая есть главная артерія страны. Вытекая на юго-востокъ отъ Мостара, она у Габеллы протекаетъ черезъ границу Австріи и затѣмъ впадаетъ въ море. Ниже Мостара теченіе ея становится значительно медленнѣе отъ накопившагося песку и ила, скопленіе которыхъ бываетъ порой такъ велико, что рѣка разливается и затопляетъ берега. Климатъ въ Герцеговинѣ, вслѣдствіе быстрыхъ переходовъ отъ жаровъ къ холоду, — вообще нездоровый, порождающій лихорадки, весьма трудно излечиваемыя. Только въ восточной части страны, защищенной горами, видны слѣды земледѣлія, весьма впрочемъ скуднаго: разводятся маисъ, конопля и ленъ; плодовые деревья, — въ особенности сливы и яблони, — а также табачныя плантаціи только и встрѣчаются тамъ. Зато скотоводство находится повсемѣстно въ хорошемъ положеніи; преимущественно разводятся свиньи, любимымъ кормомъ которыхъ, каштанами, избилуютъ лѣса; шетина же составляетъ главнѣйшій предметъ торга съ Далмаціей.

Замѣчательныхъ городовъ два: Мостарь и Требинье. Названіе перваго происходитъ отъ древняго каменнаго моста, соединяющаго берега рѣки Наренты: *Мостъ старъ*; второй былъ нѣкогда столицею Герцеговины. Городъ этотъ лежитъ въ долинѣ, при соединеніи рѣчки Требинки съ ручьемъ Макро, въ разстояніи около 2 миль отъ Черногоріи и округа Рагузы. Старинныя укрѣпленія Требинья состоятъ изъ зубчатыхъ стѣнъ, съ башнями по угламъ, которыя однако же не могутъ защитить отъ нападенія войска, имѣющаго хорошую артиллерію. Какъ крѣпость, Требинье неоднократно играло немаловажную роль и часто было добычей побѣдителей: въ 1463 г. городъ былъ взятъ Магометомъ II, а въ 1649 г. Венеціанцами. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что географическое положеніе Требинья имѣетъ немаловажное стратегическое значеніе, увеличивающееся близостію морскаго берега, Черногоріи и Далмаціи, дороги изъ которыхъ скрещиваются неподалеку отъ города. Какъ въ Мостарѣ, такъ и въ Требинѣ насчитываютъ до 10,000 жителей въ каждомъ. Всѣхъ жителей въ Герцеговинѣ до 270,000 человекъ; изъ нихъ 170,000 православныхъ, 42,000 католиковъ, а остальное населеніе провинціи — магометане, но не чистокровные Турки, а прежніе христіане, купившіе себѣ благосостояніе цѣною перехода въ исламъ. Во всей Герцеговинѣ нѣтъ даже ни одной деревни, исключительно населенной Турками: христіане повсемѣстно живутъ вмѣстѣ съ мусульманами, и это — непосредственное сосѣдство поработителей съ поработенными искони служило къ возбужденію алчности и грубаго, жестокаго обхожденія въ средѣ первыхъ и жажды мести со стороны послѣднихъ.

По вѣроисповѣданію Турки составляютъ въ Герцеговинѣ три мусульманскія общины, управляющіяся «муфтїями», пре-

бывающими въ Мостарѣ, Требиньѣ и Фочѣ. Постоянная резиденція православнаго митрополита—Мостарь; но у него есть въ иныхъ мѣстахъ нѣсколько дворцовъ, въ которыхъ онъ также проживаетъ подолгу. Вліяніе митрополита и православныхъ священниковъ на ихъ паству весьма велико и несомнѣнно превышаетъ вліяніе католическаго духовенства, состоящаго большею частію изъ францисканскихъ монаховъ, подъ главнымъ управленіемъ епископа мостарскаго. Католическія селенія встрѣчаются преимущественно въ Столацкомъ и Требиньскомъ округахъ, Любушкѣ, Коньѣ и Дубно. Турки предпочтительно живутъ въ городахъ, занимаясь ремеслами и торговлей, если только они не аги или беги. Последніе вовсе не работаютъ и выжимаютъ сокъ изъ другихъ, считая это своимъ неотъемлемымъ правомъ. Образованіемъ не отличаются зажиточные классы отъ подвластныхъ имъ. Сынъ самаго могущественнаго бега растетъ также дико и необузданно, какъ и сынъ бѣднѣйшаго пастуха, а когда впоследствии становится самъ владѣтельнымъ бегомъ, то полученное имъ воспитаніе приноситъ свои плоды: его грубость проявляется даже рѣзче, ибо опирается на сознаніе силы. Христіане населяютъ деревни, занимаются и живутъ хлѣбопашествомъ.

Земля въ Герцеговинѣ составляетъ исключительную собственность беговъ и агъ. Крестьянинъ-христіанинъ, или «райя», живетъ на ней только въ качествѣ арендатора, но отнюдь не въ европейскомъ смыслѣ этого слова; обрабатывая землю на свой страхъ, онъ не можетъ считать произведенія ея своею собственностію. Половину или треть жатвы онъ долженъ свезти владѣльцу и уплатить кромѣ того всѣ подати, наложенныя на землю и на сельскія произведенія, внести десятину и наконецъ отбыть, по требованію хозяина, барщину. Всѣ невзгоды выпадаютъ на него,—всѣ выгоды предоставлены владѣльцу. Та-

кимъ образомъ, единственные землевладѣльцы въ Герцеговинѣ—беги и аги. Гдѣ райя не сумѣлъ уговориться со своимъ господиномъ относительно опредѣленной, ежегодной доли, которую онъ долженъ ему отдавать, тамъ бегъ самъ является въ деревню и снова оцѣниваетъ жатву, назначая по произволу цифру податей. Всѣ увѣренія райи, что онъ не въ состояніи платить требуемаго—ни къ чему не ведутъ; протестъ ведетъ за собою только большее притѣсненіе, а подчасъ и тюремное заключеніе. Если же требованія такого феодала оказываются ужъ черезчуръ большими или направленными къ райямъ цѣлой деревни, то последніе берутся за оружіе, выгоняютъ бега и его слугъ изъ деревни и по крайней мѣрѣ на нѣсколько дней добываютъ себѣ покой; но рано или поздно бегъ снова является въ сопровожденіи большаго числа слугъ, а иногда и отряда запѣтievъ (жандармовъ).

Райя не имѣетъ никакого ручательства, что его не прогонять съ поля, которое онъ обработалъ; обязательныхъ контрактовъ не существуетъ, и если ага находитъ, что его доля въ жатвѣ мала, или если онъ имѣетъ какую либо причину быть недовольнымъ, то можетъ попросту выгнать райю изъ его хижины. Вслѣдствіе произвола въ этомъ отношеніи былъ издавъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ законъ, которымъ воспрещалось агамъ отпускать крестьянъ до убора жатвы, а райямъ дозволялось по окончаніи полевыхъ работъ искать себѣ новаго господина. Но постановленіе это осталось до послѣдняго дня только на бумагѣ; первой его части аги вовсе не думали исполнять; что же касается второй, то хотя райя никто не мѣшаетъ въ случаѣ сильныхъ притѣсненій искать другаго господина, но благодаря стачкѣ между послѣдними, было бы чудомъ найдти такого. Тщетно бродить по цѣлымъ недѣлямъ горемычный отъ одного двора къ другому,

пока голодъ не заставитъ его вернуться къ прежнему мучителю, и онъ считаетъ себя вполне счастливымъ, если будетъ принятъ на прежнихъ условіяхъ.

Еслибы въ Герцеговинѣ имѣли силу законъ и право, то подати должны были бы оплачиваться землевладѣльцами, такъ какъ львиная часть доходовъ страны поступаетъ въ ихъ пользу. На дѣлѣ же выходитъ не такъ: государственныя подати выплачиваются не землевладѣльцемъ, а райей, и не только за ту половину жатвы, которая остается ей, но и за ту, которая поступаетъ въ пользу бега и аги. Изъ Бонстантинополя не разъ пытались положить конецъ этому вопіющему злу; выставлялся даже принципъ, что въ отношеніи уплаты податей, Турки должны быть поставлены въ одинаковыя условія съ христіанами,—но безуспѣшно. Когда же въ 1849 году было серьезно приступлено къ привлеченію герцеговинскихъ Турокъ къ отбыванію податей, они возстали противъ правительства. Нѣсколько недѣль происходила борьба и подъ конецъ не только все осталось постарому, но на христіанъ были возложены еще новые налоги, для покрытія издержекъ, вызванныхъ войною.

Какъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ, такъ и теперь, райя остается безъ всякихъ правъ. Гатти-шерифъ Гюльхане, правда, поставилъ его въ социальномъ отношеніи наравнѣ съ Турками,—но несмотря на то, райя не можетъ занимать никакой должности, — его свидѣтельство противъ Турка на судѣ не принимается и никто во всей странѣ не выслушаетъ его жалобы. Дѣленіе судебныхъ округовъ видимо неправильно: мостарскій кади творитъ судъ и въ Требинскомъ округѣ, судьямъ котораго подсудно населеніе изъ окрестностей Мостара и другихъ западныхъ и сѣверныхъ мѣстностей. Такъ и кажется, что цѣль подобнаго дѣленія заключалась

только въ томъ, чтобы лишить христіанина возможности обратиться къ кади безъ затраты времени и денегъ: вотъ какова система турецкаго правосудія.

Необъяснимую, рѣзкую противоположность съ рабскимъ положеніемъ райи составляютъ его внѣшній видъ и осанка. Атлетическое тѣлосложеніе, такъ часто встрѣчаемое въ Черной Горѣ, не рѣдкость и здѣсь. Съ невозмутимымъ спокойствіемъ держитъ себя герцеговинскій крестьянинъ; черты лица его выразительны и благородны, а цвѣтъ его кожи, темный отъ постоянного пребыванія на вѣтру и непогодѣ, вполне гармонируетъ съ его остальной наружностью. Безъ преувеличенія можно сказать, что почти всѣ мужчины въ Герцеговинѣ красавцы; движеніе и осанка ихъ служатъ доказательствомъ, что они сознаютъ это. Гораздо рѣже можно встрѣтить въ странѣ красивыхъ женщинъ, по крайней мѣрѣ въ зрѣломъ возрастѣ. Условія климата, суровый образъ жизни и масса тяжелыхъ лишеній приводятъ къ тому, что дикая, можно сказать, жгучая красота герцеговинскихъ дѣвушекъ исчезаетъ безслѣдно по достиженіи ими совершеннолѣтія: большинство женщинъ въ двадцать, много въ двадцать пять лѣтъ, кажутся на видъ пятидесятилѣтними. Одежда мужчинъ какъ бы нарочно приспособлена для того, чтобы выказать пластическую красоту ихъ тѣлосложенія. Только основной характеръ національнаго костюма остается во всей странѣ неизмѣннымъ; въ частности же, въ покроѣ, въ цвѣтѣ и въ родѣ матеріи, онъ различенъ почти въ каждомъ округѣ. На головѣ герцеговинецъ носитъ обыкновенно красную шапку; верхнее платье состоитъ изъ цвѣтнаго доломана, или бѣлаго широкаго сюртука; ноги одѣты въ широкія штаны или плотно обвернуты сукномъ, при чемъ икры остаются голыми; такъ называемыя «панки» изъ куска грубой кожи, слу-

жать обувь. Необходимая принадлежность каждого герцеговинца—широкий кожаный ремень, надѣваемый через правое плечо: на немъ виситъ торба, въ которой лежатъ съѣстные припасы, инструменты и прочее; онъ не снимаетъ этой торбы даже тогда, когда въ одной рубашкѣ трудится надъ обработкой своего поля. Кисть и сѣтка торбы у католиковъ красныя, у православныхъ голубыя. Болѣе или менѣе богатое оружіе довершаетъ туалетъ взрослого герцеговинца. Одежда женщинъ очень проста: она обыкновенно состоитъ изъ единственнаго куска грубой холстины, стягиваемой у пояса. Цѣнныхъ украшеній герцеговинскія женщины не носятъ; лишь изрѣдка встрѣчается своеобразный головной уборъ, въ родѣ легкой, металлической короны, увѣшанной серебрянными монетами.

По свидѣтельству англичанина Эванса, котораго, конечно, никто не заподозритъ въ пристрастіи къ Славянамъ,—Турки первые начали войну. Эвансъ путешествовалъ по славянскимъ землямъ въ то время, когда вспыхнуло возстаніе, и рассказъ его, почти тождественный съ сообщеніемъ корреспондента газеты «Allgemeine Zeitung» изъ Цетинья отъ 12 іюля 1875 года, представляетъ дѣло въ слѣдующемъ видѣ: Урожай 1874 года былъ въ Герцеговинѣ до того плохъ, что едва могъ удовлетворять потребностямъ населенія, а о продажѣ излишка не могло быть и рѣчи; сборщики податей хорошо это знали и умышленно не произвели своевременной оцѣнки сбора хлѣба. Явись въ январѣ 1875 года, по совершенной уборкѣ жатвы, они цѣнили ее наглядно, конечно, гораздо выше дѣйствительной стоимости; когда же жители отозвались неимѣніемъ денегъ для уплаты налога, то сборщики принялись выжимать послѣдній грошъ, выпустивъ на нихъ съ этой цѣлью цѣлую свору злыхъ

ищеекъ, своихъ запѣвъ; доведенные до отчаянія, жители обратились съ жалобой къ мѣстному каймакаму, который не только не удовлетворилъ ихъ, но еще пригрозилъ имъ наказаніемъ. Тогда большинство населенія разбѣжалось: одни укрылись въ Черногоріи, другіе съ пожитками и уцѣлѣвшимъ скотомъ ушли въ горы, третьи перешли въ Австрію. Въ проѣздъ императора Франца Іосифа по Далмаціи, находившіеся тамъ герцеговинцы подали ему просьбу, моля о защитѣ. Императоръ переслалъ просьбу ихъ султану, который повелѣлъ произвести слѣдствіе, не обнаружившее однако истины, — такъ какъ имъ руководствовалъ самъ «вали». Затѣмъ, вали сталъ приглашать герцеговинцевъ, укрывшихся въ Черногоріи, возвратиться, ругаясь за ихъ безопасность; но лишь только они вступили на родную землю, какъ по его приказанію въ нихъ стали стрѣлять. Немногихъ, добравшихся до Невесинья, кололи и рѣзали тамъ безщадно и безнаказанно! Этотъ безчестный и безчеловѣчный поступокъ Дервиш-паши былъ причиною, что Славяне вновь ушли въ горы; мѣстные же мусульмане, предводимые однимъ бегомъ, бывшимъ откупщикомъ податей, силою ворвались въ казенный арсеналь и разобрали ружья. Это было началомъ междоусобной войны: очевидно, что она вызвана не христіанами, а мусульманами, колотившими какъ скотину всѣхъ, кто не успѣлъ уйти изъ Невесинья. Чтобы остановить разбойниковъ, Славяне спустились съ горъ, а паша прислалъ въ помощь убійцамъ два баталіона солдатъ. Видя это, жители сосѣднихъ деревень вступились за братій и взялись за оружіе.

Такихъ ли результатовъ ожидала Европа отъ Парижскаго трактата 1856 года, сулившаго «monts et merveilles» балканскимъ христіанамъ, по смыслу султанскаго фирмана 10

февраля того же года? Какое тяжелое, горькое разочарование пришлось ей испытать!..

Хотя Турция и ея друзья усиленно старались и еще стараются убѣдить, что причиной возстанія была религіозная рознь, господствующая искони между христіанскимъ и магометанскимъ населеніемъ обѣятой мятежемъ мѣстности, а также происки агитаторовъ, никогда не отрѣшавшихся будто бы отъ надежды на «сверженіе ига», — но никто, конечно, не давалъ этому вѣры. Жестокости турецкой администраціи, гнетъ и вымогательства со стороны беговъ землевладѣльцевъ, у которыхъ христіане вынуждены были арендовать земли, не имѣя сами права владѣть таковыми, — вотъ что заставило ихъ взяться за оружіе. Это подтверждается также тѣмъ, что не только католическое населеніе Столанскаго округа, всегда относившееся къ своимъ православнымъ землякамъ едва ли не враждебнѣе Турокъ, но даже и сами мусульмане протестовали противъ тяжести налоговъ и распространяли листы для сбора подписей подъ прошеніе на имя султана. «Отмѣна непомерныхъ налоговъ и дарованіе общечеловѣческихъ правъ», — вотъ первоначальный лозунгъ настоящаго возстанія, вполне оправдываемый тѣмъ, что турецкое правительство, владѣя почти четыреста лѣтъ страной, не сумѣло водворить въ ней ни правосудія, ни уваженія къ законамъ: оно само вынуждало жителей искать защиты или въ оружіи, или въ бѣгствѣ и поощряло своихъ агентовъ прибѣгать къ самымъ возмутительнымъ средствамъ, для высканія съ райи наибольшаго количества денегъ. Мы уже знаемъ, что подати, платившіяся герцеговинцами, были непомерно велики, даже въ сравненіи съ тѣмъ, что платятъ жители наиболѣе благоустроенныхъ европейскихъ государствъ, несмотря на то, что Герцеговина край далеко не богатый.

Клочекъ скудной земли, арендуемый у турецкаго собственника, да тощее стадо овецъ и свиней, — вотъ все достояніе злополучнаго пахара! Взятънъ же непосильной для него уплаты податей, онъ не получалъ ничего, такъ какъ въ странѣ нѣтъ удобныхъ путей сообщенія, нѣтъ даже и тѣни правосудія! А между тѣмъ герцеговинецъ долженъ былъ внести въ казну султана сначала десятую, а потомъ двѣнадцатую часть своего дохода; за каждую голову своего стада платить до 12 копѣекъ; за увольненіе отъ воинской повинности на всю жизнь, отъ рожденія до смерти, ежегодно около 2 рублей, хотя бы вовсе не могъ держать въ рукахъ оружія. Изъ шести родовъ податей, Турки несли сообща съ христіанами только три, именно: десятинную, домовую и поземельную, около 5 р. 50 к. съ дома, и еще налогъ на содержаніе чиновниковъ, около 11 рублей. Исключительно же на долю христіанъ приходились слѣдующія подати: за право куренія водки, приготавливающейся обыкновенно домашнимъ способомъ, по 1 р. 15 к. съ дома; за откормленіе и убой свиней по 25 к. съ головы. Кромѣ того, съ нихъ брали пошлины со стоимости предметовъ вывоза одинъ процентъ, а съ предметовъ ввоза семь процентовъ, тогда какъ магометане платили три, а иностранцы пять процентовъ. Соль, табакъ и производства горнозаводства облагались акцизомъ, равняющимся одной трети барыша!

Что настоящее возстаніе съ самаго начала, т. е. съ первыхъ чиселъ іюля 1875 года, приняло грозное направленіе, доказывается непомерною быстротою его развитія; въ нѣсколько дней почти вся нижняя часть Герцеговины, прилегающая къ черногорской границѣ, оказалась обѣятою пламенемъ пожара и собрался «Центральный комитетъ для освобожденія райи», уже 31-го іюля обнародовавшій прокламацію

къ жителямъ, призывавшую ихъ къ повсемѣстному возстанію противъ вѣковыхъ притѣснителей и мучителей. Наконецъ мѣстности, гдѣ произошли первыя схватки инсургентовъ съ турецкими войсками, свидѣлствуютъ, что движеніе сразу охватило очень значительное пространство. Габелла находится на самой австрійской границѣ, Столаць значительно сѣвернѣе, на притокѣ Наренты, ближе къ Мостару; Невесинье расположено еще далѣе къ Босніи, между тѣмъ какъ Требинье почти примыкаетъ съ юга къ черногорской границѣ. Очевидно, что не три-четыре деревни, — какъ утверждали турецкія власти, — взяли за оружіе!

Какъ уже выше сказано, первыя схватки инсургентовъ произошли съ бегами и собранными ими толпами мѣстнаго магометанскаго населенія. Эти беги и ихъ слуги баши-бузукки неистовствовали самымъ ужаснымъ образомъ: грабили, жгли, истязали и рѣзали безщадно. Старцы, жены и дѣти вынуждены были искать спасенія въ бѣгствѣ и укрылись частью въ Далмаціи, частью въ Черногоріи; мужчины, способные къ бою, собрались бандами въ дикихъ, неприступныхъ горныхъ ущельяхъ, на сѣверной границѣ.

Вѣсть о возстаніи въ Герцеговинѣ и о неистовствахъ беговъ и собранныхъ ими баши-бузуковъ застигла Дервишпашу, генералъ-губернатора Босніи, совершенно врасплохъ, такъ какъ численность войска, которымъ онъ могъ располагать, едва доходила до 4,000 человекъ, составлявшихъ гарнизоны Сераева, Баньялуки, Травника и другихъ укрѣпленныхъ пунктовъ. Наскоро стянувъ эти войска, паша направилъ ихъ къ Мостару, очевидно имѣя въ виду энергически подавить возстаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ положить конецъ буйству беговъ и баши-бузуковъ; для пополненія же боснійскихъ гарнизоновъ, онъ распорядился созвать тамешнихъ редифовъ.

наибольшее число которыхъ могло доставить контингентъ въ 6,000 человекъ.

Одновременно съ посылкою войска, Дервиш-паша издалъ слѣдующую прокламацію къ инсургентамъ:

«Во имя Бога и пророка, я, Дервиш-паша, по желанію моего повелителя султана, вали Босніи и Герцеговины, повелѣваю, чтобы всѣ, поднявшіе оружіе противъ отеческаго правленія падишаха, возвратились къ миру. Вы не будете обезпокоены, за исключеніемъ тѣхъ, кои виновны въ нападеніи на лица или въ нарушеніи общественнаго спокойствія. Кроме того, я повелѣваю, чтобы всякій встрѣченный съ оружіемъ внутри подвѣдомственной мнѣ области былъ приведенъ ко мнѣ. Я даю сроку три дня, въ теченіе которыхъ надѣюсь, что всѣ приверженцы партій возвратятся домой и обсудятъ дѣло благоразумно. По прошествіи же этого срока, терпѣнію моему будетъ граница. Кто окажется виновнымъ въ неприязненныхъ дѣйствіяхъ противъ войскъ или допустить что либо подобное, тотъ подпадетъ силѣ военнаго права. Пусть возставшіе открыто представятъ свое положеніе, а люди мудрые, духовенство и власти посовѣтуютъ имъ умѣренность и миръ».

Парламентаръ, посланный съ этимъ воззваніемъ къ инсургентамъ, словесно общалъ имъ кромѣ того полную амнистию, безъ всякихъ ограниченій или исключеній, отмѣну уплаты податей въ теченіе года, пониженіе размѣра таковыхъ на будущее время и удаленіе изъ провинціи непопулярныхъ комиссаровъ. Но всѣ попытки къ примиренію оказались тщетными: инсургенты положительно отвергли сдѣланныя имъ предложенія, говоря, что по опыту знаютъ, насколько заслуживаютъ довѣрія обѣщанія турецкихъ властей, даваемые ими въ минуты опасности. Комиссарамъ же Порты Гассан-

Эдиб-пашѣ и Констан-эфенди, присланнымъ для переговоровъ, инсургенты отвѣтили тѣмъ, что «по древнему, торжественному обычаю», отрубили головы шести мусульманамъ, убитымъ при разграбленіи транспорта съ товарами. Затѣмъ вздѣвъ головы на копья, они носили ихъ съ торжествомъ по сосѣднимъ мѣстностямъ, приглашая жителей къ возстанію: живѣйшее сочувствіе было встрѣчено ими повсемѣстно. Тогда комиссары отъ 16 іюля телеграфировали въ Константинополь, что миссія ихъ не имѣла успѣха, что возстаніе охватило всю страну между Мостаромъ и австрійскою границей со стороны Рагузы, что инсургенты угрожаютъ смертью и пожаромъ всѣмъ, кто не присоединится къ ихъ дѣлу. Въ заключеніе комиссары настаивали на необходимости скорѣйшей присылки войска.

Въ началѣ Порты очевидно не придавала возстанію въ Герцеговинѣ серьезнаго значенія; но донесенія Дервиша-паши и комиссаровъ, настоятельно требовавшихъ присылки войскъ, убѣдили ее наконецъ, что медлить долѣе нельзя. Неудачи Селима-паши въ битвахъ при Невесинѣ, Добро, Габелѣ и Столацѣ и вѣсть, что инсургенты обложили Требинье, предметъ котораго ими сожжены, произвели въ Константинополь крайне тяжелое впечатлѣніе; рѣшено было немедленно направить на театръ дѣйствій значительныя силы изъ различныхъ провинцій. Вѣсть съ тѣмъ, Порты заявила европейскимъ державамъ, что она намѣрена принять самыя энергическія мѣры для подавленія возстанія и не остановится даже передъ военнымъ занятіемъ Сербіи и Черногоріи, такъ какъ, по ея мнѣнію, оба княжества въ тайнѣ поддерживаютъ инсургентское движеніе. Эта послѣдняя мѣра, конечно, ни въ какомъ случаѣ не могла быть одобрена правительствами Европы, такъ какъ усилія князей сербскаго и черногорскаго

не допустить своихъ подданныхъ до открытаго вооруженнаго вмѣшательства были извѣстны всѣмъ, а потому, вслѣдъ за заявленіемъ Порты, и какъ бы въ отвѣтъ на таковое, произошло въ Вѣнѣ совѣщаніе австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ графа Андраши съ послами Германіи и Россіи и достигнуто полное соглашеніе относительно политики, которой должно слѣдовать, въ виду все болѣе и болѣе усиливающагося возстанія въ Герцеговинѣ. Признавъ, что интересы, какъ Австро-Венгріи, такъ и другихъ державъ, заключаются въ возможно-скорѣйшемъ возстановленіи спокойствія въ возмущившихся мѣстностяхъ, послы гарантировали поддержку совѣтовъ вѣнскаго кабинета въ Константинополь со стороны своихъ правительствъ, рѣшившихся охранять «statum quo» на Востокѣ и уже сообщившихъ инсургентамъ, чтобы они отнюдь не надѣялись на какую-либо поддержку со стороны Европы.

Какъ ни безсердечно можетъ казаться съ перваго взгляда подобное отношеніе христіанскихъ правительствъ къ невыносимымъ страданіямъ возставшей райи, — но оно представляется неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того ненормальнаго положенія дѣлъ, которое создано условіями Парижскаго трактата 1856 года, направленнаго преимущественно противъ Россіи и ея обладающаго вліянія на Востокѣ. Считаемъ умѣстнымъ бросить бѣглый взглядъ на мотивы, руководящія политикою Европы всякій разъ, когда возникаетъ такъ называемый Восточный вопросъ, въ которомъ наиболѣе заинтересованными державами несомнѣнно представляются: Англія, Австрія и Россія.

Выше уже было сказано, что со времени Кучук-Канард-жійскаго мира возникъ серьезный антогонизмъ западной Европы противъ Россіи. Съ тѣхъ поръ рядъ громкихъ побѣдъ,

одержанных русскими войсками надъ турецкими полчищами, территориальныя приобретения Россіи, усиленіе ея нравственнаго вліянія на балканскихъ единовѣрцевъ и страхъ, внушаемый мощью молодой сѣверной державы,—постоянно усиливали зависть и возбуждали недоувѣріе къ ней Европы, усвоившей убѣжденіе, что Россія стремится присоединить къ своимъ владѣніямъ Балканскій полуостровъ, овладѣть Константинополемъ, Босфоромъ, Дарданеллами и остальными водами, соединяющими Черное море съ Средиземнымъ. Несмотря на очевидную несостоятельность такого предположенія, ничто и до сихъ поръ не можетъ убѣдить общественное мнѣніе, что не эти цѣли преслѣдуются Россіей, а что единственное ея желаніе заключается только въ томъ, чтобы прочно устроить судьбу своихъ балканскихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ и тѣмъ навсегда устранить причины непрерывныхъ тревогъ и опасеній, крайне вредно вліяющихъ не только на ея собственное промышленное и финансовое благосостояніе, но и всей вообще Европы.

Подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ грознаго призрака русскаго владычества на юго-востокѣ Европы, дипломатія западныхъ державъ изобрѣла принципъ «сохраненія цѣлости и независимости» Турецкой имперіи и ввела его въ основу Парижскаго трактата 1856 года, безжалостно принеся ему въ жертву будущую судьбу христіанскихъ подданныхъ Турціи. Честь измышленія этого негѣпаго принципа безспорно принадлежитъ Англіи: въ немъ она видѣла и къ сожалѣнію видѣть еще и теперь единственную возможность поставить непреодолимую преграду завоевательнымъ стремленіямъ «сѣвернаго колосса». Въ сущности, Англіи нѣтъ никакого дѣла до Турціи и она съ полнымъ равнодушіемъ отнеслась бы къ изгнанію Турокъ изъ Европы, но ее страшитъ мысль, что

Россія, имѣя неотъемлемыя права на наслѣдство послѣ нихъ, можетъ въ такомъ случаѣ утвердиться на Босфорѣ. Поэтому вопросъ о сохраненіи цѣлости и независимости Турціи считается англійскимъ правительствомъ и Англійскою націею жгучимъ вопросомъ ея жизненныхъ интересовъ. Безусловно и безраздѣльно владѣть кратчайшимъ воднымъ путемъ въ Индію черезъ Суэзскій каналъ—вотъ конечная цѣль, которой домогается Англія, и для достиженія ея она не остановится ни передъ какими жертвами: она доказала это въ 1854 году, возбудивъ противъ Россіи коалицію и включивъ въ IX статью Парижскаго трактата условіе, которымъ европейскія державы обязались ни отдѣльно, ни сообща не вмѣшиваться во взаимныя отношенія султана съ его подданными и не принимать участія въ дѣлахъ, относящихся къ внутреннему управленію Турецкой имперіи... Ревниво охраняя ненарушимость статей, обусловленныхъ ея излюбленнымъ дѣтищемъ, Парижскимъ трактатомъ, Англія постоянно готова видѣть въ проявленіи сочувствія европейскихъ державъ къ бѣдствіямъ злополучной райи явное посягательство на верховныя права султана и не задумается вновь ополчиться на ихъ защиту, не щадя ни крови своихъ сыновъ, ни громаднхъ капиталовъ. Въ преступномъ увлеченіи лишь своими собственными, матеріальными выгодами, Англія упорно не хочетъ даже сознать, что само турецкое правительство нарушило Парижскій трактатъ, не исполнивъ «ни одного» изъ обязательствъ, принятыхъ на себя фирманомъ 10 февраля 1856 года относительно улучшенія участи своихъ христіанскихъ подданныхъ и дарованія имъ общечеловѣческихъ правъ, въ которыхъ оно такъ долго, такъ безжалостно имъ отказывается.

Принципъ «цѣлости и независимости» Турецкой имперіи

встрѣчаетъ также весьма сильную поддержку со стороны Австро-Венгрии, хотя совершенно изъ иныхъ побуждений. «Искусственная» монархія Габсбурговъ состоитъ, какъ извѣстно, изъ различныхъ національностей, между которыми видное мѣсто по численности занимаютъ Славяне, горячо сочувствующіе своимъ братьямъ, томящимся подъ гнетомъ турецкаго ига. Всякое волненіе въ средѣ балканскихъ славянъ, всякая попытка ихъ сбросить съ себя это иго болѣзненно отзываются въ Австро-Венгрии, одинаково опасющейся какъ образованія на Балканскомъ полуостровѣ отдѣльных, автономныхъ славянскихъ государствъ, такъ и присоединенія къ себѣ какой-либо славянской провинціи Турціи. Усиленіе славянскаго элемента въ ея владѣніяхъ и перенесеніе ея центра тяжести на Востокъ—для Австріи несомнѣнно не желательны; а потому она постоянно отвергаетъ совѣты, даваемые ей въ этомъ смыслѣ ея услужливыми quasi-друзьями. Но не желая сама чѣмъ-либо воспользоваться при неизбѣжномъ дѣлѣжѣ наслѣдія «больнаго человѣка», Австро-Венгрія далека отъ мысли уступить могущую достаться ей долю Россіи, къ усиленію могущества которой она ни въ какомъ случаѣ равнодушно относиться не можетъ. Поставленная такимъ образомъ въ невыгодное, даже въ опасное положеніе, Австро-Венгрія признается многими «естественною союзницею» Англіи въ Восточномъ вопросѣ. Безусловно отвергать это мнѣніе конечно нельзя, точно также какъ нельзя сказать, чтобы оно было непреложно, хотя многое даетъ право заподозрить Австрію въ неискренности ея образа дѣйствій относительно Россіи, которую она охотно желала бы видѣть ослабленной. Притомъ въ послѣднее время политика Австро-Венгрии въ значительной степени подчинена вліянію Мадьяръ, которые въ объединеніи сербской народности предвидятъ возможность отпаденія

отъ Австріи Славянъ Кроаціи и Далмаціи и венгерскихъ Сербовъ. Мадьяры, вопреки самымъ чистымъ, святымъ принципамъ гуманности, ни на минуту не задумаются пожертвовать ненавистными имъ Славянами, для сохраненія цѣлости и независимости Турціи, къ которой, какъ увѣряютъ, влекутъ ихъ даже какія-то племенные симпатіи.

Стремленія и цѣли Россіи въ Восточномъ вопросѣ слишкомъ опредѣленны и ясны, чтобы утомлять читателей повтореніемъ того, о чемъ уже неоднократно было говорено въ настоящемъ разсказѣ. Она открыто, смѣло и неуклонно слѣдуетъ своему призванію на Востокъ, требуя, чтобы балканскимъ христіанамъ были дарованы и обеспечены гражданскія права и свобода, чтобы они перестали быть постоянными жертвами турецкаго неправосудія и жестокостей. Въ этомъ ей никто отказать не можетъ и все заставляетъ надѣяться, что близка уже минута, когда желанія Россіи осуществляются! «Для себя собственно Россія не желаетъ ничего, для своихъ же славянскихъ братьевъ—всего!» говорить «Journal des Débats» въ одной изъ статей своихъ, посвященныхъ Восточному вопросу; отрадно знать, что такая вѣрная оцѣнка дѣйствій Россіи сдѣлана газетою, постоянно отличавшеюся туркофильскими воззрѣніями.

Непосредственнаго, близкаго интереса въ восточныхъ дѣлахъ Франція никогда не имѣла, и если до 1870 г. принимала въ нихъ порой видное, даже дѣятельное участіе, то единственно вслѣдствіе иныхъ какихъ-либо соображеній... Такъ въ царствованіе императора Наполеона III она вовлечена была въ восточную войну стремленіями осуществить эгоистическія цѣли своего владыки, всеми средствами добивавшагося пріобрѣсти благорасположеніе Англіи. Эти усилія его послужили даже поводомъ къ произнесенію всѣмъ извѣстной, мѣткой фразы: «Napoleon III est l'agent de Palmerston à Versailles».

Крымская война не доставила Франціи никакихъ существенныхъ выгодъ, она напротивъ стоила ей громадныхъ жертвъ деньгами и людьми. Теперь Франція пришла къ убѣжденію, что она была только пособницею «de m-ts les Anglais» и лишь содѣйствовала имъ въ достиженіи ихъ цѣлей; горькій опытъ доказалъ Французамъ, что въ минуты опасности «коварный Альбіонъ» и не подумаетъ подать имъ руку помощи, но съ возмутительнымъ хладнокровіемъ отнесется къ ихъ бѣдствіямъ. Принципъ «цѣлости и независимости» Турецкой имперіи не имѣетъ для Франціи значенія—и ея настоящее правительство, хорошо понимая это, не дозволитъ вовлечь себя въ войну, не обещающую никакихъ особенныхъ выгодъ. Франція озабочена своими внутренними дѣлами, преобразованиемъ всѣхъ отраслей своего государственнаго строя; ей нуженъ миръ для того, чтобы окрѣпить и приготовиться къ другой, болѣе существенно важной для нея борьбѣ въ будущемъ, быть можетъ даже и не очень отдаленномъ. Но, во всякомъ случаѣ, Франція «великая» и притомъ «морская» держава. Она не можетъ совершенно безучастно относиться къ событіямъ, происходящимъ въ Европѣ, не можетъ также допустить непомернаго усиленія владычества Англіи на Средиземномъ и Красномъ моряхъ. На Сирію уже давно устремлены взоры Французовъ, и теперь, когда Англія, купивъ у египетскаго хедива акціи Суэзскаго канала, сдѣлалась почти исключительно владычицею этого чрезвычайно важнаго воднаго пути въ Индію, владѣть Сиріею для Франціи сдѣлалось абсолютно необходимымъ.

Изъ приведенныхъ соображеній явствуетъ, что въ случаѣ обще-европейской войны за наследіе Турціи, Франція приметъ въ ней участіе не какъ союзница Англіи, а скорѣе какъ ея соперница. Сознаніе же, что она еще не готова къ рѣши-

тельнымъ дѣйствіямъ, заставляетъ Францію горячо желать отдалить по возможности наступленіе роковой минуты; для этого она охотно изъявитъ свое согласіе на сохраненіе въ Турціи прежнихъ порядковъ, на пресловутое «statum quo».

Желать обще-европейской войны из-за призрачной идеи «сохраненія цѣлости и независимости» Турецкой имперіи, еще такъ недавно включенная въ семью великихъ державъ, Италия не имѣетъ никакого повода; напротивъ, миръ для нея столь же необходимъ, какъ и для Франціи: ей нужно время, чтобы окрѣпить силами. Но Италия тоже «морская» держава и чрезмѣрное усиленіе могущества Англіи на Средиземномъ морѣ не можетъ ей быть приятно. Политику ея въ Восточномъ вопросѣ можно считать почти тождественною съ политикою Франціи; и ею втайнѣ мѣлется завѣтная мечта: «обладаніе Тунисомъ»; но сознавая, что для этого еще не настало удобное время, она согласится на всякую комбинацію, способную отсрочить часъ паденія владычества Османовъ.

Самое завидное положеніе въ Восточномъ вопросѣ несомнѣнно выпадаетъ на долю Германіи,—и надо сознаться, что она пользуется имъ съ достоинствомъ. Не будучи прямо заинтересована въ разрѣшеніи судьбы Балканскаго полуострова, она спокойно можетъ слѣдить за событіями, зная, что ей будетъ принадлежать послѣднее слово,—что ея санкція окажется необходимою. Противодѣйствовать гуманнымъ стремленіямъ Госціи ей нѣтъ надобности, тѣмъ болѣе, что она болѣе другихъ державъ имѣетъ основаніе вполне довѣрять миролюбію своей испытанной, вѣрной союзницы, оказавшей ей громадную услугу во время войны 1870 — 71 г. «Status quo» Турціи для Германіи громкая, но пустая фраза; сохраненіе же дружескихъ отношеній съ Россіей имѣетъ для нея громадную важность, въ особенности допустивъ въ будущемъ возможность русско-

французскаго союза, столь желательнаго ея врагамъ. Роль Германіи въ восточныхъ дѣлахъ умиротворяющая: съ кѣмъ она будетъ — на сторонѣ того успѣхъ; Англія лучше всего это знаетъ — и если что можетъ удержать ее отъ войны съ Россіей, то единственно опасеніе, что въ такомъ случаѣ Германія открыто протянетъ послѣдней свою дружескую, мощную руку.

Что Германія не желаетъ возникновенія обще-европейской войны, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Дѣло ея объединенія еще далеко не вполне завершилось: оно требуетъ продолженія мира въ Европѣ, чтобы прочно утвердиться, устранить неизбѣжныя препятствія, развить благоденствіе страны, ея торговлю, ея матеріальныя силы, уврачевать глубокія раны, нанесенныя ей недавнею гигантскою борьбою. Поэтому Германія только въ крайнемъ случаѣ рѣшится обнажить мечъ, и ужъ конечно не на защиту «цѣлости и независимости» Турціи: она будетъ, пожалуй, поддерживать этотъ принципъ только если это окажется необходимымъ для упроченія мира въ Европѣ.

Этотъ краткій, наглядный очеркъ политики и взаимныхъ отношеній европейскихъ державъ между собою приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) Англія и Россія суть главные дѣятели; они весьма легко могутъ быть вовлечены въ войну, такъ какъ прямыя, жизненные интересы этихъ державъ поставлены въ зависимость отъ исхода борьбы балканскихъ христіанъ съ ихъ вѣковыми мучителями. 2) Для Австріи Восточный вопросъ связанъ съ вопросомъ: «быть или не быть!» Понятно, что одна мысль о возможности общей войны приводитъ ее въ трепетъ, и она всеми силами старается отдалить роковую для себя минуту. 3) Франція и Італія будутъ держаться выжидательной политики до того времени, когда

вполнѣ выяснится, на чьей сторонѣ перевѣсъ, и присоединятся къ той, съ которою доставить имъ наибольшія выгоды, и 4) Довольствуясь ролью посредницы и не имѣя поводовъ желать войны, Германія употребитъ конечно всевозможныя усилія такъ или иначе сохранить миръ въ Европѣ. Не объясняются ли также вышеприведенными соображеніями какъ безсердечное равнодушіе христіанской Европы къ страданіямъ балканскихъ мучениковъ, такъ и усилія дипломатіи подавить возстаніе въ самомъ началѣ, хотя бы цѣною предоставленія злополучной райи на жертву мусульманскому фанатизму?

Остается сказать еще нѣсколько словъ о положеніи Сербіи и Черногоріи въ дѣлахъ Балканскаго полуострова.

Въ 1815 г., при мощномъ содѣйствіи Россіи, Сербія добилась самостоятельности, а 6 ноября 1817 г., Порта признала Милоша Обреновича владѣтельнымъ княземъ этого маленькаго государства, съ правомъ престолонаслѣдія въ его родѣ, но подъ вассальнымъ своимъ главенствомъ и съ уплатою ей незначительной ежегодной дани. Съ тѣхъ поръ Сербія постоянно стремилась къ приобрѣтенію еще большихъ правъ и въ 1866 г. добилась того, что всѣ сербскія крѣпости, исключая Малаго Зворника, были очищены турецкими войсками. Освобождаясь отъ турецкаго ига, Сербія быстро подвинулась на пути прогресса и цивилизаціи: внутреннее хозяйство ея находится въ процвѣтаніи, она не только не обременена долгами, но обладала даже запаснымъ капиталомъ, простиравшимся до 4,000,000 р. Но по мѣрѣ упроченія благоденствія страны, въ Сербскомъ народѣ все болѣе и болѣе проявляется сочувствіе къ бѣдствующимъ братьямъ, укореняется убѣжденіе, что необходимо протянуть имъ руку помощи. Это настроеніе сказывается во всемъ Сербскомъ народѣ.

и какъ ни велико давленіе европейскихъ державъ, молодому князю Милану трудно удерживать великодушные порывы своихъ подданныхъ. Вопли отчаянія герцеговинцевъ, босняковъ и болгаръ тяжело отзываются въ сердцахъ свободныхъ, благоденствующихъ Сербовъ!

Еще меньшая, сравнительно съ Сербіей, по занимаемому пространству и числу жителей, Черногорія, пріютившаяся какъ орлиное гнѣздо на неприступныхъ, высокихъ скалахъ далматинскаго побережья Адриатики, — никогда не признавала надъ собою верховныхъ правъ Порты и при всякомъ покушеніи съ ея стороны на пріобрѣтеніе таковыхъ, мужественно отбивалась отъ напора дикихъ турецкихъ полчищъ. Въ 1858 и въ 1862 гг. полная независимость ея утверждена европейскими державами.

Хотя Черногорцы въ высшей степени воинственный народъ: но усердно занимаются земледѣіемъ и скотоводствомъ и заботятся о распространеніи въ средѣ своей знаній и образованія; въ послѣднее время въ странѣ заведено много школъ: находящихся въ весьма удовлетворительномъ состояніи.

Владѣтель Черногоріи, князь Николай Нѣгошъ, пользуется большою популярностью, любимъ и уважаемъ своими подданными... Ему тоже предстоитъ трудная задача удерживать стремленія своего народа, горячо сочувствующаго братьямъ по племени и вѣрѣ, поднявшимъ знамя свободы и независимости.

Этотъ краткій обзоръ политической стороны положенія дѣлъ на первый разъ представляется достаточнымъ; по мѣрѣ усложненія и развитія дипломатической дѣятельности, въ настоящемъ очеркѣ будетъ данъ обстоятельный о томъ отчетъ. Теперь же возвращаемся къ прерванному на время разсказу.

Первая схватка инсургентовъ съ турецкими войсками, посланными въ Герцеговину Дервишем-пашею, подъ начальствомъ Селима-паши, произошла 24-го іюля 1875 г., при Невесинѣ; она была незначительна, но затѣмъ, черезъ три дня, въ той же мѣстности, завязался новый бой. Сосредоточенныя около Невесинья турецкія войска, названныя «дивизіей», незаслужившія по численности даже названія «бригады», двигаясь въ западномъ направленіи, были внезапно атакованы инсургентами; дрались нѣсколько часовъ безъ перерыва и результатомъ было полное пораженіе Турокъ: Селим-паша и много турецкихъ штаб-офицеровъ ранены; вообще же потери съ обѣихъ сторонъ были весьма значительны. Въ битвѣ принимали участіе 1,100 Турокъ и до 1,400 инсургентовъ, у которыхъ оказалось много отличной конструкции ружей, заряжающихся съ казенной части. 30-го іюля, Турки, въ числѣ 600 человекъ пѣхоты и 70 ч. кавалеріи, сдѣлали вылазку изъ обложенной инсургентами крѣпости Требинье, и хотя были отброшены, но противники ихъ понесли чувствительный уронъ, потерявъ до 30 человекъ убитыми и большое число ранеными.

Какъ ни маловажны были первыя удачи инсургентовъ, но они несомнѣнно оказали благоприятное вліяніе на успѣшный ходъ возстанія; не только Герцеговина, но и другія провинціи стали волноваться и даже миридиты (албанскіе католики) пригрозили взяться за оружіе, если султанъ не отпуститъ, содержавшагося тогда въ Константинополѣ, сына умершаго князя Биб-Додо и не возстановитъ его въ правахъ наслѣдства послѣ отца. Къ тому же боснійскій вали, Дервин-паша, терпѣлъ крайнюю нужду въ деньгахъ, и всё его представленія по этому поводу въ Константинополь оставались безъ отвѣта; безденежье замедляло также передвиженіе войскъ на

театръ возстанія, настоятельно требовавшееся какъ самою Портою, такъ и тревожнымъ положеніемъ дѣлъ, что и дало возможность усилиться возстанію. Чтобы хотя временно устранить финансовыя затрудненія, Дервиш-паша истребовалъ отъ наиболѣе зажиточныхъ землевладѣльцевъ своего вилайета уплату налоговъ впередъ и заключилъ у нѣкоторыхъ банкировъ, за счетъ турецкаго правительства, принудительный заемъ въ 200,000 піастровъ.

Между тѣмъ неудачи турецкихъ войскъ слѣдовали одна за другою. При Столацѣ одна половина ихъ отряда была вовсе уничтожена, другая вынуждена была положить оружіе; затѣмъ при Добрѣ, выше Столана, 28-го іюля происходилъ ожесточенный бой, кончившійся также пораженіемъ Турокъ. Извѣстія объ этомъ заставили наконецъ турецкое правительство выйти изъ обычной апатіи и, взглянувъ на дѣло серьезно, прибѣгнуть къ болѣе энергическимъ мѣрамъ. Потребованы были войска изъ Туниса, Крита и Варны и направлены въ Герцеговину черезъ портъ Клекъ. Но такъ какъ воды въ Клекѣ составляютъ «*mare clausum*» или «*mortuum*» и только берегъ принадлежитъ Туркамъ, а по обычаю, установленному еще въ періодъ владычества венецианцевъ и подтвержденному Пассаровицкимъ миромъ, они не иначе могутъ вводить туда свои военные корабли, какъ испросивъ предварительно на то согласіе, то и на этотъ разъ имъ пришлось заручиться разрѣшеніемъ Австріи. Оно конечно послѣдовало, такъ какъ дѣло шло только о подавленіи возстанія, а не о непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ Черногоріи, но все же съ нѣкоторыми ограниченіями, именно: немедленно по высадкѣ войскъ корабли должны были выходить изъ гавани, и турецкія войска безусловно подчинялись карантиннымъ законамъ. Стоянка же тамъ военныхъ турецкихъ кораблей для наблю-

деній самымъ положительнымъ образомъ была воспрещена, въ виду весьма основательнаго впрочемъ соображенія: не слѣдовало давать другимъ державамъ повода присылать тоже для наблюдений свои военныя суда въ воды Сабончелло. Австрійской канониркѣ «Чайгѣ», крейсировавшей тамъ, предписано наблюдать за точнымъ исполненіемъ постановленныхъ условий.

Но по устраненіи «*tant bien que mal*» одного препятствія, Туркамъ предстояло преодолевать еще множество другихъ; такъ напримѣръ, доставка провіанта и снарядовъ на театръ военныхъ дѣйствій была крайне затруднительна, если ужъ не вовсе невозможна. За исключеніемъ пути, ведущаго отъ Клека до Мостара, по берегу Наренты, — сколько-нибудь доступнаго для перевоза тяжестей въ легкихъ повозкахъ. — всѣ остальные дороги только вьючныя, идущія по горамъ, то вверхъ, то внизъ, и далеко не безопасныя. Мосты находились въ самомъ жалкомъ состояніи: по нимъ могли переходить только пѣшіе, для лошадей же нужно было отыскивать броды. Зіяющія кручи и дремучіе лѣса встрѣчались чуть ли не на каждомъ шагу; острые, кремнистые осколки скалистой почвы увѣчили и рѣзали ноги людей и вьючныхъ животныхъ. Не разъ должно быть пожалѣли Турки, что въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій своего владычества не подумали объ устройствѣ удобныхъ путей сообщенія въ этой неоспоримо важной въ стратегическомъ отношеніи мѣстности.

День 16-го августа н. с. составляетъ какъ бы эпоху въ событіяхъ на Балканскомъ полуостровѣ. Въ этотъ день вспыхнула первая искра мятежа въ Босніи и произошла высадка первыхъ турецкихъ войскъ въ Клекъ. Чтобы облегчить движеніе клекскому отряду, Дервиш-паша, во главѣ пяти баталіоновъ редифа и трехъ линейныхъ полковъ, выступилъ 20-го августа къ нему на встрѣчу. Турки успѣшно совер-

нили движеніе, обогнувъ горы, и соединились съ корпусомъ, находившимся въ Мостарѣ, а инсургенты, занимавшіе горные проходы между этимъ городомъ и Клекомъ, были вытѣснены отсюда. Но и тутъ не обошлось для Турокъ безъ потерь: У нихъ оказалось до тридцати человекъ убитыми и множество раненыхъ. По сборѣ всѣхъ направленныхъ въ возставшія мѣстности турецкихъ войскъ, численность ихъ простиралась до 25 баталіоновъ, т. е. примѣрно до 18,000 человекъ; для продовольствія же этой массы людей въ Рагузѣ были сдѣланы значительные запасы.

Какъ уже сказано выше, 16-го августа вспыхнуло возстаніе въ Босніи. Хотя несомнѣнно, что, рано или поздно, оно должно было произойти, но искра еще таилась подъ пепломъ; Турки сами ускорили минуту взрыва. Нѣсколько конныхъ баши бузуковъ, безъ всякой видимой причины, напали, въ окрестностяхъ Баньялуки, на мирныхъ христіанъ, шедшихъ по дорогѣ, и изрубили ихъ. Тщетно взывали родственники умерщвленныхъ къ правосудію: турецкія власти не обращали вниманія на ихъ справедливыя требованія и тѣмъ возбудили волненіе. Въ улицахъ города Баньялуки произошло побоище между христіанами и магометанами, и хотя первымъ порядкомъ досталось, но ихъ укрыли и защитили жители ближайшихъ деревень. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по всей Босніи: стали организоваться шайки во многихъ мѣстностяхъ и произведено нападеніе на сторожевой постъ Юхово, между Козлоиницей и Дубицей, причѣмъ убито два турецкихъ солдата и отнято оружіе. На первыхъ порахъ движеніе это не имѣло грознаго характера, такъ какъ шайки состояли большею частію изъ ускоковъ и всякаго сброда людей, занимающихся грабежемъ, живущихъ по обѣимъ берегамъ р. Саввы; но вскорѣ дѣло приняло совершенно иной оборотъ: успѣхи

герцеговинцевъ, появленіе массы волонтеровъ изъ Сербіи, призывъ къ оружію со стороны духовенства, — все способствовало воодушевленію. Отсутствіе войскъ было также причиною, что возстаніе не было подавлено въ самомъ началѣ; редифы стягивались медленно, вяло, низамъ весь находился въ Мостарѣ, а баши-бузуки, наскоро собранные бегами, только рѣзали и грабили жителей, совершая неслыханныя злодѣйства, насилюя женщинъ, убивая старцевъ и дѣтей, зажигая и оскверняя храмы и святыя иконы.

По примѣру герцеговинцевъ, неспособное взяться за оружіе населеніе Босніи спѣшило покидать жилища и, забравъ по возможности имущество и скотъ, перебиралось черезъ австрійскую границу, подъ защитою отцовъ и братій, которые, проводивъ свои семейства, поступали въ отряды инсургентовъ. Нельзя при этомъ не признать, что большимъ счастьемъ для Турокъ было то, что смуты въ Босніи не произошли одновременно съ возстаніемъ въ Герцеговинѣ. Случись это мѣсяцемъ ранѣе — и безъ того крайне затруднительное положеніе Дервиша-паши оказалось бы совершенно безысходнымъ, и несомнѣнно, что всѣ важныя, укрѣпленные пункты обѣихъ провинцій давно находились бы въ рукахъ инсургентовъ. Изъ этого очевидно, что возстаніе отнюдь не было заранѣе подготовлено, но было вызвано единственно бѣдственнымъ положеніемъ райи, мѣра терпѣнія которой дѣйствительно истощилась.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что какъ бы ни было велико воодушевленіе борцовъ за свободу и независимость, геройскія, самоотверженные усилія ихъ ни въ какомъ случаѣ не увѣнчались бы успѣхомъ, еслибы не поспѣшили къ нимъ на помощь волонтеры изъ славянскихъ провинцій Австріи, Черногоріи, Сербіи и даже изъ Італіи, Франціи и Германіи.

Этим волонтерамъ обязаны герцеговинцы, что турецкія войска, посылаемыя противъ нихъ Дервишемъ-пашею изъ Босніи, не разсѣяли ихъ шайки на первыхъ же порахъ. Хотя турецкимъ правительствомъ крайне преувеличивалось число такихъ волонтеровъ и возвѣщалось, что ихъ набралось чуть ли не десятки тысячъ, но если даже считать волонтеровъ не тысячами, а сотнями, то и тогда услуги, оказанныя ими инсургентамъ, имѣютъ громадное значеніе. Подавая собою примѣръ стойкости и неустрашимости, волонтеры научили жителей горъ спокойно выдерживать натиски турецкихъ полчищъ, не вступать съ ними въ бой въ открытыхъ мѣстностяхъ, а устроить засады, нападать только тогда, когда представлялись вѣрные шансы на успѣхъ, преимущественно же тревожить и разбивать транспорты съ продовольственными припасами, словомъ, вести войну партизанскую. Эта тактика дала блистательные результаты: отнятые у Турокъ выюки съ снарядами, съ хлѣбомъ, рисомъ, кофеемъ и пр. непрерывно препровождались въ Зубцы, гдѣ находился центръ возстанія, и вполне обеспечивали инсургантовъ продовольствіемъ, тогда какъ турецкія войска голодали и терпѣли во всемъ страшный недостатокъ.

Вліяніе вступившихъ въ ряды герцеговинцевъ волонтеровъ имѣло также послѣдствіемъ, что возстаніе приняло характеръ зрѣлый, обдуманый и что оно распространялось все болѣе и болѣе; зубичане, босняки, горичане и рудяне, въ началѣ лишь съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившіе за событіями, убѣдясь въ возможности успѣха, поспѣшили соединиться съ инсургентами: одновременно по направленію къ Тарѣ стало обнаруживаться значительное возбужденіе въ средѣ населенія, которое тоже принялось готовиться къ дѣятельному участію въ борьбѣ. А борьба эта видимо принимала все большіе раз-

мѣры; дрались непрерывно, ожесточенно, причемъ успѣхъ былъ несомнѣнно на сторонѣ инсургентовъ.

Возстаніе, быстро охватившее Боснію, служило вѣрнымъ доказательствомъ, что на этотъ разъ христіане твердо рѣшились постоять за свое дѣло до послѣдней крайности и ни въ какомъ случаѣ не довѣрятъ обѣщаніямъ Порты, какъ бы соблазнительны они не были. А между тѣмъ въ этой части Балканскаго полуострова не только представлялись наибольшія трудности для дѣйствій инсургентовъ противъ регулярныхъ войскъ султана, но имъ приходилось кромѣ того вести ежедневную, ежечастную борьбу съ магометанскимъ населеніемъ, которое находится тамъ въ значительно большемъ числѣ, чѣмъ въ Герцеговинѣ; по наиболѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, православныхъ жителей въ Босніи насчитывается 360,000 человекъ, католиковъ 120,000 и магометанъ 300,000. Увѣряютъ, что воодушевленію, съ которымъ босняки взялись за оружіе, много способствовало совпаденіе четырехсотъ-лѣтней годовщины убіенія Турками царя Стефана Томашевича со днемъ перваго побоища въ улицахъ Баньялуки, такъ какъ существуетъ народное преданіе, по которому освобожденіе Босніи отъ мусульманскаго владычества послѣдуетъ только по прошествіи четырехъ столѣтій со дня мученической смерти послѣдняго боснійско-герцеговинскаго владыки. Если это дѣйствительно такъ, то вожаки возстанія, во время приведя на память народа означенную легенду, поступили очень ловко и умѣло.

Волненіе умовъ, вызванное въ Сербіи событіями въ Герцеговинѣ и Босніи, постоянно росло и усиливалось; не только собирались деньги въ пользу инсургентовъ, но даже сербская молодежь спѣшила встать въ ихъ ряды и на первыхъ же порахъ отправилось въ банды до 200 человекъ, въ числѣ ко-

торыхъ называли сыновей многихъ зажиточныхъ, уважаемыхъ бѣлградскихъ купцовъ. Въ виду такихъ патріотическихъ порывовъ сербскаго народа, опасенія Порты, что Сербія невольно можетъ быть вовлечена въ войну, едва ли представлялись преувеличенными, а потому усиленіе турецкихъ войскъ, расположенныхъ около Виддина и Ниша, на границахъ княжества, новыми отрядами, вполне оправдывалось обстоятельствами. Сербское правительство не могло конечно отнестись къ такой мѣрѣ безучастно, тѣмъ болѣе, что случаи самовольнаго перехода турецкихъ командъ черезъ сербскую границу и неизбѣжныхъ при этомъ грабежей стали все чаще повторяться; протестъ слѣдовалъ за протестомъ, сербскія войска стягивались на турецкой границѣ, а отношенія княжества къ Портѣ становились съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе натянутыми и враждебными, предвѣщая неизбѣжную, близкую грозу. Къ тому же въ это время произошелъ въ Сербіи министерскій кризисъ; управление страной перешло въ руки членовъ «Омладинъ», съ Ристичемъ во главѣ, и эта перемѣна ни въ какомъ случаѣ не могла подѣйствовать успокоительно не только на Порту, но и на европейскія правительства, рѣшившіяся во что бы то ни стало не допустить до войны и тѣмъ отдалить минуту, когда разрѣшеніе «восточнаго вопроса», этого «гордіева узла» дипломатіи, сдѣлается неизбѣжнымъ. Съ этою цѣлью шесть великихъ европейскихъ державъ предложили правительству султана поручить иностраннымъ консуламъ въ Герцеговинѣ и Босніи вступить въ переговоры съ инсургентами и убѣдить ихъ сложить оружіе; а для разсмотрѣнія жалобъ населенія, для розысканія средствъ къ прекращенію періодически возникающихъ возмущеній и для упроченія благосостоянія христіанъ назначить спеціальнаго комиссара. Порта согласилась и возложила разбирательство по жалобамъ на

Сервера-пашу, предписавъ ему немедленно отправиться въ Боснію.

Между тѣмъ центръ инсurreкціоннаго движенія въ Герцеговинѣ сосредоточивался преимущественно на сплошной возвышенности, окружающей крѣпость Требинье, обладаніе которою давало инсургентамъ возможность образовать тамъ свой операціонный базисъ, чтобы, приблизясь къ черногорской границѣ, облегчить прибытіе туда подкрѣпленій. Вполнѣ сознавая, насколько важно владѣть Требиньею, Турки, утвердись на Нарентѣ, уже нѣсколько разъ пытались освободить городъ этотъ отъ осады, но попытки ихъ не имѣли въ началѣ успѣха, а въ битвѣ, происшедшей 8-го августа, двѣ турецкія роты низама были почти поголовно истреблены, третья же оказалась вынужденною положить оружіе. Но неудачи эти не остановили Турокъ, и 29-го августа имъ удалось безъ выстрѣла провести въ Требинье 1,000 человекъ лучшаго своего войска. Затѣмъ, 30-го числа послѣ полудня, 4 баталіона низама, при 4-хъ орудіяхъ, стремительно атаковавъ монастырь Дуже, заставили инсургентовъ его оставить и удалиться въ горы. Такимъ образомъ осада Требиньи была прекращена; занявъ также фортъ Дріено, Турки сильно укрѣпили монастырь Дуже и восстановили сообщеніе между Требиньею и Рагузою. Это пораженіе инсургентовъ нѣсколько вознаграждалось впрочемъ тѣмъ, что имъ удалось овладѣть фортомъ Керстачъ, лежащимъ по дорогѣ въ Нившичъ, а равно многими находящимися въ этой мѣстности блокгаузами, вмѣстѣ съ орудіями, оружіемъ и другими военными запасами. 4-го сентября, въ жаркомъ бою при Добрѣ, побѣда тоже осталась на сторонѣ инсургентовъ: 3,000 человекъ турецкаго регулярнаго войска (низама) при одной батарее были разбиты ими на голову.

Въ Босніи инсurreкціонное движеніе принимало одновре-

менно съ разсказанными событіями все болѣе и болѣе широкіе размѣры, и къ началу сентября возстаніе тамъ было въ полномъ разгарѣ. Удачныя стычки инсургентовъ съ турецкими войсками происходили при Яблоницѣ и Леврѣ; въ Маричѣ взято въ плѣнъ до 100 турокъ, округа Градашаца и Бище находились въ полномъ возстаніи, а мусульмане, населявшіе правый берегъ Саввы, между Вербачемъ и Унью, изгнаны или убиты. Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ было чрезвычайно сильно и пощады никому не оказывалось: турки жгли деревни, умерщвляли мирныхъ жителей, вламывались въ храмы, разбивали алтари, колокола, ножами изрѣзывали святыхъ иконы, всячески ругаясь надъ ними, совершая неслыханныя безчинства. Весьма естественно, что христіане платили имъ тѣмъ же; странно только то, что на страшныя неистовства турокъ Европа смотрѣла какъ бы на дѣло обыкновенное, должное, всякое же извѣстіе о репрессаліяхъ со стороны инсургентовъ возбуждало въ ней сильнѣйшее негодованіе и порицанія сыпались со всѣхъ сторонъ. Точно будто цивилизованная Европа дала Турціи привиллегію безнаказанно терзать и умерщвлять своихъ христіанскихъ подданныхъ! Даже извѣстіе, что на Буковскій монастырь, находящійся возлѣ самой границы Сербіи, куда по случаю праздника собралось много боснійскихъ богомольцевъ, напалъ значительный турецкій отрядъ и произвелъ страшную рѣзню, — не возбуждало потрясающаго впечатлѣнія! Никому въ Европѣ не приходила повидимому мысль, что зрѣлище такого рода неистовствъ должно было въ высшей степени усилить негодованіе сербскаго народа, не имѣвшаго тѣхъ же мотивовъ снисходительно относиться къ «шалостямъ» турецкихъ баши-бузуковъ, какими руководились въ этомъ отношеніи ихъ европейскіе благопріятели. Отъ сербскаго и черногорскаго правительствъ

державы безусловно требовали сохраненія строжайшаго нейтралитета и удержанія волонтеровъ отъ вступленія въ ряды инсургентовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ порицалось подаваніе имъ матеріальной помощи деньгами и оружіемъ, но не принималось въ соображеніе, что исполнить эти требованія — дѣло не только крайне не легкое, а почти совершенно невозможное... И нельзя не отдать полной справедливости князьямъ Милану сербскому и Николаю черногорскому: они употребляли нечеловѣческія усилія, чтобы сдерживать сочувственные порывы своихъ подданныхъ къ злополучнымъ братьямъ по племени и вѣрѣ, рискуя лишиться популярности, ставя даже на карту грядущую судьбу своихъ династій. Но развѣ могли они воспрепятствовать единичному поступленію въ банды сербовъ и черногорцевъ? Конечно нѣтъ, и отвѣтъ князя Милана, на заявленный по этому поводу протестъ великаго визиря, вполне заслуживаетъ сочувственнаго одобренія: «Я еще могу надѣяться удержать Сербію отъ войны, но за личныя дѣйствія каждаго изъ моихъ подданныхъ не могу считать себя отвѣтственнымъ!» сказалъ князь и Европа вынуждена была сознать «que ce qu'il a dit, fut bien dit!»

Съ самаго начала герцеговинскаго возстанія, австрійское правительство признало настоятельно необходимымъ усилить численность войскъ расположенныхъ на ея границѣ; въ Далмацію и Хорватію были посланы новые полки изъ внутреннихъ областей имперіи, а генераламъ Родичу и Молинару даны были особыя инструкціи, которыя впрочемъ оказались безсильными успокоить волненіе въ этихъ провинціяхъ и прервать поступленіе австрійскихъ славянъ въ шайки инсургентовъ. Не воспрепятствовало также присутствіе австрійскихъ войскъ на протяженіи всей пограничной линіи непрерывнымъ нарушеніямъ, со стороны турокъ, границъ Австро-Венгріи.

Ожесточенно преслѣдуя убѣгавшихъ изъ Герцеговины и Босніи беззащитныхъ жителей, искавшихъ спасенія въ австрійскихъ владѣніяхъ, турки настигали ихъ даже тамъ, кололи и рѣзали нещадно. Со времени возстанія въ Босніи, число эмигрантовъ въ значительной степени увеличилось: болѣе 22,000 христіанъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, укрылось въ Хорватію, такъ что вдоль Саввы и сербской границы не было ни одного христіанскаго селенія, жители котораго остались на мѣстѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такой наплывъ переселенцевъ вводилъ Австрію въ значительныя денежныя затраты; хотя бѣглецы принесли съ собою все что могли и даже пригнали до 30,000 головъ скота,—но скотъ этотъ не только не доставлялъ имъ пользы, но дѣлался тяжелымъ бременемъ, потому что для прокормленія его требовалось значительное количество фуража, котораго достать было негдѣ.

Прерывая на время рассказъ о ходѣ инсurreкціоннаго движенія, чтобы представить отчетъ о дѣятельности консуловъ иностранныхъ державъ и комиссара порта Сервера-паши въ дѣлѣ умиротворенія возставшихъ провинцій, необходимо упомянуть объ упорной стычкѣ, происшедшей въ ночь съ 27-го на 28-е августа, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ сербской границы на боснійской территоріи. Около сотни инсургентовъ, напавъ на населенный турками городъ Прибой, сожгли его до основанія; затѣмъ они овладѣли селеніемъ Кротово и деревенькою Ган-Рутомъ. Этотъ успѣхъ имѣлъ значеніе въ томъ исключительномъ смыслѣ, что облегчалъ инсургентамъ возможность избрать дальнѣйшее направленіе для наступательныхъ дѣйствій: занявъ гористую мѣстность, лежащую между границами Черногоріи и Сербіи,—къ чему не представлялось непреодолимыхъ препятствій,—они могли поставить турецкія войска, дѣйствовавшія въ Босніи и Герцеговинѣ, въ крайне

опасное положеніе... Но это важное стратегическое соображеніе было выпущено изъ вида предводителями шаекъ и послѣдствія ихъ опрометчивости сказались въ успѣхахъ противниковъ.

Изъявивъ согласіе на предложеніе великихъ европейскихъ державъ назначить спеціальнаго комиссара, для совмѣстныхъ дѣйствій съ ихъ консулами, по умиротворенію возставшихъ провинцій и разбору жалобъ населенія, и назначивъ своимъ комиссаромъ предѣлателя государственнаго совѣта Сервера-пашу, порта уполномочила его, тотчасъ по прибытіи на мѣсто, издать прокламацію, которою обѣщалось бы жителямъ, что впредь никакія притѣснительныя или несправедливыя дѣйствія допущены не будутъ; равно удостовѣрить именемъ правительства, что всѣ чиновники, которые признаются виновными въ угнетеніи населенія, будутъ удалены,—что безпристрастнымъ судамъ поручится производство дознанія для подготовленія слѣдствія; что претензіи лицъ, потерпѣвшихъ отъ своеволій, будутъ удовлетворены, а несправедливо изгнанные получать дозволеніе возвратиться на родину; подстрекателей же немедленно вышлютъ за границу. Чего бы казется лучше? Дѣло только въ томъ, что вѣра въ громкія обѣщанія турецкаго правительства была давно утрачена, а консулы не могли представить несомнѣннаго ручательства, что и на этотъ разъ не повторится то же, что неоднократно случалось прежде, т. е. что по минованіи опасности старинные порядки восторжествуютъ и положеніе злополучной райи ни на волосъ не измѣнится къ лучшему.

Международную консульскую комиссію составляли слѣдующія лица: г. Васичъ—отъ Австро-Венгріи, г. Лихтенбергъ—отъ Германіи, г. Девьень—отъ Франціи, г. Ястребовъ—отъ

Россіи, г. Пероди—отъ Италиі и г. Гольмсъ—отъ Англии. Задача, выпавшая на ихъ долю, была крайне трудна, такъ какъ несомнѣнно, что возстаніе коренилось не столько въ релігіозныхъ и національныхъ стремленіяхъ христіанскаго населенія Турціи, сколько въ его матеріальномъ положеніи. Дѣйствительно, условія быта райи были въ высшей степени печальны: подавленный гнетомъ феодальныхъ порядковъ, предоставленный произволу беговъ и иныхъ властителей, — весьма понятно, что онъ потерялъ наконецъ терпѣніе и скорѣе предпочелъ обратиться къ самозащитѣ, чѣмъ къ чувству справедливости и гуманности Европы. Порученное консуламъ вмѣшательство, возлагая на европейскія державы извѣстныя нравственныя обязанности относительно возставшаго населенія, доказывало также, что жалобы райи признавались справедливыми. Полагая, что все дѣло можетъ быть окончено простымъ подавленіемъ возстанія, турецкія власти впадали въ опасное заблужденіе; онѣ забывали, что Европа ни въ какомъ случаѣ не могла допустить возстановленія порядка вещей, оскорбляющаго общественную совѣсть и заслуживающаго самаго строгаго осужденія. Совмѣстное слѣдствіе, произведенное консулами, представлялось не только минутнымъ успокоивающимъ средствомъ, но дѣйствіемъ, имѣвшимъ болѣе важное значеніе. Дѣло шло объ основательномъ изученіи желаній и нуждъ населенія, о выясненіи причинъ существовавшихъ злоупотребленій и о собраніи матеріаловъ для осуществленія преобразованій. Само собою разумѣется, что преобразованія эти должны были глубоко затронуть поземельныя отношенія и податную систему, — но такъ какъ Турція не была въ состояніи сама предпринять дѣйствительныхъ реформъ, то жалобы райевъ, подвергнутыя безпристрастному, справедливому изслѣдованію, вполне выясненныя и признанныя подлежащими удовлетворе-

нію представителями европейскихъ державъ, должны были поступить подъ защиту этихъ послѣднихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ портѣ приходилось имѣть уже дѣло не съ сопротивленіемъ непокорныхъ подданныхъ, а съ единодушными требованіями всей Европы.

Съѣхавшись въ Мостарѣ и тщетно прождавъ нѣсколько дней прибытія предводителей возстанія, — консулы выѣхали оттуда, съ цѣлью, розыскавъ ихъ, убѣдить въ томъ, что всякія надежды, какъ на помощь и поддержку со стороны державъ, такъ и балканскихъ княжествъ, совершенно напрасны и уговорить представить свои жалобы турецкому комиссару. Германскій, австрійскій и итальянскій консулы предприняли путешествіе вдоль австрійской границы; русскій, французскій и англійскій — параллельно имъ, внутри возставшихъ провинцій.

Между тѣмъ въ монастырѣ Косирево происходила сходка предводителей герцеговинскихъ инсургентовъ. Предсѣдательствовалъ Любibrатичь, пансербистскій агитаторъ, усиленно старавшійся подражать Мадзини; онъ былъ въ былое время адъютантомъ или секретаремъ Луки Вукаловича, но не пользовался репутаціею искуснаго военачальника, не былъ любимъ инсургентами и ничѣмъ не заслужилъ ихъ довѣрія. Наиболее же замѣчательными личностями на этой сходкѣ были: Лазарь Сочича, Лука Петковичъ, Максимъ Бачевичъ изъ Баньянъ и черногорецъ Пеко Павловичъ. Этотъ послѣдній рѣзко выдавался своими несомнѣнными военными способностями и преданностію дѣлу; между нимъ и Любibrатичемъ часто возникали разногласія и установилось соперничество, результатъ котораго оказался внослѣдствіи не въ пользу послѣдняго. Совѣщаніями вождей установлены были слѣдующіе пункты: 1) Выборомъ главнаго военачальника не спѣшить,

такъ какъ рано или поздно придется передать главное начальство князю Николаю черногорскому. 2) Восемь человекъ войдутъ пока въ составъ временнаго правительства; но затѣмъ должно быть приступлено къ образованію отдѣльныхъ правительствъ для Босніи, Герцеговины. 3) Въ качествѣ уполномоченнаго отъ временнаго правительства, былъ выбранъ Вукотичъ, тестъ князя Николая. Обязанности его заключались собственно не въ участіи въ совѣщаніяхъ, а только въ передачѣ меморіи и въ объявленіи, что народъ не довѣряетъ болѣе обѣщаніямъ порты. 4) Насчетъ операціоннаго плана достигнуто единогласное соглашеніе. 5) Въѣдено временному правительству въ обязанность не щадить средствъ для приобрѣтенія оружія и 6) Объявить Сербіи и Черногоріи, что возстаніе предпринято съ тѣмъ, чтобы соединить Боснію и Герцеговину съ этими княжествами.

Попытки консуловъ не увѣщались успѣхомъ: они даже не видѣли вождей возстанія, а переговаривались съ мѣстными жителями,—но не добились благоприятныхъ результатовъ, и возвратясь въ Мостаръ сообщили, что инсургенты требуютъ заключенія краткосрочнаго перемирія, считая это необходимымъ, чтобы предводители ихъ, явясь на совѣщаніе съ Серверомъ-пашею и консулами для обсужденія пунктовъ жалобъ и предложенныхъ реформъ, могли изложить желанія населенія; желанія же эти заключались между прочимъ въ слѣдующемъ: чтобы христіане были допущены къ свидѣтельствуванію на судахъ; чтобы они имѣли право избранія полицейскихъ властей изъ туземцевъ и чтобы послѣдовало пониженіе размѣра податей на нѣсколько процентовъ. Инсургенты настаивали также, чтобы введеніе этихъ реформъ было гарантировано державами. Последнее условіе представляло главнѣйшее препятствіе къ достиженію соглашенія, такъ какъ оно явно

противорѣчило смыслу IX статьи парижскаго трактата, обязывавшей державы ни подъ какимъ предлогомъ не принимать участія въ дѣлахъ, относящихся до внутренняго управленія турецкой имперіи и не вѣшиваться въ взаимныя отношенія султана съ его подданными.

Кромѣ того дѣло посредничества консуловъ встрѣчало еще важное затрудненіе въ отказѣ порты согласиться на какія бы то ни было уступки въ пользу инсурентовъ, пока они не сложатъ оружія. Доказательствомъ же, что порта сама не желала придти къ соглашенію съ инсургентами, служило то, что Серверу-пашѣ было ею предписано не принимать на себя никакихъ обязательствъ, могущихъ стѣснять дальнѣйшія дѣйствія турецкаго правительства въ отношеніи его христіанскихъ подданныхъ. Несмотря однако же на то, что всякая надежда достигнуть соглашенія была очевидно утрачена, консулы получили отъ своихъ правительствъ приказаніе остаться въ Мостарѣ, чтобы удобнѣе слѣдить за событіями и при первомъ представившемся случаѣ возобновить попытки къ достиженію предложенныхъ цѣлей. Съ полнымъ сознаніемъ, что благія предначертанія державъ никогда не получаютъ практическаго примѣненія, покорились консулы необходимости слѣдовать полученнымъ ими инструкціямъ и благодушно принялись—«ждать у моря погоды!»

Битвы между тѣмъ, какъ въ Герцеговинѣ такъ и въ Босніи, не прекращались и вѣсти о нихъ наполняли газетные столбцы, только послѣ сходимы вождей въ Косиревѣ тактика ихъ замѣтно измѣнилась. Бои въ открытомъ полѣ сдѣлались рѣже, нападенія стали производиться преимущественно на мелкіе турецкіе отряды, на транспорты съ продовольственными и боевыми припасами, притомъ из-за засадъ, въ гористыхъ, пересѣченныхъ мѣстностяхъ, по неудобно-проходимымъ

дорогамъ. Такого рода дѣйствія доставляли инсургентамъ блестящіе результаты, тѣмъ болѣе что хорошо зная каждую тропинку, они при неудачѣ быстро разбѣгались и ускользали отъ преслѣдованій. Захваченная же добыча препровождалась въ Зубцы, служившіе имъ главнымъ центромъ и складомъ всякихъ запасовъ. Общее число инсурентовъ въ Герцеговинѣ опредѣлялось въ то время въ 12—14,000 человекъ, и хотя такой контингентъ былъ бы несомнѣнно недостаточенъ для открытой борьбы съ находившимися тамъ значительными (до 35,000 человекъ) массами турецкихъ войскъ, но имъ ни разу не пришлось испытать серьезнаго пораженія. Поэтому слѣдуетъ признать, что положеніе дѣлъ въ Герцеговинѣ было довольно благопріятно для инсурентовъ; всѣ турецкіе блокгаузы, за исключеніемъ укрѣпленныхъ пунктовъ Никшича и Билека, находились въ ихъ власти, да и тѣ подвергались безпрестаннымъ съ ихъ стороны нападеніямъ.

Въ послѣднихъ числахъ декабря около 2,000 инсурентовъ, подъ начальствомъ Пеко Павловича и Любibrатича, вышли изъ Зубцовъ къ Прапатницѣ, расположенной между Градачемъ и Узомъ, по направленію выючной дороги, ведущей изъ Клека въ Столацъ, и устроили засаду. Имъ было извѣстно, что изъ Клека направляются по этому пути выславшіеся тамъ передъ тѣмъ четыре турецкіе батальона, — а потому когда два передовые батальона, подвигавшіеся не въ должномъ порядкѣ и безъ воинскихъ предосторожностей, достигли того мѣста, гдѣ укрывались инсургенты, то эти послѣдніе стремительно бросились на нихъ въ рукопашную. Турки, озадаченные нечаянностію нападенія и неприспособленые къ бою, смѣшались и побѣжали, при чемъ многіе изъ нихъ попадали въ рѣку Утову и погибли въ ней. Два задніе батальона, прикрывъ бѣжавшихъ, встрѣтили инсурген-

товъ мѣткимъ огнемъ, и ходъ дѣла измѣнялся; битва однако продолжалась до полуночи, съ переменнымъ успѣхомъ, и инсургенты въ заключеніе сохранили свои позиціи. На другой день (30 сентября) атака послѣдовала со стороны Турокъ: инсургенты дрались мужественно, но угрожаемые обходомъ колонною, высланною изъ Столаца, они предпочли отступить къ Расно и Любинью, гдѣ отрядъ изъ жителей Баньи въ числѣ 500 человекъ, подоспѣлъ къ нимъ навырчку. При этомъ имъ всетаки удалось захватить весьма значительную добычу, состоявшую изъ разнаго рода оружія и жизненныхъ припасовъ; носился даже слухъ, что въ ихъ руки попала турецкая военная касса съ деньгами. Потери турокъ, какъ утверждали инсургенты, весьма велики и простирались до 500 человекъ; это отчасти подтверждалось тѣмъ, что они не преслѣдовали враговъ, отступившихъ въ совершенномъ порядкѣ. Убыль въ рядахъ герцеговинцевъ была сравнительно ничтожна.

Хотя битва при Прапатницѣ ни въ какомъ отношеніи не имѣла важнаго значенія и не могла даже считаться побѣдою инсурентовъ, но потому ли, что потери Турокъ людьми были очень велики, или что отнятая у нихъ добыча была значительна, только вѣсть о ней, передававшаяся со многими прикрасами, быстро облетѣла возставшія мѣстности и всюду воодушевила населеніе. Со всѣхъ сторонъ стали прибывать въ шайки новые борцы; округа, оставшіеся до того времени спокойными, брались за оружіе. Въ Босніи движеніе особенно усилилось: весь округъ Новаго Базара возсталъ и выслалъ въ Герцеговину значительныя подкрѣпленія. Около этого же времени, одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ предводителей возстанія въ Босніи, попъ Царко, укрывавшійся временно въ предѣлахъ Сербіи послѣ пораженія, нанесеннаго ему

Турками, явился вновь и уже как главный предводитель трех инсургентских отрядовъ, общая численность которыхъ доходила до 2,000 человекъ. Занявъ мѣстность между Прибовьею и Ново-Варошемъ (сѣверо-западная часть округа Новаго-Базара) и расположивъ повсюду своихъ агентовъ, онъ успѣлъ войти въ сношеніе съ герцеговинскими инсургентами и имѣлъ на сербской границѣ удачную стычку съ Турками, которымъ ударилъ въ тылъ. По требованію начальника турецкаго отряда, туда было послано вспомогательное войско.

Неудача консуловъ серьезно озабочивала великія державы — и дипломатія ревностно принялась за отысканіе такого «modus vivendi», который устранилъ бы опасность, угрожающую сохраненію мира въ Европѣ. Миръ этотъ былъ желателенъ «à tout prix», а между тѣмъ положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ все болѣе и болѣе усложнялось. Очевидно было, что Турція сама не въ силахъ подавить возстанія, что ей необходима помощь извнѣ, но IX статья парижскаго трактата ясно воспрещала Европѣ всякое вмѣшательство во внутреннія дѣла Турецкой имперіи. Задача была по истинѣ трудная, а миролюбивое разрѣшеніе ея представлялось болѣе чѣмъ сомнительнымъ.

Объявленіе войны Турціи Сербіей и Черногоріей было болѣе всего нежелательно великимъ державамъ; всѣ усилія ихъ направлялись въ этомъ смыслѣ, и хотя положеніе княжескихъ правительствъ подвергалось большой опасности въ виду горячаго сочувствія ихъ подданныхъ къ возмущившейся Сербіи, но давленіе производимое державами было настолько сильно, что наступленіе роковой минуты еще могло кое-какъ задерживаться. Къ тому же, сама Турція усложняла дѣло, стягивая значительныя войска на границахъ княжествъ, ко-

торыя конечно не могли относиться къ этому равнодушно, тѣмъ болѣе что мелкіе турецкіе отряды, преимущественно баши-бузукы, неоднократно врывались въ ихъ предѣлы, грабили и убивали мирныхъ жителей.

Твердое желаніе сохранить миръ въ Европѣ привело державы, по почину Россіи, къ соглашенію во взаимныхъ ихъ дѣйствіяхъ. Признано было необходимымъ обратиться къ Портѣ съ совѣтами, какъ относительно принятія болѣе энергическихъ мѣръ для подавленія возстанія, такъ и введенія реформъ, которыя прочно улучшили бы положеніе ея христіанскихъ подданныхъ. Посламъ великихъ державъ при константинопольскомъ правительствѣ предписано было передать это рѣшеніе Портѣ въ формѣ дружескихъ совѣтовъ, отнюдь не обнаруживая какого-либо посягательства на ея верховныя права и притязанія на вмѣшательство въ ея «внутреннія дѣла». Въ это время на должность великаго визиря былъ назначенъ Махмуд-паша, одинъ изъ главнѣйшихъ представителей старотурецкой партіи; онъ уже былъ прежде великимъ визиремъ и предполагалъ еще тогда ввести немало реформъ, но осуществить ихъ, по кратковременности своего управленія, не могъ. Махмуд-паша считался всегда сторонникомъ Россіи, а потому назначеніе его вновь великимъ визиремъ встрѣчено было европейскими державами и преимущественно Англіею неблагоприятно, тѣмъ болѣе что оно приписывалось влиянію русскаго посла генерал-адъютанта Игнатьева. Замѣчательно, что именно съ этого времени возникло наибольшее недовѣріе Европы къ Россіи; насколько оно было основательно, выяснится дальнѣйшимъ ходомъ событій. Здѣсь же нелишнимъ будетъ упомянуть, что отношенія Махмуда-паши къ англійскому посланнику сэру Генри Эллиоту съ перваго же дня оказались натянутыми, даже враждебными, и ни для кого не было тайною,

что послѣдній всячески старался возбудить неудовольствіе султана Абдул-Азиза противъ великаго визиря.

Какъ бы однако ни было, т. е. вслѣдствіе ли настояній Махмуда-паши, или исполненіе дружескихъ совѣтовъ державъ, искусно переданныхъ ихъ послами, но 2-го октября обнародованъ былъ султанскій «ирадэ», примѣнимый ко всѣмъ провинціямъ имперіи и возвѣщавшій имъ неисчислимыя блага. Главнѣйшіе пункты этого ирадэ слѣдующіе: отмена всякаго добавочнаго налога къ десятинѣ и сложеніе недоимокъ, накопившихся по 1-е марта 1873 года; члены провинціальныхъ совѣтовъ будутъ избираться между людьми, дѣйствительно внушающими довѣріе тѣмъ, кто ихъ уполномочиваетъ; они будутъ выражать ихъ мнѣнія съ полною свободою; делегаты, избранные генеральными совѣтами провинцій, будутъ ежегодно являться въ Константинополь для представленія желаній своихъ избирателей и доставлять объясненія правительству, которое на основаніи этого предприметъ реформы, имѣющія цѣлю обезпечить спокойствіе, благосостояніе и преуспѣяніе жителей. Въ провинціи будутъ отправляемы спеціальныя чиновники съ порученіемъ направлять на путь справедливости распределеніе и взиманіе налоговъ, и правительство озабочится изысканіемъ мѣръ, при помощи которыхъ можно будетъ замѣнить десятину поземельнымъ сборомъ, привести къ единству налоги и преобразовать полицейское вѣдомство. Въ заключеніе говорилось, что Серверу-пашѣ будетъ предписано немедленно примѣнить эти реформы въ возставшихъ провинціяхъ.

Общественное мнѣніе Европы отнеслось вполне сочувственно къ новому ирадэ султана, видя въ обстоятельствахъ его выказанныхъ несомнѣнное ручательство, что предполагаемыя улучшения будутъ серьезнѣе и дѣйствительнѣе, чѣмъ тѣ,

которыя проектировались въ прежнее время. Надежды Европы представлялись тѣмъ болѣе основательными, что разрѣшеніе настоящаго кризиса было повидимому достигнуто, благодаря дружественной солидарности между Портой и кабинетами великихъ державъ; при этомъ обращалось особенное вниманіе на то, что Европа не ставится въ необходимость измѣнить обязанностямъ, наложеннымъ на нее интересами человѣколюбія и ея собственной безопасности. Пессимисты же и люди, хорошо знавшіе Турцію и укоренившіеся въ ней порядки, смотрѣли на дѣло иначе: они говорили, что никакіе ирадэ, гатты и гатти-гумаюны не измѣнятъ положенія дѣла и не улучшатъ судьбы райи, такъ какъ только сознаніе опасности вынудило султана обнародовать дарованіе реформъ; когда же опасность пройдетъ, то о нихъ и помина не будетъ, и все останется попрежнему. Къ сожалѣнію, послѣдствія неопровержимо доказали, что пессимисты и знатоки восточныхъ порядковъ были правы.

Не вдаваясь въ изслѣдованіе, дѣйствительно ли вѣрили дипломатія и общественное мнѣніе Европы въ осуществимость реформъ, возвѣщенныхъ султанскимъ ирадэ 2-го октября, скажемъ только, что имъ не суждено было долго успокоивать себя радостными надеждами. Не прошло и четырехъ дней послѣ обнародованія пресловутаго ирадэ, какъ 6-го октября Порта официально возвѣстила, что не имѣя средствъ выполнять своихъ финансовыхъ обязательствъ, она будетъ въ теченіи пяти лѣтъ, начиная съ 1-го января 1876 г., производить уплату процентовъ и погашеніе по государственнымъ долгамъ наполовину звонкою монетою и наполовину облигаціями, приносящими пять процентовъ. Эта вѣсть какъ громомъ поразила Европу, убѣдивъ ее, что возникли новыя, непреодолимыя преграды къ осуществленію предложенныхъ Турціей админист-

стративныхъ реформъ. Въ сущности, банкротство турецкой имперіи не могло считаться неожиданнымъ: еще въ іюнѣ мѣсяцѣ 1875 г., вопросъ о плачевномъ состояніи ея финансовъ и объ опасеніяхъ ея кредиторовъ за ввѣренныя ей капиталы былъ возбужденъ въ англійскомъ парламентѣ и послужилъ поводомъ къ бурнымъ преніямъ. Возникшее вслѣдъ затѣмъ возстаніе въ Герцеговинѣ отвлекло общественное вниманіе отъ финансовыхъ затрудненій Порты; безцеремонное же констатированіе ею самого факта своей несостоятельности вызвало общій вопль отчаянія. Мгновенно припомнились громоздныя рѣчи англійскихъ ораторовъ, ихъ доводы и выводы, что финансовый «крахъ» Порты неизбеженъ; вспомнились безразсудная гаремная роскошь султана, его непроизводительныя затраты по постройкѣ дворцовъ, кіосковъ и мечетей, даже непомѣрное количество съѣстныхъ припасовъ, поглощаемыхъ имъ и его безчисленными женами. Появилось также подробное исчисленіе расходовъ и доходовъ Турціи, обнаружившее, что на одно содержаніе двора издерживалось до 80.000,000 фр. въ годъ, а ежегодный дефицитъ турецкаго бюджета превышалъ 30.000,000 фр.! Высчитано было, что въ теченіи двадцати лѣтъ Турція заключила шестнадцать заграничныхъ займовъ, на сумму болѣе 5,447 мил. фр., изъ которыхъ въ турецкое казначейство поступило едва 3,200 мил. фр., остальные же перешли въ собственную шкатулку падишаха. Вообще было замѣчено, что съ 1868 г. займы сдѣлались въ Турціи явленіемъ періодическимъ, ибо не проходило года, чтобы она не прибѣгала къ этому сомнительному, опасному источнику.

Въ противоположность тревожному настроенію, почти повсемѣстно обнаружившемуся въ Европѣ по случаю банкротства Турціи, она сама, съ истинно азіятскимъ фатализмомъ,

невозмутимо-спокойно относилась къ дѣлу и только назначила во Францію другаго посла (Садык-пашу), отозвавъ его предметника за то, что онъ допустилъ французовъ публично выразить энергическій протестъ противъ ея новой финансовой мѣры. Такое благоразумное равнодушіе не спасло однако Турцію отъ крайне неблагоприятнаго для нея поворота въ общественномъ мнѣніи Европы: лилась денежнаго кредита, она возбудила недовѣріе къ своей политической самостоятельности и даже впервые былъ поднятъ вопросъ, возможно ли не только дальнѣйшее «сохраненіе цѣлости и независимости» турецкой имперіи, но и самое владычество и пребываніе турокъ въ Европѣ? Но, какъ ни грозно было такое положеніе дѣлъ, Турція продолжала благодушествовать; опираясь на парижскій трактатъ 1856 г., она была твердо убѣждена, что существованіе ея, гарантированное державами, необходимо для поддержанія политическаго равновѣсія и мира Европы; къ тому же она не допускала мысли, чтобы доходившія до нея осужденія и угрозы могли имѣть серьезное значеніе. Единственная ея забота сосредоточивалась только на томъ, какъ бы заключить новый заемъ, и она приходила въ неописанную ярость, что ея попытки въ этомъ смыслѣ оставались безуспѣшными. а безсердечные эгоисты-банкиры не рѣшались болѣе довѣрять ей своихъ капиталовъ.

Между тѣмъ, въ Босніи и Герцеговинѣ бой слѣдовалъ за боемъ, съ перемежнымъ успѣхомъ; то Турки разбивали отряды инсургентовъ, то эти послѣдніе наносили Туркамъ чувствительные удары, нападая преимущественно на ихъ транспорты съ продовольствіемъ. Выгоды такого рода дѣйствій были очевидно на сторонѣ инсургентовъ; турецкія войска бѣдствовали, голодая, противники же ихъ не терпѣли никакой нужды и имѣли въ изобиліи все, что представлялось

необходимымъ для поддержанія упорной, ожесточенной борьбы. Къ благодарностямъ, обещаннымъ султанскимъ праде 2 октября, какъ инсургенты, такъ и вожди ихъ отнеслись съ пренебреженіемъ и объявили, что они не доверяютъ турецкому правительству и только въ такомъ случаѣ согласятся прекратить борьбу, если европейскія державы примутъ на себя обязательство прочно гарантировать имъ точное исполненіе даруемыхъ султаномъ реформъ. На усилія Сервера-паши добиться примиренія никто не обращалъ вниманія, хотя онъ, помимо возвѣщенныхъ уже турецкимъ правительствомъ реформъ, обещалъ еще, что впредь будутъ въ употребленіи только два языка: турецкій и славянскій, а для наблюденія за дѣйствіями турецкой администраціи послѣдуетъ назначеніе особыхъ тайныхъ контролеровъ. Кромѣ того, Сервер-паша издалъ слѣдующую прокламацію:

«Народу Герцеговинскому!

«Симъ доводится до всеобщаго свѣдѣнія, что приняты мѣры для возвращенія герцеговинскихъ семействъ, укрывшихся на австрійской территоріи, — для вспоможенія тѣмъ изъ нихъ, которыя терпятъ нужду, и для предоставленія имъ возможности скорѣйшаго прибытія восояси. Въ нѣкоторые, особо назначенные пункты уже отправлены комиссары для удовлетворенія первымъ потребностямъ выходцевъ, которые откликнутся на этотъ призывъ. Возвращеніе не возбраняется и тѣмъ лицамъ и семействамъ, которыя не обратятся къ комиссарамъ, пребывающимъ въ назначенныхъ пунктахъ (Никшичъ, Столацъ, Габелль и Невесиньѣ), но таковыя уже не могутъ пользоваться правомъ полученія пособія и рассчитывать на покровительство турецкихъ властей». Этой прокламаціи, — вѣроятно потому что она была подпи-

сана «Президентомъ Оттоманскаго Государственнаго Совѣта Сервером-пашей», — дана была вѣра; много герцеговинцевъ и босняковъ, укрывавшихся при началѣ возстанія въ Далмаціи и Черногоріи, поспѣшили воспользоваться дарованнымъ позволеніемъ возвратиться на родину, въ полной увѣренности, что они не подвергнутся никакой опасности. Но дойдя до Попова Поля, гдѣ были ихъ прежнія жилища, имъ пришлось убѣдиться, что они поступили опростачливо; турецкія власти отнеслись къ нимъ, какъ къ мятежникамъ, — перевѣшали, перестрѣляли большую часть изъ нихъ, такъ что лишь немногимъ счастливымъ удалось вновь спастись бѣгствомъ.

Эта гнусная продѣлка послужила поводомъ къ еще большему озлобленію инсургентовъ. Они говорили: «Вотъ новое доказательство, что обѣщанія, даваемые турецкимъ правительствомъ, не имѣютъ никакого значенія. Сложи мы сегодня оружіе, завтра насъ всѣхъ перевѣшаютъ! Такъ не лучше ли умереть съ оружіемъ въ рукахъ, за святое, правое дѣло завоеванія себѣ свободы и независимости? Нашъ лозунгъ — свобода или смерть!» Эта рѣшимость утвердилась еще болѣе, когда почти одновременно получено было извѣстіе изъ Боснии, что баша-бузуки разграбили много мирныхъ христіанскихъ деревень и поголовно изрубили ихъ жителей. Очевидно стало, что замренье возстанія на основаніи султанскаго праде невысказимо и что только дѣятельное вмѣшательство соединенной Европы можетъ положить конецъ кровопролитію. Къ тому же взаимная ненависть обѣихъ сторонъ возростала все болѣе и болѣе. Турецкія войска, увлекаемая мстью, бросались на христіанъ безъ разбора и уничтожали все, что имъ ни попадалось подъ руку. Въ своемъ ожесточеніи они рѣшались даже нарушать неприкосновенность ав-

стрийской границы, что и вынудило австро-венгерского посла в Константинополь обратиться к оттоманскому правительству с энергическими представлениями, указывавшими преимущественно на то, что в Австро-Венгрии, как в союзнем с Турцией государстве, тотчас же отзываются малейшія безчинства, совершаемыя на его границах фанатическими мусульманами. Порта обещала нарядить следствие по протесту посла, — но какія были послѣдствія такового, осталось неизвѣстнымъ. А между тѣмъ, вслѣдствіе неистовствъ турецкихъ солдатъ, приостановившія было наплывъ бѣлыхъ герцеговинцевъ, искавшихъ спасенія на австрийской территоріи, снова принялъ тревожные размѣры, тягостно отзываясь не только на жителяхъ сосѣднихъ съ Турціей провинцій, но и на австрийской казнѣ, такъ какъ всю массу эмигрантовъ нужно было обеспечивать продовольствіемъ; ихъ же насчитывалось по меньшей мѣрѣ до 150,000 человекъ.

Происходившіе в Герцеговинѣ непрерывные бои достаточно свидѣтельствовали, какою энергіею постоянно отличались инсургенты; при скудости средствъ и неизбѣжныхъ недостаткахъ в боевой организаціи, они ни на волосъ не утратили рѣшимости противодѣйствовать Туркамъ до послѣдней крайности, занимая довольно сильныя позиціи в гористыхъ мѣстностяхъ, хорошо имъ извѣстныхъ, и укрѣпляя ихъ по возможности завалами изъ камней, они привлекали минимыми отступленіями противниковъ своихъ в засады и затѣмъ общими силами уничтожали ихъ. Любibrатичъ во главѣ значительнаго отряда одновременно атаковалъ 21 октября четыре турецкихъ блокгауза, имѣя въ виду заставить турецкій гарнизонъ Требинья сдѣлать вылазку для поданія имъ помощи. На другой день, т. е. 22 числа, турецкое войско дѣйствительно выступило изъ Требинья въ числѣ 1,500

человѣкъ при 12 горныхъ орудіяхъ и бросилось на стоявшую противъ нихъ часть отряда Любibrатича. Инсургенты начали отступать, желая завлечь Турокъ какъ можно далѣе, но послѣдніе, опасаясь засады, в свою очередь предприняли обратное движеніе. В это время отряды Пеко Павловича и Луки Петковича, зайдя имъ во флангъ, ударили на нихъ въ рукопашную. Употребляя отчаянныя усилія пробиться в Требинье, отъ котораго отрѣзалъ ихъ отрядъ Петковича, они достигли цѣли цѣною громадныхъ жертвъ. Окруженнымъ непріателемъ Туркамъ пришлось пробиваться сквозь ряды его лишь частями, и только на слѣдующій день успѣли они добраться до Требинья партіями отъ 20 до 30 человекъ. Понесенный Турками уронъ былъ очень значителенъ, что и вынудило начальствовавшего в Требиньѣ Шефкет-пашу приказать всемъ отдѣльнымъ отрядамъ, дѣйствовавшимъ на различныхъ пунктахъ окрестной мѣстности, немедленно собраться въ указанной крѣпости.

Герцеговинско-боснійское движеніе могло бы безъ всякаго сомнѣнія имѣть несравненно болѣе успѣха, еслибы единодушіе населенія не нарушалось религиозными распрями и фанатическою нетерпимостію православныхъ и католиковъ. Хотя и тѣ и другіе в одинаковой степени страдали отъ нестерпимой неурядицы, господствовавшей в турецкой администраціи, но вслѣдствіе низкаго уровня своего развитія, народъ даже временно не хотѣлъ отказаться отъ раздоровъ, вызываемыхъ церковными различіями. Это особенно рѣзко замѣчалось в Босніи, гдѣ в возстаніи участвовали одни православные, тогда какъ католики, напротивъ, нерѣдко оказывали Туркамъ содѣйствіе, слѣдуя в этомъ случаѣ внушеніямъ своего духовенства, которое, в силу особыхъ инструк-

ций отъ римской курии, съ самаго начала успѣшно проповѣдывало въ церквахъ о необходимости безусловно повиноваться властямъ. Одною изъ немаловажныхъ причинъ неуспѣха можно считать также то, что между предводителями возникали порой несогласія; приходилось держать въ тайнѣ операціонные планы, изъ опасенія, чтобы о нихъ не было общено неприятелю. Къ ноябрю мѣсяцу расположеніе инсургентскихъ отрядовъ было слѣдующее: Лазарь Сочица съ 2,000 человекъ находился въ южной Герцеговинѣ; Любичичъ въ мѣстности около Требинья и Попова Поля, съ бандами, численность которыхъ едва ли превышала въ совокупности 3—4,000 человекъ; въ округѣ Новаго Базара размѣщался отрядъ священника Царко, приблизительно въ 3,000 борцовъ.

Въ разсказѣ этомъ уже неоднократно упоминалось о затруднительности положенія, въ которое были поставлены Сербія и Черногорія съ самаго начала возстанія, и о чрезвычайныхъ усиліяхъ князей Милана и Николая удерживать стремленія ихъ подданныхъ ополчиться на помощь соплеменникамъ и единовѣрцамъ. Уже нѣсколько разъ казалось, что объявленіе войны княжествами неизбежно, тѣмъ болѣе что Турція сама подавала къ тому поводы, то сосредоточивая войска на ихъ границахъ, то возбуждая усложненія въ сношеніяхъ съ ними.

Наконецъ дѣло дошло даже до того, что Порта безцеремонно стала возлагать на оба княжества отвѣтственность за сопротивленіе возмущившихся провинцій и за неуспѣшность подавленія возстанія. Способъ сваливанія вины «съ большой головы на здоровую» не новъ, а потому всѣ хитросплетенные доводы, которыми подкрѣпляли турецкіе государственные люди измышленныя ими обвиненія, не имѣли успѣха, и

Европа не давала имъ вѣры. Напротивъ захватъ Турками въ Босніи двухъ сербскихъ подданныхъ и долгое задержаніе ихъ въ тюрьмѣ безъ всякаго суда, несмотря на то что бѣлградское правительственное неоднократно требовало ихъ освобожденія, едва не послужившее даже поводомъ къ объявленію Турціи войны со стороны Сербіи, — служили предметомъ общаго строгаго порицанія. Случай этотъ вызвалъ даже въ сербской скупщинѣ сильный взрывъ негодованія, такъ что понадобилось созвать тайное засѣданіе, на которомъ министр иностранныхъ дѣлъ, выяснивъ доводы политической предусмотрительности, съ трудомъ успѣлъ отклонить палату отъ постановленія поспѣшнаго, рискованнаго рѣшенія. Истинная же причина какъ возстанія такъ и неуспѣшности его подавленія и вообще неурядицы во всемъ государственномъ строѣ Оттоманской имперіи заключалась въ безучастномъ отношеніи правительства къ нуждамъ и судьбамъ своихъ подданныхъ. Еслибы реформы, возвѣщенныя султанскимъ праде 2 октября, были дарованы и получили практическое примѣненіе ранѣе, то смѣло можно сказать, что Турція не дошла бы до того безвыходнаго положенія, въ которомъ она тогда находилась. Когда же въ критическую минуту ей пришлось начинать все сызнова, то на каждомъ шагѣ стали возникать величайшія затрудненія.

Разнородные интересы партій, мѣстные предрасудки, честолюбивыя вліянія, придворныя интриги, антагонизмъ расъ и ихъ взаимное недовѣріе—все это въ совокупности не только затрудняло введеніе новыхъ порядковъ, но и предвѣщало, что имъ суждено вовсе не осуществляться.

Европейскія державы, сознавая тревожность настоящаго положенія дѣлъ, не питали вмѣстѣ съ тѣмъ никакой надежды на осуществленіе турецкихъ реформъ. Имѣя главнѣе всего

въ виду предотвратить общую войну въ Европѣ, онѣ не могли также, для достиженія этой цѣли, отказаться отъ прямиго своего долга: улучшенія положенія христіанскихъ подданныхъ Турціи. Принести ихъ въ жертву основной идеѣ — было бы слишкомъ жестоко. Поэтому три Императорскихъ правительства (Россіи, Германіи, Австріи) приступили къ взаимному обмѣну мыслей и къ присканію средствъ миролюбиво и гуманно уладить дѣло. Россія предложила возложить починъ по сему предмету на Австро-Венгрію, — министромъ иностранныхъ дѣлъ которой, графомъ Андраши, составлена была въ началѣ ноября нота, заключающая какъ изложеніе нуждъ христіанскаго населенія Турціи, такъ и ряда мѣръ, способныхъ привести къ умиротворенію возставшихъ провинцій и къ обезпеченію ихъ будущаго благополучія. Нота эта, утвержденная императорами, была сообщена правительствамъ Франціи, Англіи и Италіи, которыя, признавъ ея практическую и цѣлесообразность, изъявили согласіе на коллективныя дѣйствія. Затѣмъ рѣшено было передать ноту турецкому правительству и совокупно настаивать, чтобы она была принята безусловно и чтобы предложенныя ею мѣры были безотлагательно приведены въ исполненіе. Однако, по пословицѣ: «скоро слово сказывается, да не скоро дѣло дѣлается», врученіе андрашіевской ноты Портѣ послѣдовало значительно позднѣе. Щадя самолюбіе султана, державы медлили сдѣлать рѣшительный шагъ и тѣмъ допустили со стороны турецкаго правительства различныя возраженія. Такъ напримѣръ: заявленіе Порты, что немедленная передача ей ноты возбудитъ энергію инсургентовъ и усилить ихъ сопротивленіе, такъ какъ они несомнѣнно увидятъ въ томъ доказательство, что Европа оказываетъ имъ поддержку, — было признано заслуживающимъ уваженія. Державы дали согласіе

отсрочить передачу ноты, — но лишь только Порта заручилась таковымъ, какъ появился новый султанскій фирманъ (отъ 12 декабря), возвѣщавшій новыя реформы, дарованныя будто бы падишахомъ по «личному побужденію», въ виду постоянныхъ его заботъ о благѣ подданныхъ! Въ этомъ фирманѣ были почти дословно включены все реформы, предлагавшіяся проектомъ графа Андраши, а потому Европа, не имѣя никакого сомнѣнія, что онъ обнародованъ единственно съ цѣлю устранить ея вмѣшательство, отнеслась къ нему съ полюбившимъ равнодушіемъ, но признала необходимымъ отсрочить еще свои совокупныя дѣйствія, дабы убѣдиться, будутъ ли приведены обѣщанныя султаномъ реформы въ дѣйствительное исполненіе. Эта послѣдняя отсрочка была даже неизбежна, такъ какъ требовался пересмотръ ноты графа Андраши, для измѣненія нѣкоторыхъ ея положеній; новое соглашеніе по этому поводу между державами не могло быть достигнуто въ короткое время.

Расположеніе главныхъ инсургентскихъ отрядовъ къ началу ноября уже уяснено въ настоящемъ разсказѣ. Остается добавить, что къ этому времени произошли замѣтныя улучшенія какъ въ организациі шаекъ, такъ и въ вооруженіи ихъ. Не отрицая того, что инсургенты могли получить часть оружія и снарядовъ из-за границы, при посредствѣ дагматинскихъ и черногорскихъ братьевъ, слѣдуетъ также указать, что при стычкахъ съ Турками они усердно занимались отбираниемъ оружія у убитыхъ и раненныхъ враговъ и такимъ способомъ весьма успѣшно пополняли свои запасы. Было очевидно, что шансы инсургентовъ на успѣхъ значительно увеличились, и что турецкимъ войскамъ приходилось уже имѣть дѣло не съ нестройными толпами пастуховъ-горцевъ, а съ опытными, мужественными борцами, превосходно вооружен-

ными, рѣшившимися или завоевать себѣ свободу, или умереть съ оружіемъ въ рукахъ.

По увольненіи Гуссейна-Авнип-паши отъ должности военнаго министра, мѣсто его занялъ Риза-паша; затѣмъ послѣдовала еще перемѣна: Риза-паша получилъ портфель морскаго министра Намик-паши, который вступилъ въ управленіе министерствомъ военнымъ. Желая какъ можно скорѣе подавить возстаніе, Намик-паша рѣшился увеличить боевыя силы, находившіяся въ Герцеговинѣ, и на первыхъ же порахъ отправилъ туда бригаду Галиль-паши, черезъ Клекъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлалъ распоряженіе о постепенномъ отправленіи и другихъ отрядовъ. Не принявъ во вниманіе тяжелыхъ, невыгодныхъ условий, въ которыхъ находился во все время возстанія Дервиш-паша, Намик-паша безусловно приписалъ всѣ неудачи его нераспорядительности и неумѣлости и испросилъ у султана назначеніе Реуф-паши главнокомандующимъ войсками, находившимися въ Герцеговинѣ, который не медлялъ туда отправиться.

Тяжело поразило Реуф-пашу по прибытіи его въ Мостаръ извѣстіе, что форты Никшичъ и Горанско осаждены инсургентами и находятся въ опасномъ положеніи, особенно послѣдній, такъ какъ гарнизонъ его, нуждаясь въ продовольствіи, будетъ въ непродолжительномъ времени вынужденъ сдаться. По его приказанію, Шефкет-паша, собравъ у Метокъ 8 батальоновъ пѣхоты и 2 батальона стрѣлковъ, при 6 горныхъ орудіяхъ, всего около 5,000 человекъ, выступилъ къ Казаничъ и ночевалъ тамъ съ 9 на 10 ноября. Во время увѣдомленные о движеніи Шефкета-паши, инсургенты немедленно: Пеко Павловичъ съ 3,000 человекъ занялъ удобную позицію на густо поросшихъ лѣсомъ возвышенностяхъ Бѣлой Долины; остальные 2,000 человекъ были имъ распо-

ложены впереди Горанско. Вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣстивъ о движеніи непріятели шайки, блокировавшія Никшичъ, Пеко вызвалъ 2-тысячный отрядъ Груича къ Голѣ, сѣверной оконечности Дугскаго ущелья. Эти распоряженія Пеко Павловича вполне свидѣтельствовали о его несомнѣнныхъ военныхъ дарованіяхъ: никто изъ другихъ отдѣльныхъ начальниковъ не могъ соперничать съ нимъ въ этомъ отношеніи и званіе главнокомандующаго безспорно принадлежало ему, а не Любичичу, хотя этотъ послѣдній усиленно добивался такового.

Подойдя къ Бѣлой Долинѣ утромъ 10 ноября, Шефкет-паша выдвинулъ свою горную батарею и открылъ огонь по предполагаемой позиціи инсургентовъ, которые, укрывшись за естественными преградами, не понесли никакихъ потерь. Тогда около полудня турецкая пѣхота подошла къ опушкѣ лѣса и завязался ожесточенный рукопашный бой. Перевѣсъ былъ на сторонѣ Турокъ, по причинѣ превосходства въ численности; а потому инсургенты вынуждены были оставить позиціи при Бѣлой Долинѣ и отступить далѣе въ горы. Тамъ они расположились на ночлегъ и зажгли множество костровъ съ цѣлю привлечь вниманіе Груича и тѣмъ ускорить его прибытіе. Груичъ дѣйствительно замѣтилъ поданный ему сигналъ и въ тотъ же вечеръ соединился съ Пеко.

Утомленные труднымъ переходомъ и упорнымъ боемъ, войска Шефкета-паши нуждались въ отдыхѣ, но инсургенты всю ночь тревожили ихъ, подкрадываясь къ пикетамъ и завязывая тамъ перестрѣлку. Когда 11 ноября въ 8 часовъ утра Шефкет-паша сталъ продолжать свое наступательное движеніе къ Горанско, то отрядъ Груича преградилъ ему дорогу; бой длился нѣсколько часовъ, — съ обѣихъ сторонъ ожесточеніе было страшное, — но утомленные турецкія войска не могли

долго напрягать усилий и вынуждены были отступить на прежнюю свою позицию, гдѣ переночевавъ, выступили 12 числа обратно въ Метокію, отказавшись отъ намѣренія освободить Горанско. Потери Турокъ были очень велики, но и инсургенты лишились болѣе 450 человекъ.

Неудача Шефкета-паши сильно встревожила и огорчила Реуфа-пашу; собравъ у Метокіи 12,000 человекъ пѣхоты при 12 горныхъ орудіяхъ, онъ лично повелъ ихъ 24 ноября по направленію къ Пивскому монастырю, тоже съ цѣлю освободить Горанско, причемъ раздѣливъ для удобства дѣйствій свое войско на нѣсколько небольшихъ отрядовъ.

Мы уже упоминали выше о несогласіяхъ и раздорахъ, непрерывно возникавшихъ между предводителями инсургентскихъ отрядовъ; такъ было и теперь. Безполезно тратя время въ пререканіяхъ и убаюкивая себя надеждою, что Турки не рѣшатся возобновить своей попытки, особенно зимою, когда уже наступили холода и выпало много снѣга, — они были какъ громомъ поражены вѣстью о наступательномъ движеніи Реуфа-паши. Что было дѣлать? Противопоставить сильному турецкому отряду достаточное войско они не могли и думать; а потому послѣдовало единогласное рѣшеніе уклониться отъ встрѣчи съ непріятелемъ и оставить Горанско. Это облегчило задачу турецкаго главнокомандующаго: онъ безпрепятственно дошелъ до цѣли своего движенія и снабдилъ фортъ достаточнымъ количествомъ продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ.

Дѣятельность Реуфа-паши тѣмъ еще не ограничилась: онъ прогналъ шайки, ворвавшіяся изъ Баньи въ селеніе Билану, близъ Клека, и заставивъ инсургентовъ снять осаду Никшича, обезпечилъ этотъ фортъ продовольствіемъ. Такой успѣхъ былъ добытъ дорогою цѣною, такъ какъ не одна сотня Ту-

рокъ обагрила своею кровью узкія горныя тропинки Дугскаго ушеля.

Битвы въ окрестностяхъ Никшича были послѣдними въ 1875 году; наступила суровая зима, вершины горъ покрылись снѣгомъ, равнины были занесены имъ. Всякое передвиженіе войскъ сдѣлалось невозможнымъ не только для Турокъ, но и для инсургентовъ; поневолѣ приходилось укрываться отъ холода, вьюгъ и мятежей. Но и тутъ положеніе инсургентовъ было значительно лучше положенія Турокъ: населеніе пріютило ихъ по возможности удобно и снабжало всѣмъ необходимымъ. Турки же вынуждены были разиѣститься на зимовку по холоднымъ, курнымъ блоктаузамъ, или по грязнымъ, сырмъ казармамъ, въ которыхъ кишмя кишели всякіе гады.

Во второй половинѣ декабря послѣдовала новая перемѣна главнокомандующаго турецкими войсками въ Герцеговинѣ. Причину этой перемѣны объясняли различно: одни говорили, что здоровье Реуф-паши было давно разстроено и что трудности похода въ такой гористой мѣстности, какъ Герцеговина, были ему не по силамъ и онъ самъ просилъ о своемъ отозваніи; другіе настаивали на томъ, что назначеніе Али-паши валиемъ Герцеговины, а Констан-эфенди его помощникомъ (вице-губернаторомъ) показалось ему обидою и послужило поводомъ къ желанію получить увольненіе. Наконецъ, находились и такіе, которые утверждали, что онъ смѣненъ правительствомъ за то, что не сумѣлъ окончательно подавить возстаніе до наступленія зимы. Какъ бы впрочемъ ни было, но Реуфа-пашу отозвали, а на его мѣсто былъ назначенъ Мухтар-паша, незаконный сынъ покойнаго султана Абдул-Меджида. Онъ прибылъ въ Клекъ 1 января 1876 года и тотчасъ же посѣщивъ въ Требинье, избранный имъ для постоянного пре-

быванія, какъ главная штаб-квартира войскъ. Нельзя не сознать, что новый главнокомандующій вступалъ въ должность далеко не при благоприятныхъ обстоятельствахъ: съ августа мѣсяца 1875 по январь 1876 года, выставлено было турецкимъ правительствомъ на театр военныхъ дѣйствій до 40,000 человекъ; ко времени же вступленія его въ должность, годныхъ къ бою солдатъ оказывалось едва 17,000! Отсутствие перевозочныхъ и медицинскихъ средствъ ощущалось весьма серьезно; но главнѣе всего ощущался недостатокъ въ деньгахъ, безъ которыхъ вести войну немислимо.

Одновременно почти съ назначеніемъ Мухтара-паши главнокомандующимъ турецкими войсками, находившимися въ Герцеговинѣ,—воеводою Герцеговины былъ избранъ инсургентами Пеко Павловичъ. Любичичъ долженъ былъ уступить первенство мужественному черногорцу, въ виду несомнѣнныхъ заслугъ и неотъемлемыхъ его способностей, и удалиться въ Сербію—до времени болѣе благоприятнаго.

Тщетно прождавъ почти два мѣсяца практически благотворныхъ результатовъ султанскаго фирмана отъ 12 декабря 1875 года и убѣдясь, что таковыхъ вовсе не послѣдуетъ, такъ какъ для этого нужно было, «чтобы Турки перестали быть Турками»,—европейскія державы рѣшились дѣйствовать: 31 января н. с. 1876 года австро-венгерскій посолъ графъ Зичи вручилъ турецкому министру иностранныхъ дѣлъ Решиду-пашѣ ноту своего правительства и проектъ реформъ, составленный графомъ Андраши, одобренный шестью великими державами.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ настоящаго разсказа будетъ представлено читателямъ какъ подробное изложеніе основныхъ началъ этого проекта, такъ и дальнѣйшая судьба его.

ОТДѢЛЪ II.

Хотя мы сказали въ предыдущемъ отдѣлѣ, что удачными дѣйствіями Турокъ около Билека, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1875 года, закончились военныя операціи и что обѣ воюющія стороны, размѣстившись на зимовку, но затишье это во всякомъ случаѣ нельзя признать безусловнымъ. Не было конечно столкновеній большихъ массъ; однако во второй половинѣ января 1876 года, именно 18 числа, инсургенты, подъ начальствомъ Пеко Павловича, Максима Бачевича, Трифки Вукаловича и Луки Петковича, напали близъ Дуже на турецкій отрядъ, выступившій наканунѣ изъ Требинья по направленію къ Рагузѣ, и нанесли ему рѣшительное пораженіе. Послѣ трехдневнаго, отчаяннаго сопротивленія, во время котораго Турки разстрѣляли всѣ свои патроны, отрядъ этотъ былъ почти поголовно истребленъ; только незначительная его часть, повинувшаяся приказанію своихъ раненыхъ офицеровъ, съ трудомъ спаслась бѣгствомъ въ фортъ Дриенъ. Не дешево заплатились впрочемъ и инсургенты за свою побѣду: они лишились болѣе 150 человекъ убитыми и ранеными. Паль также любимый вождь ихъ Максимъ Бачевичъ, родственникъ князя Николая Черногорскаго: онъ участвовалъ въ 14 сраженіяхъ, всегда находился впереди своихъ людей, вооду-

шевялъ ихъ примѣромъ геройской храбрости. Смерть его горячо была оплакиваема, а тѣло, отправленное въ Баняны, упокоилось рядомъ съ тѣломъ отца его, воеводы Ивана Бачевича, убитаго въ 1861 году Турками, предводимыми Алипашею, при Веризавицимѣ. На пути къ послѣдному мирному пристанищу, прахъ героя повсюду встрѣчалъ шумныя, трогательныя оваціи.

Это поражение турецкаго отряда не имѣло важнаго значенія. Оно отнюдь не измѣняло общаго положенія дѣлъ и не доставляло инсургентамъ никакихъ существенныхъ выгодъ. Объ этой схваткѣ слѣдовало бы упомянуть только, какъ о новомъ доказательствѣ храбрости и стойкости смѣлыхъ борцовъ за свободу, еслибы она не оказала нѣкоторой, не лишенной значенія, доли вліянія на дипломатическіе переговоры, происходившіе тогда въ Константинополѣ. Вѣсть объ истребленіи турецкаго отряда блистательно опровергала беззащитивыя завѣренія Порты, что возстаніе вполне подавлено и что слѣдовательно всякое вмѣшательство державъ въ герцеговинскія дѣла по меньшей мѣрѣ бесполезно. Порта такъ настойчиво, такъ самоувѣренно заявляла это, что категорически уличить ее во лжи было вполне необходимо; извѣстіе о побѣдѣ инсургентовъ при монастырѣ Дуже приспѣло какъ нельзя болѣе кстати, убѣдивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что если возстаніе просуществовало и нисколько не ослабѣло во время суровой зимы, то съ наступленіемъ весны послѣдуетъ еще большее его развитіе. Совокупныя дѣйствія европейскихъ державъ, направленные къ достиженію прочнаго умиротворенія объятыхъ мятежемъ провинцій, представлялись такимъ образомъ вполне умѣстными, необходимыми, и медлить долѣе таковыми не было никакой возможности.

Ускореніе передачи Порты ноты графа Андраши несомнѣнно

было вызвано вѣстью о новой побѣдѣ инсургентовъ, и мы уже знаемъ, что австро-венгерскій посолъ въ Константинополѣ графъ Зичи вручилъ ноту своего правительства турецкому министру иностранныхъ дѣлъ Рашиду-пашѣ 31 января н. с. 1876 года. Въ тотъ же день послы Германіи, Россіи, Англіи, Франціи и Италіи заявили турецкому сановнику отъ имени своихъ правительствъ, что австрійскій проектъ во всѣхъ частяхъ ими вполне одобренъ, а принятіе его рекомендуется, какъ вѣрное средство къ прекращенію тревожнаго положенія дѣлъ.

Прежде чѣмъ ознакомить читателей съ текстомъ проекта реформъ графа Андраши, не лишнее будетъ упомянуть, что по измѣненіи и исправленіи нѣкоторыхъ его пунктовъ, первоначальная редакция которыхъ оказалась несоотвѣтствующею предложеннымъ цѣлямъ вслѣдствіе обнаруженія султанскаго фирмана 12 декабря 1875 года, проектъ этотъ, одобренный правительствами трехъ имперій, былъ сообщенъ кабинетамъ остальныхъ великихъ державъ съ предложеніемъ присоединиться къ нему. Франція и Италія успѣли выразить свое согласіе; Англія же довольно долго не давала отвѣта и возбуждала тѣмъ серьезныя подозрѣнія, что она преслѣдуетъ исключительныя, эгоистическія цѣли. Кромѣ того, такое промедленіе Англіи едва не породило многочисленныхъ затрудненій и усложненій, такъ какъ въ случаѣ ея отказа державамъ не представлялось ничего иного, какъ рѣшиться дать ходъ условленному давленію на Порту даже и безъ участія Англіи. Хотя взгляды Англичанъ на положеніе Турціи въ послѣдніе двадцать лѣтъ значительно измѣнились и лучшіе люди страны уже признавали необходимымъ поставить имперію Османовъ «подъ опеку Европы», но практическое примѣненіе такого взгляда было для нихъ дѣломъ еще совершенно новымъ.

Приглашеніе, полученное Англійей, приступить къ совокупнымъ дѣйствіямъ въ этомъ смыслѣ, конечно вліяло на Англичанъ успокоительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ возникали многія сомнѣнія, послужившія поводомъ къ медленности въ принятіи англійскимъ правительствомъ окончательнаго рѣшенія: а именно такое промедленіе и было менѣе всего желательно, потому что оно легко могло быть истолковано въ смыслѣ недовѣрія къ сѣвернымъ державамъ.

Мотивы, побуждавшіе нѣкоторое время Англійю отказываться отъ участія, предложеннаго ей державами, заключались повидимому въ слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) Если для того, чтобы принудить Порту принять ноту графа Андраши, потребуется вооруженная сила или занятіе возмущившихся провинцій, то поддержка такихъ мѣръ Англійей не будетъ ли равносильна прямому вмѣшательству во внутреннія дѣла Оттоманской имперіи и не поведетъ ли это къ возбужденію восточнаго вопроса? 2) Такъ какъ три имперіи условились касательно изготовленной ноты, не спросивъ совѣта Англійи, то имѣютъ ли онѣ право настаивать на ея принятіи и на оказаніи ей какой-либо поддержки?

Оба эти соображенія не выдерживали однако серьезной критики; первое опровергалось тѣмъ, что еслибы между державами обнаружались признаки недовѣрія и подозрительности, то именно въ такомъ случаѣ и возникло бы сопротивленіе Порты, которое немислимо при общихъ, дружныхъ дѣйствіяхъ Европы, такъ какъ Турція никогда не рѣшится возбудить своимъ сопротивленіемъ вопросъ, тѣсно связанный съ ея собственнымъ существованіемъ. Что же касается втораго соображенія, то оно не должно было вліять на политику Англійи, потому что «оскорбленное тщеславіе есть жалкій мотивъ, какъ въ національныхъ, такъ и въ личныхъ спорахъ»; при-

томъ истинное достоинство великой націи, требуя лишь безпристрастнаго обсужденія, пригодны ли предложенія, формулированные въ проектѣ графа Андраши, возлагало на Англійю обязательство оказать дѣйствительную поддержку приведенію ихъ въ исполненіе. Если же Англійя могла признать возможнымъ сдѣлать что-либо для спасенія балканскихъ христіанъ отъ ненавистной тиранніи и для устраненія отъ Европы опасностей неизбѣжныхъ при возникновеніи грозной войны, то она подавно могла забыть о томъ, что не участвовала въ составленіи этого проекта.

Колебаніе англійскаго правительства продолжалось впрочемъ не долго; 18-го января н. с. собрался совѣтъ министровъ, подробно разсмотрѣвшій проектъ графа Андраши и разсѣявшій сомнѣнія, основывавшіяся преимущественно на томъ, что проектъ этотъ былъ выработанъ по предложенію Россіи. Англійя упорно не довѣряла искренности дѣйствій русскаго правительства относительно Турціи—и недовѣріе это постоянно поддерживалось въ ней донесеніями представителя ея въ Константинополѣ, сэра Генри Эллиота; поэтому она ожидала найти въ проектѣ нѣчто несовсѣмъ благоприятное для утвержденія мира и для сохраненія цѣлости и независимости Оттоманской имперіи. Полагали даже, что графъ Андраши попался въ сѣти, разставленныя ему, и хотя по тщательномъ изслѣдованіи министры убѣдились въ противномъ, все же выразили опасеніе относительно возможныхъ послѣдствій, и приняли рѣшеніе оказать поддержку австрійскому проекту, но ограничить ее тѣмъ, что Англійя во всякомъ случаѣ удерживаетъ за собою свободу дальнѣйшихъ дѣйствій.

«Только первый шагъ труденъ», говоритъ пословица. Недовѣріе Англійи, выразившееся въ ея колебаніи одобрить коллективныя представленія державъ, послужило первымъ зве-

номъ къ возникновенію безчисленныхъ усложненій, недоразумѣній и даже явно враждебныхъ дѣйствій въ ея послѣдующей политикѣ въ восточномъ вопросѣ. И какъ ни кратко-временно было колебаніе, но оно подало Портѣ поводъ дѣлать возраженія, и главнѣе всего—увѣрвать, что въ критическую минуту Англія открыто приметъ ея сторону и отвратитъ всякое посягательство на нарушеніе «цѣлости и независимости» имперіи Османовъ.

«Съ самаго начала волненій въ Герцеговинѣ», говоритъ графъ Андраши въ составленной имъ нотѣ, «европейскіе кабинеты, заинтересованные общимъ миромъ, должны были обратить свое вниманіе на событія, угрожавшія ему опасностію. Три двора: австро-венгерскій, русскій и германскій, обмѣнявшись взглядами по этому вопросу, соединились, дабы осуществить дѣло умиротворенія. Эта цѣль оказалась до того соотвѣтствующею общимъ желаніямъ, что прочіе кабинеты, приглашенные къ взаимодѣйствіямъ, поспѣшили выразить полное свое согласіе, и такимъ образомъ состоялось соглашеніе употребить все вліяніе, какимъ только могутъ располагать державы, чтобы локализовать столкновеніе, уменьшить его опасности и бѣдствія и воспрепятствовать Сербіи и Черногоріи принять участіе въ возстаніи. Слово ихъ представлялось тѣмъ болѣе вѣскимъ, что оно было тождественно и слѣдовательно свидѣтельствовало о твердой волѣ Европы не допускать, чтобы необдуманныя увлеченія подвергли опасности всеобщій миръ. Сверхъ того кабинеты предложили турецкому правительству добрыя услуги своихъ консульскихъ агентовъ, для содѣйствія къ умиротворенію возстанія. Постоянно имѣя въ виду эту задачу, они тщательно старались выказать вмѣстѣ съ тѣмъ полное вниманіе къ достоинству, правамъ и авторитету государя и устранить все то, что могло бы возбу-

дить предположеніе о преждевременномъ вмѣшательствѣ Европы.

«Слѣдуя такой программѣ, кабинеты ограничились совѣтами правительству султана не довольствоваться одними военными мѣрами, но стараться искоренить зло нравственными средствами, способными предупредить потрясенія и на будущее время. Дѣйствуя такимъ образомъ, кабинеты желали доставить высокой Портѣ нравственную поддержку, въ которой она нуждалась, и сверхъ того дать ей время для умиротворенія возставшихъ провинцій, въ надеждѣ, что тѣмъ устранится всякая опасность замѣшательствъ въ будущемъ. Съ одной стороны, реформы, обнародованныя Портой, не имѣя повидимому задачей прочнаго умиротворенія населенія возставшихъ провинцій, не были достаточны для достиженія этой существенной цѣли; съ другой стороны, турецкое оружіе не успѣло силою положить конецъ возстанію. Въ виду такихъ обстоятельствъ, для державъ наступила минута условиться относительно совокупнаго образа дѣйствій, дабы воспрепятствовать распространенію движенія, продолженіе котораго могло бы наконецъ подвергнуть опасности европейскій миръ».

Представляя затѣмъ дѣйствительно бѣдственное положеніе христіанскихъ подданныхъ Турціи, перечисляя усилія европейскихъ государствъ содѣйствовать поддержанію спокойствія на Балканскомъ полуостровѣ и указывая на то, что до сего времени ни одна изъ многочисленныхъ реформъ, обѣщанныхъ султанами, не получила практическаго примѣненія, — графъ Андраши свидѣтельствовалъ, какъ мало вѣры встрѣчали обѣщанія высокой Порты со стороны христіанскихъ населеній, и присовокуплялъ:

«Невозможно скрыть, что реформы, возвѣщенные султанскимъ праде 2-го октября и фирманомъ 12-го декабря, спо-

собны внушить необходимое довѣріе лишь подъ непремѣннымъ условіемъ созданія въ то же время учрежденія, которое могло бы представить нѣкоторую гарантію того, что эти реформы будутъ серьезно примѣнены. Ограничиваясь предоставленіемъ ихъ выполненія доброй волею губернаторовъ, никогда не удастся превозмочь недовѣріе. Поэтому, дабы достигнуть прочнаго умиротворенія, слѣдуетъ принять и примѣнить слѣдующіе пять пунктовъ:

«1) Даровать полную и совершенную религиозную равноправность.

«2) Отмѣнить отдачу на откупъ налоговъ.

«3) Издать законъ, гарантирующій употребленіе прямыхъ податей, взимаемыхъ въ Босніи и Герцеговинѣ, на нужды самого края, подъ контролемъ органовъ, имѣющихъ учредить-ся въ смыслѣ фирмана 12-го декабря 1875 г.

«4) Учредить комиссію изъ нотаблей страны, наполовину изъ христіанъ и наполовину изъ мусульманъ, избранныхъ самимъ населеніемъ, на основаніи порядка, который установится высокою Портой, и

«5) Улучшить земельныя отношенія сельскаго населенія.

«Первые четыре пункта могутъ и должны быть немедленно осуществлены; осуществленіе же пятого имѣетъ послѣдовать постепенно, насколько представится къ тому возможность.

«Если, независимо отъ этихъ, наиболѣе существенныхъ уступокъ, Боснія и Герцеговина воспользуются еще реформами, указанными въ послѣднемъ фирманѣ, а именно: несмѣняемостью судей, свѣтскимъ судомъ, личною свободою, гарантіей противъ притѣсненій, преобразованіемъ полиціи, дѣйствія которой породили столько жалобъ, прекращеніемъ злоупотребленій, къ которымъ такъ много поводовъ подають

существующія натуральныя повинности, справедливымъ уменьшеніемъ выкупа отъ воинской повинности, гарантированіемъ права собственности,—то можно вполнѣ надѣяться на водвореніе мира въ этомъ несчастномъ краѣ».

Нота графа Андраши оканчивалась слѣдующими выводами:

«Резюмируя сказанное, оказывается, что неопредѣленные обѣщанія ирада 2-го октября и фирмана 12-го декабря могутъ только преувеличить требованія инсургентовъ, не удовлетворяя ихъ. Съ другой стороны, должно констатировать, что турецкое оружіе не съумѣло положить конецъ возстанію: къ веснѣ оно неминуемо возгорится. Между христіанами существуетъ всеобщее убѣжденіе, что, съ наступленіемъ весны, новые элементы усилить возстаніе, что къ движенію присоединятся болгары, крїтяне и пр. Какъ бы то ни было, можно предвидѣть, что правительства Черногоріи и Сербіи, которымъ до сихъ поръ стоило большаго труда держаться въ сторонѣ отъ движенія, будутъ не въ состояніи противиться долге увлекающему ихъ теченію, и уже теперь, подъ влияніемъ событій и общественнаго настроенія ихъ странъ, они повидимому свыклись съ мыслию, что имъ придется примкнуть къ движенію, когда растаетъ снѣгъ.

«Въ виду такого положенія, задача державъ, желающихъ въ интересъ общаго мира предотвратить будущія усложненія, становится очень трудною. Австро-Венгрія и другіе два императорскіе двора, послѣ конфиденціального обмѣна мыслей, пришли къ общему убѣжденію, что если ограничиться выжиданіемъ послѣдствій принциповъ, провозглашенныхъ послѣднимъ фирманомъ,—которыхъ впрочемъ Порты повидимому не намѣрена немедленно примѣнить къ возставшимъ провинціямъ,—то къ концу зимы возстаніе приметъ болѣе широкіе размѣры. Единственный шансъ къ предотвращенію новыхъ

замѣшательствъ заключается лишь въ манифестаціи державъ, способной подтвердить ихъ твердую рѣшимость остановить движеніе, грозящее увлечь Востокъ.

«Но эта цѣль не можетъ быть достигнута посредствомъ внушеній, обращенныхъ лишь къ правительствамъ обоихъ княжествъ и христіанскимъ населеніямъ, состоящимъ въ подданствѣ султана. Для того чтобы это дѣйствіе державъ, трудное само по себѣ, имѣло шансы на успѣхъ, рѣшительно необходимо, чтобы державы могли ссылаться на акты ясныя, не подлежащіе спору, практическіе и спеціально пригодные улучшить положеніе Босніи и Герцеговины, — словомъ, чтобы предстояла возможность опираться на факты, а не на программы. Только такимъ путемъ кабинеты будутъ въ состояніи съ твердостью настоять на принятіи ихъ миротворныхъ совѣтовъ.

«Есть еще первостепенной важности затрудненіе, превозмочь которое слѣдуетъ во что бы то ни стало, желая достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ. Оно заключается въ томъ глубоко укоренившемся недовѣрїи, которымъ встрѣчается христіанами всякое обѣщаніе, исходящее отъ Порты. Недовѣріе это оправдывается тѣмъ, что много мѣръ, возвышенныхъ въ послѣднихъ рескриптахъ султана, были уже провозглашены въ прежнихъ гатти-шерифахъ, но отъ этого въ судьбѣ христіанъ не послѣдовало никакого замѣтнаго улучшенія.

«Но этой причинѣ кабинеты считаютъ абсолютно необходимымъ настоять на томъ, чтобы правительство султана подтвердило посредствомъ официального сообщенія намѣренія, возвышенныя имъ въ проектѣ 2-го октября и 12-го декабря, и чтобы оно въ то же время заявило державамъ о принятіи имъ вышеупомянутыхъ пунктовъ, имѣющихъ спеціальною цѣлю

умиротвореніе возставшихъ провинцій. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ путемъ христіане не получаютъ тѣхъ гарантій, которыхъ они добиваются, но они найдутъ относительно обезпеченіе уже въ томъ фактѣ, что дарованныя реформы будутъ признаны державами необходимыми и что Порта обяжется передъ лицомъ Европы ихъ исполнить».

5-го февраля 1876 года Решид-паша словесно сообщилъ посламъ великихъ державъ, что султанъ принялъ предложенія, заключающіяся въ нотѣ графа Андраши, и въ непродолжительномъ времени издастъ новый спеціальнй фирманъ для Босніи и Герцеговины. Мнимая болѣзнь султана послужила благовиднымъ предлогомъ еще затянуть дѣло на нѣкоторое время — и только 11-го февраля послѣдовало обнародованіе праде о дарованіи реформъ, предложенныхъ проектомъ графа Андраши; объ этомъ сообщено было представителямъ шести державъ при константинопольскомъ дворѣ, а также представителямъ Порты при ихъ правительствахъ. Ограниченіе заключалось только въ томъ, что вопросъ о расходованіи части доходовъ возставшихъ провинцій въ ихъ пользу предполагалось разрѣшить особою смѣшанною комиссіей.

Подтверждая всѣ общія реформы, обѣщанныя фирманомъ 12-го декабря 1875 года, султанскимъ праде 11-го февраля повелѣвалось привести въ исполненіе еще слѣдующія спеціальныя реформы въ возставшихъ провинціяхъ: утвердить полную свободу вѣроисповѣданія для не-мусульманъ; замѣнить откупную систему сбора податей системой административной; допустить продажу принадлежащихъ казнѣ пустоположныхъ земель, съ оказаніемъ притомъ предпочтенія желающимъ приобрести права собственности; соблюдать и уважать равноправность подданныхъ при приобретеніи ими недвижимыхъ имуществъ; назначить комиссіи наполовину изъ му-

сулманъ и не-мусульманъ, подъ предѣдательствомъ высшихъ чиновниковъ, въ двухъ главныхъ городахъ Босніи и Герцеговины, для наблюденія за скорымъ приведеніемъ въ исполненіе реформъ; наконецъ увеличить соотвѣтственно съ мѣстными потребностями, по предложенію упомянутыхъ комисій, суммы, назначаемыя на общественныя постройки. Въ заключеніе объявлялась всеобщая амнистія тѣмъ, кто, сойдя съ истиннаго пути вслѣдствіе коварныхъ совѣтовъ, возвращается къ повинновенію.

Въ искренности этого новаго ирадэ конечно не было причинъ сомнѣваться; но для того чтобы какія-либо реформы въ Турціи могли дѣйствительно осуществиться и войти въ жизнь, необходимо, чтобы онѣ глубоко проникали въ народный бытъ и распространялись не исключительно на какую-либо мѣстность, а на всю имперію. Главнѣйшею и необходимѣйшею реформою, въ зависимости отъ которой всегда находились остальные, о которую разбивались доселѣ всѣ прежнія подобнаго рода попытки, безспорно представлялась равноправность между всеми населеніями и вѣроисповѣданіями; но равноправіе это могло утвердиться только въ томъ случаѣ, еслибъ оно было полно въ самомъ широкомъ смыслѣ. Право всегда должно имѣть силу, и равноправіе до тѣхъ поръ не установится, пока вооруженная сила будетъ исключительно находиться въ рукахъ враждебнаго населенію элемента. Передъ массами не-мусульманскихъ населеній, лишенныхъ оружія, эта сила имѣла бы ненавистный характеръ насильственнаго господства и гнета, какъ актъ завоеванія, возведенный въ систему, сдѣлавшійся постояннымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что устройство вооруженной силы для защиты государства, съ участіемъ всехъ подданныхъ безъ различія племенъ и религій, составляло вопросъ о самомъ существованіи Ту-

рецкой имперіи; организацію же мѣстной силы въ возставшихъ провинціяхъ, долженствовавшей охранять порядокъ, поддерживать авторитетъ власти и служить гарантіей исполненія султанскихъ повелѣній, требовалось немедленно привести въ исполненіе. Гдѣ мѣстное населеніе христіане, тамъ и милиція должна бы была состоять изъ христіанъ; тамъ же, гдѣ населеніе смѣшанное, и эта мѣстная сила могла бы быть смѣшанною; но во всякомъ случаѣ, она уже не представлялась бы орудіемъ чужой, враждебной силы, и христіане сразу сравнились бы въ существеннѣйшемъ политическомъ правѣ, которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ и повинность. Неотложно начавъ съ этой реформы, нетрудно было бы провести и всѣ остальные.

Къ сожалѣнію, Порты не могла или не хотѣла усвоить себѣ такой образъ дѣйствій, единственно способный поддерживать ея «цѣлость и независимость» и дать время частямъ имперіи мирно и постепенно преобразоваться. Султанъ и его совѣтники, не скупившись, правда, на обѣщанія, забывая однако, что вѣра въ таковыя давно утрачена и «невозможно доволствоваться однимъ повтореніемъ ихъ», какъ выразился г. Гладстонъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ англійскомъ парламентѣ.

Поэтому отказъ вождей инсургентовъ принять предлагавшіяся для Босніи и Герцеговины реформы представлялся совершенно естественнымъ, и кто могъ имѣть право упрекнуть ихъ къ недовѣрїю къ новымъ обѣщаніямъ Порты, даже еслибъ она приняла формальное обязательство передъ державами, что исполнить ихъ въ точности? Присутствіе турецкихъ войскъ въ возмущившихся провинціяхъ не только ставило непреодолимую преграду дѣлу умиротворенія, но и убѣждало, что оно вовсе не послѣдуетъ, такъ какъ никому не

могла придти мысль, чтобы державы, во внимание къ великодушнѣю султана и къ его сговорчивости, рѣшились бы «силою» заставить инсургентовъ возвратиться подъ власть падишаха и покориться передъ турецкими войсками. Весьма прискорбно, что единственный, простой и дѣйствительный способъ прекратить возмущеніе былъ упущенъ изъ вида. Еслибы державы, обратясь къ султану, согласились гарантировать сохраненіе связи возставшихъ провинцій съ его имперіей, подъ непремѣннымъ условіемъ немедленнаго удаленія оттуда исключительно мусульманскихъ войскъ и прекращенія безошадной, варварской войны, то спокойствіе не замедлило бы возстановиться. При этомъ власть султана нисколько не была бы поколеблена: онъ самъ даровалъ возставшимъ провинціямъ уложеніе, опредѣливъ участіе ихъ въ общихъ государственныхъ повинностяхъ; онъ же установилъ бы обязательную для нихъ внутреннюю организацію, которая приводилась бы въ исполненіе самимъ населеніемъ. Не представлялось ни малѣйшаго повода сомнѣваться, что получивъ на извѣстныхъ условіяхъ такого рода автономію, населенія не только не тяготились бы верховною властію султана, но дорожили бы ею, какъ охраною отъ мелкихъ племенныхъ соперничествъ, неизбежныхъ при полномъ отторженіи; къ тому же немедленное прекращеніе борьбы значительно поправило бы плачевное состояніе турецкихъ финансовъ.

Благопріятный приемъ, оказанный султаномъ и его правительствомъ нотѣ графа Андраши, произвелъ, какъ и слѣдовало ожидать, весьма различное впечатлѣніе на населенія Турціи. Христіане повидимому временно отказались отъ своихъ крайне пессимистическихъ взглядовъ на турецкія реформы, тогда какъ старо-турецкая партія, поддерживаемая духовенствомъ, неистовствовала противъ неслыханнаго по ея мнѣнію

вмѣшательства чужихъ державъ. Но болѣе всего представляла затрудненій и опасеній въ будущемъ непримѣримая религиозная вражда, раздѣлявшая христіанъ отъ магометанъ, и въ особенности отъ фанатическихъ ренегатовъ, очень многочисленныхъ въ возставшихъ провинціяхъ, гдѣ къ вопросу религиозному примѣшивались еще отношенія денежные. Боснійскіе беги, боясь обнищать при выполненіи реформъ, волновали турецкую чернь чрезъ посредство низшаго духовенства. Какъ ни серьезно было впрочемъ такое положеніе дѣлъ, но уладить миролюбиво столкновенія еще представлялась возможность предоставленіемъ мусульманскимъ бегамъ за уступку ими земель надлежащаго вознагражденія: христіане, платя выкупъ частями, могли бы вносилъ въ сдѣлать сами собственниками. Необходимое заключеніе съ этою цѣлію выкупнаго займа могло быть достигнуто при общей гарантіи великихъ державъ; такая жертва ни въ какомъ случаѣ не была бы для нихъ тягостна.

Между тѣмъ какъ наиболѣе дѣйствительныя средства достигнуть благопріятнаго разрѣшенія тревожныхъ обстоятельствъ оставались безъ вниманія и тратилось время на бесполезныя дипломатическія пререканія, Порта употребляла всевозможныя усилія войти въ соглашеніе съ княземъ Николаемъ Черногорскимъ. Для этого она предписала герцеговинскому вали Али-пашѣ отправиться въ Цетинье и предложить князю территориальныя уступки, вмѣстѣ съ фортомъ Спицею, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ принялъ на себя обязательство усмирить возстаніе и немедленно отозвалъ всѣхъ Черногорцевъ, находившихся въ рядахъ инсургентовъ. Миссія Али-паши, какъ и слѣдовало ожидать, не увѣнчалась успѣхомъ: князь Николай съ негодованіемъ отвергъ оскорбительныя предложенія, представившіяся къ тому же весьма

ловкимъ средствомъ лишить его обаянія въ своей странѣ и возстановить противъ него всѣхъ христіанъ. Несмотря однако на категорическій отказъ князя Николая, слухъ о предложеніяхъ, сдѣланныхъ ему Портою, быстро распространился и возбудилъ неудовольствіе въ средѣ инсургентовъ, продолжавшееся впрочемъ недолго, такъ какъ всѣ послѣдующія дѣйствія князя доказывали его горячее участіе къ судьбѣ страждущихъ братьевъ: только энергическія настоянія державъ вынуждали его соблюдать строжайшій нейтралитетъ.

Положеніе дѣлъ видимо запутывалось: еще въ началѣ Февраля европейскіе консулы, пребывавшіе въ Мостарѣ, получили отъ своихъ правительствъ приказаніе, возобновивъ сношенія съ инсургентами и ихъ вождями, убѣдить ихъ прекратить борьбу, изъявить покорность и довольствоваться дарованными султаномъ реформами. Никто конечно не рѣшится упрекнуть консуловъ въ недостаткѣ усердія и желанія исполнить возложенное на нихъ порученіе; тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ усилія, они принуждены были возвратиться въ Мостаръ, не достигнувъ благопріятныхъ результатовъ. Дѣло замиренія представлялось вовсе не такимъ легкимъ, какъ это полагали; движеніе Славянъ было на этотъ разъ проникнуто глубокою нравственною страстью, горячимъ желаніемъ довести дѣло до конца, и хотя всякая надежда на помощь со стороны иноземныхъ государствъ оказывалась утраченною, но рѣшимость продолжать борьбу собственными средствами ни на минуту не была въ нихъ поколеблена. Къ этому присовокуплялась также увѣренность, что турецкое правительство совершенно безсильно подавить возстаніе; и хотя запретительныя мѣры, принятыя австрійскими властями на границѣ, значительно стѣсняли инсургентовъ въ полученіи этимъ путемъ матеріальной помощи, но не смотря на

бдительность австрійскаго кордона, ихъ всетаки снабжали всѣмъ необходимымъ.

Хотя турецкое правительство, слѣдуя дружественнымъ совѣтамъ европейскихъ державъ, старалось прекратить возстаніе и обѣщало инсургентамъ полную амнистию, а эмигрантамъ безнаказанное возвращеніе на родину, защиту отъ притѣсненій, даровой матеріалъ на постройку домовъ, необходимыя для посѣва сѣмена, освобожденіе отъ уплаты десятинной подати на годъ и отъ прочихъ налоговъ на два года, — ни ничто не помогало. Инсургенты не давали вѣры обѣщаніямъ, не гарантированнымъ державами, — а эмигранты мотивировали свой отказъ возвратиться на родину напоминаніемъ о катастрофѣ въ Поповомъ Поляѣ и нежеланіемъ подвергнуться той же участи, какая постигла ихъ соотечественниковъ, повѣрившихъ обѣщаніямъ Сервера-паши. Разнообразныя мѣры, принимавшіяся Портою для успокоенія райевъ и побужденія эмигрантовъ къ возвращенію, встрѣчали еще энергическую оппозицію со стороны мусульманскихъ беговъ, всѣми силами возстававшихъ противъ расширенія правъ христіанъ въ ущербъ ихъ прерогативамъ. Такъ 20 февраля въ Травникѣ состоялся съѣздъ беговъ, рѣшившій отказать отъ принятія реформъ, возвѣщенныхъ въ султанскомъ праде 11 февраля, и послать въ Константинополь депутацію для выраженія султану ихъ желаній; они требовали между прочимъ, чтобы въ смѣшанныхъ комиссіяхъ христіане составляли треть, а не половину общаго числа членовъ. Возвратившихся райевъ беги постановили шадить только въ томъ случаѣ, если вмѣсто третьей части дохода съ земли, они согласятся платить половину.

Къ этому времени относится усиленіе дѣятельности австро-венгерскаго правительства, въ видахъ усмиренія возстанія.

Намѣстникъ Далмаціи баронъ Родичъ и банъ Хорватіи Молинари были вызваны въ Вѣну, для полученія специальныхъ инструкцій. По возвращеніи, баронъ Родичъ ѣздилъ въ Цетинье для личныхъ совѣщаній съ княземъ Николаемъ, а затѣмъ, прибывъ 4 марта въ Рагузу, тотчасъ же принялъ предводителей инсургентовъ, нашедшихъ убѣжище въ Далмаціи, въ томъ числѣ архимандрита Мелентія. Онъ совѣтовалъ имъ повліять на своихъ земляковъ и уговорить ихъ сложить оружіе, объявивъ виѣстѣ съ тѣмъ, что великія державы неуклонно настаиваютъ на исполненіи реформъ, что австрійское правительство твердо рѣшилось прекратить выдачу всякихъ пособій спасающимся на австрійской территоріи инсургентамъ и поставить бдительный военный кордонъ по всей границѣ, чтобы остановить тайный провозъ боевыхъ снарядовъ на театръ возстанія. Отвѣтъ инсургентовъ былъ тотъ же: они заявили, что нисколько не довѣряютъ обѣщаніямъ Порты относительно амнистіи и реформъ и возвратятся домой лишь по прекращеніи военныхъ дѣйствій въ Герцеговинѣ. Что же касается выдачи пособій, то мѣра эта не властна принудить ихъ возвратиться, такъ какъ они скорѣе согласны умереть голодною смертію, чѣмъ подъ ударами турецкихъ ятагановъ.

Назначенные Портою для веденія переговоровъ съ инсургентами специальные комиссары, въ Боснію — Гейдер-эфенди и въ Герцеговину — Васса-эфенди, пріѣхали въ началѣ марта и не замедлили приступить къ дѣйствіямъ. Они торжественно обнародовали султанскій ирадѣ 11 февраля и приглашали народъ къ повиновенію, — но и ихъ гласъ былъ «гласомъ вопіющимъ въ пустынь», такъ какъ несмотря на громкія ихъ возвѣщенія о «щедрыхъ и богатыхъ милостяхъ», не нашлось желающихъ воспользоваться таковыми, и было бы дѣйстви-

тельно опрометчиво со стороны инсургентовъ вѣрить прокламаціямъ турецкихъ властей, призывавшихъ ихъ положить оружіе, обѣщавшихъ амнистію и защиту при посредствѣ солдатъ и жандармовъ, — когда послѣдніе въ то же время предали пламени христіанскую деревню Спумишь и, неся на остріяхъ сабель семь головъ, вошли въ городъ Билечъ, при восторженныхъ восклицаніяхъ регулярныхъ турецкихъ войскъ.

Въ виду безуспѣшности прокламацій специальныхъ комиссаровъ Порты, состоялось въ Рагузѣ совѣщаніе намѣстника Далмаціи барона Родича съ герцеговинскимъ вали Али-пашею, главнокомандующимъ турецкими войсками Ахмет-Мухтар-пашею и комиссаромъ Порты Васса-эфенди, не имѣвшее впрочемъ въ началѣ удовлетворительныхъ результатовъ, такъ какъ турецкія власти не представили никакого ручательства, что обѣщанія Порты будутъ въ точности исполнены. Послѣ долгихъ пререканій, признано было однако возможнымъ заключить перемиріе съ 1 по 12 апрѣля, такъ какъ представлявшій наиболѣе затрудненій вопросъ о снабженіи крѣпости Никшича провіантомъ былъ устраненъ по почину Родича обѣщаніемъ черногорскаго князя допустить туда провіантъ чрезъ его владѣнія. Послѣдствія доказали, что возбуждая вопросъ о необходимости заключенія перемирія, турецкія власти вовсе не имѣли въ виду содѣйствовать тѣмъ улаженію герцеговинской распри: вся ихъ забота заключалась въ томъ, чтобы обезпечить провіантомъ свои крѣпости и форты, въ особенности Никшичь, гдѣ уже чувствовалось приближеніе голода; такимъ образомъ перемиріе получало характеръ мѣры принятой единственно для обезпеченія дальнѣйшихъ дѣйствій противъ инсургентовъ.

По отъѣздѣ изъ Рагузы Али-паши, Мухтара-паши и Васса-эфенди, баронъ Родичъ пригласилъ вождей инсургентовъ на

окончательное совѣщаніе. По этому призыву пятьдесятъ герцеговинскихъ вождей собрались 4 апрѣля въ Суторинѣ, что бы 6 числа начать переговоры, но не иначе какъ на территоріи занятой инсургентами, для чего и былъ избранъ городъ Кастельнуово (Эрцег-Нови). Въ это время къ вождямъ инсургентовъ явился пѣкій г. Веселитскій-Божидаровичъ, неизвѣстно почему считавшійся одно время офиціознымъ агентомъ русскаго правительства, присланнымъ для преподанія благихъ совѣтовъ. Послѣдствія доказали, что никакой официальной миссіи на него возложено не было и что онъ дѣйствовалъ по личному побужденію, какъ соплеменникъ возставшей райи. Какъ бы ни было, но вожди инсургентовъ приняли мнимаго русскаго агента весьма радушно; спокойно и внимательно выслушали его совѣты о миролюбіи и о принятіи реформъ, предложенныхъ проэктомъ графа Андраши. 6 апрѣля, въ часъ пополудни, баронъ Родичъ былъ принятъ герцеговинскими вождями съ большими почестями. Прочитавъ ноту графа Андраши и турецкія прокламаціи, намѣстникъ Далмаціи потребовалъ отъ нихъ полной покорности—и имѣлъ неосторожность сказать, что единственно своею покровительницею имъ слѣдуетъ считать Австрію. Впечатлѣніе, произведенное этимъ заявленіемъ Родича, было самое прискорбное и возбудило въ вождяхъ глубочайшее негодованіе. Съ замѣчательнымъ достоинствомъ, энергіей и умѣренностію, отвѣтили они, что имъ нужно время для обсужденія слышанныхъ предложеній. И разошлись, условясь собраться вновь черезъ день, для передачи окончательнаго рѣшенія.

Дѣйствительно 8 апрѣля вожди сошлись въ Кастельнуово и сообщили барону Родичу письменныя условія, на которыхъ они обязуются прекратить борьбу. Соглашаясь принять реформы, предложенныя графомъ Андраши, и требуя взаимнѣ

точного ихъ исполненія, они признавали кромѣ того условіями умиротворенія:

1) Передачу въ собственность герцеговинцамъ одной трети количества земель, которыя они засѣвали и обрабатывали.

2) Удаленіе навсегда турецкихъ войскъ изъ страны, съ оставленіемъ гарнизоновъ только въ шести крѣпостяхъ: Мостарѣ, Столацѣ, Требиньѣ, Никшичѣ, Плевлѣ и Фочѣ.

3) Возстановленіе на счетъ Порты разрушенныхъ христіанскихъ церквей и жилищъ, выдачу христіанамъ въ теченіе года провіанта и земледѣльческихъ орудій, освобожденіе отъ всѣхъ вообще налоговъ на 3 года.

4) Дозволеніе сохранить при себѣ оружіе до тѣхъ поръ, пока реформы не будутъ завершены.

5) Введеніе преобразованій въ администраціи, въ духѣ проекта графа Андраши, по взаимному соглашенію между представителями герцеговинцевъ и великихъ державъ.

6) Распредѣленіе пособій и наблюденіе за водвореніемъ эмигрантовъ на родинѣ при посредствѣ европейской коммисіи, и наконецъ

7) Учрежденіе контроля надъ исполненіемъ реформъ, порученнаго одному австрійскому и одному русскому агенту, имѣющимъ пребывать въ каждой изъ шести крѣпостей.

Копи съ этихъ условій вожди вручили Веселитскому-Божидаровичу, прося его передать таковыя кабинетамъ великихъ державъ и Портѣ. Съ фактической стороны переговоры эти представляли большой интересъ въ томъ смыслѣ, что ими вполне выяснялись требованія и желанія инсургентовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ предложенія Родича сложить оружіе и возвратиться къ мирнымъ занятіямъ на родинѣ, подкрѣпленныя увѣреніемъ, что державы заставятъ Порту непремѣнно привести въ исполненіе реформы, указанныя въ извѣстной нотѣ

графа Андраши, ни на минуту не поколебали недоверія, укоренившася въ Славянахъ къ политикѣ турецкаго правительства: инсургенты требовали не слова, а дѣла—а этого именно и не могъ гарантировать имъ австрійскій сапожникъ. Рѣшимость инсургентовъ продолжать сопротивление во что бы то ни стало лучше всего характеризуется слѣдующими словами архимандрита Мелентія: когда баронъ Родичъ, желая повліять на вождей, пригрозилъ имъ въ случаѣ отказа запретить границу и затѣмъ спросилъ: чѣмъ они тогда будутъ драться? то Мелентій, не задумываясь, лаконически отвѣтилъ: «зубами!»

Такимъ образомъ, порученіе, возложенное на намѣстника Далмаціи, потерпѣло полнѣйшее фіаско и дѣло умиротворенія ни на сколько не подвинулось впередъ. Вожди разъярились съ твердою рѣшимостью продолжать борьбу до истощенія силъ, такъ какъ несмотря на обѣщанія Родича сообщить Портѣ предъявленныя ими условія и просить объ ихъ принятіи, надежда на успѣхъ была крайне сомнительна. И дѣйствительно, Порта отвергла большую часть условій, назвавъ ихъ несовмѣстными съ ея достоинствомъ.

Прерывая на время описаніе хода дипломатическихъ переговоровъ, чтобы представить читателямъ обзоръ не прерывавшихся между тѣмъ военныхъ дѣйствій, и имѣя въ виду, что возстаніе въ Босніи приняло съ наступленіемъ весны значительно большіе размѣры, считаемъ нужнымъ сообщить краткій очеркъ этой провинціи.

Боснія, занимая сѣверо-западный уголокъ Турецкой имперіи, заключаетъ въ себѣ около 800 квадр. миль и граничитъ къ сѣверу и западу съ Австріей, къ востоку съ Сербіей, а юго-западною стороною примыкаетъ къ Герцеговинѣ. Боснія прѣзана горами, образующими много плоскихъ возвышенностей.

достигающихъ мѣстами высоты 7,000 футовъ. Значительнѣйшія изъ нихъ суть: Грметская, Планина, Козарацкая, Виторогская и Влацишская. Онѣ почти повсемѣстно покрыты лѣсомъ, и только на западѣ, близъ Далмаціи, попадаются голые, скалистые хребты. Изъ множества рѣкъ и рѣчекъ, орошающихъ Боснію, судоходна только Савва, которая вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ со стороны Австрійской Славоніи сѣверною границею; рѣки Уваць и Дрина составляютъ со стороны Сербіи восточную, а Уина вмѣстѣ съ Динарскими альпами со стороны Далмаціи—западную границы Босніи. Въ юго-западной части Босніи рѣка Нарента, впадающая въ Адриатическое море, служитъ границей съ Герцеговиной. Климатъ въ Босніи хотя холодный, но здоровый, почва плодородна. Боснія ведетъ довольно значительную торговлю съ пограничными странами, преимущественно съ Австріей, хлѣбомъ, кожами, шерстью и разнымъ скотомъ; къ сожалѣнію, всякія монополіи и неимѣніе удобныхъ дорогъ значительно препятствуютъ развитію торговли въ болѣе широкихъ размѣрахъ. По свойствамъ почвы и по обилію рѣкъ, Боснія могла бы достигнуть весьма цвѣтущаго состоянія, но подъ турецкимъ управленіемъ положеніе ея крайне печально. Хотя почти всѣхъ земель остаются вовсе необработанными, но благодаря превосходнымъ урожаямъ, продукты почвы получаютъ въ большомъ избыткѣ. Боснія изобилуетъ металлами: золотыя росыши и серебрянная руда находятся близъ Зворника, Серебренницы, Вареса и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ. Добываются также: ртуть, мѣдь, свинець, минеральная соль и въ особенности желѣзная руда. Средоточіемъ торговли служатъ Босна-Серай (Сараево); это транзитный пунктъ для товаровъ, идущихъ изъ Румелии и Константинополя; есть и еще значительные пункты: Травникъ, Баньялуки, Лавно и другіе.

Славяне составляют преобладающий элемент населения Боснии; затѣмъ тутъ же живутъ: цыгане, евреи и бродячій людъ, ежегодно приходящій изъ Албаніи и Болгаріи для работковъ. Представителями чисто турецкаго элемента суть регулярныя турецкія войска. Общее число жителей опредѣляется приблизительно въ 1.300,000 человекъ. По вѣроисповѣданіямъ, населеніе Босніи дѣлится на христіанъ, магометанъ и евреевъ; послѣднихъ считается около 2,500 человекъ; резиденція главнаго раввина находится въ Сараевѣ. Магометане, мужское населеніе которыхъ доходитъ до 310,000 человекъ, по большей части одного происхожденія съ босняками и исламъ приняли ихъ предками единственно для удержанія за собою недвижимыхъ имуществъ; они преимущественно населяютъ города и занимаются торговлею и ремеслами, пользуясь преобладаніемъ надъ христіанами, сосредоточившимися въ деревняхъ и селахъ. Православныхъ въ Босніи считается 330,000 мужчинъ, подчиняющихся духовной власти константинопольскаго патріарха; католиковъ 79,000 человекъ.

Боснійскіе христіане, отличающіеся вообще хорошимъ физическимъ развитіемъ, сохранили во всей чистотѣ и неприкосновенности свои старинныя нравы и основныя черты славянскаго характера: гостепріимство, патріархально-семейный бытъ, храбрость, религіозность и фатализмъ. Такъ какъ у босняковъ не существуетъ обычая выдѣлять женатыхъ сыновей, то боснійская семья нерѣдко состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ членовъ, съ старѣйшимъ въ родѣ во главѣ. Потомки того расчетливаго боснійскаго дворянства, которое съ корыстными цѣлями приняло исламъ и съ тѣхъ поръ стало во враждебныя отношенія къ своимъ соплеменникамъ, суть почти единственныя землевладѣльцы; христіане же, живущіе по деревнямъ, представляютъ «кметовъ», т. е. без-

земельныхъ крестьямъ, бобылей. Для своего пропитанія и уплаты податей, они арендуютъ земли у беговъ и аговъ; агами называются землевладѣльцы чисто турецкаго происхожденія. Помимо этихъ двухъ сословій, враждебныхъ христіанскимъ райямъ, существуетъ еще классъ «спахіевъ», т. е. Турокъ, получившихъ земли по завоеваніи Босніи. Эти спахіи собираютъ съ христіанъ въ свою пользу десятину, поголовную подать съ брачующихся, берутъ налоги съ виноградниковъ, свинныхъ гуртовъ, пасѣкъ и т. д., для чего ежегодно совершаютъ объѣзды по своимъ владѣніямъ. Въ военное время спахіи призываются султаномъ подъ знамена и образуютъ родъ ландверной конницы, общая численность которой простирается до 4,000 человекъ. Несмотря однако на всевозможныя, предоставленныя турецкому населенію преимущества, оно не отличается по своему образованію отъ загнанныхъ, угнетенныхъ райевъ, не пользующихся никакимъ обученіемъ.

Административно Боснія дѣлится на округа (каймакамлыки): Сараево, Травникъ, Бихачъ, Баньялука и Зворникъ. Каждый каймакамлыкъ дѣлится въ свою очередь на «нахін» или «казы», во главѣ которыхъ стоятъ особые начальники «мудеры». Всею же провинціею управляютъ генераль-губернаторъ или вали. Какъ административная, такъ и судебная власть фактически и исключительно сосредоточена въ рукахъ мусульманъ, и хотя султанскимъ праде 12 декабря 1875 года общано было допустить къ активному участию въ судахъ (меджлисахъ) христіанскій элементъ, однако вслѣдъ затѣмъ изъ Константинополя послѣдовало предписаніе оставить все постарому, что вызвало справедливое негодованіе въ боснякахъ. Провинція эта постоянно доставляла въ казну султана,

въ видѣ податей, болѣе 3,000,000 рублей, изъ коихъ около милліона поглощалось ея администраціею.

Закончимъ очеркъ историческимъ взглядомъ на прошлое этой страны, не впервые взявшей нынѣ за оружіе для завоєнія себѣ самостоятельности.

Съ древнихъ временъ Босніи суждено было переходить изъ однихъ рукъ въ другія: отторженная въ эпоху великаго переселенія народовъ изъ-подъ римскаго владычества, она оказалась наводненной различными народностями; впоследствии попала то подъ власть Сербіи, то Кроаціи, и вмѣстѣ съ послѣднею находилась въ зависимости отъ венгерскихъ королей. Въ XIV вѣкѣ, одинъ изъ бановъ или выборныхъ боснійскихъ князей Стефанъ Твартко I провозгласилъ себя самостоятельнымъ королемъ Босніи; но уже въ 1401 году новое королевство было завоєвано Турками. Господство послѣднихъ было въ свою очередь прервано съ 1460 по 1562 годъ покореніемъ Босніи Венграми. Битва при Могачѣ, послѣ непрерывныхъ войнъ, возвратила Боснію въ 1562 году Туркамъ, которые и держатъ ее съ тѣхъ поръ въ своей власти: права ихъ на эту провинцію окончательно признаны Карловицкимъ миромъ въ 1699 году. Въ первыя два десятилѣтія настоящаго столѣтія Боснія принимала весьма дѣятельное участіе въ борьбѣ Сербіи за освобожденіе. Варварская турецкая система вниманія податей черезъ откупщиковъ, рядъ непрерывныхъ насилій, всевозможное приниженіе христіанъ и проч. постоянно возбуждали въ боснякахъ ропотъ, а въ 1826 году, когда въ столицѣ Босніи Травникѣ былъ прочитанъ фирманъ о наборѣ янычаръ, вспыхнуло открытое возстаніе, впрочемъ вскорѣ подавленное жестокими мѣрами. Та же участь постигла и послѣдующія возстанія, бывшія въ 1836, 1837, 1839,

1849 и въ 1850 годахъ: инсurreкціи двухъ послѣднихъ годовъ были усмирены Омеромъ-пашею, обagrившимъ кровью города и села.

Въ 1873 году между Турціею и Австріею возникло недоразумѣніе по поводу угнетенія христіанъ боснійскимъ губернаторомъ Асим-пашею, который, усматривая въ райяхъ проявленіе мятежнаго духа, открыто приписалъ роль подстрекателя австрійскому консулу; увольненіе отъ должности Асима-паши и представленныя въ Вѣнѣ извиненія Порты устранили недоразумѣнія и столкновеніе.

Вотъ картина прошлаго Босніи; неудивительно, что страна эта подняла знамя возмущенія, въ особенности если припомнить, что турецкимъ правительствомъ еще 3 ноября 1839 года былъ изданъ гатти-шерифъ, гарантировавшій введеніе слѣдующихъ реформъ: 1) обезпеченіе личности и собственности всѣхъ подданныхъ султана; 2) цѣлесообразное распределеніе налоговъ и 3) установленіе правильнаго порядка рекрутскаго набора и точное опредѣленіе срока военной службы. По похвальному обыкновенію, Порты не привела въ исполненіе ни одного пункта своего гатти-шерифа!

Послѣ трехдневной битвы при монастырѣ Дуже, стычки насургентовъ съ турецкими войсками происходили непрерывно, и успѣхъ почти всегда былъ на сторонѣ первыхъ. Перечислять каждое столкновеніе было бы совершенно бесполезно, такъ какъ ни одно изъ нихъ отнюдь не имѣло важнаго рѣшающаго значенія; совершенно достаточно напомнить лишь о схваткахъ наиболѣе значительныхъ. Близъ Слабинья и Тополя, соединенныя шайки Губмайера и Петра Карагеоргиевича обратили въ бѣгство довольно сильный турецкій отрядъ; Мухтар-паша занялъ съ боя позиціи въ Полицѣ, но

потери его людьми были весьма значительны. Священникъ Иванъ Мусичъ наголову разбилъ Турокъ въ окрестностяхъ Клека и завладѣлъ даже пушкой, а шесть турецкихъ батальоновъ были разбиты Пейко Павловичемъ и Лазаремъ Сочидей близъ Муратовича: двѣ пушки съ лафетами и снарядами достались побѣдителямъ.

Мы уже говорили, что Любibrатичъ, вынужденный уступить главенство надъ инсургентами воеводѣ Пейко Павловичу, удалился въ декабрѣ 1875 г. въ Бѣлградъ. Тамъ онъ познакомился съ дѣвицею Юганною Маркусъ, которая, оставивъ свое отечество Голландію, явилась въ Сербію содѣйствовать освобожденію балканскихъ христіанъ отъ турецкаго ига; съ этою цѣлью она реализировала все свое значительное состояніе и оказывала денежную помощь инсургентамъ. Г-жа Маркусъ подружилась съ женою Любibrатича и предложила ей мужу изрядную сумму для организаціи шайки; Любibrатичъ охотно согласился на это, и они вмѣстѣ отправились въ Рагузу. Въ послѣднихъ числахъ февраля, Любibrатичъ съ отрядомъ въ 600 человекъ, состоявшимъ преимущественно изъ волонтеровъ всѣхъ почти національностей, высадился въ Клекъ и, перейдя у Метковича на правый берегъ Наренты, отправился вдоль австрійской границы въ округъ Любушки. Разогнавъ 5 марта встрѣченный имъ отрядъ башибузукъ, онъ 11 числа того же мѣсяца такъ близко подошелъ къ далматской границѣ, что самъ того не подозрѣвая, переступилъ ее и былъ арестованъ съ частію своего штаба австрійскими властями въ Имотски; затѣмъ его отправили въ Зару, потомъ въ Триестъ, и наконецъ онъ былъ доставленъ въ Брюиннъ на постоянное жительство, съ отобраніемъ отъ него честнаго слова не пытаться бѣжать. Протесты Любibrатича на неправильное его арестованіе оставлены безъ вниманія;

тѣмъ не менѣе по пути населеніе встрѣчало его шумными сочувственными оваціями. Г-жа Маркусъ была тоже арестована и отправлена на жительство въ Линць, откуда ей вскорѣ удалось убѣжать; съ большими трудностями добралась она до Бѣлграда, гдѣ была восторженно привѣтствована, какъ мученица за правое, святое дѣло. Отрядъ Любibrатича, не переступавшій границы, раздѣлился на двѣ части: одна направилась въ Боснію, другая въ южную Герцеговину и примкнула къ разнымъ дѣйствовавшимъ тамъ шайкамъ.

Несмотря на то что въ теченіе зимы около 10,000 свѣжаго турецкаго войска подкрѣпили боевыя силы Мухтар-паша, численность ихъ едва превышала 20,000 человекъ. Притомъ рядъ непрерывныхъ неудачъ, плохое вооруженіе, еще худшее обмундированіе, недостатокъ въ продовольствіи, невыдача жалованья болѣе чѣмъ за годъ — въ значительной степени содѣйствовали деморализаціи ихъ. Даже самый способъ веденія войны способствовалъ этому: всѣ дѣйствія Турокъ должны были ограничиваться конвоированіемъ транспортовъ съ провіантомъ и боевыми запасами, доставлявшихся въ Клекъ, а затѣмъ препровожденіемъ продовольствія въ укрѣпленные пункты. Въ особенности озабочивался Мухтар-паша снабженіемъ Никшича, не получавшаго никакихъ припасовъ въ продолженіи почти четырехъ мѣсяцевъ. Еще до заключенія перемирія съ инсургентами, Турки всячески пытались доставить въ Никшичъ продовольствіе, но совершенно безуспѣшно, и уже возникали толки о сдачѣ на капитуляцію его гарнизона, доведеннаго до крайней нужды. Заключая перемиріе и выговоривъ подвозъ провіанта изъ Черногоріи, Мухтар-паша нѣсколько успокоился, однако весьма не надолго, такъ какъ хотя предназначенный для Никшича провіантъ былъ доставленъ въ Ризано, откуда предполагалось

отправить его къ мѣсту назначенія черезъ Кривоши, но тутъ-то и возникло затрудненіе... Турецкому консулу, прибавшему въ Грахово, чтобы условиться относительно перевозки съ воеводами Врбицей и Матановичемъ, было заявлено, что черногорское правительство ни одного изъ своихъ подданныхъ не можетъ принудить къ какому бы то ни было участию въ этомъ дѣлѣ; воеводы выразили ему также полную готовность дать транспорту конвой, для прохода отъ границы черезъ все пространство возставшей мѣстности. Консулъ, удовлетворяясь такою любезностію, уѣхалъ обратно въ Ризану, но и тамъ никто не пожелалъ отпустить ему вьючный скотъ за дешевую цѣну, вслѣдствіе чего всѣ дальнѣйшіе переговоры оказались невозможными. Между тѣмъ срокъ перемирія истекъ, и непріязненные дѣйствія возобновились, а такъ какъ доставка провіанта въ Никшичъ окончательно не состоялась, то его пришлось продать съ аукціоннаго торга.

Тотчасъ по истеченіи срока перемирія, Мухтар-паша заботился принятиемъ мѣръ къ доставленію провіанта голодающему гарнизону Никшича; въ этихъ видахъ онъ сформировалъ экспедиціонный отрядъ въ составѣ 25 батальоновъ, часть которыхъ была впрочемъ вскорѣ послана въ Требинье для защиты этого города отъ нападенія инсургентовъ. У Мухтара-паши осталось такимъ образомъ только 13 батальоновъ, съ которыми онъ занялъ 14 апрѣля входъ въ Дужское ущелье, выдержавъ жаркую схватку съ шайкою Зимонича. Въ этотъ же день на турецкаго главнокомандующаго послѣдовало нападеніе шаякъ Сочицы и Пейко Павловича, но Турки удержали свои позиціи. 15 числа инсургентамъ удалось оттѣснить непріятели къ Одзине, а 16 Мухтаръ снова пытался пробраться къ Никшичу, гарнизонъ котораго одновременно сдѣлалъ вылазку, не имѣвшую успѣха. Хотя затѣмъ турція войска

удалились въ Гацко, оставивъ запасы провіанта въ Пресѣкѣ, но и инсургенты не могли овладѣть Никшичемъ.

Однако доставка провіанта въ Никшичъ все-таки удалась, хотя вовсе не вслѣдствіе пораженія инсургентовъ, какъ хвастливо доносилъ Мухтар-паша. Дѣло было такъ: собравъ до 18,000 лучшаго своего войска, турецкій главнокомандующій выступилъ 26 апрѣля изъ Гацко по направленію къ Никшичу. Около Пресѣки онъ былъ встрѣченъ инсургентами и завязался упорный бой, продолжавшійся до глубокой ночи; пользуясь темнотою, гарнизонъ и жители Никшича успѣли незамѣтно пробраться до Пресѣки и, разобравъ по рукамъ мѣшки съ сухарями, рисомъ и проч., унесли ихъ въ крѣпость. На другой день Мухтар-паша возвратился въ Гацко, преслѣдуемый устахами и потерпѣвъ громадный уронъ убитыми и ранеными. Какъ бы ни было, цѣль была достигнута: провіантъ въ Никшичъ доставленъ. Во всемъ этомъ дѣлѣ особенное вниманіе обращали на себя безсовѣстно живыя донесенія Мухтара-паши, который имѣлъ даже наглость утверждать, что онъ провелъ ночь въ Никшичѣ. Не менѣе безстыдно поступилъ и военный министръ Дервиш-паша, приписавъ въ рапортѣ Мухтара, что въ рядахъ инсургентовъ открыто сражались до 7,000 Черногорцевъ. Хотя ложь была обнаружена, но послужила къ увеличенію натянутости отношеній Порты къ князю Николаю, вслѣдствіе чего едва не послѣдовало вторженіе турецкихъ войскъ въ Черногорію; только совѣты и убѣжденія пословъ Россіи и Австро-Венгріи отклонили султана отъ намѣренія сдѣлать этотъ рискованный шагъ.

Съ тѣхъ поръ битвы въ Герцеговинѣ слѣдовали одна за другою; были схватки кровопролитныя, въ которыхъ мужество усташей выказалось въ самомъ яркомъ свѣтѣ. Особенно

рѣдко выдавались между ними два любимые ихъ вождя: Пейко Павловичъ и Лазарь Сочница; потому не безынтересно сообщить о нихъ нѣкоторыя краткія свѣдѣнія.

Пейко Павловичъ первоначально явился въ Герцеговину съ цѣлью не допустить до кровавыхъ столкновений; убѣдясь же, что путемъ переговоровъ и добровольныхъ соглашеній достигнуть умиротворенія невозможно, онъ счелъ себя обязаннымъ озаботиться спасеніемъ христіанскаго населенія и его имущества отъ истязаній и разграбленія ослѣпленныхъ ненавистью фанатиковъ изувѣровъ. Образовавъ летучій отрядъ, Пейко прикрывалъ послѣдовательное очищеніе селеній, жителей которыхъ, съ домашнимъ скарбомъ, скотомъ и запасами, направлялъ въ Верхнюю-Герцеговину, въ пограничныя съ Черногоріей районы. Какъ геній истребитель, онъ переходилъ отъ одного оставленнаго селенія къ другому, предавая пламени все, что было покинуто или принадлежало мусульманамъ и что было способно горѣть; консулы насчитали до 81 спаленныхъ такимъ образомъ селеній.

Воевода Пейко—характерная личность. Черногорецъ по происхожденію, онъ росъ подъ вліяніемъ разсказовъ о славныхъ битвахъ предковъ и не усвоилъ себѣ другихъ понятій, кромѣ сферы борьбы съ Турками. Едва окрѣпнувъ тѣломъ, онъ оставилъ родину, уже вступившую подъ управленіемъ князя Данила на мирный путь, и поселился въ Герцеговинѣ, гдѣ семнадцать лѣтъ гайдучилъ, защищая угнетенныхъ христіанъ. Хотя знатнаго рода, онъ не грамотенъ, но отлично знаетъ боевую исторію своего отчества. Герцеговину онъ изучилъ вдоль и поперекъ до мельчайшихъ подробностей, зато и Герцеговинцы знаютъ его хорошо. Пейко тѣлосложенія крѣпкаго, одаренъ природными способностями, привыкъ ко всякимъ лишениямъ и обладаетъ всеми качествами, необходимыми вождю

его лихаго отряда, при тѣхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, какія вызываются борьбою безоружной райи, не только съ хорошо вооруженнымъ мусульманскимъ населеніемъ, но и съ регулярными турецкими войсками. Упомянуть о его безавѣтной храбрости, о невозмутимомъ хладнокровіи, о пренебреженіи къ опасностямъ излишне: рядъ битвъ, въ которыхъ онъ прославился, одушевляя примѣромъ обожающихъ его усташей, свидѣтельствуютъ объ этомъ краснорѣчивѣе всякихъ похвалъ.

Воевода Лазарь Сочница родился въ 1842 году въ Пивскомъ округѣ, и оставшись 6-лѣтнимъ ребенкомъ послѣ смерти отца, поступилъ на воспитаніе къ дядѣ Аджи-Теодосію Сочницѣ, бывшему архимандриту Пивскаго монастыря. Съ 13 лѣтъ Лазарь сталъ заниматься торговлей. Когда въ 1859 году въ Пивѣ вспыхнуло возстаніе, молодой Сочница принялъ въ немъ участіе, а по окончаніи его былъ назначенъ юзашей и представителемъ Пивскаго округа. Сочница жилъ мирно, вступалъ въ подряды по поставкѣ продовольственныхъ припасовъ для Горанско и, какъ Сербъ, отстаивалъ интересы своего племени, не допуская турецкихъ чиновниковъ до своевольныхъ поступковъ.

Въ 1873 году турецкимъ правительствомъ были арестованы въ Горанско нѣсколько человекъ пивянь; Сочница энергически настаивалъ на ихъ освобожденіи, но затѣмъ былъ вынужденъ бѣжать въ Черногорію. Узнавъ о бѣгствѣ Лазаря, турки выпустили всѣхъ арестованныхъ, а ему написали письмо, которымъ просили возвратиться и не возмущать народъ. Не довѣряя Туркамъ, Сочница медлилъ отвѣтомъ.

Живя въ Черногоріи, въ городѣ Шавникѣ, Лазарь Сочница занимался торговлей; когда же возникло герцеговинское возстаніе, то окончивъ дѣла, онъ посѣщилъ въ Пиву, куда

и прибылъ 21 июля 1875 г. Изъ Пивы онъ тотчасъ отправился въ Невесинье, гдѣ еще засталъ главарей, намѣревавшихся явиться по призыву паши и отдаться на его милосердіе. Сочица убѣдилъ ихъ не полагаться на обѣщанія Турокъ и, собравъ шайку изъ 200 невесинцевъ, повелъ ее въ бой. Первая его схватка была съ отрядомъ Селима-паша; за нею послѣдовалъ длинный рядъ несомнѣнныхъ успѣховъ удалаго воеводы. Одаренный отъ природы большимъ умомъ и твердымъ характеромъ, Лазарь Сочица обладаетъ въ высокой степени способностью повелѣвать народными массами. Организовавъ свое войско, онъ ввелъ въ него строгій порядокъ и дисциплину; зная, сколько каждый изъ его подчиненныхъ имѣетъ на родинѣ скота, Сочица налагаетъ на провинившихся штрафъ извѣстнымъ количествомъ барановъ, поступающихъ на общее продовольствіе отряда. За болѣе важные проступки, въ особенности за нарушеніе служебныхъ обязанностей, виновныхъ онъ велитъ привязывать къ дереву или колу, посреди стана возставшихъ, на болѣе или менѣе продолжительное время. Наконецъ, за невыполненіе лично отданнаго приказанія, Лазарь наказываетъ собственноручно первымъ попавшимся предметомъ: чубукомъ, если онъ въ то время курить, головней, если грѣтся у костра.

Будучи достаточно богатъ, Сочица содержалъ шайку на свой собственный счетъ и только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ прибѣгалъ къ помощи инсurreкціонныхъ комитетовъ; это ставило его въ исключительное положеніе и усугубляло внушаемое къ нему уваженіе.

Инсurreкціонное движеніе въ Босніи тѣмъ временемъ сильно разрослось и обхватило всю сѣверную и западную ея часть. Центральнымъ пунктомъ служилъ Биско, гдѣ сосредоточивалось до 6,000 инсurreнтовъ, хорошо вооруженныхъ, имѣв-

шихъ въ своемъ распоряженіи даже нѣсколько полевыхъ орудій. Боснійскія власти и магометанское населеніе сильно были встревожены; вали требовалъ присылки подкрѣпленій, въ ожиданіи которыхъ приказалъ жителямъ неукрѣпленныхъ городовъ возводить вокругъ нихъ земляные окопы. Изъ предводителей инсurreнтовъ наибольшую дѣятельностью отличался Голубъ Бабичъ; въ стычкахъ съ турецкими войсками онъ почти постоянно одерживалъ верхъ. Энергія босняковъ значительно поддерживалась слухами о приготовленияхъ къ войнѣ, дѣлаемыхъ Сербіей; даже нѣкоторые беги изъявляли желаніе присоединиться къ возстанію, особенно послѣ воззванія, обнародованнаго бывшимъ баньялукскимъ архимандритомъ Васою Пелажичемъ, которымъ онъ приглашалъ мусульманъ «дѣйствовать за одно съ христіанскими братьями», угрожая имъ въ противномъ случаѣ «поголовнымъ истребленіемъ». Прокламация Пелажича провозилась даже въ видѣ контрабанды въ Сараево, резиденцію вали. Взятіе форта Утанацъ имѣло также весьма большое значеніе, не только въ стратегическомъ отношеніи, но и вслѣдствіе того, что инсurreнтамъ досталось много хранившагося тамъ оружія и разныхъ запасовъ. Въ Ливно успѣшно дѣйствовалъ Стефанъ Якшичъ, а въ Ораховицѣ стоялъ Петръ Карагеоргиевичъ съ отлично организованнымъ, весьма значительнымъ отрядомъ.

Нѣсколько словъ объ этой личности кажутся умѣстными. Петръ Карагеоргиевичъ всегда считался претендентомъ на сербскій престолъ, его поддерживала Турція, а отчасти Австро-Венгрія, и когда имъ почему-либо было желательно возбудить въ Сербіи волненіе, то его выдвигали впередъ. Въ началѣ возстанія, при содѣйствіи одного далматинскаго купца, считавшаго его богачемъ, Карагеоргиевичу удалось сформировать отрядъ, съ которымъ онъ дѣйствовалъ довольно удачно; но его

обвиняли въ умыленномъ искаженіи истины и въ возвѣщеніи небывалыхъ побѣдъ. Вообще вожди возстанія ему не доверяли и даже подозрѣвали, что онъ преслѣдуетъ свои личныя цѣли. Наконецъ было положительно дознано, что Карагеоргиевичъ имѣетъ тайныя сношенія съ Турками. Въ тѣсу близъ Унны собрались главари и, признавъ его виновнымъ въ измѣнѣ, порѣшили судить на слѣдующій день; но такъ какъ Карагеоргиевичъ, узнавъ объ этомъ, успѣлъ скрыться, то его заочно приговорили къ смертной казни, а приверженцевъ его объявили состоящими внѣ закона. Съ тѣхъ поръ о Карагеоргиевичѣ не имѣется никакихъ свѣдѣній, а шайка его, состоявшая большею частію изъ волонтеровъ-иностранцевъ, перешла границу; лишь очень немногіе поступили въ другія шайки.

Издавна установившіяся отношенія между населеніями возставшихъ провинцій съ одной стороны, и Сербіей и Черногоріей съ другой, имѣютъ столь важное значеніе, что выяснить причины враждебнаго Порта настроенія Сербіи и усилій черногорскаго князя содѣйствовать замиренію герцеговинцевъ настоятельно необходимо.

Благоразумная, дальновидная политика умершаго въ 1860 году князя Данила Черногорскаго, которую искусно и съ достоинствомъ продолжалъ и до настоящаго времени племянникъ его князь Николай, привела къ пріобрѣтенію Черногоріей громадной популярности въ средѣ сосѣднихъ славянскихъ племенъ. Политика князя Данила преимущественно стремилась установить вполне нормальныя отношенія между жителями сосѣднихъ селеній и Черногорцами, совершавшими въ былыя времена хищническіе на нихъ набѣги: граница Черногоріи, проведенная совершенно произвольно, не удовлетворяла ни географическимъ, ни этнографическимъ требованіямъ, раздробляя притомъ однородныя племена и относя одну часть ихъ къ Турціи, другую

къ Черногоріи; такъ на герцеговинской границѣ были раздроблены племена банянъ, рудянъ, дробняковъ и шаранцевъ, а на албанской — васоевичей и кучей. Такое раздробленіе нерѣдко служило поводомъ къ взаимнымъ разбойничьимъ набѣгамъ между членами одного и того же племени, но рядомъ миролюбивыхъ дѣйствій удалось князю Николаю возстановить миръ на границахъ своего княжества и достигнуть объединенія враждовавшихъ между собою соплеменниковъ. Вслѣдствіе этого отдѣленные отъ Черногоріи племена открыто примкнули къ княжеству и навсегда отказались отъ своихъ прежнихъ отношеній къ Турціи. Связь между Черногоріей, Албаніей и Герцеговиной до того прочно установилась, что даже турецкое правительство, сознавъ это, просило князя Николая оказать содѣйствіе къ умиротворенію взволновавшагося края. Хотя просьба эта была принята, такъ какъ сохраненіе мира, а слѣдовательно и правильное поступленіе доходовъ, составляли существеннѣйшій интересъ Черногоріи, но умиротвореніе края оказалось невозможнымъ, и главнѣе всего вслѣдствіе вызывающихъ дѣйствій турецкой администраціи. Защитить подвластныя племена отъ турецкой неправды было для Черногоріи дѣломъ первостепенной важности, и она съумѣла это сдѣлать, не прибѣгая къ активному участію въ движеніи. Слѣдуя указаніямъ европейской дипломатіи, князь Николай ограничился только тѣмъ, что далъ убѣжище до 65.000 покинувшимъ родину герцеговинцамъ и не воспренятствовалъ вступленію горсти своихъ юнаковъ въ ряды инсургентовъ, которыхъ отправилъ даже партію скорострѣльныхъ ружей. Сказанное очевидно свидѣтельствуетъ, что исходъ возстанія составлялъ для Черногоріи живучій, жизненный вопросъ.

Отношенія Сербіи къ возставшей райѣ были совершенно иныя: границы ея были точно опредѣлены, правительство ея

не было проникнуто идеею освобождения и объединения Славянъ, а руководилось чисто эгоистическими цѣлями: оно стремилось противодѣйствовать возрастающему вліянію Черногоріи, упрочить свою собственную популярность, расширить свои владѣнія, улучшить свой экономическій бытъ и приобрести твердое политическое значеніе. Къ инсurreкціонному движенію она тоже не могла относиться безучастно, такъ какъ постоянно имѣла въ виду, что рано или поздно усилія босняковъ приведуть къ тому, «qu'ils ont travaillé pour le prince de la Serbie!»

Славянское населеніе Далмации, увлеченное торговыми интересами, обусловливавшими приморскимъ положеніемъ страны, относилось къ инсurreкціи единственно съ своекорыстной точки зрѣнія; рассчитывая усилиться насчетъ Турціи, эта австрийская область имѣла въ виду приобрести тѣмъ право на болѣе высокое политическое положеніе.

Сообразно съ стремленіями каждой изъ поименованныхъ странъ, вліяніе ихъ на ходъ инсurreкціоннаго движенія выражалось въ соответствующей формѣ: тогда какъ Сербы ограничивались тайными подстрекательствами, а далматинцы занимались выгоднымъ для нихъ подвозомъ провіанта и боевыхъ припасовъ, Черногорія, давъ убѣжище бѣглецамъ, оказывала дѣйствительную помощь инсургентамъ. Турецкое правительство не могло не знать истинныхъ отношеній княжествъ Сербіи и Черногоріи къ возстанію, а потому недовѣріе его къ нимъ было вполне естественно; но во всякомъ случаѣ ему не слѣдовало открыто обнаруживать это недовѣріе и постоянными угрозами возбуждать неисчислимыя осложненія. Участіе принятое великими державами въ ходѣ возстанія, ихъ дружныя усилія подавить инсurreкцію въ самомъ ея началѣ и тѣмъ устранить возможность возникновенія грознаго Восточ-

наго вопроса должны были служить ей лучшимъ ручательствомъ, что ея «цѣлости и независимости» не угрожала никакая опасность и что давленіе державъ на княжества не допустить ихъ до вооруженнаго вмѣшательства. Къ сожалѣнію, политическіе дѣятели Турціи смотрѣли на дѣло иначе: съ самаго начала возстанія въ Герцеговинѣ все ихъ вниманіе было обращено на оба княжества, и лучшія войска Турецкой имперіи были направлены къ ихъ границамъ: укрѣпленный лагерь, образованный при Нишѣ еще въ 1875 году, долженъ былъ угрожать Сербіи, а затѣмъ ирадэ 21 апрѣля 1876 г. повелѣвалъ устроить такой же лагерь близъ Скутари въ Албаніи, для наблюденія за южною границею Черногоріи. Дурныя мѣры всегда ведутъ къ дурнымъ послѣдствіямъ: не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточнаго числа регулярныхъ войскъ, Порта была вынуждена усилить ихъ баши-бузуками, призвать къ оружію толпы дикихъ черкесовъ, поселенныхъ въ придунайскихъ вилайетахъ. Нарушеніе границъ слѣдовало одно за другимъ; мирныя сербскія селенія непрерывно подвергались нападеніямъ. Такъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ шайка хищныхъ сыновъ Кавказа, перейдя черезъ р. Тимокъ, вторглась въ сербскую территорію съ цѣлію грабежа. Быстро собравшаяся пограничная стража вступила съ ними въ бой, и черкесы, потерявъ пять человекъ убитыми, удалились; при обратной же переправѣ нѣкоторые утонули. На энергическія представленія Сербіи по этому поводу Порта глубокомысленно отмалчивалась, усиливая тѣмъ натянутость своихъ отношеній къ княжеству, общее воинственное настроеніе котораго и безъ того уже указывало на неизбежность вооруженнаго столкновенія.

Въ виду такого напряженнаго положенія дѣлъ, Сербія была вынуждена, несмотря на финансовыя затрудненія, мобилизовать всю свою армію и составить планъ кампаніи, кото-

рымъ тогда уже было предположено сосредоточить близъ Алексинаца 30,000 корпусъ для дѣйствій противъ собранной полѣ стѣнами Ниша турецкой арміи, а другой 15,000 корпусъ двинуть въ Боснію для соединенія съ боснійскими и герцеговинскими инсургентами. Около этого же времени кабинетъ Риегича смѣнилъ безцвѣтный кабинетъ Кальевича, вопреки желанію князя Милана, который вынужденъ былъ уступить народной волѣ, требовавшей, чтобы правительство ясно и откровенно высказало свои намѣренія, такъ какъ въ противномъ случаѣ гибель Сербіи признавалась неизбежною. Постоянная коммисія скупщины, обратившаяся какъ бы «въ комитетъ общественнаго спасенія» и вполне управлявшая страной, настоятельно требовала немедленнаго занятія всѣхъ стратегически-важныхъ пунктовъ въ Босніи сербскими войсками; даже заявленія представителей великихъ державъ, что въ случаѣ нарушенія мира Сербія будетъ предоставлена своей участи и, потерпѣвъ поражение, не въ правѣ ожидать дипломатической защиты, — не охлаждали порывовъ рьяныхъ патриотовъ.

Демонстрація въ родѣ «кошачьяго концерта», произведенная въ Бѣлградѣ 9-го апрѣля передъ домою австро-венгерскаго консула, причемъ два лица, проживавшія тамъ, были ранены камнями, — чуть было не послужила поводомъ къ серьезнымъ затрудненіямъ; она вызвана была арестомъ Любичевича и дѣвицы Маркусъ, къ которой Сербы питали симпатію. Только благоразуміе сербскаго правительства устранило опасность: на угрозы консула князя Вреде опустить консульскій флагъ и выѣхать изъ Бѣлграда, если не будетъ дано удовлетворенія, т. е. выражено публичнаго извиненія, представлена гарантія, что подобныя сцены болѣе не повторятся и наконецъ послѣдуетъ наказаніе зачинщиковъ демонстраціи

и бездѣйствовавшихъ чиновъ полиціи, — сербское правительство отвѣчало исполненіемъ всѣхъ выраженныхъ ему требованій.

Неуспѣшность переговоровъ герцеговинскаго вали Али-паши съ княземъ Николаемъ, положительный отказъ послѣдняго за территоріальное вознагражденіе измѣнить соплеменной райѣ и наконецъ лживость приписки, сдѣланной Дервишем-пашею на донесеніи Мухтара-паши, что 7,000 Черногорцевъ открыто дрались съ турецкими войсками въ Дужскомъ ущельѣ, чуть было не послужили предлогомъ къ немедленному объявленію Турціей войны Черногоріи. Мы уже знаемъ, что только совѣты и настоянія пословъ Австро-Венгріи и Россіи временно устранили опасность, не помѣшавъ однако издать 21 апрѣля праде объ устройствѣ укрѣпленнаго лагеря въ Скутари. Съ той минуты, когда первыя турецкія войска вступили въ скутарійскій лагерь, неизбежность войны сдѣлалась очевидною: искра таялась подъ пенломъ, малѣйшій вѣтерокъ угрожалъ раздуть страшное пожарище...

Одновременно обнаружилось инсurreкціонное движеніе и въ Болгаріи; начавшись въ Оттикеѣ, близъ Татарскаго Базарджика, оно распространилось на деревни по Родопу, вѣтви Балканскихъ горъ, идущихъ параллельно рѣкѣ Кургану. Возстаніе это видимо было давно задумано и не могло считаться явленіемъ случайнымъ, потому что оно вспыхнуло одновременно на различныхъ пунктахъ и вездѣ первыми его жертвами падали заплѣти (жандармы). Возбужденіе болгарскаго мятежа не безъ основанія приписывалось болгарскому революціонному комитету, постоянно пребывавшему въ Бухарестѣ; воспользовавшись озлобленіемъ Болгаръ на правительственныя войска, чинившія всякія неистовства, вожаки движенія, почти всѣ игравшіе видную роль въ инсurreкціи 1868 г., собра-

шись въ Балканскихъ горахъ и устроивъ тамъ главную квартиру «болгарскаго національнаго собранія», издали манифестъ, которымъ призывали население къ оружію. На призывъ этотъ инсургенты толпами уходили въ горы, гдѣ правильно организовались и вооружались шайки, такъ какъ оружіе было тамъ заранѣе припасено. Дѣятельность и энергія руководителей возстанія были по истинѣ замѣчательны, а дѣйствія отрядовъ изобличали, что они подчинялись хорошо обдуманному плану.

Въ Эски-Загрѣ былъ открытъ заговоръ; въ ущельѣ «Трояновы ворота» произошла стычка инсургентовъ съ турецкими войсками, причѣмъ послѣдніе были разбиты и лишились восьми пушекъ. Мусульманское население взялось за оружіе и немилосердно истребляло христіанъ, а турецкія войска помогали имъ; въ Татарь-Базарджикѣ рѣзня доходила до ужасающихъ размѣровъ. Баши-бузуки и черкесы не щадили никого: рѣзали стариковъ, насилывали женщинъ, красивыхъ дѣвушекъ уводили и продавали въ гаремы пашей, убивали дѣтей, жгли жилища, разрушали храмы, ругались надъ святыней. Положеніе дѣлъ съ каждымъ днемъ все болѣе усложнялось, становилось тревожнымъ, опаснымъ, событія быстро слѣдовали одно за другимъ, предвѣщая близость роковой развязки...

Великія державы, въ виду полной безуспѣшности предъидущихъ совокупныхъ дипломатическихъ дѣйствій, серьезно озабочивались изысканіемъ средствъ не допустить до возникновенія Восточнаго вопроса, слѣдовательно до общей европейской войны. Очевидная несостоятельность турецкаго правительства собственными средствами усмирить возстаніе, повсемѣстное возбужденіе мусульманскаго фанатизма, звѣрства баши-

бузуковъ, черкесовъ и дикихъ азіатскихъ ордъ, вызванныхъ Портою на ея защиту, наконецъ несомнѣнные успѣхи инсургентовъ и воинственное настроеніе, обнаруживавшееся въ Сербіи и Черногоріи, — убѣдили Европу, что настало время приступить къ болѣе рѣшительному, опредѣленному образу дѣйствій, способному возстановить спокойствіе. Три имперіи: Германія, Россія и Австро-Венгерія, послѣ дружескаго обмѣна мыслей, условились, обсудивъ истинное положеніе дѣлъ, принять окончательное рѣшеніе и мѣстомъ для совѣщанія по этому поводу избрали Берлинъ, куда къ 10 мая пріѣхали: русскій государственный канцлеръ князь Горчаковъ и австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Андраши.

Между тѣмъ за нѣсколько дней до сѣзда въ Берлинъ трехъ канцлеровъ, въ Турціи произошло событіе, повергшее въ ужасъ Европу, возбудившее общее негодованіе: 6 мая въ Салоникахъ консулы Германіи и Франціи были умерщвлены разъяренною толпою мусульманской черни. Тревожное настроеніе мусульманскаго населенія Салоникъ было замѣчено задолго до прискорбной катастрофы и находившіеся тамъ европейскіе консулы неоднократно заявляли объ этомъ какъ мѣстнымъ властямъ, такъ и своимъ посольствамъ въ Константинополь. Къ сожалѣнію, Порта, по внушенію англійскаго посла сэра Эллиота, котораго успокаивалъ англійскій консулъ г. Блундъ, извѣстный туркофилъ, отвѣчала иностраннымъ представителямъ, что свѣдѣнія ихъ преувеличены и что мѣстные власти «ручаются» за сохраненіе спокойствія въ городѣ. Насколько ручательство это было надежно, доказали послѣдствія.

5 мая н. с. съ побѣдомъ желѣзной дороги изъ Урунъ-Купрю была привезена въ Салоники молодая болгарка, похищенная для гарема директора тамошней полиціи Эянна-

эфенди. Мать дѣвушки, розыскивая ее, случайно ѣхала съ тѣмъ же поѣздомъ, но въ другомъ вагонѣ; когда же по прибытіи на станцію онѣ увидѣлись, то заливаясь слезами бросились другъ другу въ объятія. На распросы собравшейся публики женщины сообщили, что дѣвушка христіанка, что она похищена, что ее силою принуждаютъ принять исламъ и предназначаютъ для гарема Эмина-эфенди. На дебаркадерѣ было много народа; происшедшая сцена произвела тяжелое впечатлѣніе и христіане рѣшились спасти дѣвушку. Несмотря на увѣренія Турокъ, что дѣвушка сама изъявила желаніе принять исламъ и поступить въ гаремъ, обѣихъ женщинъ освободили, посадили въ экипажъ почему-то невозвратившагося съ охоты американскаго консула, ожидавшій его у станціи, и приказавъ кучеру ѣхать, укрыли въ домѣ одного грека-купца. На другой день толпа вооруженныхъ мусульманъ—раскачивала по городу, розыскивая болгарку. Въ американскомъ консульствѣ на распросы толпы отвѣтили, что дѣвушки тамъ нѣтъ; тогда часть ватаги ринулась къ дому вали, съ шумнымъ требованіемъ выдачи дѣвушки, а другая устремилась въ мечеть, куда не замедлили явиться и остальные, такъ какъ вали обѣщала исполнить ихъ просьбу. Въѣтъ о возникшихъ беспорядкахъ и объ угрозахъ Турокъ произвести всеобщее избиеніе христіанъ побудила французскаго консула г. Мулена, совместно съ его свякомъ германскаго консуломъ г. Абботомъ, отправиться къ вали и потребовать принятія мѣръ къ прекращенію беспорядка и водворенія спокойствія. Вали не былъ или не сказанъ дома; консуламъ сообщили, что онъ въ мечети, а потому они, въ сопровожденіи конвоя отъ караула при конакѣ вали, направились туда. Между тѣмъ въ мечеть прибыли: салоницкій военный начальникъ, директоръ полиціи, городской голова и другія влія-

тельные и почетныя лица; составилось совѣщаніе, во время котораго вошли въ мечеть консулы. Вали еще не являлся туда. Лишь только консулы переступили порогъ мечети, какъ поднялся сильный шумъ, слышались громкія угрозы, требованія мщенія. Спокойно и твердо ожидали консулы прихода вали, а когда онъ вошелъ, обратились къ нему съ протестами. Тогда толпа бросилась на консуловъ, и какъ увѣряли, по знаку Эмина-эфенди, личнаго врага г. Аббота; ему первому нанесенъ былъ ударъ по головѣ; затѣмъ послѣдовало еще до десяти ударовъ ятаганами; г. Муленъ получилъ 34 раны и ему отрубили голову. Умертвивъ консуловъ, разъяренная толпа осыпала трупы ударами дубинъ и ломовъ, затѣмъ таскала по улицамъ, гдѣ чернь съ остервененіемъ терзала ихъ и, бросивъ на навозныя кучи, совершала надъ ними неистовства самаго циническаго свойства.

Хотя вали официально доносилъ, что онъ употреблялъ всевозможныя усилія спасти консуловъ и даже старался заслонить ихъ собою отъ ятагановъ убійць, но впоследствии выяснилось, что никакой попытки воспрепятствовать соверщенію злодѣяства не дѣлалось, несмотря даже на то, что имѣющіяся въ распоряженіи вали мѣстныя войска и жандармская команда были болѣе чѣмъ достаточны для предупрежденія несчастій. По излюбленной Турками привычкѣ «прятать концы», салоницкія власти и на этотъ разъ выбивались изъ силъ тайно и какъ можно скорѣе похоронить убитыхъ, но греческіе священники, боясь отвѣтственности, отказались совершить погребеніе при такой обстановкѣ, а итальянскій консулъ мужественно потребовалъ немедленной выдачи труповъ.

Барварское убійство консуловъ въ Салоникахъ представлялось событіемъ первостепенной важности: не только вся Европа пероложила въ вѣсти о совершенномъ преступленіи, но

и на Востокъ оно произвело глубокое, тягостное впечатлѣніе. Между европейскими колоніями турецкихъ городовъ распространилась неудержимая паника, а въ мусульманскомъ населеніи обнаружилось мрачное раздраженіе, угрожавшее взрывомъ фанатизма. Христіане и магометане стали какъ бы наблюдать другъ за другомъ и измѣрять свои силы. Даже въ самомъ Константинополѣ господствовало такое волненіе, что послы признали нужнымъ потребовать отъ своихъ правительствъ присылки въ ихъ распоряженіе по крайней мѣрѣ еще по одному военному судну: небывалый примѣръ, чтобы въ столицѣ державы, при которой послы аккредитованы, имъ приходилось заботиться о безопасности своихъ соотечественниковъ, а пожалуй и о своей собственной! Печальное событіе это само по себѣ уже показывало, до какой степени дѣла приняли грозной оборотъ даже внѣ возставшей территоріи,—что основы государственной жизни въ странахъ, состоящихъ подъ турецкимъ владычествомъ, все болѣе и болѣе распадались и что случившееся въ Салоникахъ было можетъ быть только прелюдией того, чего возможно ожидать въ минуту окончательнаго крушенія Порты...

Тотчасъ по полученіи извѣстія о салоницкой катастрофѣ, французское правительство приказало тремъ броненосцамъ и одному винтовому пароходу подъ командою контр-адмирала Жореса отплыть отъ Герскихъ острововъ, — гдѣ находилась тогда французская эволюціонная эскадра Средиземнаго моря, — въ Салоники. Германскій корветъ «Медуза» былъ тоже направленъ туда; до прибытія же остальныхъ военныхъ судовъ, спѣшно снаряжавшихся въ Вильгельмсгафенъ, германское правительство просило французское сдѣлать распоряженіе, чтобы германскимъ подданнымъ было оказываемо покровительство французскаго флота. Русскимъ и австрійскимъ су-

дамъ, крейсировавшимъ въ турецкихъ водахъ, дано было знать, чтобы они немедленно отправились въ Салоники. Въстѣ съ тѣмъ представители Германіи и Франціи, а равно и остальныхъ державъ, приняли мѣры побудить турецкое правительство дать надлежащее удовлетвореніе, произвести строжайшее слѣдствіе, наказать преступниковъ и оградить на будущее время безопасность христіанъ. Великій визирь тотчасъ же изъявилъ полную готовность Порты исполнить всѣ заявленныя требованія, а султанъ послалъ своего перваго адъютанта къ посламъ Германіи и Франціи для засвидѣтельствованія его душевнаго прискорбія по случаю этого горестнаго событія, позорящаго Турецкую націю...

Англійское правительство воздержалось отъ послышки своихъ судовъ въ Салоники; только одна вооруженная паровая лодка конвоировала туда турецкое военное судно, на которомъ находились члены слѣдственной комиссіи. Комиссаръ Порты, германскій консулъ г. Жиллетъ и драгоманъ французскаго посольства г. Романо прибыли 11 мая въ Салоники, и немедленно высадившись на берегъ въ полной формѣ и въ глубокомъ траурѣ, приступили къ производству слѣдствія. Однако до 13 числа, т. е. до прибытія французскихъ судовъ, никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій ими предпринято не было, изъ опасенія чтобы сторонники Эмина-эфенди не рѣшились на какой-нибудь отчаянный поступокъ. По занятіи же города войсками начались аресты: на первыхъ же порахъ взято 54 человѣка, а потомъ еще 18, и всѣ они были отправлены на стоявшій въ Салоницкомъ рейдѣ турецкій панцырный фрегатъ; изъ числа 11 человѣкъ, положительно уличенныхъ въ убійствѣ консуловъ, шестеро приговорены были къ смертной казни, которая и была исполнена надъ ними 16 мая на городской площади, при большомъ стеченіи возбужденнаго на-

селенія. Всѣ казенные безъ исключенія принадлежали къ низшему классу людей. Турецкіе чиновники увѣряли, что дальнѣйшее слѣдствіе будетъ преимущественно направлено къ привлеченію къ суду болѣе высокопоставленныхъ виновниковъ и поощрителей убійства, но имъ видимо потворствовали. Эмина-Эфенди и его сообщниковъ отправили въ Константинополь, гдѣ они только въ іюнѣ были осуждены, но такъ снисходительно, что представители Германіи и Франціи нашлись вынужденными заявить протестъ, вслѣдствіе котораго въ августѣ послѣдовалъ приговоръ суда, лишь въ какой-то степени удовлетворявшій требованіямъ справедливости.

Похороны консуловъ происходили съ большою торжественностью и почетомъ, при бытности высшихъ турецкихъ сановниковъ, одѣтыхъ въ полной формѣ; магометанское населеніе Салоникъ было сильно этимъ взволновано, но никакихъ непріязненныхъ демонстрацій не произошло; нѣтъ сомнѣнія, что спокойствіе сохранилось только въ виду присутствія въ гавани грозныхъ броненосцевъ и другихъ военныхъ судовъ европейскихъ державъ.

Въ Берлинѣ съ 11 мая начались совѣщанія трехъ канцлеровъ; послѣ трехдневныхъ усиленныхъ занятій, достигнуто было соглашеніе въ томъ смыслѣ, что такъ какъ нота графа Андраши не имѣла никакихъ практическихъ результатовъ, то признавалось необходимымъ обратиться къ Портѣ съ болѣе точными представленіями, выяснивъ притомъ, что въ случаѣ ея уклоненія отъ приведенія въ исполненіе вновь предлагаемыхъ мѣръ, державы вынуждены будутъ прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительнымъ средствамъ для достиженія своихъ цѣлей. Составленную въ такомъ видѣ ноту предположено было предварительно сообщить правительствамъ Франціи, Ита-

ліи и Англіи, дабы получить ихъ согласіе на взаимодѣйствіе. Составленіе и редактированіе ноты принялъ на себя русскій государственный канцлеръ князь Горчаковъ, подписана же она 13 мая.

Одобривъ мѣры, предложенныя графомъ Андраши, турецкое правительство приняло на себя извѣстныя обязательства; а потому не только справедливость требовала, чтобы такія были въ точности исполнены, но и самое достиженіе мира находилось отъ этого въ непосредственной зависимости. Очевиднымъ послѣдствіемъ уклоненія отъ принятыхъ Высокою Портою обязательствъ было убійство консуловъ въ Салоникахъ; прекращенія такого положенія дѣль, представлявшегося настоятельною необходимою, можно было достигнуть только посредствомъ немедленнаго заключенія двухмѣсячнаго перемирія съ инсургентами, на основаніи пяти пунктовъ проекта графа Андраши и такого же числа пунктовъ ихъ контр-проекта, врученнаго предводителями усташей барону Родичу. Какія именно предполагалось принять «болѣе дѣйствительныя мѣры», — въ меморандумѣ официально не заявлялось; но были основанія предполагать, что онѣ приблизительно заключались въ слѣдующемъ: занятіе Босніи австрійскими войсками, воспрещеніе турецкимъ судамъ входа въ клецкую гавань, блокада турецкихъ портовъ и наблюденіе за Дарданеллами, съ цѣлью воспрепятствовать дикимъ ордамъ, вызываемымъ Портою изъ степей Азіи и Африки, превращать въ пустыни мирныя селенія христіанъ, истязать и умерщвлять ихъ жителей. Казалось бы, что такія умѣренные и вполне справедливыя требованія не могли встрѣтить какихъ либо возраженій; къ сожалѣнію, на дѣлѣ вышло противное.

Франція и Италия не замедлили одобрить основныя начала меморандума и изъявить согласіе на взаимодѣйствіе съ тремя

имперіями. 19 мая Англія офіціально сообщила, что она уклоняется отъ всякаго участія въ какомъ либо давленіи на Порту, такъ какъ оно знаменовало бы посягательство на ея державныя права. Противъ заключенія двухмѣсячнаго перемирія Англія не возражала, но желала имѣть прочное ручательство, что оно не будетъ нарушено инсургентами. Предлагавшія же меморандумомъ «дѣйствительныя мѣры» признавались Англіей явнымъ нарушеніемъ Парижскаго трактата 1856 года. Злые языки утверждали, что такой отвѣтъ былъ данъ Англіей потому, что она считала себя оскорбленною и обиженною, не бывъ приглашена къ Берлинской конференціи. Едва ли это такъ. Неохотно вѣрится, чтобы великая держава из-за совершенно фиктивной причины могла рѣшиться зажечь пожарище, исходныхъ границъ котораго никто не былъ бы въ состояніи опредѣлить. Нѣтъ, на то была другая причина: цѣль Англіи, или скорѣе ея премьера Дизраэли, заключалась въ желаніи выказать угрозу Россіи. Не даромъ же вслѣдъ за присоединеніемъ къ владѣніямъ Россійской имперіи Коканскаго ханства, велемудрый премьеръ озаботился исторгнуть у англійскаго парламента утвержденіе внесеннаго имъ билля о присвоеніи королевѣ титула Императрицы Индійской, мотивируя это необходимостью противопоставить новый титулъ обаянію, производимому на азіятскія народности титуломъ Императора Всероссийскаго.

Какъ бы впрочемъ ни было, но Англія отказалась принять участіе въ «концертѣ европейскихъ державъ»,—и вслѣдъ затѣмъ англійскій броненосный флотъ въ числѣ 20 судовъ, при 5,000 десантнаго войска, подъ начальствомъ адмирала Друммонда, вступилъ въ Безикскую бухту. вмѣстѣ съ тѣмъ отдано было приказаніе устроить на Гибралтарѣ и на остр. Мальтѣ этапы для судовъ и сухопутнаго. Эта угроза

не имѣла бы, конечно, важнаго значенія, еслибы остальные пять великихъ державъ, взаимно довѣря другъ другу, дѣйствовали единодушно; но увы! разладъ между ними существовалъ, и нельзя не сознаться, что исполнители европейскаго концерта преисправно тянули «кто въ лѣсъ, кто по дрова»!..

Впрочемъ, Берлинскому меморандуму не суждено было узрѣть свѣтъ Божій еще и по другимъ причинамъ: Порта, поставившая себѣ въ послѣднее время задачей поражать Европу сюрпризами, преподнесла ей и на этотъ разъ такую диковинку, какой не могло бы измыслить самое пылкое воображеніе...

Салоникское убійство послужило поводомъ къ осуществленію давно задуманныхъ плановъ челоуѣка, страстно стремившагося къ достиженію власти — Митхада-паша. Заклятый врагъ Россіи, закадычный другъ сэра Генри Эдліота, Митхадъ тяготился бездѣйствіемъ и задумалъ, при участіи своего благопріятеля, усилить существовавшую неурядицу въ Турціи и, являсь въ данное время спасителемъ имперіи, прочно утвердить свое собственное вліяніе на дѣла. Честолюбивые замыслы Митхада были какъ нельзя болѣе съ руки англійскому послу, и онъ не упускалъ случая укрѣплять въ немъ его надежды... Хорошо изучивъ характеръ своихъ соотечественниковъ и зная, что только чрезъ посредство мусульманскаго духовенства можно возбудить фанатизмъ массъ, Митхад-паша всячески старался привлечь его на свою сторону. Это ему вполне удалось; высшее турецкое духовенство, улемы, будучи наиболѣе образованнымъ классомъ имперіи, нерѣдко занимаютъ административныя и судебныя должности на государственной службѣ: заманчивыми обѣщаніями Митхадъ добился ихъ расположенія и уже черезъ нихъ сталъ дѣйствовать на низшую духовную касту «софтовъ». Исполняя въ

мечетяхъ обязанности причетниковъ и псаломщиковъ, софты вмѣстѣ съ тѣмъ посѣщаютъ школы; они студенты богословія и правъ, но отнюдь не въ смыслѣ студентовъ европейскихкихъ университетовъ, такъ какъ невѣжество ихъ доходитъ нерѣдко до невѣроятнаго. Понятно, какъ легко возбудить въ нихъ фанатизмъ и сдѣлать ихъ слѣпымъ орудіемъ посторонней воли. А въ Константинополѣ насчитываютъ по меньшей мѣрѣ до 40,000 софтовъ. Цѣлая армія!

Софтамъ усиленно старались внушить, что возстаніе въ Герцеговинѣ и Босніи возбуждено было происками Русскихъ, злѣйшихъ враговъ ислама; что великій визирь Махмуд-паша подкупленъ Русскими, а потому ихъ покорнѣйшій слуга, и что самъ султанъ Абдул-Азизъ околдованъ ими. Напротивъ того, англійскаго премьера, мистера Дизраэли, и посла, сэра Эллиота, выставляли имъ истинными друзьями Турокъ, возлюбленными чадами пророка.

На такой подготовленной почвѣ чего не выростеть! Софтовъ увѣрили также, что салоникская рѣзня была устроена Русскими съ цѣлю опозорить Турокъ передъ лицомъ Европы и что слѣдовательно настала минута для дѣйствій на спасеніе ислама. Сказано—сдѣлано: 10 мая толпа софтовъ, предводимая улемами, закрывъ книги, какъ нѣкогда позорной памяти янычары опрокидывали котлы, собралась въ мечети и поручила депутации передать султану требованіе о немедленномъ отрѣшеніи отъ должностей шейх-уль-ислама и великаго визиря, вмѣсто котораго назначить Митхада-пашу. Эти требованія софтовъ явно свидѣтельствовали, что дѣло шло не объ отношеніяхъ между различными инстанціями турецкой духовной администраціи или между начальниками школъ и учениками, а возбуждался вопросъ политическій, вызванный неудовольствіемъ извѣстной партіи противъ существовавшаго

порядка вещей. 11 мая, когда софты вновь собрались въ мечети Сулеймана, султанъ прислалъ къ нимъ своего перваго камергера узнать имена предводителей, съ которыми можно бы было вступить въ совѣщанія по жалобамъ. Софты отвѣчали, что каждый изъ нихъ предводитель, и добавили, что если желанія ихъ не будутъ немедленно исполнены, то они отнѣмать молитвословія о султанѣ, произносимыя по пятницамъ, такъ какъ Коранъ признаетъ таковыя грѣхомъ, коль скоро на престолѣ не царитъ правосудіе. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы султанъ не исполнилъ желанія софтовъ, то они силою добились бы согласія падишаха, а потому, уволивъ двухъ высшихъ своихъ сановниковъ, султанъ черезъ новаго шейх-уль-ислама велѣлъ сказать софтамъ, что сдѣлалъ это не по ихъ просьбѣ, а по собственному, заранѣе обдуманному рѣшенію; впредь же онъ будетъ строго наказывать всякое повтореніе такихъ демонстрацій. Софты, конечно, этому не повѣрили и хорошо поняли, что отнынѣ они пріобрѣтали значеніе государственной силы, предъ которою и власть султана уже не могла считаться безграничною...

Исполнивъ одну часть требованій софтовъ, султанъ не исполнилъ однако другой: великимъ визиремъ былъ назначенъ не Митхадъ, а Мехмед-Рудши-паша. Но софты не претендовали на это; они вполне были удовлетворены уже тѣмъ, что Махмуд-паша удаленъ отъ должности, такъ какъ считали его главнымъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій, постигшихъ въ послѣднее время Турцію. А между тѣмъ принесенный имъ въ жертву великій визирь былъ представителемъ направленія, стремившагося къ осуществленію внутренняго развитія Турціи въ мирномъ, цивилизующемъ смыслѣ; онъ былъ, если можно такъ выразиться, связующимъ звеномъ между

мусульманским консерватизмом и тѣми гуманными требованиями, исполненія которыхъ добивалась отъ Турціи Европа.

Хотя Митхад-паша не достигъ цѣли и возбужденная имъ демонстрація софтовъ не передала въ его распоряженіе власти, но все же доставила ему убѣжденіе, что въ умѣлахъ рукахъ софты могутъ быть весьма полезнымъ орудіемъ. Затѣвъ въ душѣ злобу, онъ рѣшился выждать благоприятную минуту для удовлетворенія своего честолюбія. Дружба его съ сэромъ Эллиотомъ становилась все тѣснѣе: не проходило дня, въ который бы они не видѣлись, не совѣщались. Въ воздухѣ чувалось что-то недоброе, зловѣщее... Все населеніе Константинополя волновалось, тревожилось; христіане ожидали поголовнаго избіенія, новой Варооломеевской ночи, и спѣшили отсылать оттуда свои семейства; мусульмане къ чему-то готовились, оттачивали ножи и ятаганы, закупаали револьверы; требованія на послѣдніе были такъ велики, что въ два-три дня они были раскуплены и ни за какія деньги нельзя было достать ихъ въ лавкахъ. Распространялись слухи о заговорахъ: говорили также, что бывший военный министръ Дервиш-паша, незадолго передъ тѣмъ замѣщенный въ этой должности Гуссейном-Авни-пашею, тайно раздавалъ жителямъ столицы оружіе и что иностранные послы, узнавъ объ этомъ, требовали даже его казни, въ чемъ конечно имъ было отказано.

Неспокойно жилось также и самому султану Абдуль-Азизу во дворцѣ Долма-Бахче; демонстрація софтовъ сильно на него подѣйствовала, и онъ съ минуты на минуту ожидалъ покушенія на свою жизнь. Потолокъ, стѣны и полы своего кабинета онъ приказалъ обить желѣзною броней; двери были тоже желѣзные. Въ этой желѣзной клеткѣ тревожно до-

живалъ повелитель правовѣрныхъ тѣ немногіе дни, которые Аллахъ судилъ ему провести на землѣ. Часы его были уже сочтены!..

30 мая 1876 года султанъ Абдуль-Азиз-Ханъ былъ сверженъ съ престола; султаномъ же, «по волѣ Бога и народа», провозглашенъ племянникъ его, сынъ покойнаго султана Абдуль-Меджида, подъ именемъ Мурада V.

Резюмируемъ разнорѣчивыя сообщенія объ этомъ событіи:

Послѣ демонстраціи софтовъ, султанъ созвалъ совѣтъ, на которомъ кромѣ сыновей его и многихъ правительственныхъ лицъ, присутствовали также министръ иностранныхъ дѣлъ и султанша Валиде, мать Абдуль-Азиза, которая во главѣ семьи требовала принятія энергическихъ мѣръ, закрытія медресе и высылки всѣхъ софтовъ въ отдаленныя провинціи; остальные совѣтники придерживались мнѣнія, что слѣдуетъ уступить требованіямъ подданныхъ, дабы не вызвать болѣе опасной въ положеніи дѣлъ. Нерѣшительный, слабый падишахъ колебался; но наконецъ согласился уступить, вѣроятно имѣя въ виду прибѣгнуть впоследствии къ энергическимъ мѣрамъ, предложеннымъ его матерью. Слабость, выказанная Абдуль-Азизомъ и въ этомъ случаѣ, окончательно погубила его...

Преслѣдуя свои цѣли, Митхад-паша поѣхалъ 13 мая къ вновь назначенному шейх-уль-исламу Хайрулла-эфенди принести поздравленія по случаю облеченія его въ этотъ высокій санъ. Визитъ продолжался не долго, но прощаясь Митхадъ намекнулъ хозяину, что пріѣдетъ черезъ три дня для совѣщанія по неотложнымъ религіознымъ дѣламъ. Въ назначенный день Митхад-паша дѣйствительно явился, но уже не одинъ, а съ нѣсколькими хаджами и улемами. По восточ-

тому обычаю, они повели разговор издали и наконец, намекнувъ, что первая обязанность шейх-уль-ислама заключается въ служеніи религіи, а затѣмъ уже султану, потребовали, чтобы онъ, въ виду явной неспособности Абду-Азиза, унижающей какъ Турецкую имперію, такъ и исламъ, категорически рѣшилъ, за кого сѣдуетъ отать: за достоинство ли и уваженіе религіи, или за тронъ Абду-Азиза, который сегодня живъ, а завтра въ могилѣ? Внимательно выслушавъ гостей своихъ, шейх-уль-исламъ задумался и не рѣшался отвѣтить; тогда одинъ изъ ходжей всталъ съ своего мѣста и сказалъ: «Не забудь, что мы прогнали съ должности твоего предшественника; то же случится съ тобою, если ты не согласишься послужить дѣлу ислама!» Хайрулла-эфенди не колебался болѣе и отвѣчалъ, что «согласенъ содѣйствовать водворенію въ Турціи новой правительственной формы и даже перемѣнъ правителя, лишь бы Европа возвратила мусульманской вѣрѣ свое уваженіе и признала ея могущество.» Затѣмъ Митхад-паша напрямки объяснилъ шейх-уль-исламу, что рѣчь вовсе не идетъ о его содѣйствіи, а о томъ, чтобы онъ самъ взялся за дѣло, потому что если задуманный планъ и не удастся, то какъ лицо священное и неприкосновенное, онъ не подвергнется никакой опасности, тѣмъ болѣе что софты защитятъ его отъ султанскаго гнѣва. Принудивъ такимъ образомъ Хайрулла-эфенди согласиться на всѣ свои требованія, заговорщики составили планъ изверженія султана Абду-Азиза. Уже на другое утро шейх-уль-исламъ видѣлся съ великимъ визиремъ и пригласилъ его участвовать въ заговорѣ; Рушди-паша тотчасъ же согласился, несмотря на то что только за нѣсколько дней передъ тѣмъ принесъ присягу въ вѣрности своему государю,—и взялся уговорить своихъ товарищей министровъ. На долю Митха-

да-паша досталась задача переговорить о дѣлѣ съ начальниками столичнаго гарнизона и потребовать отъ нихъ безусловнаго повиновенія; оставалось только убавить султана, не допустить возбужденія въ немъ подозрительности.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого шейх-уль-исламъ и великій визирь отправились во дворецъ и постарались разяснить султану, что было бы очень выгодно привлечь на свою сторону Митхада-пашу, любимца софтовъ: стоитъ только назначить его министромъ безъ портфеля, чтобы изъ врага превратить въ полезнаго союзника правительства. Абду-Азизъ тотчасъ же согласился, а на другой день Митхад-паша явился къ нему для принесенія благодарности. Отъ султана Митхадъ отправился въ военное министерство, чтобы выразить тамъ свою благодарность старшему сыну Абду-Азиза, Юсуф-Иззедину. Депутация улемовъ тоже не замедлила явиться къ султану повергнуть къ его стопамъ признательность за назначеніе новаго министра и пожелать ему долготѣія. Абду-Азизъ, глубоко тронутый медоточивыми рѣчами духовныхъ особъ, былъ безконечно радъ, что всѣ неприятности и недоразумѣнія удалось такъ легко устранить. Софты тоже оказались весьма стоворчивыми: они почтительно заявили только, что недурно было бы дать государству конституцію, допустить, чтобы народъ контролировалъ министровъ и чтобы султанъ, въ виду стѣсненнаго положенія имперіи, наполнилъ пустые сундуки казначейства малою толикою своего личнаго состоянія. Считая себя внѣ всякой опасности, султанъ выслушалъ софтовъ милостиво и обѣщалъ вскорѣ увѣдомить о своемъ рѣшеніи; въ душѣ же далъ себѣ слово порядкомъ ихъ проучить и лишитъ возможности предъявлять какія-либо требованія. По удаленіи софтовъ онъ нетолько выразилъ, что не исполнитъ ихъ тре-

бованій, но и сообщилъ шейх-уль-исламу и великому визирю о своемъ твердомъ намѣреніи тотчасъ по полученіи благоприятныхъ извѣстій изъ Болгаріи закрыть всѣ «медрессы» и изгнать софтовъ изъ Константинополя; въ случаѣ же сопротивленія съ ихъ стороны онъ не задумывался поднять знамя пророка и уничтожить возмутителей силою оружія. Оба сановника одобрили такія мудрыя намѣренія своего повелителя и условились съ нимъ относительно времени ихъ исполненія.

Черезъ нѣсколько дней султанъ получилъ отъ Абдул-Керима-паши, главноначальствовавшего войсками въ Болгаріи, нѣсколько телеграммъ, извѣщавшихъ объ одержанныхъ имъ побѣдахъ *) и о совершенномъ подавленіи возстанія. Не замедливъ показать ихъ великому визирю, Абдул-Азизъ замѣтилъ, что теперь настало время наложить руки на софтовъ. Руши-паша не возражалъ; но уйдя отъ султана, поспѣшилъ сообщить обо всемъ заговорщикамъ, которые единодушно рѣшили приступить къ дѣлу, нимало не медля.

Въ ночь съ 29 на 30 числа мая Долма-Бахче былъ окруженъ войсками; у всѣхъ входовъ и выходовъ поставлены были часовые, получившіе приказаніе никого не впускать во дворецъ и не выпускать изъ него даже самого султана. Затѣмъ въ сераскириатѣ (зданіи военнаго министерства) собрались: великій визирь Мехмед-Руши-паша, военный министръ Гуссейн-Авни-паша, министръ безъ портфеля Митхад-паша, шейх-уль-исламъ Хайрулла-эфенди и бывший шерифъ Мекки Абдул-Малебъ. На предложенный шейх-уль-исламу вопросъ: «Если повелитель правовѣрныхъ страдаетъ разстройствомъ

*) Телеграммы были подложныя; Абдул-Керимъ принадлежалъ тоже къ числу заговорщиковъ.

познаній въ политическихъ дѣлахъ; если личными своими расходами онъ увеличиваетъ тягости націи за предѣлы того, что она можетъ выносить; если приведеніемъ въ разстройство духовныхъ и свѣтскихъ дѣлъ онъ ведетъ къ раззоренію имперію и мусульманское общество, и если поэтому присутствіе его пагубно,—то слѣдуетъ ли его низвергнуть?» Отвѣтъ послѣдовалъ: «Законъ говоритъ: да». Составлена была фетва и приступлено къ дѣлу.

Рано утромъ 30 числа былъ приглашенъ въ сераскириатъ предсѣдатель военнаго совѣта Редиф-паша, которому сказанныя лица поручили овладѣть особою султана. Редиф-паша, войдя съ отрядомъ войска во дворецъ, возвѣстилъ падишаху, что отказомъ совершить вызванныя обстоятельствами реформы и измѣнить образъ жизни, онъ навлекъ на себя неумолимый приговоръ своихъ подданныхъ, а потому лишается престола «по волѣ народа»; затѣмъ потребовалъ, чтобы онъ немедленно оставилъ дворецъ. Выслушавъ пашу, султанъ пришелъ сначала въ неопisanную ярость,—но увидѣвъ солдатъ, долженъ былъ сознать, что высказанныя Редифомъ роковыя слова выражаютъ чувства войска и народа и что всякое сопротивленіе было бы бесполезно. Тогда Абдул-Азизъ безпрекословно отдался въ распоряженіе Редифа-паши; онъ былъ выведенъ изъ дворца, посаженъ въ одинъ изъ заранее приготовленныхъ кайковъ и отвезенъ въ сопровожденіи своей ближайшей свиты и всѣхъ женщинъ гарема, размѣщенныхъ тоже въ нѣсколькихъ кайкахъ, въ кіоскъ стараго гарема Топхане. Выѣстъ съ тѣмъ были приняты предосторожности, чтобы султанша Валиде не могла скрыться.

Когда арестованіе Абдул-Азиза совершилось, то Гуссейн-Авни-паша лично отправился въ Долма-Бахче, гдѣ содержался въ строгомъ заточеніи законный наследникъ престола, Мурад-

эфенди; объявивъ ему, что «волею народа» онъ призывается на царство, Гуссейн-Авни пригласилъ его въ сераскириатъ, гдѣ министры привѣтствовали новаго султана подъ именемъ Мурада V, а Хайрулла-эфенди и Абдул-Малебъ прочитали молитвы и прилечествовавшіе обстоятельству изрѣченія Корана. Вслѣдъ затѣмъ туда явилась депутация отъ софтовъ и улемовъ и тоже провозгласила Мурада султаномъ; поблагодаривъ всѣхъ, Мурадъ V отправился во дворецъ, такъ недавно оставленный его дядею Абдул-Азизомъ.

Революцію, неожиданно происшедшую въ Константинополь, никакъ нельзя назвать народною, а тѣмъ менѣе дворцовою; она исключительно задумана и приведена въ исполненіе министрами, которые, за исключеніемъ Митхада-паши, въ сущности лично ничего не имѣли противъ Абдул-Азиза. Весьма вѣроятно даже, что онъ остался бы на престолѣ, еслибъ въ послѣднюю минуту, сознавъ важность накопившихся со всѣхъ сторонъ затрудненій, проявилъ участіе къ безотрадному положенію своихъ подданныхъ и высказалъ готовность удѣлить часть накопленныхъ имъ громадныхъ капиталовъ на удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей своей имперіи. Войско турецкое гнбло отъ всякаго рода лишеній, народъ иществовалъ и голодалъ, — султанъ же ничего не хотѣлъ знать, продолжая извлекать послѣднія крохи изъ государственныхъ кассъ для утоленія своей жажды къ деньгамъ. Такое преступно-безучастное отношеніе главы государства къ настоятельнымъ потребностямъ и нуждамъ страны, особенно въ виду вышнихъ затрудненій, сдѣлало положеніе всѣхъ классовъ населенія невыносимымъ и рѣшило участь падишаха.

Не успѣла еще Европа свыгнуться съ мыслью, что султанъ Абдул-Азизъ свергнуть съ престола, какъ телеграфъ сообщилъ о его смерти, послѣдовавшей будто бы отъ того,

что въ припадкѣ умопомѣшательства онъ перерѣзалъ себѣ жилы на рукахъ ножницами. Хотя фактъ этотъ официально подтвержденъ протоколомъ, подписаннымъ 19-ю докторами, но едва ли кто вѣрилъ, что Абдул-Азизъ покончилъ съ жизнью самоубійствомъ. Напротивъ, раздавались голоса, утверждавшіе, что смерть его была насильственная; достовѣрность же протокола положительно опровергалась, и преимущественно потому, что первымъ подписалъ его врачъ, состоявшій въ то время при англійскомъ посольствѣ. Такое мнѣніе подтверждалось еще и тѣмъ, что по турецкому обычаю, свергнутые съ престола султаны (исторія насчитываетъ ихъ не мало) постоянно умерщвлялись; это дѣлалось на томъ мудромъ основаніи, что мусульманскіе законы не дозволяютъ султанамъ, хотя бы и свергнутымъ, эмигрировать; дозволить же имъ проживать въ странѣ всегда признавалось неудобнымъ въ виду возможности возникновенія смутъ и волненій въ ихъ пользу. Какъ бы впрочемъ ни было, достовѣрно только то, что Абдул-Азизъ умеръ 4 іюня н. с. 1876 г. и въ тотъ же день похороненъ въ мечети султана Махмуда.

Чтобы покончить съ событіями, совершившимися въ Константинополь такъ быстро одно за другимъ, слѣдуетъ рассказать еще слѣдующій трагическій эпизодъ:

Вечеромъ 15 іюня въ конакѣ Митхада-паши собрался совѣтъ министровъ, на которомъ присутствовали: великій визирь Мехмед-Рушди-паша, военный министръ Гуссейн-Авни-паша, министръ иностранныхъ дѣлъ Рашид-паша, министръ народнаго просвѣщенія Джеблет-паша, великій адмиралъ Каптан-паша, морской министръ Кайзерли-паша и министры безъ портфелей: Юсуф-паша, Галет-паша и престарѣлый Риза-паша. Всѣ они находились въ большой залѣ перваго этажа, когда къ 11 часамъ вошелъ въ конакъ мо-

лодой офицеръ, брюнетъ средняго роста, одѣтый въ адъютантскій мундиръ; это былъ черкесъ, капитанъ Гассан-бей. На требованіе допустить его переговорить съ военнымъ министромъ, стоявшій у дверей залы слуга отвѣтилъ, что это невозможно, такъ какъ происходитъ совѣщаніе, прерывать которое не дозволено. — «Это касается дѣла очень важнаго», возразилъ Гассан-бей. — «Въ такомъ случаѣ я доложу предварительно адъютанту министра», сказалъ слуга Юсуфъ и вышелъ изъ комнаты. Оставшись одинъ, Гассанъ тотчасъ же отворилъ дверь залы, вошелъ и заперъ ее за собою; затѣмъ, сбросивъ съ себя форменную шинель, онъ выступилъ на среднюю комнату; правая рука его держала большой черкесскій кинжалъ, лѣвая—револьверъ. Подойдя къ Гуссейну-Авни и сказавъ: «Давраима (ни съ мѣста), сераскиръ!» Гассанъ выстрѣлилъ въ него изъ револьвера прямо въ грудь. Кайзерли-паша бросился на убійцу и схватилъ его за руку, державшую револьверъ; тогда Гассанъ кинжаломъ нанесъ морскому министру глубокую рану въ руку и плечо: Кайзерли упалъ. Послѣ этого, увидавъ, что Гуссейн-Авни, хотя смертельно раненный, старался дотащиться до двери, Гассанъ кинулся къ нему и восклицая: «А, такъ ты не умеръ, сераскиръ!» распоролъ ему во многихъ мѣстахъ грудь и въ довершеніе страшнымъ ударомъ кинжала по шеѣ почти совершенно отбѣлилъ голову отъ туловища. Въ это время пріотворилась дверь и показалось нѣсколько безоружныхъ слугъ; убійца, выхвативъ изъ-за пояса второй револьверъ (у него было ихъ четыре), принялся стрѣлять въ дверь; въ ней нашлись шесть дыръ, пробитыхъ пулями. Слуги спрятались, но одинъ изъ нихъ, Ахмет-ага, мусульманинъ греческаго происхожденія, пользовавшійся особымъ довѣріемъ Митхада, бросился въ комнату съ ножомъ въ рукѣ и пора-

зилъ убійцу сзади; но такъ какъ правая рука послѣдняго была свободна, то онъ черезъ плечо выстрѣлилъ несчастному въ голову: пуля попала въ челюсть и вышла черезъ лѣвый високъ. Во время этой борьбы, великій визирь, пришедшій въ себя Кайзерли-паша и остальные министры, исключая Рашида-паши, успѣли войти въ смежную комнату и затворились тамъ; Митхадъ же, проскользнувъ въ дверь, открытую Ахмедом-агою, кинулся въ гаремъ, гдѣ схватилъ незаряженное ружье, но въ смятеніи не могъ найти патроновъ. Гассанъ бросился-было за Митхадомъ, однако догнать его не могъ; возвратясь же въ залу и увидѣвъ Рашида-пашу, парализованнаго ужасомъ, не имѣвшаго силъ подняться съ мѣста, онъ въ бѣшенствѣ воскликнулъ: «Ты остался здѣсь для того, чтобы арестовать меня!» и всадилъ ему въ лобъ пулю. Потомъ ударомъ стула разбилъ люстру, чтобы погасить свѣчи, и поджегъ портьеру комнаты, въ которой заперлись министры. Нѣсколько разъ кричалъ Гассанъ садразаму: «Мехмед-Рушди, пустите меня,—я вамъ ни малѣйшаго зла не сдѣлаю!» но такъ какъ отвѣта не послѣдовало, то онъ пытался силою выломать дверь и сдѣлалъ въ нее нѣсколько выстрѣловъ, надѣясь, что пуля найдетъ свою жертву. Адъютантъ Гуссейна-Авни-паши, Шукри-бей, съ самаго начала катастрофы бросился отыскивать заптіевъ; онъ возвратился уже тогда, когда въ комнатѣ лежали три бездыханные трупа...

Злобно бросился Шукри-бей на Гассана, но убійца положилъ его на мѣстѣ выстрѣломъ изъ имѣвшагося еще у него заряженнаго револьвера и ранилъ кромѣ того одного заптія. Этимъ закончился рядъ совершенныхъ имъ злодѣйствъ: ударомъ штыка онъ былъ наконецъ сбитъ съ ногъ и схваченъ, несмотря на отчаянныя его усилія вырваться. Митхад-паша не допустилъ, какъ утверждала молва, чтобы Гассанъ былъ

убить на мѣстѣ. Его послали въ сераскиратъ и на другой день повѣсили уже мертвого, такъ какъ онъ умеръ отъ полученной имъ раны.

«Счастливы, кто вѣруетъ, тепло тому на свѣтѣ!» Бѣда только въ томъ, что Европа плохо вѣрила хитро придуманному разсказу, будто Гассанъ совершилъ свой злодѣйскій похватъ изъ желанія отомстить за «своего султана». Гораздо болѣе распространено было убѣжденіе, что убійца дѣйствовалъ по внушенію Митхада-паши, непосредственно заинтересованнаго въ томъ, чтобы отдѣлаться отъ Гуссейна-Авни-паши и его политическихъ друзей, не раздѣлявшихъ возрѣній главы ново-турецкой партіи. Подобные приемы вовсе не новы въ Турціи; то ли еще тамъ творилось!.. Говорили даже, что самъ Мурадъ V не былъ безучаственъ въ происшедшемъ кровавомъ событіи: за три дня до того онъ принималъ у себя въ кабинетѣ Гассана и имѣлъ съ нимъ въ присутствіи Митхада-паши продолжительный разговоръ. Немедленная казнь, исполненная надъ мертвымъ убійцею безъ суда и слѣдствія, уже давала право дѣлать всевозможныя предположенія, начиная съ того, что вздернутый на висѣлицу трупъ не былъ трупомъ истиннаго виновника избіенія министровъ!

Извѣстіе о низверженіи и смерти султана Абдул-Азиза произвело на Европу весьма разнородное впечатлѣніе: многіе задавались вопросомъ, почему все это случилось именно въ то время, когда отказъ Англій отъ подписанія Берлинскаго меморандума породилъ такъ много опасеній за мирное разрѣшеніе восточныхъ замѣшательствъ? Одно предположеніе смѣнялось другимъ; но такъ какъ добыть неопровержимые факты оказывалось невозможнымъ, то единодушно было признано, что во всякомъ случаѣ «il y a du louche là dedans!» На-

ходился впрочемъ такіе довѣрчивые люди, которые въ прошедшемъ въ Турціи государственномъ переворотѣ усматривали наступленіе новой, счастливой эры; по ихъ мнѣнію, Мурадъ V былъ вполне способенъ преобразовать Турцію и вести ее по пути гуманности и прогресса, а вмѣстѣ съ тѣмъ устранить неисчислимыя затрудненія въ положеніи дѣлъ. Хвалебные отзывы о личныхъ достоинствахъ новаго султана, объ его умѣ, образованности, бережливости и т. д. слышались отовсюду. Въ особенности возлагалось много надеждъ на то, что Мурадомъ V было возложено на Митхада-пашу составленіе новаго проекта управленія Турціей; но и этимъ надеждамъ не суждено было осуществиться, такъ какъ старотурецкая партія, съ великимъ визиремъ Рушиди-пашей во главѣ, оказала осуществленію желанія султана энергическое сопротивленіе.

Впрочемъ и независимо отъ нея, ожидать существенной для Турціи пользы отъ какого бы то ни было конституціоннаго проекта было невозможно; конституція, какъ она понимается въ Европѣ, никогда бы не привилась въ этой варварской странѣ; она водрузила бы пожалуй знамя «Турція для Турокъ», но дозволила бы христіанамъ лишь то, чего побѣжденные въ правѣ требовать отъ справедливости и челоуколюбія побѣдителей. Установить же поземельную и религіозную равноправность никакая конституція не была бы въ состояніи, и преобладающая нація, хотя истощая тѣмъ свои собственныя силы, постоянно бы угнетала и унижала подвластную. Многія компетентныя лица открыто высказывали даже убѣжденіе, что отъ Турціи нечего ожидать и въ будущемъ, такъ какъ она была, есть и будетъ странюю дворцовыхъ заговоровъ, неожиданныхъ низложеній, насильственныхъ смертей и кровавыхъ дѣлъ; составлять проекты кон-

ституціи для Турокъ все равно, что плести веревки изъ песка.

Поддержка, оказывавшаяся Турціи Англіей, вызывала взрывы негодованія даже въ самой странѣ: Лоу, Фарлей, Брайтъ, Джонъ Россель, Гладстонъ, епископъ Манчестерскій и многіе другіе громили политику своего правительства, называя ее «преступной». Посылка громаднаго флота въ Безикскую гавань признавалась не только бесполезною, но и могущею породить неисчислимо вредныя послѣдствія, потому что утверждая въ Туркахъ убѣжденіе, что Англія будетъ на ихъ сторонѣ и въ минуту опасности поспѣшить на помощь, подстрекала ихъ къ неуступчивости, къ предъявленію неисчислимымъ и несообразнымъ требованіямъ, словомъ, парализовала миролюбивыя усилія европейскихъ державъ. Но честныя, благородныя усилія лучшихъ представителей англійской интеллигенціи не имѣли, къ сожалѣнію, никакого успѣха. Мистеръ Дизраэли, упоенный временнымъ, ходульнымъ успѣхомъ своего отказа присоединиться къ Берлинскому меморандуму, закрывалъ глаза на все остальное и, не щадя громадныхъ денежныхъ затратъ, съ лихорадочнымъ возбужденіемъ поспѣшностью снаряжалъ суда, мобилизовалъ войска, созывалъ отпускныхъ воинскихъ чиновъ, укрѣплялъ порты. Работа кипѣла на всѣхъ заводахъ и фабрикахъ Англіи, которая такимъ образомъ въ самое короткое время предстала передъ Европою вооруженною, какъ говорится, «des pieds en sар».

Отказъ Англіи примкнуть къ Берлинскому меморандуму сильно взволновалъ европейскую дипломатію; дѣятельность ея замѣтно усилилась; общія мысли и взглядовъ были безпрерывныя; официальные и конфиденціальныя сообщенія слѣдовали одно за другимъ. Хотя не скоро, но все же удалось

разъяснить истинную цѣль Англіи, которая заключалась въ желаніи разстроить тройственный союзъ Императоровъ и образовать коалицію противъ Россіи. Когда цѣль эта была выяснена, то и временная опасность въ положеніи дѣлъ была устранена, и даже Франція не выражала болѣе сожалѣнія, что поторопилась присоединиться къ меморандуму, не посоветовавшись предварительно съ своей сосѣдкой. Но во всякомъ случаѣ пять великихъ державъ признали необходимымъ отложить на время передачу меморандума Портѣ, въ виду предоставленія новому султану возможности самому озаботиться устройствомъ внутреннихъ дѣлъ своей имперіи. И дѣйствительно: въ первые же дни своего вступленія на престолъ Мурадъ V возвѣстилъ инсургентамъ о дарованіи полной амнистіи, изъявляя вмѣстѣ съ тѣмъ согласіе на заключеніе шестинедѣльнаго перемирія, подъ непремѣннымъ условіемъ снабженія провіантомъ Никшича и другихъ укрѣпленныхъ пунктовъ. Но какъ и слѣдовало ожидать, инсургенты ни на какія предложенія султанскаго правительства не согласились, отзываясь недоверіемъ.

Между тѣмъ наступленіе давно предвидѣнной и ожидавшейся катастрофы быстро близилось.

Въ Боснии и Герцеговинѣ кипѣла усиленная дѣятельность. Схватки были непрерывныя, кончавшіяся большею частью пораженіемъ турецкихъ войскъ. Дѣйствія шаекъ были болѣе рѣшительны и смѣлы; онѣ уже не довольствовались выжиданіемъ врага въ пересѣченныхъ мѣстностяхъ и засадахъ, а сами отыскивали его и наносили поражение за пораженіемъ; въ дѣйствіяхъ ихъ замѣчалось лихорадочное возбужденіе; они какъ будто предчувствовали, что близится время, когда самостоятельная дѣятельность ихъ прекратится и руководство движеніемъ перейдетъ въ другія руки.

Вспыхнувшее въ Болгаріи возмущеніе просуществовало не долго; оно должно было прекратиться подъ ударами турецкихъ полчищъ, предававшихъ все огню и мечу. Хотя многие были того мнѣнія, что неслыханныя звѣрства, совершенныя въ Болгаріи башки-бузуками и черкесами, происходили безъ вѣдома турецкаго правительства, но едва ли можно признать такой взглядъ правильнымъ. Есть даже основанія полагать, что звѣрства эти входили въ стратегическіе расчеты Порты и что она знала, что дѣлала. Турецкое правительство было убѣждено въ неизбежности войны съ Сербіей и Черногоріей, а потому присутствіе въ тылу ея арміи, предназначенной къ дѣйствіямъ противъ Сербіи, болгарскихъ инсургентовъ, было крайне не желательно, такъ какъ они могли бы прервать сообщенія съ Константинополемъ. Придерживаясь правила, что «цѣль оправдываетъ средства», Порты рѣшилась устранить эту опасность совершеннымъ разореніемъ Болгаріи. Не было никакого сомнѣнія, что она вполне достигла цѣли и что потоки крови, пролитыя на поляхъ Болгаріи, послужили ей въ пользу. Говорили даже, что планъ этотъ былъ подсказанъ ей англійскимъ посломъ сэромъ Эллиотомъ, и въ доказательство приводились его старанія скрыть отъ Европы горькую истину и умалить значеніе болгарской рѣзни.

Положеніе Сербіи и Черногоріи становилось все болѣе и болѣе затруднительно. Образованіе либеральнаго сербскаго кабинета съ Ристичемъ во главѣ давало многимъ поводъ полагать, что соблюденіе княжествомъ нейтралитета долго продолжаться не можетъ. Но на первыхъ порахъ опасенія эти оказались преждевременными; какъ человекъ умный, Ристичъ хорошо видѣлъ, что Сербія не готова къ войнѣ и что многое еще нужно сдѣлать, чтобы привести сербскую армію въ такое положеніе, которое давало бы хотя нѣкото-

рые шансы на успѣхъ. Чтобы не возбудить опасеній въ великихъ державахъ, онъ открыто заявлялъ себя сторонникомъ мирной политики, втайнѣ же поощрялъ либеральную партію, жаждавшую войны, поддерживая ея стремленія. Главнымъ препятствіемъ былъ недостатокъ въ денежныхъ средствахъ: Ристичъ пытался заключить иностранный заемъ; но такъ какъ эта операція не удалась, то послѣдовало разрѣшеніе временнаго отдѣленія скупщины на заключеніе внутренняго займа въ 12 милліоновъ франковъ. Этимъ способомъ деньги были добыты, и тотчасъ же началось дѣятельное вооруженіе и обмундированіе войскъ. Благовиднымъ предлогомъ для призыва къ оружію всѣхъ боевыхъ силъ Сербіи служили непрерывныя нарушенія турецкими войсками сербской границы. И дѣйствительно, кто могъ имѣть право упрекать Сербію въ томъ, что она озабочивается охраненіемъ своей безопасности? Въ это же время былъ отправленъ въ Цетинье сербскій сенаторъ Алимпичъ для личныхъ переговоровъ съ княземъ Николаемъ Черногорскимъ. Хотя миссія, возложенная на Алимпича, была придана самый миролюбивый характеръ, и послѣдствія его переговоровъ сохранялись въ тайнѣ, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что именно тогда былъ заключенъ между обоими княжествами наступательный и оборонительный союзъ и состоялось соглашеніе относительно прочихъ мѣръ, признававшихся необходимыми.

Безуспѣшность усилій турецкаго правительства подавить возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ была очевидна, и ничто не предвѣщало возможности близкаго умиротворенія; поэтому Сербія и Черногорія признали необходимымъ предложить державамъ единственно возможный по ихъ мнѣнію способъ, именно: присоединеніе Босніи къ княжеству Сербскому, а Герцеговины къ княжеству Черногорскому, съ сохраненіемъ вассаль-

ныхъ отношеній къ Портѣ для Сербіи въ полномъ объемѣ, для Черногоріи же въ объемѣ присоединяемой провинціи. Къ Императору Россійскому, пребывавшему въ то время въ Эмсѣ, былъ посланъ съ этимъ проэктомъ черногорскій сенаторъ Станко Радоничъ; но Его Величество не выразилъ на него одобренія, совѣтуя и настаивая вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы княжества неуклонно продолжали соблюдать строгій нейтралитетъ, тѣмъ болѣе что въ случаѣ объявленія ими войны Турціи, они не могутъ рассчитывать на какую нибудь поддержку со стороны Европы, а будутъ предоставлены собственнымъ ихъ средствамъ, такъ какъ война была бы явнымъ нарушеніемъ Парижскаго трактата 1856 г. и посягательствомъ на цѣлость Турецкой имперіи.

Между тѣмъ въ Россіи стало все болѣе и болѣе обнаруживаться сочувствіе къ балканскимъ славянамъ. Картина бѣдственнаго положенія герцеговинскихъ выходцевъ, укрывшихся въ Черногоріи, яркими красками обрисованная въ публичныхъ чтеніяхъ г. Веселитскаго-Божидаровича, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, взволновала русское общество. Приблизительно съ этого же времени началась усиленная дѣятельность славянскихъ благотворительныхъ комитетовъ и другихъ учреждений; послышныя лепты всего Русскаго народа приносились обильно, и смѣло можно сказать, что онѣ оказали дѣйствительную помощь бѣдствовавшимъ братьямъ. Но далѣе желанія облегчить бѣдствія страждущихъ русское общество иныхъ цѣлей себѣ не усвоило; однако же между балканскими славянами установилось убѣжденіе, что лишь только Сербія и Черногорія вступятъ въ открытую борьбу съ Турціей, то русскія войска явятся къ нимъ на помощь. Быть можетъ такое ошибочное истолкованіе русской помощи ускорило развязку; во всякомъ случаѣ, вооруженія Сербіи и

Черногоріи замѣтно усилились и вызвали серьезныя опасенія со стороны Порты. Великій визирь нотой отъ 9 іюня потребовалъ отъ сербскаго правительства категорическаго объясненія причинъ, вызвавшихъ вооруженія. Сербія отвѣтила въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, что она искренно желаетъ сохраненія мира и не имѣетъ ни малѣйшаго желанія посягать на нарушеніе цѣлости Оттоманской имперіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, для уясненія нѣкоторыхъ вопросовъ и опредѣленія своихъ отношеній къ Высокой Портѣ, выразила желаніе прислать въ Константинополь особаго уполномоченнаго въ лицѣ г. Христича; но поѣздка его туда не состоялась, такъ какъ Сербія сочла нужнымъ предварительно конфиденціально сообщить Портѣ свои предположенія, которыя, какъ и слѣдовало ожидать, были Портою отклонены.

Къ концу іюня вооруженія сербской арміи были приблизительно приведены къ концу. Въ деньгахъ большого недостатка не ощущалось; настроеніе народа было самое воинственное, и Сербія, въ полной надеждѣ на успѣхъ своего крайне рискованнаго предпріятія, готовилась къ началу войны. Къ этому времени относится пріѣздъ въ Сербію отставнаго русскаго генерала М. Г. Черняева и поступленіе его на сербскую службу. Пріѣздъ его былъ радостно привѣтствованъ Сербами, а князь Миланъ поручилъ ему сдѣлать смотръ войскамъ, ознакомиться съ ихъ достоинствами и недостатками и матеріальнымъ положеніемъ. Черняевъ исполнилъ это порученіе и донесъ, что войска находятся въ состояніи вполне удовлетворительномъ и совершенно готовы къ бою. 29 іюня, по порученію своего правительства, передалъ Портѣ Магазиновичъ ноту, заключающую въ себѣ совокупныя требованія обоихъ княжествъ; а такъ какъ Порты отказалась войти въ

какія либо обсяженія предьявленныхъ ей требованій, то Магазиновичъ выѣхалъ изъ Константинополя. 29 же іюня выѣхалъ князь Миланъ изъ Бѣлграда на пароходѣ «Делиградъ» въ Семендрію.

Перчатка была брошена! Увлекаемая непреодолимою силою роковаго хода событій, Сербія и Черногорія открыто объявили войну Турціи.

ОТДѢЛЪ III.

Какъ легко произносилась фраза: «Сербія и Черногорія объявили войну Турціи», такъ трудно усвоивалась мысль, что война эта стала совершившимся фактомъ. Что могло ожидать оба княжества въ предстоявшей имъ неравной борьбѣ и не будутъ ли онѣ на первыхъ же порахъ буквально подавлены несмѣтными массами дикихъ турецкихъ полчищъ? Вотъ вопросы, которыми задавалась Европа, читая прокламаціи князя Милана Сербскаго и князя Николая Черногорскаго, и тогда какъ люди честные, благомыслящіе, напутствовали князей и ополчившіяся славянскія рати горячими пожеланіями успѣха ихъ самоотверженнымъ усиліямъ, ярые туркофилы презрительно улыбались, говоря, что библейскія времена Давидовъ и Голиафовъ безвозвратно миновали, а потому погромъ дерзкихъ княжествъ Турками неизбеженъ. Но если благопожеланіямъ друзей Славянства не суждено было воплотиться, то и зловѣщія предсказанія ихъ вороговъ тоже не сбылись!

Мы уже сказали въ предыдущемъ отдѣлѣ, что 29 іюня и. с. князь Миланъ отплылъ на пароходѣ «Делиградъ» изъ Бѣлграда въ Семендрію (Смедерево). Послѣ краткаго молебна, при громѣ пушекъ и восторженныхъ кликахъ громадной тол-

пы народа, князь, поцѣловавъ знамя, сказалъ провожавшимъ его слѣдующія слова: «Братья, отправляясь къ моимъ войскамъ, чтобы защищать противъ врага находящееся въ опасности отечество, поручаю мою супругу охранѣ гражданъ и ихъ оружія». Одновременно былъ срубленъ флагштокъ, на которомъ въ извѣстныхъ случаяхъ поднимался турецкій флагъ, какъ эмблема верховной власти Турціи надъ Сербіей. Всѣ министры проводили князя до Семендрии, а митрополитъ Михаилъ и высшее духовенство отправились къ отрядамъ напутствовать ихъ благословеніемъ.

Въ Семендрии 30 іюня князь Миланъ издалъ слѣдующую прокламацію:

«Моему дорогому народу.

«Прошелъ уже годъ съ того времени, какъ наши братья въ Босніи и Герцеговинѣ взяли за оружіе, чтобы защищать себя противъ необузданнаго произвола и насилій. Ихъ страданія всегда находили отголосокъ въ нашихъ братскихъ сердцахъ, — и когда въ прошломъ году раздалихъ ихъ жалобы, то я объявилъ нашей родной скупщинѣ, что въ предѣлахъ нашихъ слабыхъ силъ я самъ озабочусь изысканіемъ способа окончательно умиротворить возставшія страны, къ судьбѣ которыхъ мы не можемъ относиться равнодушно. Я сказалъ тогда, что Сербія, какъ ближайшая сосѣдка этихъ областей, болѣе чѣмъ кто либо страдаетъ въ нравственномъ и экономическомъ отношеніи отъ періодически повторяющихся возстаній, вслѣдствіе чего наши интересы требуютъ, чтобы разъ навсегда былъ положенъ конецъ такому порядку вещей. Но такъ какъ въ то же время Высокая Порты по соглашенію съ великими державами сама взялась за дѣло умиротворенія, то на насъ лежала обязанность съ уваженіемъ и терпѣніемъ

ожидать результата дѣятельныхъ попытокъ, предпринятыхъ великими державами въ пользу нашихъ страждущихъ братьев. Между тѣмъ вѣковой опытъ, прибрѣтенный угнетеннымъ народомъ, взявшимся за оружіе, не внушалъ ему никакого довѣрія къ предпринятымъ Высокою Портою мѣрамъ для умиротворенія края, тѣмъ болѣе что въ нихъ не заключалось никакого ручательства, что злоупотребленія, такъ часто вызывавшія возмущенія, болѣе повторяться не будутъ. Геройская борьба, сопровождавшаяся повсюду, въ томъ числѣ и въ Босніи, страшною рѣзней и жестокостями, продолжалась, и въ то время, когда мы ожидали успѣшнаго окончанія дѣла на нашихъ восточныхъ границахъ, — вспыхнуло возстаніе и на другомъ пограничномъ пунктѣ нашего княжества. Болгарія стала театромъ такихъ дѣйствій истребленія и разрушенія, о которыхъ нашъ вѣкъ не имѣлъ даже понятія. Взрывы дикаго мусульманскаго фанатизма распространились съ полемъ кровавыхъ битвъ на всѣ области европейской Турціи и обнаружались даже въ Константинополѣ, въ средѣ служителей и проповѣдниковъ корана, пользующихся рѣшительнымъ вліяніемъ на судьбы народовъ имперіи. Въ виду такихъ явленій должны были исчезнуть всѣ надежды на скорое умиротвореніе возставшихъ областей. Будущность представлялась все въ болѣе и болѣе мрачномъ видѣ и мы окончательно утратили вѣру въ возможность освобожденія Сербіи отъ того тяжелаго положенія, въ которомъ она находится уже около года. Несмотря на то что положеніе наше было невыносимо, мы не предпринимали ничего такого, что могло бы затруднить для великихъ державъ и Порты дѣло умиротворенія. Напротивъ, мое правительство сдѣлало все возможное для успокоенія умовъ. Бѣглецы изъ Босніи принимались и содержались съ большими жертвами; на границахъ соблюдался съ

нашей стороны образцовый порядокъ, — армія же наша, выступившая для успокоенія пограничныхъ жителей, отправлена была домой еще осенью прошлаго года. Все приняло естественное теченіе въ нашей мирной странѣ; Оттоманской Портѣ не было дано никакого повода принимать противъ Сербіи мѣры, которыя могли быть внушены лишь недовѣріемъ. Не взирая на все это, оттоманское правительство окружило сильной арміей наше отечество, отъ устьевъ Тимока до устьевъ Дрины. Турецкое войско заняло относительно насъ угрожающее положеніе; дикія орды баши-бузуковъ, черкесовъ и арнаутовъ, поддерживаемыя нерѣдко регулярными войсками, стали вторгаться въ нашу страну, нападали на мирныхъ гражданъ, грабили наши святыя церкви, сожигали наши дома, угоняли наши стада и повсемѣстно расхищали наши имущества, оставляя послѣ себя развалины и трупы!.. Братья! Вотъ уже годъ, какъ вы присутствуете при этихъ кровавыхъ сценахъ, разыгрывающихся на почвѣ нашего дорогаго отечества, приобретеннаго для насъ нашими отцами, цѣною ихъ крови! Не только жители отдѣльныхъ округовъ, но даже все населеніе пограничныхъ округовъ должно было безъ замедленія послѣпить на границу, чтобы спасти взятое разбойниками имущество и защитить жизнь своихъ семействъ. Всѣ представленія, сдѣланныя моимъ правительствомъ оттоманскимъ властямъ и самой Портѣ, остались безъ послѣдствій. Вооруженныя нападенія не прекращались, — между тѣмъ какъ турецкая армія продолжала держать насъ въ осадномъ положеніи, уничтожавшемъ всякую торговлю и всякій трудъ, такъ что мы должны были обратиться къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, дабы спасти остатки нашего народнаго имущества отъ полнаго раззоренія; не находясь въ войнѣ, мы несли всѣ гибельныя ея послѣдствія! Только вашему великому терпѣнію, вашему уваженію

къ закону и покорности, съ которою вы подчинялись распоряженію властей, слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что вы до настоящаго времени могли сдерживать ваши оскорбленные чувства и вашъ справедливый гнѣвъ. Можно ли послѣ того обвинять правительство, что оно, повинувшись рѣшеніямъ народной скупщины, прибѣгло къ мѣрамъ, способнымъ охранить безопасность страны, которой угрожала несомнѣнная опасность? А между тѣмъ Оттоманская Порта обвинила Сербію въ принятіи мѣръ къ своей защитѣ, — ту Сербію, которую она сама принудила стать въ оборонительное положеніе и пожертвовать всѣми своими мирными интересами. Братья! Не отступая ни на минуту отъ требованій умѣренности и благоразумія и вопреки вашимъ оскорбленнымъ чувствамъ, я повиновался совѣтамъ державъ поручительницъ и заглушилъ отголосокъ, который долженъ былъ найтись въ моемъ и вашихъ сердцахъ неслыханный въ цивилизованномъ мірѣ образъ дѣйствій Турціи. Я не сошелъ съ пути умѣренности даже и въ то время, когда Порта вмѣсто того, чтобы устранить причины, вызвавшія такое положеніе дѣлъ, требовала отъ меня объясненій относительно мѣръ, принятыхъ нами къ защитѣ нашей страны. Давъ скромный и предупредительный отвѣтъ сюзеренному двору, я выразилъ готовность отправить въ Константинополь особаго уполномоченнаго для переговоровъ съ Портою относительно мѣръ, которыми могло бы быть упрочено продолжительное согласіе между нами и императорскимъ правительствомъ. Но какъ вы думаете, какой приемъ сдѣланъ былъ Высокою Портою этому новому доказательству моего миролюбія? Отвѣтивъ молчаніемъ на мою личную просьбу, она направила новыя войска на нашу границу! Дикія орды баши-бузуковъ, черкесовъ и арнаутовъ снова стали приближаться къ Сербіи; изъ глубины Азіи были вызваны варвар-

ские курды, съ цѣлью предать Сербію грабежу и пламени и, разрушивъ ея благосостояніе, унижить ея народное достоинство. Такъ какъ Портѣ невозможно было оправдаться въ глазахъ міра въ своихъ злоупотребленіяхъ, то она захотѣла возложить на Сербію всю отвѣтственность за несправедливости, въ которыхъ одна Порта виновата передъ своими народами. Она думаетъ повидимому, что если Сербія исчезнетъ съ лица земли, то на Востокѣ не станетъ болѣе страны, которая однимъ своимъ существованіемъ доказывала бы дальнейшую несостоятельность настоящаго порядка вещей въ Турціи. Братья! Если бы послѣ такихъ враждебныхъ дѣйствій и намѣреній Турціи мы продолжали сдерживать себя, то наша умѣренность была бы сочтена слабостью. Наше молчаніе объяснялось бы страхомъ, недостойнымъ потомковъ Душановъ и Милошей. Но несмотря на то, что война между Сербскимъ народомъ и Оттоманской Портою неизбѣжна, я послалъ однако въ Константинополь представленіе, въ которомъ указалъ на средства, могущія удовлетворить возставшія области Турціи и освободить Сербію отъ тяжелаго положенія, въ которомъ она очутилась не по своей винѣ! Я потребовалъ удаленія турецкой арміи со всѣми ея дикими ордами и объявилъ императорскому правительству, что сербская армія во имя законной самозащиты, во имя человѣчества и братскихъ чувствъ, соединяющихъ ее съ страждущими братьями, вступить въ возставшія области для возстановленія мира и порядка, основанныхъ на началахъ справедливости и равенства безъ различія религіи жителей. Отъ Порты зависѣло произнести важное по своимъ послѣдствіямъ слово и тѣмъ положить конецъ фовопротліію. Сербскіе воины! Мы идемъ не на войну и не для удовлетворенія чувства мести, — а нашими дѣяніями руководитъ необходимость, въ которую

мы и наши братья поставлены на Востокѣ, а также требованіями всеобщаго міра. Гордые возложенною на насъ провидѣніемъ прекрасною миссіею — служить представителями культуры и свободы на Востокѣ — шествуйте впередъ съ надеждою и увѣренностью и обращайтесь ваше оружіе лишь противъ тѣхъ, кто станетъ вамъ на пути. Перейдя границу, вы не должны забывать, что мы остаемся вѣрными принципу цѣлости Оттоманской имперіи до тѣхъ поръ, пока сопротивленіе императорской арміи не заставитъ насъ ввѣрить счастью оружія исходъ нашего святаго дѣла. Не забывайте ни на минуту, что въ странахъ, въ которыя мы вступимъ, живутъ наши братья, которые примутъ васъ съ распростертыми объятіями, какъ своихъ спасителей. Конечно, тамъ ходятъ и люди, давно уже ставшіе чуждыми намъ по религіи; но по языку и крови они остаются нашими братьями. Если они поднимутъ противъ васъ оружіе, то вырвите его изъ ихъ рукъ и, сдѣлавъ это, щадите ихъ, какъ всѣхъ другихъ противниковъ, и защищайте ихъ жизнь, ихъ семью, ихъ собственность и вѣру. Таковы моя твердая воля и вашъ священный долгъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, вы приобретете уваженіе образованнаго міра и докажете ему, что вы заслуживаете болѣе достойнаго мѣста между народами. Мы представители не революціи, пламени и истребленія, а справедливости, порядка и безопасности. Наше движеніе — чисто національное. Оно исключаетъ всѣ элементы революціоннаго переворота и религіознаго фанатизма. Щадите иностранцевъ и оказывайте имъ свойственное сербамъ гостепріимство; уважайте границы сосѣдней монархіи и не подавайте никакого повода къ неудовольствію императорскому и королевскому правительству, которое приобрѣло право на нашу благодарность, принявъ подъ свою защиту тысячи безпомощныхъ

босняковъ и герцеговинцевъ и защитивъ ихъ отъ голода и холода. Братья! исполненный довѣрія къ вашему патриотизму и къ вашимъ военнымъ доблестямъ, я стану во главѣ васъ; съ нами храбрые братья Черногорцы, подъ предводительствомъ своего вождя-героя, моего брата князя Николая; съ нами достойные удивленія герои-герцеговинцы и много потерпѣвшие страдальцы босняки. Наши храбрые братья болгары ждутъ насъ; мы можемъ надѣяться, что и славные Эллины, потомки Семистокла и Боцариса, вскорѣ выступятъ на поле битвы. Итакъ впередъ, благородные герои! впередъ, во имя Всемогущаго Бога, Праведнаго Отца всѣхъ народовъ, во имя справедливости, свободы и цивилизаціи!»

Одновременно объявила войну Турціи и Черногорія. Князь Николай, принявъ главное начальство какъ надъ Черногорцами, такъ и надъ герцеговинцами, издалъ прокламацію ко всему населенію, христіанскому и мусульманскому, въ которомъ напоминалъ мусульманамъ, что не смотря на свою религію, они все же Сербы по происхожденію, а потому не должны поддерживать Турокъ въ ихъ борьбѣ съ Сербами, стремящимися освободить родину отъ чужеземнаго ига; онъ обѣщалъ также, въ случаѣ успѣха, дарованіе свободы върошпенію и полной равноправности съ христіанами.

3 іюля н. с. князь Николай послѣ молебствія и раздачи оружія выѣхалъ изъ Цетинья на Грахово, чтобы оттуда отправиться къ войскамъ, назначеннымъ для дѣйствій въ Герцеговинѣ: ихъ насчитывали до 12,000 человекъ; собственно же число герцеговинскихъ инсургентовъ доходило до 8,000. Остальныя черногорскія боевыя силы, въ числѣ около 10,000, имѣли назначеніемъ прикрывать границы княжества со стороны Албаніи и были расположены въ укрѣпленномъ лагерѣ противъ г. Подгорицы. Турецкое населеніе обнаруживало

сильный страхъ, чему служило доказательствомъ то, что изъ Требинья жители уносили свое имущество, а богатые и вовсе покидали этотъ городъ, который хотя и укрѣплялся, но очевидно не съ цѣлю долгаго сопротивленія, такъ какъ въ продовольствіи ощущался крайній недостатокъ; ни войскамъ, ни жителямъ ѣсть было нечего. Каждую ночь мелкія партіи герцеговинцевъ подходили къ Требинью и заводили перестрѣлку съ турецкой стражей, наводя тѣмъ страхъ и трепетъ на жителей; препятствовать же этимъ удальцамъ производить свои ночныя прогулки никто и не думалъ, хотя въ Требиньѣ не могли не знать, что въ окрестностяхъ не было значительныхъ инсургентскихъ шаекъ, такъ какъ всѣ главныя ихъ отряды сосредоточивались въ Баньянахъ.

Въ разсказѣ нашемъ неоднократно было упомянуто, что взаимныя отношенія между Турціей и Сербскимъ и Черногорскимъ княжествами давно были крайне натянуты. Задолго до объявленія войны, именно въ концѣ 1875 года, Сербскій народъ жаждалъ войны и скупщина, выражая его волю, настоятельно требовала отъ князя Милана открытаго разрыва съ Турціей. Нелегка была задача сербскаго правительства: съ одной стороны оно должно было согласоваться съ требованіями народа, съ другой—подчиниться крайне внушительному давленію европейской дипломатіи. Хотя оба княжества очень искусно изворачивались среди столь затруднительныхъ обстоятельствъ, выставляя всевозможныя предлоги, чтобы оправдать дѣлавшіяся ими вооруженія и приготовленія, но никто конечно не сомнѣвался, что война была неизбежна. Оттоманское правительство болѣе всѣхъ было въ этомъ увѣрено; оно зорко слѣдило за княжествами и принимало дѣятельныя мѣры противъ угрожавшей имперіи опасности. Мы уже упоминали о сборѣ турецкихъ войскъ подъ Видлинномъ,

Нишемъ, Новымъ Базаромъ; объ устройствѣ укрѣпленныхъ лагерей подъ Нишемъ, въ Скутари и у Подгорицы; кромѣ того всѣ крѣпости и форты были приведены на военное положение, снабжены огромными запасами оружія, снарядовъ и провіанта,—послѣдовала сборъ дунайской флотиліи броненосныхъ канонерскихъ лодокъ.

Такимъ образомъ «le sort en a été jeté!» война была объявлена и военныя дѣйствія начались. Хотя европейская дипломатія до послѣдней минуты употребляла всѣ средства не допустить княжества до объявленія войны Турціи, но едва ли она была увѣрена въ успѣхъ своихъ успій. Тѣмъ не менѣе вѣсть, что Сербія и Черногорія взяли за оружіе, сильно ее встревожила, и только послѣ долгихъ колебаній и обмѣна мыслей, державы постановили: «Строго держаться нейтральной политики по отношенію къ воюющимъ сторонамъ на Балканскомъ полуостровѣ и локализовать войну, предоставивъ ей возможность идти самостоятельно, безъ посторонняго вмѣшательства». Соглашеніе это было окончательно освѣщено Рейхштадтскимъ свиданіемъ Императоровъ Россіи и Австро-Венгрии, на которомъ было также рѣшено закрыть Клекскій портъ для турецкихъ судовъ и не допускать какъ высадки войскъ, такъ и выгрузки провіанта и боевыхъ припасовъ.

Приступая къ описанію военныхъ дѣйствій, нужнымъ считаемъ предупредить, что отнюдь не ставимъ себѣ задачей представить критическую ихъ оцѣнку, для которой еще не наступило время и не имѣется достаточно полныхъ и достоверныхъ данныхъ. Мы только постараемся установить по возможности послѣдовательную связь между дѣйствіями всѣхъ вообще отрядовъ, какъ въ Сербіи и Босніи, такъ въ Черно-

горіи и Герцеговинѣ. Считаемъ притомъ не бесполезнымъ бросить бѣглый взглядъ на самый театръ военныхъ дѣйствій.

Австро-Венгрія окружаетъ Сербію съ сѣвера, Румынія и Турція съ востока, съ юга и запада только Турція. Для нашего обзора имѣютъ значеніе только границы Сербіи съ Турецкими владѣніями. Восточная граница Сербіи съ Турціей, длиною до 100 верстъ, идетъ первоначально по р. Тимоку, а затѣмъ по невысокому, безлѣсному водораздѣльному хребту Заглавачка, до с. Рѣпушницы. Южно-сербская граница, отъ с. Рѣпушницы до мѣста пересѣченія ея рѣкою Увацъ близъ селенія Яблонницы, тянется на протяженіи 318 верстъ по горамъ. Между Болгарскою Моравою и Ибаромъ, пограничные хребты Великаго и Малаго Ястребаца достигаютъ высоты 1,400 метровъ, а хребты Голый и Яворъ—1,800 метровъ. Отъ с. Яблонницы къ сѣверу, вдоль р. Дрины, на разстояніи 195 верстъ, проходитъ западная сербско-турецкая граница.

Широкою полосою вдавшаяся въ турецкія владѣнія, Сербія окружена слѣдующими турецкими провинціями: съ запада Босніей и Герцеговиной, съ юга Албаніей и Старою Сербіей, съ востока Болгаріей. Горные хребты, образующіе южную границу обоихъ государствъ, перпендикулярно прорѣзаны широкою долиною р. Болгарско-Моравы и ущельемъ р. Ибара, представляющими естественные пути для наступленій со стороны Сербіи. Выходя изъ сербскихъ предѣловъ, долина Моравы принимаетъ два главныхъ направленія: юго-восточное, по теченію р. Нишавы, и южное, по Моравѣ черезъ Лѣсковацъ и Вранью, достигаетъ города Ускюба, изъ котораго долиною Вардара идетъ открытый путь въ Салоники. По юго-восточной вѣтви Моравской долины пролегаетъ шоссе, ведущее черезъ крѣпость Нишъ и г. Пиротъ къ перевалу между верховьями притоковъ Нишавы и Исера, гдѣ шоссе спускается къ Софій

и затѣмъ, снова переваливъ черезъ высокія горы, отдѣляющія притоки Дуная отъ бассейна р. Марицы, направляется на Татар-Базарджикъ, Филиппополь, Адрианополь и Константинополь. Крѣпость Нишъ отстоитъ отъ сербской границы на 12 верстѣ, Пиротъ на 75 в., Софія на 150 в. и Филиппополь на 300 в.; отъ Татар-Базарджика къ Филиппополю и далѣе проложена желѣзная дорога. Изъ Салоникъ на Ускюбъ и дальше до г. Митровицы, на р. Ибарѣ, тоже проложена желѣзная дорога.

Ибарское ущелье имѣетъ также два развѣтвленія: въ юго-восточномъ направленіи течетъ р. Ибаръ и пролегаетъ вьючный путь въ Митровицу, а затѣмъ проходитъ желѣзная дорога и колесный путь въ 150 верстѣ на Ускюбъ. Въ юго-западномъ и затѣмъ въ западномъ направленіяхъ, протекаетъ р. Рашка, ничтожный притокъ Ибара, и проложена колесная дорога, сперва на кр. Новый-Базаръ, находящуюся въ 17-ти верстахъ отъ границы, а потомъ вдоль ея на кр. Сѣнницу.

Кромѣ названныхъ главныхъ путей, ведущихъ отъ южной сербско-турецкой границы во внутрь Балканскаго полуострова, туда проходитъ еще нѣсколько второстепенныхъ дорогъ: изъ Княжеваца на Ак-Паланку въ обходъ Ниша; изъ Крушеваца на Курнуме и далѣе въ тылъ Митровицѣ. Изъ вьючныхъ дорогъ наибольшее вниманіе слѣдуетъ обратить на ведущую изъ Иваницы, черезъ турецкую крѣпость Сѣнницу, въ Черногорію, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ граница Карадага всего ближе подходитъ къ Сербіи, отдѣляясь отъ послѣдней не болѣе 30—35 верстами; ближайшая и самая прямая такая дорога проходитъ черезъ турецкую крѣпость Сѣнницу.

Общее направленіе восточной границы Сербіи, длиною въ 100 верстѣ, идетъ параллельно изгибу Дуная; отъ нея ведутъ три дороги: одна въ 52 в. изъ Зайчара на Кула-Адле

въ крѣпость Виддинъ; другая въ 30 верстѣ изъ с. Новый-Ханъ на кр. Бѣлградчикъ и также въ Виддинъ, и третья, тоже въ 30 в., отъ Неготина на Виддинъ. Совершенно незначительная р. Тимокъ образуетъ границу.

По западной границѣ, почти исключительно обозначенной теченіемъ р. Дрины, главнѣйшія дороги, ведущія во внутрь Турціи, суть слѣдующія: шоссе отъ Лѣшницы на турецкую кр. Бѣлину и далѣе вверхъ по Дунаю; отъ турецкой же крѣпости Зворника, гдѣ граница отходитъ версты на 3 отъ Дрины, колесная дорога пролегаетъ черезъ хребетъ Маѣвца къ г. Дабай, въ долину Босны; выше Зворника по Дринѣ тянется вьючная дорога на Новую Касабу и Власеницу, а далѣе колесный путь въ 125 верстѣ до Сараева; наконецъ послѣдній и несомнѣнно самый удобный колесный путь къ Сараеву ведетъ отъ г. Мокрой-Горы, находящагося на границѣ между Дриной и Увачемъ, мимо Вышеграда и далѣе горами до главнаго города Босніи, отстоящаго отъ Сербской границы на 125 верстѣ. Рѣка Дрина почти отъ самаго устья до р. Любовіи судоходна, что и опредѣляетъ ея важное стратегическое значеніе.

Турецкія крѣпости, находящіяся вдоль сербской границы, не имѣютъ большой важности и едва ли могутъ выдержать дѣйствіе артиллерійскаго огня; наибольшая и важнѣйшая изъ этихъ крѣпостей—Виддинъ; затѣмъ Нишъ, значительно укрѣпленный въ послѣднее время. За ними слѣдуютъ: Бѣлградчикъ на восточной, Новый Базаръ и Сѣнница на южной, Вышеградъ, Сребрница, Зворникъ и Бѣлина на западной границахъ.

Южный фронтъ и главнѣе всего долина Нишавы представляютъ болѣе всего выгоды для наступательныхъ дѣйствій со стороны Сербіи. Занявъ шоссе изъ Ниша на Софію, сербской арміи представлялась бы возможность, отрѣзавъ дѣйствующему

на границахъ непріятелю его лучшія сообщенія, приблизиться къ богатѣйшимъ центральнымъ провинціямъ и такимъ большимъ городамъ, каковы: Софія, Филиппополь, Адрианополь и наконецъ самая столица—Константинополь. Избравъ это направление, наступающій невольно сводитъ дѣйствія своихъ отрядовъ къ долинамъ Моравы и Ибара къ Ускиюбу, на степень второстепенной важности, хотя тамъ представляются наибольшія удобства для движеній значительными силами.

Крѣпость Виддинъ и Бѣлградчикъ суть единственные пункты, на которые могутъ быть обращены наступательныя дѣйствія Сербовъ; но послѣдній ни въ какомъ случаѣ не можетъ оказать серьезнаго сопротивленія; только Виддинъ, какъ городъ, имѣющій до 20 тысячъ жителей, и какъ крѣпость, хорошо укрѣпленная и вооруженная, имѣетъ важное значеніе. Но наступающему, не имѣющему на первыхъ порахъ надобности приблизиться къ Дунаю, весьма легко ограничиться лишь однимъ наблюденіемъ за этой крѣпостью, тѣмъ болѣе что въ ея окрестностяхъ не представляется никакихъ удобствъ для дѣйствія большими массами войскъ.

Ближайшій непосредственный пунктъ для дѣйствій наступающей съ западной границы сербской арміи есть г. Сараево (Босна-Сарай), важный въ административномъ отношеніи и главный городъ Босніи. Чтобы овладѣть Сараевомъ, или въ крайнемъ случаѣ обезпечить сообщеніе съ нимъ, необходимо занять двѣ небольшія крѣпости: Сребреницу и Вышеградъ, чрезъ которыя проходятъ лучшіе пути. Изъ Сараева наступающій свободно можетъ направляться: къ сѣверо-западу, на крѣпость Травникъ и Ваньялуку, а на юго-западъ на крѣпость и главный городъ Герцеговины Мостаръ. Движеніе къ Мостару особенно выгодно потому, что приближаетъ наступающаго къ Клекской гавани, откуда обороняющемуся могутъ

подходить подкрѣпленія и всякіе запасы. Съ занятіемъ Клека непріятелемъ, при безпристрастномъ нейтралитетѣ Австріи, обороняющійся становится въ крайне затруднительное положеніе, такъ какъ изъ другаго участка турецкаго берега у Которскаго залива (Суторина) лишь выюнчій, легко прерываемый путь ведетъ на Требинье; всѣ же остальные дороги, соединяющія Герцеговину съ Турціей, въ промежуткѣ между Черногоріей и Сербіей, крайне отдалены, неудобны и направляясь параллельно Сербской границѣ, въ недалекомъ отъ нея разстояніи, легко могутъ быть перехвачены.

Мы знаемъ, что Боснія и Герцеговина страны гористыя, что первая изобилуетъ лѣсами, что удобныхъ дорогъ почти нѣтъ и что въ нихъ встрѣчаются огромные участки мѣстностей, по которымъ проложены только тропы для пѣшеходовъ. Понятно, что тамъ о движеніяхъ массами не можетъ быть и рѣчи; а потому шансы регулярныхъ и милиціонныхъ войскъ уравниваются; туземцамъ, хорошо знакомымъ съ мѣстностью, очень удобно устраивать засады, дѣлать нечаянныя нападенія, обходныя движенія и тому подобное.

Относительно крѣпостей замѣтимъ, что въ странахъ гористыхъ онѣ обыкновенно запираютъ ущелья и долины и служатъ узлами путей, расходящихся отъ нихъ въ разныя стороны по долинамъ рѣкъ. Разрушить ихъ дѣйствіемъ артиллеріи конечно легко: затрудненіе встрѣчается развѣ только въ томъ, что артиллерію не всегда можно доставить на мѣсто. Въ описываемой нами войнѣ крѣпости имѣютъ немаловажное значеніе, служа опорными пунктами для турецкаго элемента, среди враждебнаго имъ христіанскаго населенія.

Вторженіе въ Сербію съ значительными силами всего удобнѣе произвести съ южной ея границы; непріятель, вступивъ въ Сербію, долиною Моравы, разрѣзываетъ всю территорію

княжества на двѣ половины, захватываетъ богатѣйшія мѣстности, и прямой путь къ столицѣ ему открытъ. Алексинацъ, Чупрія, Ягодина лежатъ по этому пути, а шоссейныя дороги, проложенныя по обѣимъ берегамъ Моравы, ведутъ черезъ Семендрию въ Бѣлградъ; кромѣ того есть еще большая горная дорога въ Бѣлградъ изъ Ягодина, черезъ Брагуевацъ.

Между Моравой и Тимокомъ въ восточномъ направленіи страна весьма гориста; особенно высоки и неприступны горы къ сѣверу отъ Малаго Тимока, гдѣ возвышается обширное, дикое и безлѣсное плоскогоріе—Голубиная Планина, развѣтвляющаяся на сѣверѣ отдѣльными хребтами, упирающимися въ Дунай. Главнѣйшіе пути этой мѣстности слѣдующіе: продольная шоссейная дорога изъ Княжеваца на Зайчаръ и Нижній Милановацъ, идущая сначала долиною Тимока, а потомъ горами; поперечныя шоссе изъ Княжеваца по долинь Малаго Тимока въ Парачинъ и изъ Врза-Паланки черезъ Милановацъ въ Пожаревацъ. Изъ Зайчара идутъ на западъ черезъ горы колесныя дороги, изъ которыхъ одна на Жалубинѣ. Очевидно, что позиціи у Княжеваца, Милановаца и Зайчара, запирающія три главные пути отъ восточной границы долины Моравы, весьма важны въ оборонительномъ отношеніи, въ особенности же Зайчаръ, какъ узелъ нѣсколькихъ путей.

Изъ рѣчныхъ долинъ, прорѣзывающихъ къ западу долину Моравы, наиболѣе важна долина Сербской Моравы, направляющаяся отъ Крушеваца къ сѣверозападу и отдѣляющая отъ себя на югъ отъ Карановаца узкое и неудобопроходимое ущелье Ибара, болѣе неприступное въ предѣлахъ Сербіи, чѣмъ южнѣе къ Турціи. Долина Сербской Моравы дѣлитъ западную Сербію на двѣ части: юго-западную и сѣверо-западную; первая гориста и дика, вторая изобилуетъ мѣстностями, удобными для земледѣлія, густо населена и прорѣзана

большимъ числомъ дорогъ. Вторженіе Турокъ въ юго-западную часть не опасно: въ ущельяхъ верхней Сербской Моравы и въ ущельѣ Ибара они легко могутъ быть задержаны, весьма незначительными силами. Зато еслибы Турки проникли въ долину Сербской Моравы между Чацакомъ и Крушевацомъ, то имъ предоставлялась бы полная свобода дѣйствій во всей сѣверо-западной Сербіи; вотъ почему позиціи впереди и позади Алексинаца въ долинь Моравы и фланговыя оборонительныя позиціи у Крушеваца и Ясика, имѣютъ громадную важность при оборонѣ. По р. Моравѣ отъ ея устья до Чуприи еще могутъ ходить кое-какія суда; но выше она совершенно не судоходна, равно какъ и Сербская Морава.

Нѣсколько словъ о боевыхъ силахъ воюющихъ сторонъ представляются нелишними.

Общее число организованнаго войска, могущаго быть выставленнымъ Турціей въ военное время, по нормальному расчету ея сухопутныхъ силъ, не превышаетъ 250 тысячъ человекъ, т. е. вдвое болѣе противъ мирнаго времени; остальные турецкія силы, численность которыхъ не можетъ быть съ точностью опредѣлена, образуются по мѣрѣ надобности изъ нестройныхъ ополченій, хотя легко разбиваемыхъ регулярною арміею, но часто удачно дѣйствующихъ противъ милицій; хозяйничая же у себя дома противъ христіанскаго населенія и угрожая ему поголовнымъ истребленіемъ, они становятся въ рукахъ фанатическаго правительства страшною, всеокрушающею силою.

Сухопутныя силы Турціи состоятъ изъ дѣйствующей арміи (низамъ), резервной арміи (редифъ) и внутренней стражи (мюстахфизъ). Люди, прослужившіе въ дѣйствующихъ войскахъ 4 года, поступаютъ въ разрядъ безсрочно-отпускныхъ (ихтиятъ), служащій для немедленнаго пополненія арміи. По-

стоянная турецкая армія дѣлится на 7 корпусовъ низама, соотвѣтственно семи территориальнымъ округамъ; нормальный составъ корпуса состоитъ изъ 2 дивизій пѣхоты (24 баталіона), одной дивизіи кавалеріи (24 эскадрона) и полка артиллеріи (14 батарей). Въ военное время въ баталіонѣ (таборѣ) считается 800 штыковъ, — въ эскадронѣ 140 сабель, въ батарее 6 орудій. Пѣхота вооружена ружьями системы Генри Мартини; кавалерія пиками и карабинами Винчестера; большая часть орудій въ артиллеріи 4 и 6-фунтовыя стальные, заряжающіяся съ казенной части; но есть и бронзовыя, заряжающіяся съ дула, и даже гладкостѣнные; при каждомъ орудіи имѣются два зарядныхъ ящика. Наконецъ, въ составѣ каждаго корпуса имѣется еще по одной саперной ротѣ (кроме отдѣльно существующей саперной бригады) и крѣпостная и береговая артиллерія, въ крѣпостяхъ корпуснаго района. Весьма важную часть турецкой арміи составляетъ корпусъ земской стражи или жандармовъ (заптіе), имѣющихъ совершенно строевую организацію; баталіоны заптіевъ расположены по городамъ, въ каждомъ вилайетѣ, а общая ихъ численность въ военное время доходитъ до 20,000 человекъ.

Къ началу военныхъ дѣйствій значительныя турецкія силы сосредоточены были противъ Сербіи съ 4 сторонъ: съ востока, у Виддина находился небольшой корпусъ Османа-паши, отдѣльные отряды котораго были расположены близъ сербской границы у Бѣградчика противъ Зайчара и противъ Неготина. Войска Шефкета-паши у Ниша угрожали съ юго-востока долину Моравы, а отряды, находившіеся въ связи съ этимъ корпусомъ, были высланы въ долину Топлицы, впередъ Пиропле и Куршумле. Корпусъ Мехмеда-Али-паши (Фрейнда, еврея по происхожденію) занималъ Новый Базаръ, Сьиницу и угрожалъ Сербіи со стороны ущелій Ибара и долины

верхней Сербской Моравы. Трудно сказать, находился ли турецкій отрядъ, занимавшій Новый Варошъ, въ связи съ войсками Мехмеда-Али-паши, или же дѣйствовалъ самостоятельно. Численность всѣхъ трехъ корпусовъ простиралась до 48,000 человекъ. У Ниша, какъ у главной позиціи, было сосредоточено не менѣе 35,000 человекъ, а главнокомандующимъ всѣми перечисленными турецкими силами былъ назначенъ сердарь-экремъ Абдулъ-Керимъ-паша.

Въ Босніи и Герцеговинѣ подъ начальствомъ Мухтара-паши состояла 32,000 армія, сосредоточившаяся преимущественно близъ Мостара; въ верхней Албаніи, т. е. противъ южной границы Черногоріи, выставлено было до 12,000 человекъ. Сверхъ того, около 20,000 были разбросаны по разнымъ пунктамъ театра войны; изъ этой цифры значительная часть приходилась на позиціи Турокъ у Зворнича и Бѣлины, а также на гарнизоны крѣпостей: Сребрицы, Вышеграда, Никшича и др. Такимъ образомъ, общая численность турецкихъ войскъ на Балканскомъ полуостровѣ не превышала 115,000 человекъ; силы эти могли быть однако увеличены подкрѣпленіями изъ Константинополя и Малой Азіи еще на 100,000 человекъ. Кроме того ожидалось египетское вспомогательное войско въ числѣ отъ 30 до 40,000 человекъ.

Сербская армія преимущественно армія милиціонная; въ обыкновенное время она состоитъ изъ весьма небольшой «постоянной» арміи, дающей инструкторовъ для собираемой въ военное время «народной» арміи, имѣющей опредѣленную организацію и состоящей изъ людей двухъ призывовъ. Первый призывъ содержится въ полной боевой готовности, а второй образуетъ резервъ и предназначается преимущественно для пополненія убыли въ арміи. Въ минуту крайней необ-

димости, становятся также въ ряды арміи и люди, отслужившіе сроки, и волонтеры (добровольцы). Составъ сербской арміи въ высшей степени однородный: всѣ Славяне сербскаго происхожденія и только небольшое число Румынъ, поселенныхъ близъ Неготина и Кладово, поступаютъ въ ея ряды.

Постоянная сербская армія состоитъ изъ 4 баталіоновъ пѣхоты, 2 эскадроновъ кавалеріи, 8 четырехфунтовыхъ полевыхъ и 4 горныхъ батарей и двухъ баталіоновъ: понтоннаго и піонернаго; всего 4,100 чел. при 72 орудіяхъ. Народная армія выставляетъ въ каждомъ изъ призывовъ 80 баталіоновъ пѣхоты; первый призывъ кромѣ того даетъ 33 эскадрона кавалеріи, 18 наѣзныхъ батарей въ 6 орудій каждая, 4 крѣпостныя батареи, 19 піонерныхъ отдѣленій и части вспомогательнаго назначенія; такимъ образомъ общая численность народной арміи перваго и втораго призывовъ и постоянныхъ войскъ, доходить до 154,000 человекъ при 204 орудіяхъ. Пѣхота постоянной и народной арміи перваго призыва вооружена скорострѣльными ружьями системы Шибоди, а втораго призыва ружьями Грина.

Боевыя силы Сербіи сосредоточивались при началѣ войны въ четырехъ главныхъ массахъ: Тимоксій корпусъ полковника Лѣшанина, изъ 12,000 чел. при 25 орудіяхъ, занималъ отрядами пункты на границѣ противъ Неготина, Зайчара и Княжеваца. Главная южная армія, подѣ начальствомъ генерала Черняева, состоявшая изъ лучшихъ сербскихъ войскъ численностью до 43,000 чел., сосредоточивалась противъ Ниша и Ак-Паланки. Западнѣ южной арміи, противъ Новаго Базара, Сѣницы и Новаго Вароша, стоялъ корпусъ генерала Заха, приблизительно въ 20,000 человекъ; наконецъ на Дринѣ, противъ Бѣлины, Зворника и Сребрницы былъ расположенъ корпусъ генерала Равко Алимпича, примѣрно въ

22,000 чел. Всего же, какъ собранныхъ на сербской границѣ, такъ и уже перешедшихъ на турецкую территорию сербскихъ войскъ насчитывалось до 100,000 чел., т. е. еще не исчерпывались всѣ силы народной арміи. При каждомъ корпусѣ имѣлся запасъ оружія, для раздачи возстававшему въ Турціи славянскому населенію; кромѣ того оставался еще достаточный запасъ ружей въ самой Сербіи и много бронзовыхъ орудій.

Черногорія, имѣя около 100,000 мужскаго населенія, выставляла народное войско въ 20,000 человекъ, раздѣленное на двѣ части; большая половина съ княземъ Николаемъ во главѣ направлялась на Мостаръ и Гацко, другая же, меньшая, подѣ начальствомъ Божидача Петровича Нѣгопа и воеводы Ильи Пламенаца, имѣла назначеніемъ дѣйствовать противъ Албаніи и прикрывать южную границу княжества. Черногорскія войска представляли еще болѣе чистый типъ милиціи, нежели сербскія, — почти вовсе не имѣли кавалеріи и располагали весьма ограниченномъ количествомъ мелкаго калибра горныхъ орудій. Зато Черногорцы чрезвычайно храбры, мужественны, одушевлены самыми пламенными чувствами и вѣковой ненавистью къ Туркамъ; въ этомъ заключалась ихъ главная сила.

Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что число войскъ съ обѣихъ сторонъ было приблизительно равное: что же касается до численности инсургентскихъ дружинъ и взявшагося за оружіе мусульманскаго населенія, то она не могла быть точно опредѣлена, хотя не подлежало сомнѣнію, что она достигала весьма крупныхъ размѣровъ.

Нельзя не сознать, что турецкая армія была хорошо обучена, отлично снабжена артиллеріей и вообще представляла собою войско постоянное. въ противоположность сербской и

черногорской милиціямъ; для одержанія надъ Турками побѣды требовались со стороны Славянъ самыя самоотверженныя усилія и едва ли не непосильныя жертвы. Къ тому же еще до начала войны европейская дипломатія, наложивъ на княжества свою тяжелую руку, принудила ихъ сдѣлать крупную ошибку въ стратегическомъ отношеніи, заключавшуюся въ слѣдующемъ: какъ въ Сербіи, такъ и въ особенности въ Черногоріи, условія сбора войскъ способствовали быстрой ихъ мобилизаціи и приведенію въ боевую готовность; этимъ-то несомнѣнно важнымъ шансомъ противъ Турціи княжества не воспользовались и дѣло какъ бы нарочно затягивалось для того, чтобы дать противнику время собрать на всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ значительныя силы и запасы. Напримѣръ, подъ Нишемъ явился укрѣпленный лагерь съ нѣсколькими десятками тысячъ защитниковъ, и сербскія войска вынуждены были съ большими жертвами брать тѣ самыя укрѣпленія, которыя строились буквально на ихъ глазахъ и возведенія которыхъ они своевременно легко бы могли не допустить. А Черногорія, помогавшая или по крайней мѣрѣ не мѣшавшая Туркамъ снабжать провіантомъ Никшичь, нѣсколько недѣль спустя могла бы быть вынуждена сама брать эту крѣпость съ боя! Очевидно, что если бы война была объявлена нѣсколько ранѣе, то взаимное положеніе противниковъ было бы совершенно иное.

Наступательныя дѣйствія со стороны Сербіи начались почти одновременно движеніями южной арміи ген. Черняева и Дринскаго корпуса ген. Алмипча. Главныя силы южной арміи занимали до объявленія войны частью делиградскую укрѣпленную позицію, частью располагались впереди ея у Алексинаца, имѣя аванпостную цѣпь по самой границѣ въ восьми

верстахъ отъ Алексинаца. Восьмиверстный фронтъ делиградскихъ укрѣпленій разбитъ перпендикулярно къ шоссе, ведущему изъ Алексинаца на Чупрію, и упирается правымъ флангомъ въ р. Болгарскую Мораву, а лѣвымъ на высоты близъ д. Мозгово. Позиція вообще весьма выгодна за исключеніемъ лѣваго фланга, который могъ быть обойденъ горами; она была усилена 6-ью сомкнутыми, вооруженными тяжелыми орудіями, укрѣпленіями, между которыми въ промежуткахъ, то впереди, то позади общей линіи, были расположены 6 батарей. Укрѣпленія и батареи имѣли блиндажи и хорошо прикрытыя пороховыя погреба. Алексинацъ лежитъ въ долинѣ, прикрытой изгибомъ Моравицы, при впаденіи ея въ Болгарскую Мораву, а на возвышенностяхъ, окаймляющихъ этотъ городъ со стороны непріятеля, построено также нѣсколько сильныхъ укрѣпленій.

2 іюля н. с., въ 4¹/₂ часа утра, Сербы открыли военныя дѣйствія наступленіемъ по лѣвому и правому берегамъ Моравы на Нишъ. По лѣвому берегу направилась бригада Милутина Іовановича; встрѣтивъ Турокъ у пограничнаго мѣстечка Суповацъ, она опрокинула ихъ и, взявъ турецкія передовыя укрѣпленія, заняла селенія Сѣченицу и Дудулаицу, а затѣмъ, переправясь черезъ Болгарскую Мораву, бригада къ 2 часамъ по полудни расположилась на позиціи въ виду Ниша. Бригада Павла Джорджевича, слѣдуя правымъ берегомъ по большой дорогѣ, ведущей изъ Алексинаца въ Нишъ, перешла границу у селенія Дражевецъ, переправилась черезъ рѣчку Топольницу и, овладѣвъ селеніемъ того же имени, заняла въ виду Ниша позицію на правомъ берегу р. Нишавы. Вниманіе командовавшаго турецкими войсками въ Нишѣ Шефкета-паша исключительно обратилось на движеніе отрядовъ Іовановича и Джорджевича, что и дало генералу Черняеву

возможность сосредоточить у г. Бани въ долину Моравицы (25 верстъ отъ Алексинаца) большую часть своей арміи и тотчасъ же двинуться по дорогѣ къ Княжевану, а оттуда на югъ, по направленію къ Ак-Паланкѣ. Искусное фланговое движеніе генерала Черняева вполне увѣнчалось успѣхомъ: войска, лично имъ предводимыя, пройдя въ теченіи сутокъ болѣе 50 верстъ, подошли 3 числа утромъ къ сильной позиціи и лагерю турецкихъ войскъ на Бабиной-Главѣ. Бригада подполковника Хорватовича, бывшая въ авангардѣ, тотчасъ же стала развертываться; а къ 11 часамъ приблизились главныя силы и сербская артиллерія открыла огонь, направленный главнымъ образомъ противъ укрѣпленія, расположеннаго на командующей высотѣ, и противъ войскъ, его защищавшихъ. Вслѣдъ за артиллерійскимъ огнемъ, отличавшимся замѣчательною мѣткостью, пѣхота произвела дружную атаку и заняла какъ укрѣпленіе, такъ и поддерживавшіе его стрѣльцовыя рвы. Появившаяся было на лѣвомъ флангѣ Сербовъ, у с. Пашъ, значительная партія черкесовъ была встрѣчена двумя батальонами и двумястами сербскихъ добровольцевъ; обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами, партія отошла назадъ, не осмѣлившись потревожить центра и праваго фланга главнаго отряда. Отступивъ съ позиціи у Бабиной-Главы, Турки оставили въ рукахъ Сербовъ оружіе, запасъ патроновъ, лошадей и пр. Потеря Сербовъ простиралась до 55 человекъ (въ томъ числѣ убитыхъ 5 человекъ), что и даетъ основаніе предполагать, что сопротивление Турокъ не отличалось стойкостью.

Послѣ битвы при Бабиной-Главѣ, отрядъ Хорватовича, состоявшій изъ 6 батальоновъ, занялъ дорогу, ведущую къ Ак-Паланкѣ, и позиціи, господствующія надъ Пиротомъ. Хотя ген. Черняевъ и намѣревался продолжать наступленіе къ этому

городу, но извѣстясь о неудачныхъ для Сербовъ схваткахъ при Зайчарѣ, отказался отъ этого плана. Къ тому же, получивъ также извѣстіе, что Турки значительно усиливаютъ пиротскій гарнизонъ и пытаются возстановить черезъ Бѣлградчикъ свои сообщенія съ виддинскимъ корпусомъ, Черняевъ рѣшился задержать турецкія войска подъ стѣнами Ниша. Съ этою цѣлью предположено было совершить усиленную демонстрацію по направленію къ Ак-Паланкѣ и Пироту; полковникъ Деспотовичъ съ двумя батальонами пѣхоты, эскадронномъ кавалеріи и четырьмя полевыми орудіями, долженъ былъ выдвинуться до самыхъ стѣнъ Пирота, съ тѣмъ чтобы произвести тревогу въ турецкомъ лагерѣ, а генералъ Стратиміровичъ съ 4 четырехфунтовыми и 2 двѣнадцатифунтовыми батареями, однимъ піонернымъ батальономъ и однимъ эскадронномъ кавалеріи былъ выдвинуть къ Ак-Паланкѣ. Во время движенія оба отряда получили отъ ген. Черняева внезапное приказаніе (вызванное ложнымъ извѣстіемъ о выступленіи Турокъ изъ Бѣлградчика) отступить и занять дорогу къ Пироту. Въ ночь съ 3 на 4 іюля отрядъ Стратиміровича занялъ позицію при Гориной-Главѣ; хотя на слѣдующее утро продолжалось движеніе къ Ак-Паланкѣ, но вскорѣ получено было распоряженіе отступить къ Бабиной-Главѣ. Едва успѣвъ къ 10 часамъ утра занять указанную позицію, Стратиміровичъ вновь получилъ изъ главной квартиры приказаніе сняться съ нея и идти къ Ак-Паланкѣ; въ полдень онъ остановился для варки пиши у Гориной-Главы, а въ 2¹/₂ часа снова выступилъ въ походъ. Авангардъ этого отряда, состоявшій изъ эскадрона кавалеріи, батальона пѣхоты, взвода піонеровъ и двухъ четырехфунтовыхъ орудій, ввѣренный капитану Качанскому, дошелъ до Нишавы, правый берегъ которой оказался свободнымъ отъ непріятеля.

Получивъ донесеніе авангарднаго начальника, что непріятель занимаетъ тремя батальонами низама и одною батареею Ак-Паланку и что на равнинѣ между городомъ и р. Нишавою выдвинуть еще одинъ баталіонъ, стрѣлковая цѣпь котораго, скрытая въ волчьихъ ямахъ, образуетъ полукругъ, опирающійся флангами на городъ, — Стратиміровичъ притянулъ къ себѣ крушевацкую бригаду, оставилъ для обезпеченія отступленія резервы на Гориной-Главѣ, и присоединясь затѣмъ къ авангарду и лично осмотрѣвъ позицію Турокъ, приказалъ идти въ атаку; было 4 часа по полудни. Артиллерійскій капитанъ Обтеркичъ открылъ сильный огонь по городу и непріятельскимъ орудіямъ; одинъ баталіонъ егерей штурмовалъ мостъ черезъ Нишаву, а два баталіона приблизились къ дорогѣ въ Пиротъ для наблюденія за нею. Послѣ 3-часовой перестрѣлки всѣ непріятельскія орудія были сбиты, мостъ черезъ Нишаву взятъ приступомъ и Турки отбѣснены до самаго города, занятіе котораго уже считалось несомнѣннымъ; но въ эту минуту пришло извѣстіе, что сильная турецкая колонна направлялась противъ Сербовъ и получено было отъ ген. Черняева сообщеніе не завязывать слишкомъ рѣшительнаго боя, такъ какъ онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ прислать подкрѣпленій. Тогда Стратиміровичъ вынужденъ былъ начать отступление, которое совершилось въ образцовомъ порядкѣ; Турки не осмѣлились преслѣдовать Сербовъ, что и служить доказательствомъ значительности понесенныхъ ими потерь. Въ этотъ день Сербы лишились всего до 60 чел. ранеными и убитыми. Сербская артиллерія хорошо маневрировала и стрѣлба ея отличалась мѣткостью; всѣ чины отряда выказали большую храбрость и стойкость, а батальонные командиры, спѣшившись во время боя, мужественно сражались во главѣ своихъ частей.

Здѣсь нельзя не упомянуть объ эпизодѣ, случившемся во время движеній отряда ген. Черняева, именно о занятіи оставшейся въ тылу у сербскихъ войскъ каменной турецкой кулы, гарнизонъ которой, въ числѣ 100 человекъ, отказывался сдаться. Ротѣ пѣхоты, при двухъ орудіяхъ, подъ командою полковника Измайлова, поручено было овладѣть ею; разбивъ каменную кулу артиллерійскимъ огнемъ, Измайловъ взялъ ее приступомъ и уничтожилъ большую часть ея защитниковъ.

На разсвѣтъ 3 іюля значительная часть корпуса ген. Ранко Алимпича, занимавшая первоначально позиціи у Дубле, въ углу, образованномъ впаденіемъ Дрины въ Саву, переправилась почти безъ выстрѣла черезъ первую, у Буюклюжскихъ острововъ (сѣвернѣе Лѣшницы). Хотя мѣстность эта совершенно открыта, но Турки не замѣтили движенія Сербовъ и взялись за оружіе только тогда, когда послѣдніе сильно укрѣпились на лѣвомъ берегу. Слѣдуя по направленію къ г. Бѣлинѣ, отстоящему отъ мѣста переправы на 13 верстъ, Алимпичъ встрѣтилъ довольно значительныя турецкія силы съ артиллерією, занимавшія высоту. Мѣткимъ огнемъ по фронту и флангу непріятеля, Сербы принудили его отступить и даже захватили часть города; но или вслѣдствіе прибытія къ Туркамъ подкрѣпленій, или по другимъ какимъ либо соображеніямъ, только Алимпичъ прекратилъ свое наступательное движеніе, а затѣмъ пошелъ назадъ, оставаясь впрочемъ на лѣвомъ берегу Дрины. Сербы исчисляють свои потери въ этомъ дѣлѣ не свыше 80 человекъ; убитъ же въ турецкихъ рядахъ опредѣляется ими въ 600 чел. Такая несоразмѣрность невольно возбуждаетъ сомнѣніе, тѣмъ болѣе что Турки приписывали побѣду себѣ, заявляя, что въ этотъ день они за-

владѣли двумя сербскими пушками и взяли много плѣнныхъ. На чьей сторонѣ была правда, не выяснилось и доселѣ.

За эту первую схваткою дринскаго корпуса слѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ столкновений, районъ которыхъ былъ весьма ограниченъ и не переходилъ за линію Бѣлины-Явны. Дѣйствія этого корпуса сдѣлались съ того времени второстепенными и направлялись преимущественно противъ небольшихъ турецкихъ отрядовъ, транспортовъ и проч., быть можетъ даже съ цѣлю постепенно приучить молодыхъ войска къ бою. Такъ 5 іюля авангардъ Алимпича встрѣтился съ отрядомъ, вышедшимъ изъ Бѣлины въ Турецкую Рачу за провіантомъ: началось кровопролитное дѣло, длившееся съ 7 часовъ вечера до 12 часовъ ночи и кончившееся отступленіемъ Турокъ въ Бѣлину. 10 числа сербскій отрядъ, принадлежавшій вѣроятно къ дринскому корпусу, напалъ на Малый Зворникъ, слабо укрѣпленный пунктъ на правомъ берегу Дрины, противъ крѣпости Зворника, верстахъ въ 40 къ югу отъ Бѣлины. Послѣ упорной битвы, турецкій гарнизонъ, состоявшій изъ двухъ баталіоновъ редифовъ и башн-бузуковъ, очистишь Малый Зворникъ и правый берегъ рѣки.

Слабый сербскій тимокскій корпусъ полковника Лѣшанина (12,000 чел.), расположенный вдоль восточной границы, имѣлъ несомнѣннымъ назначеніемъ лишь охрану собственныхъ предѣловъ. Извѣстясь о стычкахъ, происходившихъ подлѣ Нишемъ, 10,000-ный турецкій отрядъ низама и черкесовъ, выйдя 3 іюля изъ Виддина, перешелъ границу и атаковалъ передовыя части сербскихъ войскъ у с. Великій-Изворъ, которое во время боя было сожжено; дальнѣйшее же наступленіе Турокъ на Зайчаръ было отбито Сербами и неприятель былъ отброшенъ обратно на турецкую территорію. Очевидно,

что въ этомъ дѣлѣ не могли принимать участія всѣ войска Лѣшанина, такъ какъ кромѣ Зайчара, они должны были охранять и много другихъ пунктовъ. Несмотря на неудачу, Турки возобновили нападеніе 4 іюля, но вновь были опрокинуты и преслѣдуемы Сербами даже на турецкой землѣ. Хотя для Сербовъ важность занятія Зайчара, какъ узла путей, ведущихъ на западъ, сѣверъ и югъ, была весьма существенна, но отпоръ, данный ими Туркамъ, оказался настолько нерѣшительнымъ, что 11 іюля Осман-паша вновь сдѣлалъ нападеніе; отрядъ Остоича, перешедшій наканунѣ черезъ Тимокъ у Брегова, ударилъ на Турокъ съ фронта и съ фланга и, обративъ ихъ въ бѣгство, овладѣлъ нѣсколькими деревнями на турецкомъ берегу Тимока. 13 іюля происходила новая схватка между войсками Лѣшанина и Османа-паши: послѣ упорнаго сопротивленія, Турки принуждены были покинуть занятыя ими укрѣпленныя позиціи. Въ образѣ дѣйствій Лѣшанина явно обнаружилось стремленіе перенести бой на неприятельскую землю, съ цѣлю поддержать и укрѣпить духъ молодыхъ своихъ войскъ.

Западно-Моравскій корпусъ генерала Заха, сосредоточивавшійся противъ Новаго Базара и Сѣнницы, перешелъ утромъ 6 іюля турецкую границу въ двухъ пунктахъ: самъ Захъ противъ Сѣнницы у Явора, а подполковникъ Чолокантичъ противъ Новаго Базара у Рашки. Овладѣть Сѣнницей, а затѣмъ подвигаясь въ этомъ направленіи далѣе, занять пути между Сербіей и Черногоріей и тѣмъ установить непосредственную связь съ войсками князя Николая, было повидимому главною цѣлю наступательнаго движенія генерала Заха; но встрѣтивъ упорное сопротивленіе со стороны войскъ Махмед-Али-паши, онъ вынужденъ былъ остановиться, не дойдя до Сѣнницы. Послѣ ожесточеннаго боя, стоившаго обѣимъ

сторонамъ большихъ жертвъ, Захъ отступилъ и занялъ свою прежнюю позицію у Явора. Дѣйствія подполковника Чолокантича со стороны Рашки къ Новому Базару, хотя и сопровождались нѣкоторыми успѣхами, но не имѣли важныхъ послѣдствій; ему удалось послѣ пяти-часоваго боя принудить Турокъ къ отступленію и приблизиться къ Новому Базару. Очевидно принадлежавшій къ войскамъ Чолокантича отрядъ капитана Илича занялъ нѣсколько турецкихъ укрѣпленій и небольшой лагерь у Яриньи, южнѣе Рашки. Добровольцы, предводимые архимандритомъ Дучичемъ, дѣйствуя противъ Новаго Вароша, успѣли-было 8 іюля ворваться въ линію турецкихъ окоповъ и овладѣть двумя укрѣпленіями, но подошедшими къ Туркамъ подкрѣпленіями изъ Баньи, Преполья и Сѣнницы, они были съ урономъ отгѣснены.

Нападеніе турецкихъ войскъ изъ Куршумле на Янкову Клисуру, находящуюся на самой сербской границѣ, было отбито, и съ этой стороны Турки въ Сербію не проникли. Въ этомъ кровопролитномъ бою не оказалось ни одного раненаго: были только убиты!

Черногорскія войска, какъ мы уже сказали, были раздѣлены на двѣ части; одна часть, наибольшая, подъ личнымъ предводительствомъ князя Николая, перешла 4 іюля чрезъ турецкую границу къ сѣверу отъ Грахова, у Тупанъ, а затѣмъ двинулась на Гацко. Овладевъ лежащую на этомъ пути крѣпостцею Ключъ, Черногорцы выслали небольшіе отдѣльные отряды къ Клеку, Требинью и къ Невесинью, съ цѣлію стать наперерѣзъ турецкимъ войскамъ въ случаѣ ихъ отступленія въ Мостаръ, по дорогѣ изъ Гацко къ Невесинью. Въ Заломскомъ ущельи одинъ изъ такихъ отрядовъ, встрѣтаясь съ двумя турецкими баталіонами, состоявшими подъ начальствомъ Семим-паши, хотя не преградилъ имъ вовсе

дороги, но нанесъ весьма значительный уронъ. Турки заперлись въ Гацко, а Черногорцы очистили отъ нихъ все Гацко-поле и расположились 12 іюля у Липника; затѣмъ 17 іюля они уже подошли къ Благаго, отстоявшему на два часа пути отъ Мостара. Отрядъ герцеговинскихъ усташей, въ числѣ 6,000 чел. подъ начальствомъ Пейко Павловича, сослужилъ Черногорцамъ немаловажную услугу, занявъ 11 іюля пути, ведущіе къ клекому порту. Вторая часть Черногорцевъ, дѣйствовавшая подъ начальствомъ Петровича въ Албани, обстрѣливала ближайшіе къ границѣ турецкіе укрѣпленные пункты, въ томъ числѣ Подгорицу и Медунъ; такія дѣйствія ни въ какомъ случаѣ не могли быть названы наступательными.

Изъ представленнаго нами сжатаго обзора военныхъ дѣйствій, легко усматривается, что начатая Сербіей и Черногоріей война съ Турціей не могла имѣть рѣшительныхъ результатовъ безъ содѣйствія христіанскаго населенія турецкихъ провинцій. Въ особенности такое содѣйствіе со стороны Болгаръ было крайне важно для Сербовъ; они рассчитывали на него и даже можетъ быть объявили войну Турціи въ надеждѣ, что вся Болгарія поголовно возстанетъ на общаго врага. Но какъ ни казались вѣрны предположенія Сербовъ, имъ однако не суждено было осуществиться; Турки или вѣрнѣе друзья ихъ предугадали угрожавшую имъ опасность и своевременно озаботились не только подавленіемъ возстанія, но обративъ Болгарію въ груду развалинъ и пепла, перерѣзавъ и перестрѣлявъ лучшихъ, мужественнѣйшихъ сыновъ ея и выпустивъ на мирныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ жителей селъ и деревень хищныхъ баши-бузукъ и дикихъ черкесовъ,—они надолго лишили Болгаръ всякой возможности даже помышлять о возмущеніи... Расчетъ былъ вѣренъ и послѣд-

ствія вполнѣ подтвердили мудрую предусмотрительность турецкаго правительства, всегда впрочемъ придерживавшагося правила, что цѣль оправдываетъ средства... Такимъ образомъ, наступательное движеніе южно-моравской арміи, успѣшно начатое, не принесло никакой пользы и войска, предводимыя ген. Черняевымъ, изъ опасенія быть отрѣзанными отъ своихъ сообщений, вынуждены были возвратиться на прежнія позиціи, навсегда утративъ надежду на содѣйствіе болгарскихъ инсургентовъ. Только ибарская и дринская арміи еще могли отчасти рассчитывать на дѣятельное участіе возставшихъ босняковъ, вооруженныя шайки которыхъ охотно присоединялись къ отрядамъ генераловъ Заха и Алимича. Немаловажнымъ препятствіемъ для достиженія успѣха служило Сербамъ также и то обстоятельство, что войска ихъ не были достаточно подготовлены къ бою; наскоро призванные подъ знамена, молодые сербскіе воины, при всемъ мужествѣ и воодушевленіи, не могли обладать качествами опытнаго, хорошо обученнаго войска; предстояла настоятельная надобность исподоволь освоить ихъ съ обязанностями боевой службы, съ строгою дисциплиною, съ безусловнымъ повиновеніемъ начальникамъ и съ неуклоннымъ исполненіемъ долга. Качества эти приобрѣтаются только временемъ и основательнымъ обученіемъ...

Совсѣмъ иное дѣло было содѣйствіе, оказывавшееся герцеговинскими усташиами Черногорцамъ. Предводимые опытными вождями, закаленные въ непрерывной борьбѣ, длившейся болѣе года, мужественные герцеговинскіе усташи ни въ чемъ почти не уступали черногорскимъ юнакамъ, которыхъ привыкли считать братьями. Поэтому совокупныя ихъ дѣйствія почти постоянно сопровождались несомнѣнными успѣхами и

вызывали общее удивленіе къ подвигамъ беззавѣтной отваги храбрыхъ сподвижниковъ князя Николая.

Послѣ перваго впечатлѣнія, произведеннаго на Европейскія правительства объявленіемъ Сербіей и Черногоріей войны Турціи, наступило полнѣйшее дипломатическое затишье и ничто не обличало желанія какой либо державы фактически вліять на ходъ борьбы; напротивъ, обозначалась твердая рѣшимость неуклонно соблюдать постановленія Парижскаго трактата 1856 г. относительно невмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи и въ ея отношенія къ христіанскимъ населеніямъ: принципъ нравственнаго и матеріальнаго нейтралитета строго соблюдался. Только въ сношеніяхъ съ Австро-Венгріей положеніе Сербіи представляло нѣкоторыя затрудненія; взаимная ненависть Венгровъ и Славянъ, рѣзко опредѣлившаяся послѣ 1849 г.,—когда послѣдніе помогли Австріи подавить революцію,—вполнѣ могла объяснить тревогу, поднятую Венграми по поводу движенія, обнаружившагося между Сербями, населяющими южную окраину Мадьярскаго королевства. Вооруженіе Сербскаго княжества и агитация въ средѣ венгерскихъ Сербовъ побуждали министерство, еще задолго до объявленія войны, требовать энергическаго подавленія этой агитации и даже объявленія осаднаго положенія въ Банатѣ, Славоніи и Хорватіи. Затѣмъ вслѣдствіе заявленія, сдѣланнаго въ папѣ представителемъ венгерскихъ Сербовъ депутатомъ Милитичемъ, объ оказаніи правительственной поддержки стремленіямъ Босніи и Герцеговины къ самостоятельности и къ полученію такого же положенія относительно Турціи, каковымъ пользуется Сербія,—венгерское министерство, признавая сербскую агитацию дѣйствительно опасною, рѣшилось принять крутыя мѣры: пенитенціи судъ,

въ качествѣ компетентной инстанціи по дѣламъ о государственной измѣнѣ, постановилъ арестовать депутата Милетича и отправить его въ Нейзаць. Эпизодъ обстрѣливанія сербскими войсками шедшаго по Дунаю австрійскаго парохода «Тисса» едва было не имѣлъ крайне прискорбныхъ послѣдствій; но сербское правительство успѣшило устранить таковыя, давъ полнѣйшее удовлетвореніе.

Представленіе, сдѣланное княземъ Миланомъ о нейтрализаціи Дуная, увѣнчалось успѣхомъ; Порта согласилась не бомбардировать сербскихъ крѣпостей, а Сербія обязалась не нападать на стоящую на островѣ крѣпость Афакалэ, которую взялась снабжать провіантомъ Румынія. Другаго исхода нельзя было впрочемъ и ожидать, такъ какъ князь Миланъ категорически заявлялъ, что если турецкая дунайская флотилія будетъ угрожать Бѣлграду, то Сербы для защиты столицы положить торпеды, что представить значительную опасность для судовъ и причинить чувствительный убытокъ австро-венгерской торговлѣ.

Опасенія, что со стороны Англіи возникнутъ разныя затрудненія и усложненія, тоже не осуществились: какъ ни явны были ея антипатіи къ рѣшительному шагу въ турецкомъ вопросѣ, какъ ни уклончивы были объясненія министровъ относительно ихъ политики, Англія не захотѣла, а быть можетъ и не могла, идти наперекоръ всей Европѣ и бозмолвно приняла то же положеніе, какое признали нужнымъ принять остальные державы. Притомъ въ общественномъ мнѣніи Англіи стало замѣтно обнаруживаться нерасположеніе къ политикѣ Дизраэли, повидимому столь рѣшительной, но отнюдь не устранившей никакихъ затрудненій и приведшей только къ тому, что Англія должна была подчиниться положенію, созданному другими. Даже въ средѣ англійскаго мини-

стерства произошли разногласія по турецкому вопросу, настолько сильныя, что графъ Дерби сталъ угрожать выходомъ въ отставку; онъ требовалъ безусловнаго невмѣшательства Англіи, а Дизраэли заявленія о ея поддержкѣ Турціи. Дѣло уладилось только личнымъ вмѣшательствомъ королевы, одобрившей политику своего министра иностранныхъ дѣлъ.

При первыхъ выстрѣлахъ, раздавшихся въ Сербіи и Черногоріи, обнаружилось въ Россіи живое, горячее сочувствіе къ дѣлу балканскихъ Славянъ и неудержимо охватило всё слои русскаго общества... Пожертвованія деньгами, одеждою и прочимъ, приносившіяся еще съ самаго начала возстанія, приняли обширные размѣры; богатые и бѣдные, знатные и простолюдины, спѣшили вложить свою лепту на пользу праваго, святаго дѣла. Мало того: образовались санитарные отряды, походные лазареты; не только молодые медики, но и профессора академій и университетовъ спѣшили на поле битвы оказать помощь раненымъ и больнымъ воинамъ, врачевать и облегчать ихъ страданія. Общество «Краснаго Креста», славянскіе благотворительные комитеты, частныя временныя учрежденія въ большихъ центрахъ обнаруживали усиленную дѣятельность, формировали партіи добровольцевъ и посылали ихъ на театръ военныхъ дѣйствій, обезпечивая ихъ всѣмъ необходимымъ. Воодушевленіе было общее: всѣ жадно слѣдили за ходомъ военныхъ дѣйствій, горячо сочувствуя успѣхамъ Славянъ, глубоко скорбя о ихъ неудачахъ. Имя Черняева произносилось восторженно и популярно; его сдѣлалась громадною; портреты его раскупались на расхватъ и красовались во всѣхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ.

Нѣсколько краткихъ біографическихъ свѣдѣній объ этомъ русскомъ челоувѣкѣ, самоотверженно успѣшившемъ посвятить

свою дѣятельность на пользу славянскаго дѣла, будутъ здѣсь ужьсны.

Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ родился въ 1828 году; онъ сынъ небогатаго помѣщика Могилевской губерніи и 12-ти лѣтъ отъ роду былъ опредѣленъ въ «дворянскій полкъ», откуда, по окончаніи курса наукъ съ отличіемъ, произведенъ въ прапорщики лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, а затѣмъ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Въ 1851 году Черняевъ былъ причисленъ къ штабу главнокомандующаго гвардейскими и гренадерскими корпусами, а въ Крымскую кампанію мы встрѣчаемъ его въ дѣйствующей арміи, то въ Турціи, то въ Севастополѣ, то на Кавказѣ. Онъ участвовалъ въ движеніи полковника Карамзина, когда отрядъ послѣдняго наткнулся на главныя турецкія силы при Карагалахъ, и получилъ нѣсколько весьма тяжелыхъ ранъ. Оправясь, Черняевъ участвовалъ при оборонѣ Севастополя во многихъ вылазкахъ и находился при стбитіи штурма. По заключеніи мира, Черняевъ, состоя нѣкоторое время при отдѣльномъ оренбургскомъ корпусѣ, участвовалъ въ экспедиціи капитана 1 ранга Бутакова на судахъ Аральской флотиліи въ устья Аму-Дарьи, къ хивинскому городу Кунграду. Въ 1859 году онъ былъ переведенъ на Кавказъ, гдѣ и находился до 1862 года, принимая участіе въ славныхъ бояхъ лѣваго крыла кавказской арміи, при Ведени, Гашар-Дюкѣ, штурмѣ Бена и въ движеніи войскъ въ Аргунскій округъ.

Когда въ 1864 году было рѣшено занятіе пограничныхъ съ Россіей кобанскихъ владѣній между сыр-дарьинской линіею и Алатавскимъ округомъ, полковникъ Черняевъ былъ назначенъ начальникомъ алатавскаго отряда; ему было предписано взять Аулие-Ата и затѣмъ двинуться въ Туркестану, на соединеніе съ оренбургскимъ отрядомъ полковника Веревкина. Порученіе,

возложенное на Черняева, было имъ блистательно исполнено. 6 іюня палъ Аулие-Ата, первый укрѣпленный городъ, а затѣмъ послѣдовало движеніе къ Чемкенту; переходъ почти въ 300 верстъ по безводной степи, при 40° жарѣ, совершенъ имъ быстро и вполне удачно. Имѣя подъ начальствомъ всего около 1,700 человекъ и дивизионъ конно-артиллерійской батареи, Черняевъ вступилъ въ бой съ 18,000 коканцевъ, преграждавшихъ ему дорогу къ Чемкенту, разбилъ наголову эти скопища, лишившіяся при этомъ до 3,000 человекъ, произвелъ подробную рекогносцировку Чемкента и возвратился назадъ до Арьеса. Не дождавшись разрѣшенія на представленіе о необходимости занятія Чемкента и имѣя въ своемъ распоряженіи всего 10½ ротъ пѣхоты, 8 батарейныхъ орудій, 4 легкія конныя орудія, 3 ракетныхъ станка, 5 мортиръ, 2½ сотни казаковъ и 1,000 человекъ милиціонеровъ изъ вновь принявшихъ русское подданство киргизовъ, Черняевъ подступилъ къ Чемкенту и овладѣлъ имъ 21 сентября, несмотря на то, что гарнизонъ состоялъ изъ 10,000 коканскихъ войскъ, что цитадель, построенная на неприступной возвышенности, была вооружена сильною артиллеріею и снабжена огромнымъ запасомъ разрывныхъ и прочихъ снарядовъ. Паденіемъ Чемкента былъ нанесенъ первый жестокой ударъ среднеазиатскимъ ханствамъ, и въ короткое время, при ничтожныхъ средствахъ приобрѣтенъ для Россіи обширный край съ полтора-милліоннымъ населеніемъ.

Весною слѣдующаго года, Черняевъ, произведенный въ генералы и назначенный главнымъ начальникомъ туркестанскихъ войскъ, предпринялъ движеніе къ Ташкенту, цитадель котораго была взята штурмомъ въ ночь съ 14 на 15 іюня 1865 года. Трофеями были 16 знаменъ, 63 орудія, много ружей, 2,000 пудовъ пороха и до 10.000 разныхъ

снарядовъ. Потери русскихъ были весьма незначительны: 25 убитыхъ, 89 раненыхъ и 28 контуженныхъ. Признавая необходимость занятія зачирчикской мѣстности, какъ житницы Ташкента, доставляющей этому городу всё съѣстные припасы, Черняевъ присоединилъ и этотъ край къ русскимъ владѣніямъ. Этимъ закончилась боевая дѣятельность генерала Черняева въ Средней Азій; въ мартѣ мѣсяцѣ 1866 г. онъ оставилъ Туркестанскую область, а 16 мая 1867 г. былъ вовсе уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ. Однако въ томъ же 1867 г. Черняевъ вновь поступилъ въ генеральный штабъ, состоя въ которомъ до 20 июня 1875 г. вышелъ вторично въ отставку.

Дѣйствія генерала Черняева въ Туркестанскомъ краѣ, отличавшіяся рѣшительностію и смѣлостію, притомъ постоянно сопровождавшіяся удачами, составили ему репутацію искуснаго военачальника, а потому нисколько неудивительно, что пріѣздъ его въ Сербію и выраженная имъ готовность вступить въ сербскую службу были привѣтствованы какъ княземъ Миланомъ, такъ и Сербскимъ народомъ весьма сочувственно, даже восторженно, и что онъ тотчасъ же получилъ начальство надъ южно-моравскою арміею, первыя наступательныя движенія которой ознаменовались несомнѣнными успѣхами.

Не вдаваясь въ обсужденіе побужденій, вызвавшихъ генерала Черняева обнажить свой мечъ за славянское дѣло, мы охотно вѣримъ, что онъ былъ искренни, что не желаніе прославиться и освободиться отъ гнета бездѣйствія, столь тягостнаго для его пылкаго темперамента, руководили имъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не сознать, что дѣятельность его въ Сербіи принесла свою немалую долю пользы и запишется въ исторію; многіе признавали его даже «человѣкомъ судьбы»,

присутствіе, личная храбрость и воодушевленіе котораго были необходимы для того, чтобы выдвинуть на очередь вопросъ о полной автономіи балканскихъ Славянъ и чтобы, возбудивъ къ нимъ участіе русскихъ братьевъ, усилить оказываемую ими матеріальную помощь. Если это дѣйствительно такъ, то Черняевъ исполнилъ свое призваніе: по его слову усугублялись щедрыя приношенія, стекались сотни русскихъ добровольцевъ въ ряды сербской рати...

Невѣроятныя звѣрства Турокъ въ Болгаріи и другихъ провинціяхъ доводили между тѣмъ христіанское населеніе Балканскаго полуострова до крайняго отчаянія, вслѣдствіе чего борьба Славянъ за освобожденіе принимала все болѣе и болѣе опредѣленный характеръ вопроса о жизни или смерти. Какъ бы игнорируя такое положеніе дѣлъ, министры высокой Порты продолжали обсуждать проекты реформъ, долженствовавшихъ поступить на утвержденіе султана. Если турецкое правительство имѣло къ виду устранить тѣмъ возникавшія со всѣхъ сторонъ затрудненія, то оно очевидно ошибалось въ своихъ расчетахъ: никакія реформы въ турецкомъ вкусѣ уже невластны были поправить дѣла, также какъ и старанія установить дружеское сближеніе съ Ватиканомъ для того, чтобы склонить католическихъ своихъ подданныхъ къ противодѣйствію славянскому движенію. Къ тому же состояніе здоровья султана Мурада V порождено весьма серьезныя опасенія: смерть дяди и убійство Гуссейна-Авни и Рашида-пашей произвели на него до того сильное впечатлѣніе, что онъ сдѣлался рѣшительно неспособнымъ къ управленію дѣлами, а обнаружившіеся у него признаки размягченія мозга вызывали опасенія за самую жизнь злополучнаго падишаха.

Напрягая всё свои силы для борьбы съ Славянами, Турція не пренебрегала никакими средствами: производилась уси-

ленная вербовка волонтеров, фанатизируемых улемами; разрешались грабежи и избіеніе христіанъ, наконецъ изыскивались всевозможные способы собрать хоть сколько нибудь денегъ, для чего выпускъ ассигнацій на три милліона турецкихъ ливровъ съ принудительнымъ курсомъ получилъ утверженіе. Но все это внушало лишь очень слабую надежду на поправленіе тяжелыхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась Порта, тѣмъ болѣе что внѣшнія событія слагались самыми неблагоприятными для нея образомъ: непрекращавшееся возстаніе въ разоряемой и угнетаемой Болгаріи, волненія, возникшія между критянами, и требованія, предъявленныя въ такое смутное время Румыніей, представлялись явленіями, долженствовавшими косвенно способствовать успѣху славянскаго дѣла. Нотой румынскаго правительства, переданной Портѣ 12 іюля, требовалось дарованіе почти полной автономіи княжеству, именно признаніе за нимъ права заключать договоры съ иностранными государствами, отбѣна дани, подчиненіе Румыновъ въ Турціи юрисдикціи ихъ собственнаго консула и удовлетвореніе коммерческихъ интересовъ Румыніи уступкою ей устьевъ Сулины. Въ отвѣтъ на румынскую ноту, Порта отвергла всѣ наиболѣе важныя требованія, признавая для себя невозможнымъ входить въ обсужденіе вопросовъ о территоріальныхъ уступкахъ, а равно и подчиненіи живущихъ въ Турціи Румыновъ самостоятельной юрисдикціи.

Только вполне опредѣлившіяся и выяснившіяся отношенія къ Портѣ Египта и Туниса служили первой нѣкоторымъ возмездіемъ за всѣ неудачи. Хотя союзъ этихъ вассальныхъ и подчиненныхъ Портѣ государствъ долженъ бы былъ подражаться самъ собою, но при слабости Турціи, онъ представлялся вначалѣ крайне сомнительнымъ; однако какъ Ту-

нисъ, такъ и Египетъ изъявили готовность поддерживать Турцію, первый деньгами, второй войсками.

Какъ велика можетъ быть эта помощь, покажетъ время; во всякомъ случаѣ она не достигнетъ значительныхъ размѣровъ: можно лишь отмѣтить, что часть египетскихъ войскъ, присланныхъ хедивомъ, высадилась во второй половинѣ іюля въ Константинополь, а другая въ Салоникахъ и, тотчасъ же будучи направлена по желѣзной дорогѣ въ Митровицу, по всей вѣроятности вошла въ составъ турецкихъ войскъ, расположенныхъ у Новаго Базара. Содержаніе египетскихъ войскъ во все время войны хедивъ обязался принять на свой счетъ. Бей Туниса прислалъ лишь незначительную сумму денегъ; о присылкѣ имъ войскъ нечего было и думать,—такъ какъ численность его арміи едва достигаетъ 10,000 человекъ. Къ тому же отношенія его къ Турціи почти независимыя, такъ что даже присылку имъ денегъ слѣдовало признавать великою съ его стороны любезностію.

Около мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ Сербія объявила войну Турціи. Удача первыхъ наступательныхъ дѣйствій не принесла Сербіи никакихъ плодовъ, доказавъ лишь несостоятельность надеждъ, возлагавшихся ею на поддержку со стороны возставшихъ турецкихъ Славянъ. Неблагоприятныя условія борьбы не замедлили обнаружиться: силы Сербовъ оказались недостаточными и самая мѣстность, на которой происходили военныя операціи, не благоприятствовала имъ; велась малая война, не имѣвшая серьезнаго стратегическаго значенія. Къ тому же трудно было давать общее направленіе разрозненнымъ силамъ Сербовъ, такъ какъ непріятель, занимая небольшія крѣпости вдоль границы, былъ постоянно готовъ производить летучіе набѣги въ сербскую землю, при поддержкѣ многочисленныхъ шаекъ баши-бузуковъ, весь-

ма опасных для мирных жителей. Предстояла настоятельная необходимость обезопаситься со всех сторон и уже из остатка войск образовать самостоятельную действующую армию. Поэтому было призвано к оружию все или почти все, что только могло встать в ряды народного войска.

Таким образом, как при открытии военных действий, так и через месяц после того, несмотря на усиление турецких войск подкреплениями, силы враждующих сторон, взятая в совокупности на всех театрах, в численном отношении почти равнялись друг другу. Разница состояла единственно в том, что турецкая армия не переставала быть регулярной, а сербская, будучи милиционной, при постепенном увеличении неминуемо должна была слабеть и утрачивать боевые свои качества.

Военные действия на тимокской линии преимущественно сосредоточивались около Зайчара, на пространстве, ограниченном с севера с. Вражогрнац (ниже Зайчара по рѣкѣ 7 вер.), а на югѣ в с. Вратарница (выше Зайчара 10 вер.). У селений этих горы обоих берегов Тимока подходят къ самому руслу рѣки, превращая долину въ ущелье. Горы правого, восточнаго берега почти повсюду выше горъ лѣваго; лѣсъ по нимъ растетъ небольшими участками, преимущественно у Вратарницы. Селеніе Великій Изворъ, служившее Туркамъ нѣсколько разъ опорнымъ пунктомъ при предпріятіяхъ противъ Зайчара, расположено на востокъ отъ этого города верстахъ въ пяти и въ четырехъ верстахъ къ сѣверу отъ прямой дороги изъ Зайчара въ вѣду Адліе. Хотя ширина Тимока не превышаетъ ста шаговъ и переходить черезъ эту рѣку всюду можно въ бродъ, но у Зайчара по дорогѣ въ Адліе былъ мостъ; Сербы признали нужнымъ его

сжечь, при первомъ наступленіи Турокъ. Занятая Турками у Великаго Извора первоначальная позиція простиралась на сѣверъ отъ этого селенія, а расположеніе Сербовъ опиралось правымъ флангомъ на Зайчаръ и тянулось верстъ на семь къ сѣверу отъ него.

До 18 іюля н. с. около Зайчара происходили почти ежедневныя стычки между Сербами и Турками, не имѣвшія никакихъ существенныхъ результатовъ. Въ этотъ же день бой возгорѣлся въ болѣе обширныхъ размѣрахъ; наканунѣ къ Лѣшанину прибыло подкрѣпленіе, второй призывъ бѣградской бригады, и онъ рѣшился произвести наступленіе противъ занятой Турками позиціи, съ трехъ сторонъ. Подъ начальствомъ полковника Кирѣева двинулась колонна отъ Костоля на высоты праваго фланга Турокъ, нѣсколько сѣвернѣе Великаго Извора; въ центрѣ отъ Зайчара на Вршкачука направились главные силы подъ начальствомъ самого Лѣшанина, и наконецъ со стороны Вратарницы должны были наступать противъ лѣваго фланга Турокъ 11 баталіоновъ южной арміи подъ командою подполковника Буджевича. Въ двухъ первыхъ колоннахъ было въ совокупности около 10,000 чел. Численность третьей приблизительно доходила до 6—7,000 чел., но вѣроятно вслѣдствіе плохо рассчитаннаго движенія, она совершенно не участвовала въ битвѣ. Силы Османа-паши простирались приблизительно до 20,000 чел., сосредоточиваясь у Великаго Извора и при Адліе. Наступательныя дѣйствія Сербовъ начались рано утромъ: колонна Кирѣева первая завязала бой у Раковица, атакою турецкихъ укрѣпленій. Геройская смерть ея начальника, который, пораженный тремя пулями, не оставлялъ поля битвы и палъ только послѣ четвертой, смертельной раны, произвела смятеніе въ рядахъ колонны, обратившейся въ бѣгство. Средняя колонна, при ко-

торой, какъ увѣряли, находился самъ генералъ Черняевъ, дѣйствовала вначалѣ довольно успѣшно, но прибывшее изъ Адліе, находящагося на 13 верстѣ въ тылу турецкой позиціи, 6,000-ое подкрѣпленіе заставило Сербовъ отступить. Потери были съ обѣихъ сторонъ очень значительны, чѣмъ и объяснялось, что Турки не преслѣдовали отступавшаго врага. Битва эта нисколько не измѣнила взаимнаго положенія сторонъ; онѣ остались попрежнему на позиціяхъ по Тимоку, которыя по возможности усиливались ими полевыми укрѣпленіями. Не имѣвшія рѣшительныхъ результатовъ схватки продолжались непрерывно: такъ 22 іюля былъ бой у Ракиницы, а 26 артиллерійскимъ огнемъ и перестрѣлкою остановлено Сербами движеніе турецкаго отряда въ 500 чел. противъ Вражогрнаца.

Событія на Тимокѣ убѣдили начальника южной арміи генерала Черняева въ стратегической важности Зайчара, равно и въ томъ, что еслибъ Туркамъ удалось прорваться въ этомъ пунктѣ, то послѣдствія были бы крайне прискорбны. Мысль о дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ южной арміи была окончательно оставлена; собрался совѣтъ сербскаго главнаго штаба подъ предсѣдательствомъ князя Милана, гдѣ присутствовали также генералъ Черняевъ и начальникъ его штаба полковникъ Беккеръ, нарочно для того пріѣхавшіе, и рѣшилъ покинуть Ак-Паланку и Бабину-Главу, а слѣдовательно и всѣ занятыя въ этой мѣстности позиціи. Лишь только рѣшеніе это было приведено въ исполненіе, какъ Турки сожгли вокругъ Пирота и Ак-Паланки 37 христіанскихъ деревень и перерѣзали всѣхъ ихъ жителей, кромѣ молодыхъ, красивыхъ дѣвушекъ, которыхъ продали въ рабство; наполнивъ церкви соломой, они подожгли ее, и храмы Божіи обратились въ груды пепла. 20 іюля Турки ата-

ковали Сербовъ на границѣ, между Нишемъ и Княжевацемъ у Громады и между Ак-Паланкой и Княжевацемъ у Пондирало, съ цѣлю обойти позицію у Бабиной-Главы и движеніемъ на Княжевацъ отрѣзать защищающія ее войска; но полковнику Узуну Мирковичу удалось послѣ сильнаго боя отразить это нападеніе. Вслѣдствіе признанной безцѣльности дальнѣйшаго занятія Бабиной-Главы, сербскія войска, защищавшія эту позицію, оставили ее и отошли къ Алексинацу; бригады же Джорджевича и Іовановича остались на прежнихъ мѣстахъ: первая на Топольницѣ, вторая на Болгарской Моравѣ близъ с. Мраморъ.

Столкновенія, происходившія на юго-западной границѣ, впереди Новаго Базара, Сѣнницы и Новаго Вароша, тоже были крайне неопредѣленны. Между Новымъ Варошемъ и границей у Радольни, 4,000 отрядъ архимандрита Дучича имѣлъ 19 и 21 іюля успѣшныя дѣла съ такимъ же числомъ турецкихъ редифовъ. Генералъ Захъ сражался съ Турками у Явора и Васильевичъ, при чемъ Турки приписывали побѣду себѣ. Гораздо большее значеніе имѣло дѣло подполковника Чолокантича у Дужей-Поляны на дорогѣ между Сѣнницей и Новымъ Варошемъ, происходившее 21 іюля и кончившееся пораженіемъ Дервиша-паши. Дѣйствія въ этомъ районѣ очевидно доказывали, что ни та, ни другая сторона не придавали имъ большой важности: если пути на Новый Базаръ, Митровицу и Сѣнницу представляли Сербамъ кое-какія нелишнія значенія выгоды, то вторженіе Турокъ въ сербскіе предѣлы изъ этой мѣстности, очевидно, было для нихъ наименѣе удобно.

Бѣлина и Зворникъ были попрежнему театромъ дѣйствій дринскаго корпуса. 20 іюля на позиціи ген. Алимпича полкъ Бѣлиной напали 10 баталіоновъ низама, редифа и отрядъ

баши-бузуковъ, пытаясь отбросить Сербовъ за Дрину; энергически отразивъ атаку, Сербы принудили Турокъ возвратиться въ Бѣлину. 21 нападеніе Турокъ на укрѣпленіе Малаго Зворника было тоже отбито, а 22 происходилъ горячій бой на сѣверо-западѣ Босніи въ Грмецкихъ горахъ, между усташами и Турками, предводимыми Весиль-Беемъ, причеиъ обѣ стороны приписывали побѣду себѣ.

Черногорскій авангардъ подъ начальствомъ Станко-Радонича занималъ 17 іюля Бичинскій лѣсъ, находящійся примѣрно на половинѣ дороги между Невесиньемъ и Мостаромъ; князь же Николай распустилъ слухъ, что онъ задержанъ при Невесинѣ тревожными будто бы извѣстіями о намѣреніи Турокъ вторгнуться въ черногорскіе предѣлы со стороны Подгорицы. Это дало Мухтару-пашѣ возможность собрать значительныя силы и начать наступленіе: 23 іюля онъ обрушился на черногорскій авангардъ, состоявшій изъ 4 баталіоновъ и нѣсколькихъ сотенъ герцеговинцевъ; храбрыя горцы держались довольно долго, но уступая численному превосходству, вынуждены были отступить къ Корито и Крстану. Пройдя около 80 верстъ, Черногорцы остановились въ Врбицѣ, близъ Билеча, и заняли выгодную мѣстность, рѣшась поджидать Мухтара-пашу.

Дѣйствія Черногорцевъ были вѣрно рассчитаны и князь Николай показалъ себя достойнымъ сыномъ знаменитаго Мирко Петровича, прозваннаго «мечемъ Черногоріи». Планъ князя состоялъ въ томъ, чтобы вызвать Мухтара-пашу на рѣшительный бой, вблизи границъ Черногоріи и преимущественно въ разоренной Герцеговинѣ, гдѣ при знаніи мѣстности, всякій успѣхъ Черногорцевъ могъ имѣть болѣе рѣшительныя послѣдствія, такъ какъ съ закрытіемъ Клека, положеніе разбитой турецкой арміи, лишенной возможности получать под-

крѣпленія, сдѣлалось бы отчаяннымъ. Угрожая Мостару, князь Николай обратилъ его на себя и подставилъ ему слабый авангардъ, съ умысломъ не поддержанный; онъ заманилъ его въ мѣстность, представлявшую Черногорцамъ наиболѣе шансовъ на успѣхъ. Упоенный легкою побѣдою при Бичинскомъ лѣсѣ и рассчитывая добить Черногорцевъ при преслѣдованіи, Мухтаръ энергично шелъ по ихъ пятамъ, не замѣчая, что добровольно попадаетъ въ ловушку; мысль отрѣзать Черногорцамъ отступленіе до того увлекла Мухтара-пашу, что занятіе Врбицы неприятелемъ не возбудило въ немъ опасенія быть самому отрѣзанному отъ Мостара.

28 іюля Мухтар-паша, убѣжденный въ легкой побѣдѣ и рассчитывая на полное уничтоженіе Черногорцевъ, двинулъ въ Вучій-Долъ авангардъ Селима-паши, за которымъ слѣдовала и вся армія, состоявшая изъ 21 баталіона; имѣлось въ виду отрѣзать Черногорцевъ отъ Баньянъ. Того только и желалъ князь Николай: выдавшіяся впередъ бригады Селима и Османа-пашей были немедленно окружены и послѣ получасоваго боя уничтожены и разбѣяны; дрались въ рукопашную; пощады не оказывалось никому. Осман-паша и баталіонъ въ 300 чел. сдались въ плѣнъ, а Селиму-пашѣ одинъ Черногорецъ отрубилъ ханджаромъ голову. Баталіоны Мухтара-паши, подойдя къ мѣсту битвы и видя поражение авангарда, смѣшались: въ ихъ рядахъ произошелъ такой хаосъ, который и описать трудно: сбитые, смятые дружнымъ, стремительнымъ натискомъ Черногорцевъ, нещадно разившихъ своихъ заклатыхъ враговъ, они сопротивлялись недолго и въ беспорядочномъ бѣгствѣ бросились частью въ Требинье, частью къ Билечу; къ Гацко же путь отступленія былъ отрѣзанъ. Въ официальномъ донесеніи о своемъ пораженіи Мухтар-паша горворилъ, что послѣ сраженія при Вучьемъ Долѣ, бригада Се-

лима и Османа-пашей «буквально исчезли». Потери Турокъ были громадны: 2 баталіона пѣхоты и 1 баталіонъ стрѣлковъ были совершенно уничтожены, изъ нихъ ни одинъ человекъ не спасся; всѣ остальные баталіоны болѣе или менѣе пострадали, и хотя Турки опредѣляютъ свой уронъ только въ 1,300 чел., но несомнѣнно, что число убитыхъ, раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ колеблется между 5—6 тысячами чел. Преслѣдованіе продолжалось до самыхъ стѣнъ Билеча, передъ цитаделью котораго виднѣлись груды мертвыхъ тѣлъ. Вообще въ этомъ дѣлѣ Турокъ убито до 2,500 чел., въ томъ числѣ одинъ паша, два полковника, три подполковника, шесть маіоровъ и шестьдесятъ младшихъ офицеровъ; сколько было раненыхъ, опредѣлить невозможно. Добыча Черногорцевъ состояла изъ 5 пушекъ съ боевыми припасами, множества ружей, всего обоза и 400 лошадей; въ плѣнъ взяты: Осман-паша, одинъ офицеръ и 300 рядовыхъ. Изъ 21 баталіоновъ, составлявшихъ армію Мухтара-паши, уцѣлѣло только 9 укрывшихся въ Требиньѣ и Билечѣ; офицеровъ же почти не было. Были слухи, что Мухтаръ легко раненъ и бѣжалъ въ Требинье, гдѣ ожидалъ прибытія подкрѣпленій.

Такимъ образомъ обвиненія въ боевой неспособности князя Николая оказались вполне несостоятельными. Главнѣйшій, дѣлавшійся ему упрекъ состоялъ въ томъ, что онъ какъ бы уклонялся отъ общаго дѣла, направляясь на Мостаръ, а не на Сѣнницу, для соединенія съ сербскими войсками; но при этомъ упускалось изъ вида, что въ такомъ случаѣ онъ открылъ бы свои сѣверныя границы не только турецкимъ гарнизонамъ, занимавшимъ крѣпости въ Герцеговинѣ, но и арміи Мухтара-паши, обладавшей несомнѣнными боевыми качествами. Черногорцамъ необходимо было прежде всего разстроить эту армію, а затѣмъ уже дѣйствовать сообразно съ обстоятель-

ствами. Побѣда при Вучьемъ Долѣ неопровержимо доказала вѣрность расчетовъ князя Николая, блистательно вознаградивъ за добровольную неудачу въ Бичинскомъ дѣсу.

Нерѣшительность военныхъ операций на сербской границѣ отражалась на ходѣ дипломатическихъ дѣйствій европейскихъ державъ, принявшихъ выжидательное положеніе и условившихся приступить къ вмѣшательству только тогда, когда которая нибудь изъ воюющихъ сторонъ будетъ поставлена въ невозможность продолжать борьбу. Только Австро-Венгрія и Англія составляли исключеніе: первая тревожно слѣдила за борьбой, видя въ каждомъ успѣхѣ сербскаго оружія вѣрный признакъ наступленія минуты, когда возгорится общая европейская война, столь для нея нежелательная. Австрійское правительство находилось притомъ между двухъ огней: съ одной стороны ненависть къ Сербамъ и Мадыаръ, съ другой — горячее къ нимъ сочувствіе его славянскихъ подданныхъ; сдерживать стремленія какъ тѣхъ, такъ и другихъ, составляло весьма не легкую задачу. Англійскій народъ подъ впечатлѣніемъ извѣстій о чудовищныхъ звѣрствахъ, производившихся Турками въ злополучной Болгаріи, открыто осуждалъ политику торійскаго кабинета Дизраэли-Дерби. Собирались шумные митинги, проносились пламенные рѣчи, осуждали и порицали главу кабинета и его ближайшаго пособника сэра Генри Эллиота, признавая ихъ главными виновниками турецкихъ злодѣйствъ, такъ какъ первый посылкою флота въ Безикскую гавань оказалъ Турціи нравственную поддержку со стороны Англіи, а второй, умышленно отрицая справедливость сообщеній корреспондентовъ газеты «Daily News» о рѣзнѣ въ Болгаріи, явно вводилъ въ заблужденіе общественное мнѣніе Англіи. Хотя многіе видѣли въ волненіи, обна-

ружившемся въ средѣ англійскаго общества, «пробужденіе совѣсти націи», но къ сожалѣнію нельзя не сознать, что оно нисколько не измѣнило бездушной политики министерства; единственною уступкою можно было считать развѣ только предписаніе, данное сэру Эллиоту, послать въ Болгарію особую коммисію для повѣрки корреспондентовъ. Въ депешѣ лорда Дерби указывалось даже изъ числа чиновъ англійскаго посольства лицо, которому было желательно поручить предположенную повѣрку; но сэръ Эллиотъ ухитрился и на этотъ разъ распорядиться по своему: вмѣсто личности, указанной лордомъ Дерби, онъ послалъ въ Болгарію консула Беринга и преданнаго ему драгомана посольства, армянина по происхожденію, усерднаго сторонника Турокъ.

Повѣрка, произведенная Берингомъ, при всемъ его желаніи угодить своему ближайшему начальнику, вполне подтвердила справедливость сообщеній корреспондентовъ газетъ; она обнаружила также лживость завѣреній Дизраэли, что болгарская рѣзня была ничто иное, какъ неизбежное и весьма обыкновенное, хотя конечно прискорбное, явленіе, постоянно замѣчающееся во время междоусобныхъ войнъ. Такое беззастѣнчивое извращеніе истины было возмутительно тѣмъ болѣе, что повѣркой этой удостовѣрилось, что малолѣтнія дѣти сжигались живыми, что у женщинъ разрѣзывали животы, что стариковъ сажали на колъ!.. Далѣе свидѣтельствовалось, что тюрьмы были переполнены, что заключенные, стоя днемъ и ночью безъ сна, безъ ѣды и питья, валялись другъ на друга отъ изнуренія и умирали; что тѣла сваливались въ одну яму, куда бросались также полуживые отъ истощенія силы, — что яма засыпалась потомъ гашенною известью и тѣмъ кончалось дѣло. Въ донесеніи упоминалось еще, что школы были обращены въ казармы, что учителя, большею частію воспи-

танники русскихъ университетовъ и духовныхъ академій, приговаривались къ повѣшенію и что въ двухъ округахъ, Софійскомъ и Филиппольскомъ, до 50,000 женщинъ и дѣтей пали жертвами гнусныхъ убійцъ, которымъ безнаказанность была гарантирована безсердечіемъ англійскаго правительства, а громадныя его вооруженія явно свидѣтельствовали, что оно готовится стать съ оружіемъ въ рукахъ на защиту правъ Турціи безщадно угнетать и истреблять своихъ христіанскихъ подданныхъ...

Положеніе Турціи становилось съ каждымъ днемъ печальнѣе, а анархія въ правительственныхъ сферахъ видимо усиливалась... Болѣзнь султана Мурада V принимала также тревожный характеръ: знаменитый вѣнскій психіатръ Лейдесдорфъ, приглашенный на консультацію, положительно объявилъ, что полное исцѣленіе султана болѣе чѣмъ сомнительно и что во всякомъ случаѣ не представлялось надежды, чтобы оно могло послѣдовать въ скоромъ времени. Въ виду такого приговора, отреченіе отъ престола Мурада въ пользу брата его Абдул-Гамида становилось неизбежнымъ и ожидалось со дня на день; между тѣмъ, отказываясь заниматься дѣлами и не допуская къ себѣ министровъ, султанъ вынуждалъ ихъ дѣйствовать самостоятельно: поэтому о солидарности кабинета, не могло быть и рѣчи. Вліяніе на дѣла великаго визиря парализировалось борьбою его съ президентомъ государственнаго совѣта Мидхадомъ пашею, дѣлавшею правительство совершенно безсильнымъ. Безденежье въ Турціи было полное, кредита во все не было, и воззваніе къ пожертвованіямъ нисколько не поправило финансовъ Порты; выпускъ же бумажныхъ денегъ (каимъ) на 3 милліона ливровъ съ принудительнымъ курсомъ несомнѣнно предвѣщалъ самыя гибельныя послѣдствія. Въ турецкой арміи замѣчалось тоже совершенное отсутствіе со-

лидарности и единодушія; между начальниками отдѣльных частей господствовали полнѣйшій разладъ и безконечные раздоры: каждый изъ нихъ дѣйствовалъ по своему усмотрѣнью, не заботясь о пользѣ общаго дѣла, а отсутствіемъ всякой дисциплины объяснялись совершавшіяся турецкими регулярными и иррегулярными войсками жестокости. «Не щадите гяуровъ», проповѣдывали фанатики улемы, и правобѣрные мусульмане слѣпо повиновались ихъ внушеніямъ...

Вербовка волонтеровъ усердно продолжалась, и по улицамъ Константинополя ежедневно проходили скопища оборванцевъ, прозванныхъ «генниомо». Передъ ними всегда несло зеленое знамя пророка, провожаемое имамами, распѣвавшими духовные гимны, нерѣдко заглушавшіяся пронзительнымъ визгомъ дудокъ и барабаннымъ боемъ. Дисциплины у генниомо не существовало; проходя по улицамъ, они наносили удары прохожимъ, сшибали ѣздоковъ и зачастую убивали тѣхъ, кто не исполнялъ ихъ требованій. Высказывавшееся турецкимъ правительствомъ намѣреніе обуздать своеволие волонтеровъ было неискренно, такъ какъ оно не только не ограничивалось, но явно поощрялось; награждались даже орденами и чинами наиболее отличившіеся въ Болгаріи своимъ зѣрствомъ поджигатели и убійцы...

Нелишнимъ значенія фактомъ былъ также слѣдующій: войска, прибывавшія изъ Малой Азіи, оборванцы, скорѣе походя на разбойниковъ, чѣмъ на солдатъ, не впускались въ столицу, а тотчасъ же отправлялись въ Софію или Филиппополь, съ разрѣшеніемъ грабить *ad libitum*, но съ условіемъ не трогать своихъ. Это распоряженіе могло объясниться лишь нежеланіемъ Порты выказать передъ представителями европейскихъ державъ свою несостоятельность одѣть и обуть прибывавшія къ ней подкрѣпленія, хотя конечно никто въ

этомъ не сомнѣвался; всѣ хорошо знали, что если Турція еще могла до тѣхъ поръ изворачиваться и кое-какъ удовлетворять громаднымъ военнымъ расходамъ, то единственно благодаря английскимъ фунтамъ стерлинговъ, которыми давно уже содержался весь турецкій флотъ. Не безынтересно было бы знать, какими существенными выгодами предположило вознаграждать себя английское правительство за постоянно оказывавшуюся имъ поддержку Турціи? Вѣдь по точному исчисленію, крымская война стоила Англій болѣе 2¹/₂ миллиардовъ франковъ,—а что будетъ ей стоить удержать Турцію отъ конечной гибели—даже приблизительно опредѣлить невозможно...

Выраженнымъ въ прокламаціи князя Милана Сербскаго надеждамъ на помощь Греціи и Румыніи не суждено было осуществиться. Румынское правительство не изъявляло никакого желанія принять участіе въ борьбѣ Славянъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не выяснится вполне, на чьей сторонѣ перевѣсъ; дѣйствія же потомковъ Фемистокла и Бозцариса ограничивались лишь протестомъ противъ поселенія черкесовъ на ихъ границахъ съ Фессаліей и Эпиромъ. Хотя Румынія мобилизовала нѣкоторыя части своихъ войскъ и придвинула ихъ къ турецкимъ границамъ, но этимъ и кончилось дѣло... Стало очевиднымъ, что Сербы были представлены своимъ собственнымъ силамъ и не могли ни откуда ожидать помощи, кромѣ родной Россіи, которая присылала имъ своихъ добровольцевъ, свою сильную денежную лепту, походные лазареты, медиковъ, сестеръ милосердія—словомъ, дѣлала что могла, не обращая вниманія на раздававшіеся по этому поводу громкіе, неодобрительные возгласы Мадьяръ, которые между тѣмъ сами посылали своихъ сыновъ сражаться въ рядахъ Турокъ противъ Славянъ... Правда, это дѣлалось ими не явно, такъ какъ Мадьяры одѣвались въ

турецкіе мундиры,—но все же фактъ ихъ присутствія въ войскахъ Порты не подлежалъ сомнѣнію, бывъ официально констатированъ въ донесеніи генерала Ранко Алимпича. Въ одной изъ битвъ, происходившихъ подъ Бѣлиной, въ числѣ убитыхъ было найдено нѣсколько труповъ чисто мадяро-чухонскаго типа.

Главнокомандующій турецкою арміею (сердар-экремъ) Абду-Керим-паша прибылъ 23 іюля въ Нишъ. Въ ночь на 24 число былъ собранъ подъ его предсѣдательствомъ военный совѣтъ; въ немъ принимали участіе: начальникъ штаба ферикъ Неджиб-паша, начальникъ артиллеріи Азис-паша, командиръ главныхъ силъ дѣйствующей арміи Ахмед-Эюб-паша, Сулейман-паша и другіе начальники отрядовъ. Обсуждались подробности приведенія въ исполненіе принятаго рѣшенія вторгнуться въ Сербію по направленію на Бняжевацъ съ ближайшею цѣлью, овладѣвъ линіею Княжевацъ-Зайчаръ, пробиться въ долину р. Моравы. Численность всей турецкой арміи, предназначавшейся дѣйствовать противъ Сербовъ со стороны Ниша и Виддина, простиралась до 100,000 человекъ при 108 орудіяхъ. Кромѣ того, къ ней постоянно прибывали подкрѣпленія; такъ по желѣзной дорогѣ изъ Салоникъ и Митровицы были доставлены египетскія войска, состоявшія изъ трехъ полковъ пѣхоты, одного полка кавалеріи и двухъ батарей, всего 9,000 чел. и 12 круповскихъ пушекъ.

Восточная и юговосточная сербскія арміи Лѣшанина и Черняева, дѣйствовавшія противъ Абду-Керима-паши, были нѣсколько слабѣ своихъ противниковъ: число ихъ опредѣлялось приблизительно въ 90,000 человекъ при 140 орудіяхъ. Онѣ занимали къ 28 іюля слѣдующія позиціи: у Зайчара находились двѣ дивизіи; между Княжевацомъ и южною границею около двухъ дивизій подъ начальствомъ Хорватовича и Узунъ-

Мирковича и три или четыре дивизіи стояли между Алексинацемъ и Суповацемъ. Вблизи пограничныхъ карауловъ, Громады и Пандирало, тоже были расположены отряды; у послѣдняго до 8 баталіоновъ по 12 орудіяхъ.

Наступленія Турокъ на границы Сербіи начались 28 и 29 іюля н. с. Главныя силы Ахмед-Эюба-паши, имѣя въ авангардѣ Гафиза-пашу, направлялись отъ Ниша черезъ Громаду, Дербентъ (на Западномъ Тимокѣ) и дер. Поноръ на Княжевацъ; отрядъ Сулеймана-паши слѣдовалъ по дорогамъ отъ Пирота и Ак-Паланки, чрезъ Бабину-Главу, д. Околинште и Поноръ на Княжевацъ. 29 іюля Гафиз-паша атаковала Громаду, но потерпѣлъ неудачу; того же числа Сербы отошли къ Княжевацу, оставивъ на границѣ наблюдательныя отряды: Узун-Мирковича у Княжеваца, а Хорватовича въ долинѣ западнаго Тимока, верстахъ въ восьми южнѣе Княжеваца. 30 іюля Сулейман-паша отгѣснилъ сербскіе посты отъ Пандирало и пройдя дер. Околинште, ночевалъ у дер. Поноръ. 31 числа онъ направился по проселку къ западу отъ Понора, въ обходъ г. Княжеваца, и у дер. Рюште, нѣсколько южнѣе этого города, наткнулся на сербскіе аванпосты. То была бригада Хорватовича, расположившаяся для воспрепятствованія движенію Турокъ по обимъ берегамъ западнаго Тимока; она прикрывала также дорогу изъ Княжеваца въ Банью и преграждала обходъ Княжеваца съ запада прямо на Банью. Фронтъ сербскихъ войскъ выдвигался противъ дер. Рюште, имѣя центръ и лѣвый флангъ на правомъ берегу Тимока, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мостоваго укрѣпленія, а правый флангъ на лѣвомъ берегу; оба фланга были прикрыты небольшими лѣсками, находящимися близъ села Глаговача и г. Княжеваца. Спускаясь съ высотъ и видя передъ собою лишь слабый сербскій центръ, Турки смѣло ринулись

на него, между тѣмъ какъ лѣвый ихъ флангъ началъ переправляться черезъ Тимокъ, съ цѣлью занять главачскій лѣсъ и затѣмъ обойти Княжевацъ. Допустивъ начать переправу и выждавъ, когда значительная часть турецкихъ войскъ уже перешла рѣку, Сербы неожиданно выступили изъ главачскаго лѣса и вся линія ихъ перешла въ наступленіе. Бой длился недолго: Турки были отброшены къ с. Рюште, а 800 челов., уже переправившіеся черезъ рѣку и слѣдовательно отрѣзанные отъ своихъ, были большею частію перебиты или потоплены Сербами; 300 черкесовъ захвачены въ плѣнъ; разбитый Сулейман-паша отступилъ на Поноръ.

Гафиз-паша, получивъ подкрѣпленіе отъ главнаго отряда Ахмед-Эюба-паши, отбѣснилъ 30 іюля сербскіе посты и вступилъ въ княжество черезъ Громаду; затѣмъ пройдя семь верстъ до караула Дербента на р. Тимокъ, расположился тамъ на ночлегъ. 31 іюля Гафизъ бездѣйствовалъ, а Хорватовичъ укрѣплялся на высотахъ Тресибабей планины. Чтобы отвлечь вниманіе Турокъ, сербскій 5,000 отрядъ маіора Прогатова сдѣлалъ диверсію къ с. Мрамору, а большая часть сербской арміи направилась къ Княжевацу, т. е. совершенно въ противоположную сторону.

Колонны Гафиза и Сулеймана-пашей соединились 2 августа, а 3 атаковали Хорватовича на высотахъ Тресибабей планины. Первый натискъ Турокъ былъ блистательно отбитъ, но во время подкрѣпленные Ахмед-Эюбомъ, они принудили Сербовъ отойти къ Княжевацу. На другой день 4 августа началась атака Княжеваца; первая атака Турокъ оказалась неудачною, но затѣмъ перевѣсъ былъ на ихъ сторонѣ: въ этотъ и слѣдующій день (4 и 5 авг.) происходили ожесточенныя схватки, во время которыхъ городъ былъ сожженъ, а къ вечеру 5 числа турецкимъ стрѣлкамъ удалось войти

въ Княжевацъ, чему немало способствовалъ огонь многочисленныхъ батарей, обстрѣливавшихъ городъ. Сербы отступили: Хорватовичъ, направясь къ западу, занялъ Бояловацкое ущелье, на шоссе изъ Княжеваца въ гор. Банью, верстахъ въ семи отъ Княжеваца, а Узун-Мирковичъ на сѣверъ къ Зайчару. Хотя успѣхъ Турокъ былъ несомнѣненъ, но нельзя не остановить вниманія на томъ, что главныя ихъ силы едва въ 6 дней прошли 27 верстъ отъ южной сербской границы до Княжеваца и затѣмъ до 11 августа всѣ ихъ атаки на позицію Хорватовича въ Бояловацкомъ ущельи были безуспѣшны.

Послѣ занятія Княжеваца, Турки стали угрожать флангу и тылу арміи Лѣшанина у Зайчара, а потому онъ вынужденъ былъ 6 августа оставить этотъ городъ безъ боя, не смотря на то, что до того времени всѣ нападенія Османа-паши были удачно отбиваемы. Турки долго не вѣрили, что Зайчаръ уступленъ имъ безъ боя, и только на слѣдующій день (7 августа) заняли его. Какъ и слѣдовало ожидать, они выставили занятіе Зайчара блистательною побѣдою и кичились ею съ свойственнымъ имъ бахвальствомъ.

По прибытіи въ Сѣнницу египетскихъ войскъ, 5, 6 и 7 августа, 16-батальонный отрядъ Дервиша-паши имѣлъ нѣрѣшительныя схватки съ Челокантичемъ, принявшимъ начальство надъ ибарскимъ корпусомъ отъ генерала Заха, который, вслѣдствіе полученной имъ раны, уѣхалъ въ Бѣлградъ. Выславъ въ Боснію отрядъ добровольцевъ, Ранко-Алимпичъ продолжалъ осаждать Бѣлину, сообщеніе которой съ окрестными городами были прерваны; попытки Турокъ перейти къ наступленію со стороны Зворника были безуспѣшны.

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ многихъ компетентныхъ знатоковъ военнаго дѣла, что успѣху Турокъ значительно спо-

собствовало то обстоятельство, что сербскія арміи дѣйствовали каждая совершенно самостоятельно, не подчиняясь распоряженіямъ одного главнокомандующаго. Такъ южная армія генерала Черняева, находившаяся у Алексинаца, долгое время не имѣла никакихъ свѣдѣній о вступленіи Турокъ на сербскую территорию, а потому не приняла участія въ оборонѣ Княжеваца. Всѣ ея дѣйствія ограничивались не вполнѣ удавшеюся попыткою взорвать старинный нишскій мостъ черезъ Мораву у дер. Мраморъ съ цѣлью разъединить турецкія войска и движеніемъ на монастырь св. Архангела и караулъ Дервентъ. И это движеніе оказалось бесполезнымъ, такъ какъ 5 августа получено было отъ Хорватовича извѣстіе, что войска его крайне утомлены и онъ вынужденъ оставить Княжеваць.

Князь Миланъ пріѣхалъ въ Алексинаць 3 августа; собранный 6 числа военный совѣтъ постановилъ назначить генерала Черняева главнокомандующимъ Моравско-Тимокскою арміею. Съ того времени въ дѣйствіяхъ Сербовъ установилось большее единство и хотя нѣсколько устранились прискорбныя несогласія и пререканія, сдѣлавшіяся обычными въ сербскихъ войскахъ.

Еще до занятія Княжеваца и Зайчара Турками, началось переселеніе жителей изъ пограничныхъ восточныхъ округовъ Сербіи, частью во внутрь страны, частью въ Румынію. Уходили изъ Тимокской долины по преимуществу Румыны, эмигрировавшіе въ Сербію послѣ изданія въ 1833 году румынскимъ правительствомъ «органическаго статута», разрѣшавшаго крестьянамъ, до того времени прикрѣпленнымъ къ землѣ, свободно переселяться куда пожелаютъ. Бѣгство жителей вполнѣ оправдывалось способомъ веденія войны Турками, имѣвшимъ какъ бы цѣлю совершенное опустошеніе занятаго ими плодороднаго края; они не только грабили и жгли все

попадавшееся подъ руку, но убивали беззащитныхъ жителей, а надъ трупами дѣлали всевозможныя звѣрства и затѣмъ вѣшали ихъ на деревьяхъ.

Ахмет-Мухтар-паша, запертый въ Требиньѣ, находился между тѣмъ въ весьма трудномъ положеніи; сознавая это, турецкое правительство приказало Джелалѣдину-пашѣ направиться отъ Зворника къ Сараеву и послало подкрѣпленія въ Митровицу и Антивари. Ахмед-Гаид-паша въ Скутари тоже бѣдствовалъ: башни-бузуки разбѣгались, увлекая за собою низамъ. На помощь къ нему прибылъ 10 августа Махмуд-паша съ 11-ю баталіонами редифовъ и иррегулярныхъ войскъ; онъ высадился въ Антивари и тотчасъ же направился къ Подгорицѣ, куда подошли къ этому времени три баталіона изъ Сливны и четыре баталіона сирийскихъ войскъ. Цѣлѣбора такихъ значительныхъ силъ въ Скутари и дѣйствій со стороны Подгорицы, состояла въ томъ, чтобы освободить Мухтара; небольшіе мониторы «Hexberg» и «Zeifi», прибывшіе 8 августа въ Дульцинею и введенные оттуда черезъ р. Боянѣ въ Скутарійское озеро, предназначались для поддержанія сухопутныхъ операций.

Попытка Мухтара-паши пробраться изъ Требиньи въ Мостаръ была неудачна; 21 августа черногорскій баталіонъ Григорія Милецевича прогналъ его, причѣмъ 80 Турокъ убито. 26 августа Черногорцы атаковали передовыя укрѣпленія Требинья: бой длился до ночи и Турки очистили ихъ. Не смотря однако на одержанные успѣхи, князь Николай смелъ необходимымъ оставить Герцеговину и поспѣшить къ Подгорицѣ, угрожаемой Турками; оставивъ у Требинья отряды Бою Беновича, Пейко Навловича и др., подъ главнымъ начальствомъ Петра Вукотича, своего зятя, черногорскій князь съ 8-ю или 10-ю баталіонами направился къ войскамъ, дѣй-

ствовавшими на южной границѣ. 30 августа онъ былъ въ монастырѣ Острогѣ, а 31 въ Даниловградѣ (Главицѣ).

Для уясненія значенія какъ форта Медуна, такъ и упорной его защиты Турками, бѣглый взглядъ на положеніе южной черногорской арміи не бесполезенъ.

Масса почти сплошныхъ, высокихъ горъ, разбросанныхъ на пространствѣ 80 квадратныхъ географическихъ миль, имѣющихъ общій склонъ къ Скутарійскому озеру (Скадарско Блото), разрѣзывается долиною рѣчки Цеты (долина Бѣлопавицы) на двѣ отдѣльныя группы: Черной горы съ городомъ Цетинье и на страну Брды; первая по плодородію своему составляетъ житницу страны, представляя въ то же время самое узкое мѣсто Черногоріи, вполне доступное для вторженія въ нее. Важность занятія долины Цеты всегда сознавалась Турками, которые для облегченія своихъ операций въ этомъ направленіи возвели цѣлый рядъ блокгаузовъ и фортовъ, между которыми особенно важное значеніе имѣетъ Никшичъ, Служъ, Подгорица и другіе. Они хотѣли даже устроить военную дорогу изъ Скутари въ Подгорицу, Служъ, черезъ Черногорію въ Никшичъ, Гацко и Мостаръ, обезпеченную рядомъ блокгаузовъ, — но не привели почему-то своего намѣренія въ исполненіе.

Военная дорога изъ Подгорицы въ Скутари длиною въ 45 верстъ, проложенная по подошвѣ горъ, находится очевидно во власти того, кто владѣетъ горными скатами; поэтому для обезпеченія за собою этой дороги, Турки построили въ числѣ другихъ укрѣпленій фортъ Медунъ, на командующихъ возвышенностяхъ. Владѣя этимъ фортомъ, Черногорцы, при содѣйствіи храбраго племени кучей, постоянно могли бы угрожать сообщенію Турокъ между Подгорицею и Скутари: не допустить ихъ завладѣть Медунскими высотами представлялось настоятельною необходимою.

Главнокомандующій Махмуд-паша съ 20,000 низама и редифовъ вышелъ 26 августа изъ Подгорицы, направляясь на высоты между Медуномъ и рѣчкою Цѣвнью, которая протекая въ восьми верстахъ южнѣе Медуна, впадаетъ въ Скутарійское озеро. Божидаръ Петровичъ Нѣгошъ, предводившій 5,000 Черногорцевъ, искуснымъ отступленіемъ въ глубь гористой страны завлекъ Турокъ, — а около полудня неожиданно обратился на нихъ, стремительно атаковавъ со всѣхъ сторонъ. На полѣ битвы отъ Медуна къ югу, часа на три ходьбы, Черногорцы перемѣшались съ Турками въ рукопашной схваткѣ; пораженіе Турокъ было ужасное: они потеряли, по словамъ сообщенія изъ Цетинья, до 10,000 человекъ убитыми, 6 знаменъ, большое количество оружія и военныхъ припасовъ. Турки не имѣли съ собою пушекъ, а оставили ихъ за земляными укрѣпленіями близъ Подгорицы, у которой за наступленіемъ ночи прекратилось преслѣдованіе. Потеря Черногорцевъ убитыми и ранеными простиралась до 400 чел. Черногорцы выказали въ этой битвѣ необычайное мужество. Каждый баталіонъ изрубилъ ханджарами болѣе 1,000 враговъ, а мартинекій до 2,000; нѣкоторые молодцы убили по десяти турокъ, а тѣлохранитель князя Милошъ Новакъ изрубилъ 17 человекъ...

Это выходящее изъ ряда обыкновенныхъ сраженіе не воспринятствовало однако Туркамъ возобновить 31 августа наступательное движеніе отъ Подгорицы къ Медуну; но на пути они были атакованы двумя непріятельскими баталіонами, и послѣ упорнаго боя, въ которомъ погибло до 300 чел. изъ 1,100 сражавшихся Черногорцевъ, Турки были отбѣсены къ крутому обрыву, гдѣ большая ихъ часть, числомъ до 3,500 человекъ, погибла. Вскорѣ послѣ этой битвы 10 баталіоновъ Черногорцевъ, лично предводимыхъ княземъ Нико-

лаемъ, соединились съ своими храбрыми братьями южной арміи.

Такимъ образомъ войска Махмуда-паши были если не вовсе уничтожены, то по крайней мѣрѣ приведены въ полное бездѣйствіе; паническій страхъ, распространившійся между ними, былъ до того силенъ, что на другой день послѣ битвы подъ Медуномъ, Черногорцы нашли до 240 Турокъ, забившихся въ скалахъ. Положеніе Турокъ въ Албаніи тоже въ значительной степени ухудшилось, такъ какъ Черногорцы, пользуясь своими успѣхами, прервали сообщеніе Подгорицы съ Скутари, чѣмъ затруднили доставку туда провіанта, и турецкимъ солдатамъ уже выдавалась лишь половина дневныхъ раціоновъ. 26 августа Черногорцы проникли до самой Подгорицы и сожгли тамъ 80 домовъ. Албанское племя миридитовъ, на содѣйствіе котораго Турки рассчитывали, тоже обнаруживало непріязненное имъ движеніе, вслѣдствіе чего князь миридитовъ Пренкъ, сынъ Биб-Додо, былъ задержанъ въ Скутари по распоряженію Дервиша-паши, назначеннаго главнокомандующимъ вмѣсто Махмуда-паши (Фрейнда), вызваннаго въ Константинополь и преданнаго суду за неудачную его битву подъ Медуномъ.

Неожиданныя, страшныя пораженія въ Герцеговинѣ и Албаніи вызвали со стороны Порты напряженіе всѣхъ силъ для поправленія тамъ своихъ дѣлъ. Численность всѣхъ регулярныхъ турецкихъ войскъ на южной черногорской границѣ, за исключеніемъ гарнизоновъ въ Скутари, Антивари и въ другихъ мѣстахъ достигала 23,000 чел. при 54 орудіяхъ; кромѣ того имѣлось 4,000 баши-бузуковъ и 3,000 зебековъ. Готовясь къ нападенію на Черногорію съ юга, Турки готовили также нападеніе на нее съ сѣвера. Дже-

лалэддин-паша съ 6 баталіонами и нѣсколькими орудіями подошелъ 18 августа къ Столацу, а около 26 числа того же мѣсяца онъ вошелъ въ сообщеніе съ отрядомъ Мухтара-паши у Требинья. Хазиш-Фуад-паша съ 20 баталіонами при 26 орудіяхъ прошелъ 30 августа черезъ Новый Базаръ къ Сараеву; туда же выступили четыре баталіона съ зелеными знаменами, имѣя съ собою покровъ отъ гроба Магомета. Командовавшій войсками подъ Сѣнницей Дервиш-паша, для обезпеченія движенія части ихъ черезъ Боснію, атаковалъ Сербовъ 17, 18 и 19 августа, отгѣснилъ ихъ за границу, но не преслѣдовалъ, и пользуясь успѣхомъ, направилъ до 30 баталіоновъ поѣшелонно на Новый Варошъ, Вышеградъ, Сараево и далѣе на Мостаръ, Столацъ и Требинье. Первымъ дошелъ до Требинья 4 сентября Фуад-паша и тотчасъ же направился въ Баньяны на соединеніе съ Мухтаромъ; затѣмъ постепенно стали прибывать остальные эшелоны и образовали Мухтару-пашѣ армію въ 15,000 чел., включая и 6 баталіоновъ, приведенныхъ Джелалэддин-пашею. Подобными же демонстраціями Турокъ, предпринимавшимися ими для замаскированія передвиженій своихъ войскъ по дорогѣ, пролегающей вдоль сербской границы, объясняются нападенія ихъ: 19 августа близъ Кокина-брода на р. Увацѣ, 28 августа на равнинѣ Яворскаго Погледа и ожесточенные бои 2, 3 и 4 сентября близъ караула Явора. Хотя Сербы отбили всѣ нападенія Турокъ, но не могли воспрепятствовать 8,000 отряду Мехмеда-Али двинуться изъ Сѣнницы въ долину Моравы на соединеніе съ нишской арміей Ахмеда-Эюба-паши.

Въ Босніи, въ теченіи августа мѣсяца, возстаніе распространилось преимущественно вдоль границъ Далмаціи; начальникъ боснійскихъ усташей Деспотовичъ, назначенный на этотъ постъ по ихъ просьбѣ княземъ Миланомъ, взялъ 28 числа

Санскій мостъ и остановился у Предора, а другой отрядъ босняковъ занялъ позицію у Баньялуки. Марко Генадья разбилъ 20 августа Везиль-бея у Брезичань.

Хотя послѣ занятія Турками долины рѣки Тимока и городовъ Княжеваца и Зайчара, дальнѣйшее ихъ наступленіе остановилось, но 9 августа Лѣшанинъ имѣлъ упорное сраженіе съ авангардомъ Османа-паши, между д.д. Лубницею и Планиницею, при входѣ въ дефилен, и отбросилъ его; Хорватовича же, укѣпившагося въ ущельяхъ между д.д. Балановацемъ и Топлою, въ 17 верстахъ отъ Княжеваца, и подкрѣпленнаго 4 дивизіями, атаковалъ 10 августа Эюб-паша, но отступилъ, не имѣвъ успѣха. Затѣмъ 19 августа Турки въ числѣ 20,000 напали на сербскую позицію у д.д. Суповаца и Голешницы, гдѣ стоялъ полковникъ Протичъ съ 6 батальонами; бой длился съ 9 до 4^{1/2} часовъ и кончился отступленіемъ Турокъ. Нетолько Кладово и Кранскій округъ, прилежащій къ Дунаю, но и г. Неготинъ не были заняты Турками; въ Милановацѣ на Дунаѣ стояла бригада изъ корпуса Лѣшанина, передовые отряды которой находились въ Неготинѣ и Брестовацѣ; главныя же силы тимокскаго корпуса были расположены по дорогѣ въ Бальевацъ и Луково.

Бездѣйствіе Турокъ ближе всего объяснялось затрудненіями по снабженію арміи продовольствіемъ и тѣмъ соображеніемъ, что ей предстояло пробиваться въ долину Моравы по гористой, почти не населенной и опустошенной мѣстности. Не имѣя почти вовсе перевозочныхъ средствъ, такъ что даже для возки патроновъ не полагалось казенныхъ повозокъ, — турецкая армія вынуждена была требовать таковыя отъ жителей; а между тѣмъ жители были ею же разорены и почти поголовно разбѣжались. Кроме того, около этого времени рѣзко

измѣнился самый планъ турецкихъ военныхъ операцій, имѣвшихъ цѣлью проникнуть въ долину Моравы.

Убѣдясь, что наступленіе со стороны Зайчара и Княжеваца представляетъ большія затрудненія, Турки съ 11 августа приступили къ распоряженіямъ, указывавшимъ на принятіе ими другаго способа овладѣть долиною Моравы. Ослабленная пятидневными схватками у Княжеваца, армія Ахмеда-Эюба-паши была подкрѣплена присоединившимся къ ней 14 августа 8,000 отрядомъ Фазли-паши, и кромѣ того всѣ инженерныя части и артиллерійскіе отряды, стоявшіе гарнизономъ въ Виддинѣ, были посланы въ нишскую армію. 13 августа Ахмед-Эюб-паша былъ вызванъ въ Нишъ для принятія участія въ военномъ совѣтѣ, созванномъ для обсужденія вновь задуманныхъ операцій.

Чтобы отвлечь вниманіе Сербовъ и скрыть свои истинныя намѣренія, Турки 14 и 16 августа одновременно произвели атаки по всей линіи на востокъ и юго-востокъ Сербіи, за исключеніемъ Алексинаца; на тимокскій корпусъ они напали у Плаканицы и Копривницы; на Хорватовича — въ ущельяхъ Топлы и наконецъ у Янковой Блиссурь. Эти очевидно демонстраціонныя нападенія ихъ были блистательно отбиты Сербами. Тѣмъ временемъ, именно 15 августа, главныя силы Эюба-паши выступили изъ Княжеваца, и сдѣлавъ переходъ въ 20 верстъ, вечеромъ того же числа подошли къ караулу Дервенту на Западномъ Тимокѣ; туда же направился впоследствии отрядъ Турокъ, оттѣсненный отъ ущелій Топлы, и хотя онъ занялъ Княжевацъ, но въ виду наступленія Хорватовича очистилъ этотъ городъ. 17 и 18 августа Ахмед-Эюб-паша съ главными силами двинулся изъ Дервента чрезъ Нишевцы, Лалинцы и монастырь Св. Архангела въ д. Гирсовацъ, куда и прибылъ 18-го вечеромъ, сдѣлавъ 23 версты

въ 2 перехода, по причинѣ трудности горнаго пути. Авангардъ Эюба-паши, подвигаясь къ Гирсовацу, наткнулся 18 числа на 3 сербскіе батальона, которые послѣ непродолжительнаго боя отступили къ сѣверо-западу, въ Озренскія горы. 19 августа Ахмед-Эюб-паша выступилъ изъ Гирсоваца къ монастырю Св. Стефана; переходъ этотъ въ 8—10 верстъ былъ для турецкихъ войскъ крайне затруднителенъ, потому что, переваливая черезъ высокія горы, приходилось каждую пушку тащить людьми. Отряды баша-бузуковъ и черкесовъ выступили изъ Ниша 17 августа и къ 18 числу расположились на сербской границѣ противъ Суповаца, на лѣвомъ берегу Моравы.

Первоначально бой завязался на восточныхъ и западныхъ горныхъ скатахъ долины Моравы, между южною сербско-турецкою границею съ одной стороны и городомъ Алексинацемъ съ другой. Южные скаты горъ Озрен-Планины проходятъ къ востоку отъ Алексинаца и къ югу отъ Баньи и ограничиваются съ сѣвера и запада рѣками Моравицею и Моравою, а съ юга и востока р. Топольницею. Въ этой мѣстности, лѣжащей на правомъ берегу Моравы, все пространство отъ вершинъ Озрен-Планины до самой рѣки, было преграждено Сербамъ рядомъ укрѣпленій; на лѣвомъ же берегу сербскія укрѣпленія очевидно предназначались для защиты дороги отъ Суповаца къ Алексинацу.

Планъ атаки Турокъ заключался въ слѣдующемъ: привлечь къ крайнему правому флангу Сербовъ значительнѣйшую часть ихъ силъ, а затѣмъ атаковать крайній лѣвый ихъ флангъ и, сбивъ его, овладѣть Алексинацемъ. Они рассчитывали на несомнѣнный успѣхъ, возлагая большія надежды на появленіе Ахмеда-Эюба-паши на крайнемъ лѣвомъ флангѣ Сербовъ. Къ 18 августа на лѣвомъ берегу Моравы находилось до 10,000

сербскихъ войскъ; всѣ же остальные ихъ силы занимали правый берегъ этой рѣки.

Турецкій корпусъ, численностью въ 20,000 чел., началъ 19 августа наступленіе изъ Ниша по лѣвому берегу Моравы и около 9 часовъ утра атаковалъ Сербовъ у Суповаца и Голешницы, гдѣ стояла только одна сербская бригада; другая же въ видѣ резерва находилась при сел. Тешицѣ. Отбросивъ Сербовъ отъ Голешницы, турецкій корпусъ спустился съ горъ и атаковалъ д. Лочицу, находящуюся на р. Туріи, въ 5 верстахъ западнѣе Тешицы, а затѣмъ это послѣднее селеніе. Около 3 часовъ пополудни, къ Сербамъ подошло подкрѣпленіе изъ Алексинаца, и къ 4 часамъ Турки, понеся значительныя потери, вынуждены были отступить; однако къ вечеру того же дня они снова выдвинулись впередъ и заняли лежащее на половинѣ разстоянія между Суповацемъ и Тешицею селеніе Греячь.

Армія Ахмеда-Эюба паши 20 августа развернулась для боя къ югу отъ монастыря св. Стефана до д. Станцы, близъ которой произошло авангардное дѣло, одновременно съ небольшими стычками къ сторонѣ Катуня.

Въ ночь съ 19 на 20 августа Турки окопались на лѣвомъ берегу Моравы и возвели батареи, а на утро двинулись впередъ, подаваясь преимущественно своимъ лѣвымъ флангомъ. Оттѣснивъ Сербовъ, упорно защищавшихся, они оставили за собою р. Турію и къ ночи линія ихъ фронта проходила сѣвернѣе Тешицы и далѣе на западъ до р. Суотина, въ направленіи почти параллельномъ рѣкѣ Моравѣ, гдѣ тотчасъ же приступили къ возведенію сильныхъ батарей. Такимъ образомъ къ утру 21 августа турецкія войска большою, непрерывною дугою отъ монастыря св. Стефана, чрезъ Катунь, р. Мораву, Тешице и до Суповаца, на разстояніи 20 верстъ,

охватили окрестности Алексинаца, находясь отъ послѣдняго на среднемъ разстояніи въ 9 верстъ. Сербь же занимали линію отъ села Буйміра на лѣвомъ берегу Моравы, почти вдоль дороги изъ Тешицы въ Алексинацъ, черезъ д. Стублину, стублинскій холмъ, д. Бѣлья и далѣе на западъ по направлению къ с. Крушье, охватывая своимъ расположеніемъ линію около 6—7 верстъ.

21 августа съ утра открылся артиллерійскій огонь по всей линіи; предпринятая подъ покровительствомъ его турецкимъ штабомъ рекогносцировка сербскихъ укрѣпленій убѣдила въ необходимости измѣнить позиціи и возвести рядъ земляныхъ батарей, съ которыхъ тотчасъ же былъ открытъ по Сербамъ огонь. Сербь были принуждены очистить дер. Катунъ, зажженную турецкими бомбами; между тѣмъ Турки отъ дер. Станицы и монастыря св. Стефана подвигались на сел. Пруговацъ.

На лѣвый берегъ Моравы были направлены Турками 35,000 чел. и тамъ происходили самыя значительныя, серьезныя схватки, начавшіяся съ 5 часовъ утра; до полудня дѣло велось преимущественно артиллеріей и лишь во второмъ часу турецкимъ линіямъ удалось немного подвинуться впередъ и зажечь с. Буйміръ. Развернувъ резервныя батареи центра сербской арміи у Ноздрина, генераль Черняевъ подкрѣпилъ войска, находившіяся на лѣвомъ берегу Моравы, шабачкою бригадою и нѣсколькими батареями, что дало имъ возможность удержать свои позиціи до 9 часовъ вечера. Наступленіе Турокъ возобновилось въ 11 часовъ вечера: овладѣвъ селеніями Буйміръ, Стублина и Бѣлья, они сожгли ихъ и, поставивъ тамъ батареи, стали громить сербское предмостное укрѣпленіе. Принужденные оставить стублинскій холмъ, Сербь отошли ближе къ Моравѣ, на линію Мрзол-Адровацъ. Бой прекратился около часу ночи.

Втащивъ на Стублинскій холмъ три большія пушки, Турки 22 числа направили огонь на пѣхоту Сербовъ, стоявшую на лѣвомъ берегу, и на сербскія укрѣпленія праваго берега; затѣмъ и лѣвый флангъ ихъ двинулся противъ крайняго сербскаго фланга. Завязался жестокой рукопашный бой: Турки овладѣли Мрзолемъ и проникли до с. Прчиловца. Усиливъ 20 баталіонами свой лѣвый флангъ, Черняевъ атаковалъ д. Мрзолъ и взялъ ее,—но къ 5 часамъ она вновь была уступлена Туркамъ, которые сожгли ее. Преслѣдуя Сербовъ до Житковаца, турецкая кавалерія овладѣла предмостнымъ укрѣпленіемъ и захватила два понтонныхъ моста. Къ 6 часамъ вечера Сербь отступили къ самому Алексинацу, населеніе котораго, заперевъ дома, оставило городъ: пороховой дымъ разстилался по всей долинѣ Моравы.

Въ тотъ же день 22, на правомъ берегу Моравы, Турки послѣ продолжительнаго боя овладѣли редутомъ № 18 и приблизились къ Алексинацу по линіи Буйміръ-Пруговацъ, верстахъ въ пяти отъ этого города. Дальнѣйшее наступленіе ихъ было остановлено усиленнымъ огнемъ Сербовъ съ праваго берега, а затѣмъ атакою, имѣвшею цѣлью воспрепятствовать возведенію земляныхъ работъ; это имѣло результатомъ, что Туркамъ не удалось укрѣпиться на занятыхъ ими позиціяхъ. Къ вечеру Турки навели мостъ черезъ Мораву у сел. Буйміръ, лежащаго ближе къ Тешицѣ, гдѣ располагалась главная квартира Абдул-Керима.

Въ пятый день битвы, т. е. 23 августа, положеніе Сербовъ было еще очень затруднительно... Турецкія войска праваго берега Моравы, усиленные войсками съ лѣваго берега, завязали въ 4 часа утра бой; атака Турокъ была исключительно направлена на крайній лѣвый флангъ Сербовъ, т. е. на ихъ позиціи у д. Пруговаца и монастыря св. Стефана.

Наибольшей опасности подвергался редутъ № 17, расположенный на плоской возвышенности, господствующей надъ Алексинацемъ. Хотя оборона его велась крайне упорно и Сербы удерживали его за собой, но это не воспрепятствовало Туркамъ занять окружающую мѣстность. Только къ 8 часамъ вечера, послѣ долгихъ колебаній боя на правомъ берегу, атаки Турокъ были вполнѣ отбиты. Ночное наступленіе Черняева на лѣвомъ берегу не имѣло успѣха; въ редутъ № 17 доставлены были боевые припасы.

Бой 24 августа начался съ 6 часовъ утра, огнемъ сербскихъ батарей. Собравъ на своемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ резервы, Сербы готовились приступить къ рѣшительному бою, — но Турки уклонились отъ него и, очистивъ редутъ № 18, отошли своимъ правымъ флангомъ на линію Буйміръ-Пруговацъ. Отступленіе ихъ было беспорядочное, спѣшное и очень походило на бѣгство, такъ какъ они бросили не только убитыхъ, но и раненыхъ и боевые снаряды. Причиной такого быстрого оставленія Турками занятыхъ позицій несомнѣнно было полученіе ими извѣстія, что отрядъ Хорватовича появился у монастыря св. Архангела. Въ этой битвѣ пало 30 русскихъ офицеровъ, ставшихъ въ ряды сербскихъ войскъ, — а въ числѣ труповъ, брошенныхъ Турками, оказалось немало Англичанъ.)

Отрядъ Хорватовича, численностію отъ 10 — 15,000 чел., занявъ Княжевацъ, караулы Пандирало и Громаду, появился 24 у монастыря Св. Архангела, а два дня спустя соединился съ Черняевымъ.

25 утромъ генералъ Черняевъ лично произвелъ рекогносцировку, а затѣмъ отправилъ въ обходъ лѣваго турецкаго фланга 23 баталіона подъ начальствомъ Караджича, который занялъ редутъ № 18, оставленный Турками наканунѣ. Одно-

временно Сербы вышли по всей линіи изъ редутовъ и атаковали Турокъ на волнообразной возвышенности между Пруговацемъ и Буйміромъ, но позиціями ихъ, ближайшими къ Алексинацу, овладѣть немогли. На слѣдующій день Черняевъ собралъ 30 баталіоновъ и, наступая всею своею линією, взялъ д. Пруговацъ, а затѣмъ и д. Станцы (Станью). Батарея впереди Буйміра послѣ упорнаго боя тоже перешла во власть Сербовъ.

Занявъ въ ночь на 27 число скалистый гребень Катунскихъ высотъ, лежащихъ за д. Катунь, и возведя на немъ батареи, Турки произвели диверсію на лѣвомъ берегу Моравы, овладѣли д. Житковацъ и заняли позицію, господствующую надъ дорогами по обоимъ берегамъ этой рѣки, ведущими съ юга въ Алексинацъ. Одновременно Турки бросились на д. Станцы и хотя взяли ее, но вновь уступили Сербамъ. Битва прекратилась въ 7 часовъ вѣчера; потери Сербовъ были очень велики: они лишились 1,000 чел. убитыми и 800 ранеными.

27 августа Турки окончательно приняли оборонительное положеніе на правомъ берегу Моравы, уже верстахъ въ 10 отъ Алексинаца. День 27 числа прошелъ безъ боя: Сербы укрѣпляли занятые ими позиціи, въ свою очередь охватывавшія дугою турецкую боевую линію. Возлѣ Пруговаца и Станціи возводились новые сербскіе редуты: въ первой деревнѣ находилась главная квартира Черняева. Хорватовичъ съ главными своими силами приблизился къ линіямъ Турокъ, которые предприняли отступленіе къ Тешицѣ.

По всей линіи между Алексинацемъ и Нисемъ былъ открытъ съ утра 28 августа ружейный огонь. Пользуясь удобствами мѣстности, прикрытой лѣсомъ, Турки около полудня атаковали лѣвый флангъ Сербовъ; бой въ лѣсу длился до 5 часовъ вечера и хотя Турки были отбиты, но ожесточенно

возобновили нападение. Тогда завязалась рукопашная схватка, окончившаяся тѣмъ, что Турки принуждены были отступить, оставивъ убитыхъ, побросавъ оружіе и снаряды; особенно пострадала турецкая кавалерія, состоявшая изъ баши-бузуковъ. Слѣдующій день прошелъ безъ боя: были только незначительныя аванпостныя стычки, а 18 получено было донесеніе отъ начальниковъ передовыхъ отрядовъ, что отказавшись отъ наступательныхъ дѣйствій, Турки сами разрушили все мосты черезъ Мораву и покинули укрѣпленія, которыя они занимали въ предыдущіе дни. Сербы устроили на лѣвомъ берегу Моравы у с. Андровацъ редутъ и укрѣпили с. Вуковацъ.

Такимъ образомъ Турки, опасаясь, что правый флангъ ихъ будетъ обойденъ, вынуждены были оставить занятыя ими позиціи на самой сербской границѣ и отойти къ Нишу; въ тотъ же день покинутыя Турками укрѣпленія были заняты Сербами. Хотя несомнѣнно, что десятидневныя бои подъ Алексинацемъ не имѣли удачнаго исхода для Турокъ, такъ какъ цѣль ихъ не была достигнута и имъ не удалось овладѣть Алексинацемъ, — но все же они не потерпѣли пораженія, а только отступили въ виду опасности, которой могли подвергнуться, еслибы обходное движеніе Хорватовича увѣнчалось успѣхомъ. Самообольщеніе же Сербовъ, что Турки не рѣшатся въ скоромъ времени возобновить нападенія, не имѣло основанія; напротивъ все предвѣщало, что перерывъ военныхъ дѣйствій не будетъ продолжителенъ.

Дѣйствительно, вслѣдствіе настоятельныхъ предписаній, получавшихся изъ Константинополя, о необходимости взятія Алексинаца, Абдул-Керим-паша рѣшилъ 1 сентября атаковать Сербовъ на лѣвомъ берегу Моравы, соединенными корпусами Али-Сайба и Ахмеда-Эюба-пашей. 31 августа происходили передвиженія турецкихъ войскъ вдоль сѣверной подошвы горъ

малаго Ястребаца, а также отъ Тешицы къ сѣверу на Мрзоль и Житковацъ. Къ ночи ими была занята полоса по р. Туріи отъ Тешицы до д. Яковы. Широкое размѣщеніе турецкихъ войскъ убѣждало, что при наступленіи на Алексинацъ только центръ и правый ихъ флангъ могли встрѣтить сербскія укрѣпленія лѣваго берега Моравы и что лѣвый флангъ Турокъ имѣлъ возможность пройти мимо ихъ сѣвернѣе вплоть до р. Моравы. Чтобы удержать это наступленіе, Сербамъ предстояло выдержать бой въ открытомъ полѣ. Въ сербской главной квартирѣ не ожидали общаго наступленія Турокъ; напротивъ, предполагалось преслѣдовать ихъ 1 сентября по направленію къ Нишу. Число турецкихъ войскъ, выведенныхъ въ бой, считалось отъ 40 до 50,000; число Сербовъ по газетнымъ сообщеніямъ доходило до 20,000 человекъ.

Для защиты дороги, ведущей изъ Тешицы на Житковацъ, Причловцы, Любешъ и Дьюнишъ въ Крушевацъ на западъ и въ г. Столацъ на сѣверъ, Сербы заранѣе возвели укрѣпленія, имѣвшія связь съ делиградскими, доходившими до обрывовъ праваго берега Моравы; особенно значительны были укрѣпленія на высотахъ у дер. Любеша и на перекресткѣ дорогъ у Дьюниша. У Любеша были наведены понтонные мосты, защищавшіеся предмостными укрѣпленіями.

Передъ боемъ главныя силы Сербовъ занимали линію Причловцы-Житковацъ, а передовые отряды ихъ Бѣльи и холмъ, находящійся въ одностороннемъ разстояніи отъ этой деревни, въ юго-западномъ направленіи; затѣмъ д. Дольшо Суотину, въ юго-западномъ направленіи; Горній Андровацъ и д. Гредитинъ. Два послѣдніе пункта находятся западнѣе Суотины въ 2 и 3¹/₂ верстахъ отъ нея; первый же въ 3¹/₂ верстахъ западнѣе Бѣльи. Правое крыло Турокъ было расположено въ окрестностяхъ дер. Тешицы; затѣмъ линія ихъ шла къ сѣверозападу черезъ д. малый Дре-

новаць, на д. Горню-Суотину, выдвигаясь впередъ въ дер. Стуалино; лѣвое же крыло ихъ протягивалось до д. Яковы, верстѣ на восемь прямо къ западу отъ горной Суотины. Расположеніе этого крыла было скрыто пересѣченной волнистою мѣстностію, покрытою сплошнымъ высокимъ кустарникомъ. Около 8 часовъ утра 1 сентября крайній правый флангъ Турокъ, начавъ наступленіе, проникъ до алексинацкихъ укрѣпленій и поджегъ д. Житковаць. Но затѣмъ наступленіе это было остановлено огнемъ сербскихъ укрѣпленій. Лѣвымъ флангомъ Сербовъ командовалъ маркизъ де-Отто, имѣя въ распоряженіи 9 баталіоновъ пѣхоты и 20 орудій, прикрытыхъ двумя укрѣпленіями. Въ то же время въ центрѣ происходилъ артиллерійскій бой; три турецкія батареи, стоявшія у Дреновца, вступили въ борьбу съ двумя сербскими, расположенными у Бѣльи и сѣвернѣ у Суотины. Къ 11 часамъ утра Турки довели число батарей до 6 (36 орудій) и, подъ защитою ихъ, придвинули свой центръ на версту впередъ; Сербы тоже подкрѣпили свою артиллерию одной батареей. Около 11¹/₂ часовъ турецкая пѣхота лѣваго фланга стала подаваться впередъ и завязалась оживленная перестрѣлка въ небольшомъ лѣсу, между дд. Суотина и Яково. Въ то же время сербская пѣхота и кавалерія снѣжили по понтоннымъ мостамъ изъ Алексинаца навстрѣчу врагу; около половины второго Турки зажгли д. Дольню Суотину: Сербы принуждены были ее очистить, но остановили дальнѣйшее наступленіе Турокъ. Въ 3 часа артиллерія сербскаго центра одержала успѣхъ, а батарея съ холма у д. Бѣльи даже выдвинулась впередъ и смѣло направила свой огонь въ непріятеля. Но успѣхъ сербскаго центра былъ парализованъ неудачей праваго фланга. Сражавшагося въ открытомъ полѣ и принужденнаго уступить, хотя медленно, превосходившему численностію лѣвому флангу

Турокъ. Деревни Горній Андроваць и Причловицы пылали; турецкія ядра долетали до д. Житковаць. Однако упорная оборона Сербами своихъ позицій въ теченіи двухъ часовъ не позволила турецкимъ войскамъ продвинуться далѣе полуверсты впередъ. Только къ 4 часамъ пополудни дойдя до д. Гредитины, лѣвое крыло Турокъ стало подвигаться къ сѣверовостоку, оставляя вправо отъ себя укрѣпленія Алексинаца. Въ упорномъ бою на правомъ флангѣ Сербовъ нагъ полковникъ Раевскій, не задолго передъ тѣмъ прибывшій въ Сербію.

Къ семи часамъ совершенно стемнѣло и Сербы шагъ за шагомъ стали отступать, а Турки заняли Тръяне (Тырново), въ 4—5 верстахъ сѣвернѣ Алексинаца. Часть сербскихъ войскъ отступила прямо на восточный берегъ Моравы, но алексинацко-делиградскому шоссе, другая отошла по мостамъ на Алексинаць, а третья, меньшая, отступила къ сѣверу, долиною лѣваго берега Моравы. На десятиверстномъ разстояніи по шоссе, между Алексинацемъ и делиградскими укрѣпленіями, тянулись всю ночь съ 1 на 2 сентября повозки въ нѣсколько рядовъ; все гражданское населеніе и всѣ раненные оставили Алексинаць.

Хотя результатомъ боя этого дня было то, что Турки овладѣли лѣвымъ берегомъ Моравы до дд. Причловицы и Тръяне, а въ послѣдовавшіе дни утвердились на береговыхъ высотахъ у послѣдней деревни, — но городомъ Алексинацемъ они всетаки не овладѣли; мало того четыре редута на западной сторонѣ Моравы еще оставались во власти Сербовъ. Наступать на Крушеваць и далѣе во внутрь страны, обходя армию Черняева въ ея укрѣпленныхъ фланговыхъ позиціяхъ подъ Алексинацемъ и Делиградомъ, Турки тоже были не въ силахъ; это доказывалось ихъ неудачною попыткою предвигаться къ сѣверу вдоль берега Моравы, отъ Причловица до

Любеша всего на 10 верстъ; они вынуждены были отойти назадъ, узнавъ о намѣреніи Хорватовича выступить противъ нихъ изъ Алексинаца.

Взаимное положеніе воюющихъ сторонъ въ Крушевацкомъ округѣ было слѣдующее:

Турки занимали преимущественно узкую полосу вдоль лѣваго берега Моравы, отъ Тешицы до Причловца и Андروаца, напротивъ Алексинаца, а главные силы арміи Черняева, занимали линію Делиградъ-Дьюнишъ, имѣя отдѣльный 10,000 отрядъ при 10 батареяхъ у Алексинаца и передовые посты отъ Дьюниша прямо на югъ, верстъ на 20 вдоль рѣчки Дьюнишки до д. Вуканье, лежащей у источниковъ рѣчки Туріи, всего въ 3—4 верстахъ отъ сербско-турецкой границы. Этимъ расположеніемъ Сербы обезпечивали за собою свободу дѣйствій на обоихъ берегахъ Моравы, защищали г. Крушевацъ и округъ его отъ опустошительныхъ набѣговъ башибузукскихъ ордъ, состоявшихъ въ числѣ 15,000 чел. при арміи Абдул-Керима-паши.

Чѣмъ далѣе затягивалась война, тѣмъ матеріальное положеніе турецкихъ войскъ все болѣе ухудшалось; притомъ, между командирами турецкихъ отрядовъ возникали несогласія. Многие изъ нихъ обвиняли Ахмеда-Эюба-пашу въ неудачѣ Алексинацкаго приступа, равно въ нераспорядительности, благодаря которой для овладѣнія укрѣпленіями было назначено слишкомъ мало войска. Что неурядица существовала въ турецкихъ войскахъ, доказывалось уже тѣмъ, что Гафиз-паша, состоявшій въ арміи Эюба, дѣйствовалъ на лѣвомъ берегу Моравы, въ арміи Али-Саиба. Все это побудило Абдул-Керима пріѣхать изъ Ниша въ Тешину и собрать 4 сентября военный совѣтъ, на которомъ онъ старался приими-

рить ссорившихся и между прочимъ объявилъ, что къ 17 сентября придутъ значительныя подкрѣпленія, такъ что армія будетъ доведена до 80,000 чел. Причиною бездѣйствія Османа-паши была внутренняя неурядица, обнаружившаяся въ его арміи: вновь организованные отряды башибузуквъ, не получая ни одежды, ни жалованья, не имѣя палатокъ и лишеныя возможности вознаграждать себя грабежемъ въ раззоренной ими же мѣстности, отказывались исполнять возлагавшіяся на нихъ обязанности; посланные же въ походъ противъ Сербовъ, они самовольно возвратились въ лагерь, гдѣ по приказанію начальства, солдаты встрѣтили ихъ выстрѣлами; произошла ожесточенная схватка съ низамомъ. Хотя зачинщики были схвачены, обезоружены и наказаны, но ничто не могло служить порукою, что подобныя возмущенія не повторятся и притомъ не въ одной арміи Османа-паши... Вообще башибузуки безчинствовали страшно: послѣ нападенія на Алексинацъ, они жгли окрестныя села и уничтожали хлѣбъ на корню: въ нѣсколько дней 48 селъ крушевацкаго округа были до тла раззорены ими.

На Топольянскихъ высотахъ, находящихся у перекрестка дорогъ изъ Тешицы въ Столацъ и изъ Делиграда въ Дьюнишъ, Сербы выстроили укрѣпленія, составившія продолженіе делиградскихъ укрѣпленій праваго берега Моравы и преграждавшія путь къ Крушевацу; дд. Дольній и Горній Любешъ были заняты ими. Отрядъ Юны Поповича (10 бат.) стоялъ у Алексинаца, а отрядъ Муссины-Пушкина (2 бат., при 4 орудіяхъ большаго калибра) у сел. Буйшира. Для защиты Крушеваца отъ набѣговъ башибузуквъ, Сербскіе отряды заняли 2 сентября линію на югъ отъ Дьюниша, черезъ Каоникъ до сел. Шельеговацъ, въ которомъ расположились 3 баталіона Крушевацкой бригады; для продолженія же своей оборонительной линіи отъ

этого села до горъ, Сербамъ необходимо было еще занять д. Вуканье, на сѣверномъ склонѣ Ястребацкихъ горъ. 3 сентября сербская бригада, защищавшая горные проходы, направилась черезъ Ястребацкій Погледъ и Равну гору, къ д. Вуканье, овладѣвъ которою послѣ 9 часового боя, укрѣпилась въ ней.

5 и 6 сентября Турки нападали на Сербскія позиціи у Дьюнища и окрестностей его, но были отбиваемы съ значительными потерями. Вообще до 7 сентября серьезныхъ нападений не было, только мелкія партіи черкесовъ прорывали цѣпь, вторгались въ сербскія села, близко расположенныя отъ Делиградскихъ позицій, раззоряли ихъ и затѣмъ быстро удалялись обратно. 7 рекогносцировочный турецкій отрядъ изъ 4 баталіоновъ стрѣлялъ по сербскимъ позиціямъ въ направленіи къ Шельеговацу, но былъ отраженъ капитаномъ Бинницімъ; въ этотъ же день послѣдовала неудачная попытка Турокъ перебросить мостъ у сел. Кормана.

Хорватовичъ, выйдя 7 сентября съ 15 баталіонами изъ Делиграда на Дьюнишь, достигъ Шельеговаца, а 8 и 9 отряды его, занявъ Греевцы и Зубовацъ, вошли въ связь съ сербскими войсками, занимавшими д. Вуканье. Такимъ образомъ въ тылу Турокъ, фронтъ которыхъ былъ обращенъ къ Алексинацу и р. Моравѣ, собрались довольно значительныя силы Сербовъ. 10 сентября Турки стали наводить мостъ у сел. Трнбана; завязалось дѣло, во время котораго они пытались навести еще другой мостъ противъ с. Бобовшите: обѣ попытки ихъ кончились неудачно. Такъ какъ Алексинацъ не защищенъ съ сѣверной стороны укрѣпленіями, то завладѣвъ д. Бобовшите и окружными высотами, командующими городомъ, овладѣть имъ весьма легко. Къ 10 сентября изъ Алексинаца было все вывезено: оставался только отрядъ въ 6.000 чел.

10 сентября Турки съ большими силами стали форсировать переправу противъ Бобовшите. Они собрались съ этою цѣлью между сел. Трнбана и дальнимъ Адровацемъ, имѣя лѣвый флангъ у Кормана, а центръ противъ Бабовшите. Сопротивленіе Сербовъ съ праваго берега Моравы было весьма сильно: вмѣстѣ съ тѣмъ Хорватовичъ изъ Шельеговаца и изъ Вуканье атаковалъ ихъ позиціи; бой охватилъ всю линію отъ Вуканьи черезъ Шельеговацъ на Корманъ, слѣдовательно тылъ, лѣвый флангъ и фронтъ арміи Абдул-Керима. Дрались цѣлый день: Турки неоднократно въ густыхъ колоннахъ бросались въ атаку и хотя съ большими потерями, но отбѣсняли Сербовъ. Только съ наступленіемъ темноты (около 6¹/₂ час. вечера) кончилась битва и обѣ стороны удержали свои позиціи. 12 числа Турки возобновили сраженіе, и хотя оно не было рѣшительнымъ, но все же судя по положенію турецкихъ войскъ 13 сентября оказалось, что они еще подвинулись впередъ внизъ по лѣвому берегу Моравы, ближе къ Делиграду. Несмотря также на сильный огонь Сербскихъ батарей, Туркамъ удалось навести мостъ черезъ Мораву противъ Бобовшите; однако и Сербы еще владѣли мостомъ противъ Алексинаца.

Между тѣмъ пошли сильные дожди; безщадное сожиганіе сербскихъ селъ Турками лишило ихъ всякаго убѣжища и во все время ненастья они находились подъ открытымъ небомъ, тогда какъ Сербскія войска размѣщались по деревнямъ. Веденіе военныхъ операцій было крайне затруднительно; 13 и 14 сентября были незначительныя стычки между Шельеговацемъ, Гредетиномъ и Зубовацемъ, а также около Дьюнища. Единственная дорога, по которой Турки получали боевые и продовольственные припасы изъ Ниша, черезъ Мраморъ, Суповацъ на Тешице, была сильно испорчена дождями

и къ тому же находилась подъ ударами сербскихъ отрядовъ, выдвинутыхъ къ югу у Буймира и Вуканье; кавалерійскій отрядъ Макъ-Ивера перехватилъ даже турецкій транспортъ.

16 сентября Турки двинулись къ Гредетину, расположенному на притокѣ Моравы Люзакъ, въ 10 верстахъ отъ Алексинаца, но переправиться не могли, такъ какъ Сербь, занимавшіе выгодныя позиціи на противоположномъ берегу Люзака, постоянно останавливали ихъ.

Съ 16 по 25 сентября предположено было приостановить военныя дѣйствія; установлялось что-то, долженствовавшее имѣть значеніе перемирія, — но на самомъ дѣлѣ такового не было; Турки первые не соблюдали этой приостановки: 17 и 19 они нападали у Бобовшите, 18 у Козницкой границы, въ 15 верстахъ къ западу отъ Янковой Клицсурь, гдѣ 4 бат. низама и арнаутовъ сожгли село Батоше. 19, 20 и 21 они вновь нападали у Янковой Клицсурь, у караула Явора и на Дринѣ. Наконецъ 22 Турки заняли и укрѣпили островъ Бугоръ на р. Моравѣ противъ Бобовшите.

Княжеваць и его округъ были очищены Турками около 3 сентября и вслѣдъ затѣмъ заняты Сербамъ, чѣмъ виддинская армія оказалась разобщенною отъ нишской. Разобщеніе это было тѣмъ болѣе полно, что отряды болгарскихъ и сербскихъ добровольцевъ заняли переваль св. Николая на шоссе изъ Ак-Паланки и Пирота черезъ Бѣлградчикъ въ Виддинѣ. Занимая Зайчаръ, виддинская армія дѣлала поиски въ разныя стороны: къ Неготину, къ Брестовацу, Луково, — но всюду была отражена. Въ связи съ неудачами Турокъ подъ Алексинацемъ, отступленіе арміи Османа-паши оказалось неизбежнымъ и 11 сентября она очистила Зайчаръ, который при этомъ былъ выжженъ и разоренъ. Великій Изворъ находился еще во власти Турокъ, остальная же армія Османа

отошла ближе къ Виддину. Деморализація въ ней была полная; дня не проходило безъ того, чтобы нѣсколько черкесовъ или баши-бузуковъ не были расстрѣляны; въ регулярныхъ войскахъ тоже обнаруживались беспорядки и неповиновеніе властямъ. Начались побѣги и нѣсколько солдатъ редифа перебѣжали въ сербскій лагерь подъ Брестовацемъ, прося только накормить ихъ.

Положеніе дѣлъ на Дринѣ и на Ибарѣ не измѣнялось: происходили мелкія схватки, производились нападенія, немѣвшія рѣшительнаго исхода. 11 сентября 2,000 баши-бузуковъ напали у Малаго Зворника на два сербскіе батальона 3 призыва и оттѣснили ихъ, овладѣвъ нѣсколькими окопами. По приказанію, полученному изъ Бѣлграда, всѣ сербскія войска, стоявшія на лѣвомъ берегу Дрины, подъ Бѣлиною, перешли 14 сентября обратно на правый, сербскій берегъ и перевезли съ собою всю матеріальную часть отряда, а затѣмъ разрушивъ мосты на р. Дринѣ, расположились въ Лозницѣ, Власкополѣ и Лѣшницѣ. Съ 14 по 16 сентября Турки не занимали оставленныхъ Сербамъ окоповъ подъ Бѣлиною; 16 они вступили въ д. Попово, на самомъ берегу Дрины. Отступленіе дринской арміи объяснялось необходимостью усилить значительною ея частію моравскую армію Черняева; изъ отрядовъ обоихъ Чолокантичей, находившихся у Янковой Клицсурь и на Яворѣ, тоже выступили туда подкрѣпленія.

Число турецкихъ войскъ, дѣйствовавшихъ и въ началѣ и Черногоріи, простиралось въ концѣ августа и въ началѣ сентября до 80 батальоновъ низама и редифовъ, со многими тысячами баши-бузуковъ и артиллеріею отъ 60 до 80 орудій. Турки имѣли кромя того въ своемъ распоряженіи множество большихъ и малыхъ укрѣпленій; но несмотря на то, они вынуждены были принять оборонительное положеніе. Мухтар-

паша былъ окруженъ около крѣпости Клобука Черногорцами, а армія Дервиша-паши не осмѣливалась двигаться внѣ района своихъ фортовъ.

Однако Черногорцы, сознавая свою малочисленность, не могли наступать въ Албанію, хотя бы на Скутари, гдѣ находились склады оружія и припасовъ турецкихъ войскъ, и довольствовались лишь тѣмъ, что постоянно тревожили неприятеля нечаянными нападеніями, причемъ смѣльчаки проникали не разъ въ самую Подгорицу.

Получивъ, также какъ и Абдул-Керим-паша, предписаніе изъ Константинополя во что бы то ни стало «содержать побѣду», Дервиш-паша, старинный боецъ съ Черногорцами, рѣшился овладѣть Рогамскими высотами, а утвердись на нихъ, занять и разорить округъ Пиперы и тѣмъ принудить Черногорцевъ удалиться изъ Куш-Дрекаловича. Такъ какъ для достиженія этой цѣли необходимо было удалить Черногорцевъ съ Рогамскихъ высотъ, то Дервиш-паша, послѣ двухнедѣльнаго бездѣйствія, произвелъ сначала демонстрацію изъ Служа къ Бѣлопавличамъ, а затѣмъ направилъ сильный отрядъ къ устью р. Ситницы, впадающей въ р. Морачу, угрожая вторженіемъ въ Лиманскую нахію (округъ). Въ виду этого, Черногорцы сформировали особый небольшой отрядъ и помѣстили его въ Загарачъ, а одинъ баталіонъ поставили у Монастыря близъ Челии. Загарачскій отрядъ могъ одинаково угрожать Туркамъ съ фланга, еслибы они предприняли вторженіе въ Бѣлопавличы или Лиманскую нахію.

Послѣ ложныхъ передвиженій турецкой арміи, имѣвшихъ цѣлью ввести въ заблужденіе Черногорцевъ, она къ вечеру 5 сентября вернулась къ Подгорицѣ, а 6-го утромъ устремилась штурмовать Рогамскія высоты. Хотя атака эта неминуемо должна была сопровождаться большими потерями, но

Дервиш-паша не отказался отъ своего намѣренія, рассчитывая на численное свое превосходство и еще на то, что какъ бы ни были велики его потери, онѣ будутъ вознаграждаться ожидавшимися подкрѣпленіями. Съ раннего утра на холмахъ Велья и Мала-Брда, показались турецкія орудія и вскорѣ огонь ихъ слился съ огнемъ безчисленныхъ турецкихъ фортовъ. Не имѣя въ своей власти ни одного укрѣпленія, которое могло бы служить прикрытіемъ, Черногорцы по необходимости отодвинулись отъ края высотъ. Около часу пополудни, Турки перевели на лѣвый берегъ Зеты до 10,000 низамовъ и небольшое число зейбековъ, которые хотя съ трудомъ, но бодро и увѣренно стали взбираться по крутымъ горнымъ склонамъ.

У Божидара Петровича было вначалѣ два, а потомъ четыре батальона, т. е. около 2,500 человекъ, но несмотря на громадное численное превосходство враговъ, онъ не задумался смѣло атаковать ихъ. Черногорцы и на этотъ разъ не теряли время въ перестрѣлкахъ, а прямо бросились въ рукопашный бой, въ которомъ ихъ физическая сила и ловкость обезпечивали имъ успѣхъ. Особенно ожесточенно дрались у Требача и Долянской Главницы, гдѣ три нападенія Турокъ были отражены; къ 5 часамъ Турки на всѣхъ пунктахъ были разбиты и обращены въ бѣгство; преслѣдуемые по пятамъ Черногорцами, они должны были перейти на правый берегъ Зеты и лѣвый Морача, потерявъ 600 человекъ убитыми и утонувшими и 1,000 человекъ ранеными. Черногорцы, у которыхъ было убито 67 человекъ и насчитывалось 122 человека раненыхъ, овладѣли тремя знаменами и большимъ количествомъ оружія.

«Le malheur ne vient jamais seul», говоритъ пословица, — къ неудачѣ, постигшей Турокъ на Рогамскихъ вы-

сотахъ, присоединилось ихъ не мало... Наступили дожди, затруднявшіе веденіе военныхъ операций; турецкую канонерку на Скутарійскомъ озерѣ, пытавшуюся бомбардировать черногорскій городокъ Вир-Базаръ, мѣткіе выстрѣлы черногорскихъ пушекъ заставили удалиться, а турецкое укрѣпленіе у Баварицкой горы, лежащее къ сѣверо-востоку отъ Кучи-Дрекаловича между р. Цѣвною и черногорскою границею, было разрушено.

Хотя въ Подгорицу были доставлены крупновскія пушки и пришло до 1,000 человекъ Албанцевъ, а въ Антивари высажены были 5 сентября 2,000 лошадей, но въ войскахъ Дервиша-паши замѣчался сильный упадокъ духа; они маневрировали все время только въ районѣ своихъ фортовъ и лишь 10 числа сильный турецкій отрядъ, подъ начальствомъ самого главнокомандующаго, вышелъ изъ Подгорицы. Едва расположась лагеремъ между Спужемъ и холмами Вельи-Брдо, отрядъ этотъ быстро возвратился въ Подгорицу, узнавъ о приближеніи двухъ значительныхъ черногорскихъ отрядовъ. Въ такомъ положеніи застала армию Дервиша-паши временная остановка военныхъ дѣйствій. Постоянныя неудачи значительно деморализовали ее и уже не только при приближеніи Черногорцевъ, но даже при слухѣ, что они подходятъ, паническій страхъ овладѣвалъ оттоманскими войсками и обращалъ ихъ въ бѣгство; Дервиш-паша неоднократно былъ вынужденъ стрѣлять по нимъ, но и это крайнее средство не могло заставить ихъ идти противъ страшныхъ Черногорцевъ.

Позоръ пораженія, понесеннаго при Вучьемъ-Долѣ, возбуждалъ въ Мухтарѣ-пашѣ жажду мщенія: онъ рѣшился по полученіи подкрѣпленій вторгнуться въ Черногорию и или раззорить ее, или не выйдти оттуда живымъ. Едва прибыли въ Требинью 6 батальоновъ подъ начальствомъ Фелаледина-паши,

какъ Мухтар-паша, пользуясь удаленіемъ князя Николая къ его южной арміи, рѣшился двинуться на Карадагъ. У него образовался отрядъ въ 4,500 человекъ регулярнаго войска и въ нѣсколько тысячъ башибузукъ; не дождавшись даже прихода Фуада-паши онъ направился въ Бавьяны на турецкую крѣпость Клобукъ, лежащую въ 20 верстахъ отъ Требиньи, на самой границѣ Черногоріи.

Зловѣщая вѣсть о переходѣ Мухтара-паши 2 сентября черезъ черногорскую границу у Клобука и о движеніи его долиною рѣчки Заслана, угрожавшемъ Грахову-полю, быстро дошла до жителей послѣдняго и окрестныхъ селъ; тотчасъ же собрались небольшія шайки, начальство надъ которыми принялъ Ристо Даковъ. Старъ и младъ спѣшили взяться за оружіе и идти навстрѣчу Туркамъ, а толпы женщинъ и дѣтей съ домашнимъ скарбомъ, частью пѣшкомъ, частью на лошадяхъ, направилась въ Австрию въ пограничное мѣстечко Драгань. Къ вечеру того же 2-го числа Грахово опустѣло: въ немъ остались лишь представители мѣстной администраціи и персоналъ русскаго перевязочнаго пункта отъ общества «Краснаго Креста», который рѣшился отступить только вѣсть съ Черногорцами, еслибы ихъ принудили къ тому Турки.

Черногорцы встрѣтили враговъ подъ Граховомъ (небольшое мѣстечко въ 2—3 часахъ горнаго пути къ сѣверу отъ Грахова-поля и въ двухъ часахъ отъ Клобука) вечеромъ того же 2 сентября и, не взирая на значительное численное превосходство силъ, принудили ихъ остановить наступленіе и укрѣпиться на вершинахъ двухъ высокихъ горъ, а отчасти и между ними у мѣстечка Граховца. Всю ночь не прекращалась перестрѣлка: Черногорцы, скрываясь за камнями и большими группами, мало по малу оцѣпили Турокъ; черно-

горекія кучи, находившіяся на пути пройденномъ Мухтаром-пашою, пылали.

3, 4 и 5 сентября прошли въ перестрѣлкахъ, которыя не причинили Черногорцамъ ни малѣйшаго вреда, а между тѣмъ значительныя подкрѣпленія прибывали къ нимъ непрерывно и Турки были прочно оцѣплены съ трехъ сторонъ.

Фуад-паша съ 10 батальонами прибылъ въ Требишье 4 сентября, встрѣтивъ на дорогѣ всевозможныя препятствія, главнѣе всего отъ неимѣнія казенныхъ перевозочныхъ средствъ... Вьючныя лошади, необходимыя его отряду, были собраны самымъ оригинальнымъ способомъ: согнавъ христіанъ въ Сараево, подъ предлогомъ молотбы казеннаго хлѣба, турецкія власти разослали запѣвъ по ихъ домамъ; пользуясь же отсутствіемъ хозяевъ, запѣи уводили лошадей. Войска Фуада-паша тотчасъ же поспѣшили на помощь Мухтару-пашѣ и усилили его армію, численность которой доходила такимъ образомъ приблизительно отъ 12 до 15,000 человекъ.

Воевода Петръ Вукотичъ, стоявшій съ главными силами Черногорцевъ и Герцеговинцевъ въ Гацко, узнавъ о вторженіи Мухтара-паша 3 сентября и немедленно выступилъ вслѣдъ за Турками, оставивъ у Дужскаго прохода для наблюденія за Никшичемъ 4 батальона. Богданъ Зимоничъ и Лазаръ Социца взяли и разрушили дорогою турецкій фортъ Злоступъ, захвативъ въ немъ 90 пѣльныхъ, запасы провіанта и боевыхъ снарядовъ. Около Клобука происходили стычки 10 и 11 сентября, между отрядами Черногорцевъ и подкрѣпленіями, направлявшимися къ Мухтару-пашѣ, который еще 10 сентября отошелъ съ частью своихъ войскъ отъ Граховца и занялъ д. Заслану, находящуюся въ двухъ часахъ ходьбы отъ Грахова-поля къ западу. Такъ какъ путь къ послѣднему былъ прегражденъ Черногорцами, то Мухтар-паша расположился ла-

геремъ у сожженной имъ деревни, ожидая прибытія подкрѣпленій. Пейко Павловичъ, слѣдуя изъ Требишья въ Клобукъ, перехватилъ обозъ съ провіантомъ, назначенный для арміи Мухтара-паша, разсѣявъ двѣ роты, служившія прикрытіемъ этому обозу.

Такимъ образомъ къ началу кратковременнаго перерыва военныхъ дѣйствій, положеніе Мухтара-паша оказывалось еще болѣе стѣсненнымъ, чѣмъ оно было въ Требишѣ. Штабъ его находился въ Клобукѣ, а армія была расположена въ укрѣпленіяхъ, возведенныхъ у д. Заслапа, въ пяти верстахъ отъ крѣпости. Черногорцы въ числѣ 12,000 человекъ окружали его со всѣхъ сторонъ, преграждая рядомъ укрѣпленій дорогу въ Черногорію; всѣ пути отступленія черезъ Клобукъ въ Баньяны или по рѣчкѣ Заслапѣ въ Билечъ и Требишье были перехвачены отрядами Герцеговинцевъ и Черногорцевъ.

Доведя обзоръ битвъ, происходившихъ на всѣхъ театрахъ военныхъ дѣйствій, до временнаго перерыва или какъ говорилось, до «неофициальнаго перемирія», обратимся къ изложенію главнѣйшихъ политическихъ событій, въ значительной степени усложнявшихъ и безъ того крайне затруднительное и напряженное положеніе дѣлъ.

Наиболѣе выдающимся событіемъ несомнѣнно было низложеніе султана Мурада V и вступленіе на престолъ брата его Абдул-Гамидъ. 31 августа п. с. собрался совѣтъ высшихъ сановниковъ Порты, на которомъ, по обсужденіи необходимости этой мѣры, состоялось постановленіе о перемѣнѣ падишаха. 1 сентября Абдул-Гамидъ былъ приглашенъ въ сераль Топкапу, гдѣ его встрѣтили всѣ министры; по прочтеніи же фетвы (манифеста), объявлявшей, что Мурадъ V смѣщенъ съ престола въ виду разстроеннаго его здоровья,

произошла церемонія признанія и объявленія султаномъ Абдул-Гамида II. Затѣмъ при громѣ пушекъ и привѣтствіяхъ войскъ и народа, новый султанъ отправился во дворецъ султана Махмуда. Церемонія опоясанія мечемъ пророка (коронація) произошла 8 сентября. Такимъ образомъ, трехмѣсячнаго правленія Мурада было достаточно, чтобы разсѣять всѣ возлагшіяся на него надежды и убѣдить въ необходимости перемѣны на турецкомъ престолѣ. Энергія Митхада наши ускорила катастрофу; онъ доказалъ, что турецкое законодательство, допуская регентство единственно при несовершеннолѣтнѣи наследника престола, прямо повелѣваетъ, въ случаѣ безумія царствующаго султана, замѣщать его другимъ и что въ томъ критическомъ положеніи страны, въ которомъ она находилась, было бы немислимо оставлять государство безъ законнаго вождя и державнаго повелителя. Всѣ эти и подобныя имъ соображенія произвели столь сильное впечатлѣніе на совѣтъ министровъ, что ни усилія султанши Валиде, ни доводы великаго визиря Мехмеда-Рушди-паши и представленія нѣкоторыхъ иностранныхъ дипломатовъ, опасавшихся неблагопріятнаго впечатлѣнія, которое могло быть произведено на Европу частю смѣною султановъ, — не остановили роковаго рѣшенія и судьба Мурада V свершилась... Какъ водилось и встарь, похвалы высокимъ качествамъ новаго султана расточались всѣми газетами, но легкомысленно довѣрять имъ, конечно, никто не могъ; еще слишкомъ свѣжо было въ памяти донесеніе лорда Эліота своему правительству при вступленіи на престолъ Мурада V: «Можно съ увѣренностью сказать, что существующія во внутренней администраціи Турціи злоупотребленія будутъ немедленно и энергически искоренены, и что однимъ изъ первыхъ дѣйствій новаго царствованія будетъ дарованіе истинной равно-

правности всѣмъ турецкимъ подданнымъ. Мурадъ, какъ извѣстно, хорошо расположенъ къ западнымъ державамъ и будетъ обращаться къ нимъ за совѣтами». Такъ какъ сэръ Эліотъ, писавъ это, опирался на 9-лѣтнюю опытность, пріобрѣтенную имъ въ званіи посла при константинопольскомъ дворѣ, но послѣдствія доказали, что онъ жестоко ошибался, то признавалось болѣе благоразумнымъ составить мнѣніе объ Абдул-Гамидѣ лишь по обсужденіи фактовъ, которыми предстояло заявить себя его царствованію.

На первыхъ порахъ султанъ Абдул-Гамидъ II издалъ гаттъ, торжественно прочитанный въ Блистательной Портѣ. Гаттомъ этимъ всѣ министры и прочіе правительственные чиновники утверждались въ занимаемыхъ ими должностяхъ; — особенно настаивалось на управленіи юстиціею, на контролѣ финансовъ, на развитіи народнаго образованія и на введеніи административныхъ реформъ, составляющихъ существенныя основы прогресса и цивилизаціи народовъ. Предписывалось министрамъ озаботиться принятіемъ мѣръ, вызывавшихся потребностями времени, учрежденіемъ высшаго совѣта, который занялся бы разработкой новыхъ законовъ, и установленіемъ надзора за расходами и доходами государства. Установлялась также отвѣтственность должностныхъ лицъ, обезпечивалась за ними прочность ихъ положенія; министры приглашались изыскать средства къ скорѣйшему прекращенію войны, разоряющей народы одного и того же отечества, и въ заключеніе ставилось имъ въ обязанность тщательно соблюдать трактаты, существовавшіе съ дружественными державами. Чего бы, кажется, лучше? Только пресловутый гаттъ, остался гаттомъ — а дѣла ни на волосъ не улучшились. Такова ужъ знать судьба всѣхъ громкихъ обѣщаній Турецкаго правительства, неспособнаго осуществлять ихъ на практикѣ! Такъ, не смотря на

объявленную Портою амнистию болгарскимъ инсургентамъ, тюрьмы повсемѣстно были буквально переполнены заключенными, а подозрительность и шпионство развиты до крайнихъ предѣловъ. Въ однихъ городскихъ тюрьмахъ Адрианополя содержалось до 400 Болгаръ; тюрьмы другихъ городовъ были переполнены болгарскими узниками и ужь конечно вся эта масса заключенныхъ не могла быть подведена подъ категорию зачинщиковъ возстанія, изъятыхъ изъ амнистіи. Достоверно, что ни одинъ изъ арестантовъ не былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ; аресты производились лишь по подозрѣніямъ и другимъ побочнымъ соображеніямъ. Такъ братья и сестры инсургентскаго вождя Пайова, мирно проживавшіе въ Страномѣ, были взяты, ограблены, подвергнуты оскорбленіямъ и приговорены къ ссылкѣ. Въ Виддинѣ были повѣшены семеро Болгаръ, вслѣдствіе ничѣмъ не доказаннаго обвиненія въ провозѣ ими изъ Румыніи оружія, предназначавшагося будто бы для раздачи инсургентамъ. Въ Русчукѣ были повѣшены тоже трое Болгаръ, безъ объясненія ихъ вины; а приговоры къ пожизненному заключенію постановлялись ежедневно; неистовства и злодѣянія, совершавшіяся черкесами, заставляли Болгаръ массами убѣгать въ Румынію, куда по достовернымъ источникамъ укрылось болѣе 50,000 человекъ.

Сообщенія о звѣрствахъ, совершавшихся въ Болгаріи, получили официальное подтвержденіе опубликованіемъ въ русскомъ «Правительственномъ Вѣстникѣ» достовернаго о нихъ отчета. Въ Панагуриштѣ было убито до 3,000 человекъ, сожжено 500 домовъ, обезчещены почти всѣ женщины, начиная съ восьмилѣтнихъ дѣвочекъ; малыхъ дѣтей носили на штыкахъ, — одного старика пытали въ церкви, а затѣмъ живаго сожгли на престоѣ. Батокъ представлялъ груду развалинъ, наполненную трупами; одни были растерзаны собаками, — отъ

другихъ оставались только скелеты или обнаженные кости. Въ болотахъ, канавахъ, подъ обвалившимися стѣнами, подъ колесами мельницъ — всюду попадались кучи человѣческаго мяса, отдѣльныхъ частей, придеи волосъ; смрадъ былъ убійственный. Въ одномъ мѣстѣ валялось 130 череповъ обезглавленныхъ дѣтей. По даннымъ, добытымъ американцемъ Скайлеромъ, число погибшихъ въ Батокѣ, было свыше 5,000 чел.; въ школахъ были сожжены живыми 300 чел. Скайлеръ составилъ на мѣстѣ именной списокъ 87 дѣвушкамъ и мальчикамъ, уведеннымъ Турками; но въ дѣйствительности число таковыхъ, отправленныхъ въ Сересъ, было гораздо значительнѣе.

Способъ веденія войны, искони усвоенный Турками, тоже не измѣнился донынѣ; ни протесты общественнаго мнѣнія, ни всевозможные доклады, отчеты и донесенія — ничто не останавливало Турокъ безчеловѣчно истреблять жителей, ихъ поселенія и произведенія почвы. Весь путь, пройденный войсками султана во время битвъ на Моравѣ, представлялъ собою полосу, буквально выжженную и разоренную. Нота Ристича, адресованная бѣлградскимъ консуламъ, указывала, что въ Зайчарскомъ округѣ сжигались на глазахъ турецкихъ войскъ цѣлыя селенія, безъ всякой къ тому необходимости. Женева конвенція тоже не соблюдалась: Турки умышленно стрѣляли по санитарнымъ отрядамъ. Секретарь Алексинацкаго комитета «Краснаго Креста», схваченный Турками 3 сентября при исполненіи его обязанностей, былъ убитъ ими по предварительно ему отрѣзавъ руку. Нельзя умолчать и о томъ, что варварства въ Болгаріи совершались не только черкесами и башки-бузуками, но и регулярными турецкими войсками, при содѣйствіи нафанатизированныхъ мусульманскихъ жителей провинцій, которыми предводительствовали турецкіе чи-

новники, получившіе на свой пай не малую долю добычи, награбленной въ христіанскихъ городахъ и селеніяхъ. Эти чиновники не только не были наказаны, но многіе изъ нихъ были даже награждены внослѣдствіи, какъ люди, съумѣвшіе достойнымъ образомъ зарекомендовать себя въ мѣстнѣ турецкаго населенія. Хотя правительство и не поощряло открыто совершавшихся звѣрствъ, но и не предпринимало мѣръ къ ихъ прекращенію, находя выгоду въ конфискаціи имущества умерщвленныхъ христіанскихъ семей. Этимъ не безъ основанія объяснялось пассивное отношеніе Порты къ болгарской рѣзни и ея стараніе выгородить отъ всякой отвѣтственности турецкихъ администраторовъ, поощрившихъ грабежи, убійства и насилія.

Европейскія державы не могли долѣе безучастно относиться къ совершавшимся событіямъ: общественное мнѣніе всѣхъ государствъ было крайне возбуждено и отовсюду раздавались голоса, требовавшіе немедленнаго, энергическаго вмѣшательства своихъ правительствъ въ восточныя дѣла. Не говоря уже о Россіи, которая всегда горячо сочувствовала бѣдствіямъ и страданіямъ своихъ балканскихъ братьевъ и въ настоящей борьбѣ всячески помогала имъ, — не было страны, которая оставалась бы равнодушною къ участи злополучной райи. Пробужденіе совѣсти англійской націи выразилось открытымъ осужденіемъ политики министерства по восточному вопросу и требованіемъ удаленія не только великобританскаго посла въ Турціи, сэра Элмота, но и самаго главы кабинета, Дизраэли, возведеннаго королевой въ званіе виконта Беконсфильда и пэра Англии. Къ сожалѣнію, нужно однако признать, что всѣ громкіе возгласы, всѣ сочувственные Славянамъ многочисленныя митинги не приносили никакой существенной пользы и нисколько не поколебали твердаго поло-

женія англійскаго кабинета, дѣйствія котораго были направлены къ оказанію поддержки Турціи; это доказывалось уже тѣмъ, что обѣщаніями субсидій, англійскому правительству удалось склонить тунисскаго бея отправить въ Турцію вспомогательное войско.

Въ Италіи сочувствіе къ Славянамъ было весьма велико; на сходкѣ въ Римѣ принята была слѣдующая резолюція, обнародованная въ газетахъ за подписью представителей различныхъ классовъ итальянскаго общества: «Сограждане! Вопли отчаянія славянскихъ народовъ и невообразимыя жестокости, совершаемыя дикими ордами, неминуемо должны были тронуть народъ, который недавно свергнулъ чужеземное иго, завоевалъ себѣ независимость и единство. Пусть же Римъ громко заявитъ протестъ противъ этихъ жестокостей, не извиняемыхъ даже неизбежными послѣдствіями войны. Объявимъ Европѣ, что она тщетно старается возстановить миръ тамъ, гдѣ нарушены самыя священныя права челоуѣка и гражданина. Пусть воззваніе наше послужитъ утѣшеніемъ притѣсненнымъ и да побудитъ оно наше правительство дѣйствовать согласно желанію свободнаго народа, которымъ оно повелѣваетъ, — дѣйствовать въ пользу Славянъ и способствовать прекращенію жестокостей, невыносимыхъ въ намѣ въкъ прогресса и цивилизаціи!» Вмѣстѣ съ тѣмъ образовались комитеты для сбора пожертвованій въ пользу балканскихъ Славянъ, волонтеры спѣшили въ ряды сербскихъ и черногорскихъ войскъ, а престарѣлый Гарibaldi помогалъ своему сыну составить отдѣльный легіонъ и вести его въ бой съ врагами христіанства.

Въ Греціи тоже обнаруживалось волненіе; она приступала къ вооруженіямъ, и хотя Греческое правительство не высказывало намѣренія принять рискованныя мѣры, однако все за-

ставляло полагать, что оно не желало быть достигнутым врасплох случайностями. Въ виду уклоненія Порты удовлетворить вполне справедливымъ требованіямъ Греціи, установилось убѣжденіе, что она энергически вступится за свои національные интересы даже и въ томъ случаѣ, если ни одна изъ великихъ державъ не окажетъ ей помощи... Нельзя было сомнѣваться, что Греція поставила бы Турцію въ крайне затруднительное положеніе, выдвинувъ къ ея границамъ 40,000, а въ случаѣ войны и 100,000, хотя правда иррегулярнаго войска. Въ случаѣ же еслибы турецкій броненосный флотъ сталъ блокировать три главныхъ гавани: Пирей-Аонины, Сиру и Патрасъ, то такая блокада нисколько не воспрепятствовала бы занятію турецкихъ сосѣднихъ провинцій греческою арміей.

Волненія на островѣ Критѣ, начавшіяся еще въ маѣ 1876 года, принимали весьма крупныя размѣры вслѣдствіе неуступчивости Порты и ея нежеланія допустить измѣненія въ органическомъ законѣ 1867 года о правахъ и обязанностяхъ жителей острова по отношенію къ султанскому правительству. Критяне требовали также измѣненій въ избирательномъ законѣ, допущенія греческаго языка въ судахъ, наравнѣ съ турецкимъ, права обсуждать въ собраніи статьи органическаго закона, предлагать измѣненія въ нихъ и проч. Такъ какъ эти, сами по себѣ справедливыя реформы, имѣли бы непосредственнымъ результатомъ ослабленіе вліянія турецкаго элемента, то со стороны мѣстнаго правительства послѣдовалъ отказъ; христіанскіе делегаты потребовали отъ губернатора острова, Реуфа-паши, представленія ихъ ходатайства на усмотрѣніе Порты. Какъ и слѣдовало ожидать, послѣдняя не исполнила просьбы критянъ, которые въ свою очередь отказались отъ выбора окружныхъ судей и совѣтниковъ впад-

ета; избранные же райе судьи подали въ отставку, и такимъ образомъ дѣятельность судебной и административной властей совершенно прекратилась. Попытки Порты успокоить населеніе нѣсколькими мнимыми уступками не имѣли успѣха; Кадри-бей, человѣкъ невѣжественный и неспособный, посланный для веденія переговоровъ, лишь подлил масла въ огонь, такъ что Реуф-паша еще въ началѣ августа требовалъ присылки войскъ; Гобарту-пашѣ было приказано отправиться въ критскія воды для крейсированія и наблюденія за критянами. Въ г. Ретимно произошло тѣмъ временемъ возмущеніе, ближайшимъ поводомъ къ которому послужило частное столкновеніе между туркомъ и грекомъ, причемъ послѣдній ранилъ перваго. Образовались вооруженныя сборища, магазины были закрыты, христіане укрылись въ свои дома, а войскамъ было приказано расположиться лагеремъ на улицахъ. Хотя не произошло важныхъ столкновеній, но въ виду крайне возбужденнаго настроенія критянъ, вызваннаго отказомъ Порты удовлетворить ихъ требованія, происшествіе въ Ретимно легко могло послужить поводомъ къ новымъ, опаснымъ усложненіямъ, такъ какъ греческое населеніе на материкѣ, навлеченное борьбою Славянъ, тоже могло взяться за оружіе. Поводомъ къ этому было не мало: однимъ изъ главнѣйшихъ служило поселеніе черкесовъ въ Фессалии и Эпирѣ, такъ какъ со времени водворенія ихъ тамъ не существовало общественной безопасности: мѣстнымъ турецкимъ властямъ приказано было Портою покровительствовать кавказскимъ выходцамъ и не прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ для обузданія ихъ хищническихъ инстинктовъ. Всю вину за постоянныя грабежи и убійства сваливали поэтому на греческихъ разбойниковъ, которыми были будто бы переполнены лѣса и горы Фессалии и Эпира.

Положеніе, принятое Румынією, имѣло тоже тревожный характеръ; начатая ею мобилизація войскъ, приведеніе въ исправность и вооруженіе крѣпостей, переговоры о заключеніи виѣшняго займа, — все предвѣщало, что она не преминетъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ прекратить свои вассальные отношенія къ турецкому правительству.

Такимъ образомъ, искра, вспыхнувшая въ іюль 1875 г. въ Герцеговинѣ, распространила пожары въ большей части Балканскаго полуострова, угрожала охватить всю Европу.. Для предотвращенія опасности возникновенія общей войны и сопряженныхъ съ нею страшныхъ бѣдствій, настоятельно требовалось принять рѣшительныя мѣры... Сознавая это, великія державы условились одновременно оказать давленіе какъ на Порту, такъ и на княжества и побудить ихъ прекратить борьбу заключеніемъ перемирія, а затѣмъ и мира. Начались дипломатическія дѣйствія какъ въ Константинополѣ, такъ въ Бѣлградѣ и Цетиньѣ: князь Миланъ объявилъ представителямъ державъ-поручительницъ, что, согласно съ выраженнымъ ими желаніемъ, онъ охотно обратится къ посредничеству ихъ правительствъ, для прекращенія непріязненныхъ дѣйствій противъ высокою Порты. вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ желаніе, чтобы посредничество было распространено и на происходящія между княжествомъ Черногоріей и высокою Портой непріязненныя дѣйствія. Впрочемъ, желаніе это имѣло совершенно частный характеръ, тѣмъ болѣе что князь Николай ничѣмъ еще не заявлялъ о своемъ намѣреніи обратиться къ посредничеству для заключенія мира.

Торжественная цота державъ-поручительницъ парижакаго трактата 1856 г. вручена была Портѣ 2 сентября н. с., но не коллективно, а каждымъ представителемъ отдѣльно. Предположено было, чтобы какъ Сербія, такъ и Турція не имѣли

права голоса при заключеніи мира, имъ предоставлялось лишь безусловно принять рѣшенія державъ, на которыя успѣхи той или другой арміи не должныствовали имѣть какого либо вліянія. Сначала Порта намѣревалась сообщить европейскимъ посламъ, что заключеніе перемирія противно ея интересамъ; затѣмъ условія мира обсуждались совѣтомъ министровъ, и 14 сентября послѣдовалъ отвѣтъ, которымъ Порта, признавая перемиріе невозможнымъ, соглашалась заключить миръ на слѣдующихъ условіяхъ: чтобы ей предоставлено было право занять сербскія крѣпости, въ которыхъ до 1857 г. помѣщались турецкіе гарнизоны; чтобы крѣпости, построенныя послѣ 1857 г., были разрушены; чтобы назначеніе Милана княземъ было поставлено въ зависимость отъ Порты; чтобы численность дѣйствующей сербской арміи была сокращена до 10,000 человекъ и трехъ батарей; чтобы была проведена желѣзная дорога чрезъ Сербію, чтобы Сербія уплатила контрибуцію для покрытія расходовъ Порты, вызванныхъ войною, при опредѣленіи же размѣра контрибуціи и срока уплаты, султанъ милостиво соглашался принять во вниманіе бѣдственное положеніе Сербскаго народа. Какъ ни безумны были эти условія, но признавалось несомнѣннымъ, что сэръ Элліотъ одобрялъ ихъ и даже открыто заявлялъ, что Англія окажетъ имъ энергическую поддержку. Наконецъ Порта дополнила свой отвѣтъ заявленіемъ, что не принимая перемирія, согласна на краткосрочную неофициальную приостановку военныхъ дѣйствій. вмѣстѣ съ тѣмъ вполне полагаясь на просвѣщенное сужденіе посредствующихъ державъ, Порта предоставляла имъ заботы взвѣсить основанія, которыми она руководилась при составленіи проекта условій, какъ средства предотвратить возможность повторенія нынѣшнихъ бѣдствій. Относительно Черногоріи, Порта придерживалась «*status quo ante bellum*».

Игнорированіемъ важнѣйшихъ пунктовъ, относившихся къ рѣшенію восточнаго вопроса, и неумѣренностію требованій, обращенныхъ къ Сербіи, Порты очевидно бросала перчатку державамъ-поручительницамъ и тѣмъ освобождала ихъ отъ сдержанности, которую въ видахъ политической деликатности онѣ считали себя вынужденными соблюдать. Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ великія державы признали турецкія предложенія невозможными, такъ какъ миръ, заключенный на такихъ условіяхъ, постоянно служилъ бы къ поддержанію и ухудшенію тревожнаго положенія дѣлъ, бывшаго до войны; вмѣсто возстановленія спокойствія, создался бы новый мотивъ къ беспорядкамъ. Единственнымъ основаніемъ для переговоровъ, представлявшимъ надежду на успѣхъ, могло быть только сохраненіе *statu quo* для Сербіи, тѣмъ болѣе что князь Миланъ уже изъявлялъ на это согласіе. Здѣсь нелишне упомянуть, что единодушно сформулированными державами условія мира были слѣдующія: Сербія должна безусловно остаться неприкосновенною въ *statu quo ante bellum*, а для возставшихъ провинцій будетъ найденъ *modus vivendi*, который предоставилъ бы христіанамъ возможность существованія, соотвѣтствующаго человѣческому достоинству.

Но какъ бы ни было, первый шагъ былъ сдѣланъ и вмѣшательство державъ, разъ начатое, не могло уже быть прекращено. Въ надеждѣ добиться впоследствии болѣе удовлетворительныхъ результатовъ, послѣдовало рѣшеніе державъ потребовать заключенія предварительнаго перемирія, хотя бы сааго кратковременнаго. Россія настояла на этомъ, какъ на условіи *sine qua non*, и Порты должна была уступить; перемиріе (вѣрнѣе перерывъ военныхъ дѣйствій) было заключено на 8 дней, съ 16 по 24 число сентября включительно. По мѣткому выраженію римской газеты «Diritto», «не-

позволительныя» мирныя условія, предложенныя Сербіи Портой, возбудили въ княжествѣ взрывъ всеобщаго негодованія. Несмотря на существовавшее до того миролюбивое настроеніе, какъ князя Милана, такъ его правительства и значительной части Сербскаго народа, о мирѣ никто не хотѣлъ болѣе слышать и признано было нужнымъ официально заявить, что условія Порты ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть приняты.

Но наиболѣе возмущена была непомерно надменностію Порты сербская армія, и негодованіе ея выразилось демонстраціей, надѣлавшей много шума, но не имѣвшей послѣдствій, вслѣдствіе неодобренія великихъ державъ. Генералъ Черняевъ, депешей изъ Алексинца отъ 17 сентября, доносилъ князю Милану: «Состоящіе подъ моимъ начальствомъ три дивизіи прислали ко мнѣ 15 сентября поздно вечеромъ депутатовъ, которые заявили, что войска сражаются нѣсколько за объединеніе и освобожденіе сербскихъ земель, но также за цѣлость нынѣшней Сербіи. Въ отвѣтъ на требованія Порты, армія объявила чрезъ свои депутаціи, что она провозгласитъ Васъ королемъ Сербіи, — а на слѣдующій день, 16 сентября въ 11 часовъ утра, при пушечной пальбѣ, она привела свое намѣреніе въ исполненіе. По требованію арміи, одинъ баталіонъ посылается мною въ Бѣлградъ, для устнаго заявленія Вамъ желанія войскъ; ему выпала честь сдѣлаться гвардіей тѣлохранителей короля Милана I Обреновича». Была ли эта демонстрація вызвана по личному почину генерала Черняева, или дѣйствительно служила выраженіемъ неудержимаго порыва негодованія арміи — осталось неразъясненнымъ; во всякомъ случаѣ князь Миланъ, несмотря даже на поставленіе постояннаго отдѣла скупщины, одобришаго провозглашеніе его королемъ Сербіи, ограничился изъясненіемъ сво-

ей личной признательности, но предложенного ему титула не приняла. Очевидно, что въ такомъ его рѣшеніи сказывалось вліяніе европейскихъ державъ, не желавшихъ усложнить и безъ того затруднительное положеніе дѣлъ. Болѣе другихъ державъ возставала противъ этой демонстраціи Австро-Венгрія и всю вину за нее сваливала на генерала Черняева, соблазвившагося будто бы успѣхомъ «*proposia-mento*», доставившаго дону-Альфонсу корону Испаніи... *Si non e vero e ben trovato!*

Спокойно и съ достоинствомъ отнеслась къ демонстраціи Порты и даже заявила представителямъ державъ, что случай этотъ не повліяетъ на ходъ переговоровъ о мирѣ, такъ какъ князь Миланъ вѣроятно не приметъ титула, предложеннаго ему арміей, безъ согласія верховнаго правительства.

«Неофициальное или молчаливо условленное перемиріе» ясно убѣждало, что почва, на которой приходилось дѣйствовать посредничествувавшимъ державамъ, была далеко не подготовлена... Желанія борющихся сторонъ въ моментъ несчастія дипломатическихъ переговоровъ были въ той же степени противоположны одно другому, въ какой они были при первоначальномъ открытіи военныхъ дѣйствій: стремленіе Славянъ достигнуть во что бы то ни стало полнаго своего освобожденія нимало не ослабѣло; притязанія же Порты, формулированныя въ предложенныхъ ею условіяхъ мира, обличая явное намѣреніе еще болѣе прежняго поработить славянство, диаметрально противорѣчили идеѣ, во имя которой балканскіе христіане взяли за оружіе. Не безъ основанія распространено было убѣжденіе, будто притязанія Порты имѣли цѣлью, усложнивъ дипломатическія пререканія, выиграть время для нанесенія Сербіи окончательнаго удара на театрѣ военныхъ дѣйствій; это въ известной степени подтверждалось еще и

тѣмъ, что одновременно съ предъявленіемъ своихъ требованій Порты предписывала Абдул-Кериму поспѣшить «окончаніемъ кампаніи»... Во всякомъ случаѣ, фактъ предъявленія тягостныхъ и унижительныхъ для Славянъ мирныхъ условій яркими чертами обрисовалъ самый характеръ борьбы двухъ элементовъ, взаимно исключавшихъ другъ друга: христіанство съ присущими ему задатками цивилизаціи и исламизма, лишеннаго всякой способности къ прогрессу...

Хотя тотчасъ по полученіи извѣстія о распоряженіи Порты относительно пріостановки военныхъ операцій князь Миланъ тоже отослалъ приказъ начальникамъ сербскихъ войскъ ограничиваться оборонительными дѣйствіями, но въ виду нарушенія Турками этого негласнаго перемирія, генералъ Черняевъ телеграфировалъ, что онъ не находитъ возможнымъ бездѣйствовать; сербскій военный министръ Николичъ сообщилъ объ этомъ циркулярною нотою консуламъ иностранныхъ державъ.

Мы уже сказали выше, что великія державы согласились признать краткосрочную пріостановку военныхъ дѣйствій, единственно въ надеждѣ добиться въ это время заключенія продолжительнаго, правильнаго перемирія. Мы видѣли также, что Сербія не протестовала противъ этого; но когда передъ истеченіемъ 8-дневнаго срока молчаливаго перерыва битвъ, Порты изъявила желаніе продлить таковой до 2 октября, то сербское правительство, въ нотѣ министра Ристича отъ 27 сентября, высказалось вполне опредѣленно противъ новаго перемирія въ томъ видѣ, какой былъ желателенъ Турціи: оно заявляло притомъ, что таковое можетъ принести несомнѣнныя выгоды только Портѣ въ ясный ущербъ сербскимъ интересамъ. Дѣйствительно, пріостановка военныхъ дѣйствій безъ точнаго опредѣленія демаркаціонныхъ линій и другихъ

обычныхъ условій нисколько не предотвращала возможности частыхъ столкновений между противниками и никакъ не могла быть признана мѣрою, направленною къ прекращенію безполезнаго кровопролитія, въ ожиданіи разрѣшенія вопроса о мирѣ. Нота Ристича была одобрена державами, а британскій кабинетъ предложилъ принять въ основу переговоровъ о мирѣ слѣдующія условія: 1) сохраненіе относительно Сербіи и Черногоріи того положенія, которое существовало въ нихъ до войны, т. е. *statu quo ante bellum*; 2) освобожденіе Сербіи отъ уплаты какой бы то ни было военной контрибуціи и 3) введеніе въ мѣстной администраціи Босніи, Герцеговины и Болгаріи реформъ, по смыслу ноты графа Андраши. И эти такъ называемыя «англійскія» предложенія были одобрены державами, хотя съ нѣкоторыми дополненіями, а именно: чтобы предѣлы Черногоріи были расширены и чтобы возставшія провинціи, не выходя изъ зависимости Порты, получили автономію, обставленную тѣми же правами, какими пользовалась Сербія, и гарантированную державами.

По соглашеніи между державами относительно главнѣйшихъ основаній для переговоровъ о мирѣ, они были предъявлены султанскому правительству, которое очевидно не знало, на что рѣшиться въ виду двухъ совершенно противоположныхъ теченій: настойчиваго стремленія европейской дипломатіи къ заключенію мира и усиливавшагося ропота фанатической массы своего народа, враждебно относившагося ко всякимъ миролюбивымъ попыткамъ. Нѣсколько разъ собирався совѣтъ турецкихъ министровъ для обсужденія отвѣта на предложенія державъ, формулированныя въ торжественныхъ нотахъ, но положительныхъ результатовъ долго не достигалось. Только 2 октября совѣтъ постановилъ, не выражая прямо отказа, отклонить вопросъ о мѣстной ав-

тономіи трехъ провинцій, подъ предлогомъ, что мѣра эта была бы бесполезна въ виду предложенныхъ султанскимъ правительствомъ общихъ преобразованій на всемъ пространствѣ имперіи. Цѣль же преобразованій, усердно вырабатывавшихся Портою, заключалась въ томъ, чтобы замѣнить ими предложенія, составленныя британскимъ кабинетомъ, признанныя совѣтомъ турецкихъ министровъ неудобными; вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлось въ виду убѣдить, что реформы, которыхъ домогались державы, для нея самой желательны и что потому весьма естественно, что инициативу преобразованій слѣдуетъ предоставить ей. Выражалось также убѣжденіе, что по введеніи широко задуманныхъ административныхъ реформъ, автономія возставшихъ провинцій окажется безцѣльной, такъ какъ реформы эти не только радикальны, но и будутъ направлены къ безусловному обезпеченію интересовъ балканскихъ христіанъ.

Не было никакого сомнѣнія, что отвѣтъ, отвергавшій предложенія державъ, не могъ быть одобренъ послѣдними, тѣмъ болѣе что Порта не представляла никакихъ гарантій, что предполагавшіяся ею реформы, соответствуя желаніямъ Славянъ, получатъ практическое примѣненіе. Поборомъ упорство турецкаго правительства представлялось необходимою и изыскивались къ тому средства: говорилось даже о демонстраціи флотомъ, — но она была устранена несогласіемъ Франціи и Англии. Между тѣмъ срокъ краткосрочнаго перерыва военныхъ дѣйствій истекъ и они возобновились: ожесточенныя битвы происходили почти ежедневно, кровь лилась потокомъ. Не теряя надежды добиться соглашенія, державы пришли къ убѣжденію, что необходимо заключить официальное, продолжительное перемиріе; съ этой цѣлью онѣ временно предложили блистательной Портѣ и княжествамъ

заклѣчить перемиріе на неопредѣленное время. Соглашаясь на это, турецкое правительство однако вновь предложило условія, принятіе которыхъ было немислимо; онѣ заключались въ слѣдующемъ: 1) перемиріе имѣеть быть заключено на 6 мѣсяцевъ; 2) турецкимъ войскамъ будетъ предоставлено удержатъ за собою занимавшіяся ими позиціи, 3) провозъ оружія и боевыхъ запасовъ въ оба княжества будетъ строго воспрещенъ; 4) противъ наплыва иностранныхъ волонтеровъ будутъ приняты активныя мѣры; 5) обоимъ княжествамъ будетъ строго запрещено оказывать поддержку сосѣднимъ возставшимъ провинціямъ. Невольно приходилось недоумѣвать, на какомъ основаніи Порты, излагая только свои требованія, ни единымъ словомъ не упоминала объ обязательствахъ, которыя должна бы была принять на себя? А между тѣмъ справедливость требовала, чтобы она съ своей стороны тоже отказалась отъ полученія извнѣ оружія и боевыхъ припасовъ (не говоря уже объ англійскихъ деньгахъ) и дала бы хотя кое-какія гарантіи, что жестокимъ обращеніемъ съ жителями возставшихъ провинцій не вызоветъ Сербовъ и Черногорцевъ вновь взяться за оружіе для ихъ защиты.

Ни одна изъ европейскихъ державъ, кромѣ Англій, не нашла возможнымъ признать основательность требованія Порты относительно шестимѣсячнаго перемирія, не вызывавшагося при томъ необходимою и служившаго лишь новымъ доказательствомъ желанія турецкаго правительства уклониться отъ исполненія предъявленныхъ ему справедливыхъ требованій. Было очевидно, что тактика султана и его министровъ состояла по обыкновенію въ стремленіи выиграть время и возбудить раздоръ между державами; къ этому побуждала ихъ увѣренность, что нѣкоторые европейскія правительства охотно помирятся бы съ варварскимъ турецкимъ владычествомъ, видя

въ немъ выгоднаго для нихъ союзника, и скорѣе согласились бы на дальнѣйшее угнетеніе турецкихъ христіанъ, чѣмъ на ослабленіе власти ихъ угнетателя...

Сербія категорически отвергла шестимѣсячное перемиріе, предложенное Портою, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что Турція, еще недавно несоглашавшаяся даже на краткосрочное перемиріе и неожиданно предлагавшая шестимѣсячное, очевидно помышляла не о мирѣ, а о продолженіи войны. Чтобы заключить миръ, по мнѣнію Сербіи, вовсе не требовалось полугода: изъявивъ согласіе на *statu quo*, она тѣмъ самымъ засвидѣтельствовала, что во всякое время готова принять миръ на его основаніи. Оставленіе же сербской арміи подъ оружіемъ въ продолженіи шести мѣсяцевъ безъ всякихъ видовъ на успѣхъ, было бы полезно только для Турціи, такъ какъ она избавилась бы тѣмъ отъ неудобной для нея зимней кампаніи и выгадала бы время для сосредоточенія новыхъ войскъ изъ Азіи. Самый долгій срокъ перемирія Сербія опредѣляла въ шесть недѣль.

Категорическій отказъ Сербіи конечно не могъ бы самъ по себѣ произвести на Порту сильнаго впечатлѣнія, но поддержанный Россіей, онъ пріобрѣталъ важное значеніе; въ константинопольскихъ правительственныхъ сферахъ стали замѣтно обнаруживаться признаки смущенія, въ виду возможности весьма серьезнаго оборота дѣлъ. Телеграмма русскаго государственнаго канцлера князя Горчакова отъ 14 октября н. с. изъ Ливадіи, адресованная въ Парижъ, Лондонъ, Берлинъ, Вѣну и Римъ, была слѣдующаго содержанія: Мы не признаемъ перемирія на шесть мѣсяцевъ необходимымъ или благоприятнымъ для заключенія продолжительнаго мира, котораго желаемъ. Мы не можемъ производить давленія на Сербію и Черногорію, чтобы заставить ихъ согласиться на столь продолжительную несправд-

ленность ихъ труднаго положенія. Наконецъ мы находимъ, что финансовое и коммерческое положеніе всей Европы, уже невыносимое, еще болѣе пострадаетъ отъ этой отсрочки. Мы должны настаивать на перемиріи отъ одного мѣсяца до шести недѣль, согласно первоначальному предложенію Англіи, подъ условіемъ его продленія, если по ходу переговоровъ оно окажется необходимымъ.

Это рѣшительное заявленіе русскаго правительства было встрѣчено Германіей сочувственно; прочія державы тоже высказывались въ этомъ смыслѣ, и одна только Англія отозвалась, что такъ какъ она приняла шестимѣсячный срокъ перемирія, то уже не можетъ рекомендовать шестинедѣльный, хотя не воспротивится заключенію перемирія на шесть недѣль. Едва лишь сущность намѣреній Россіи стала извѣстна Портѣ, какъ обнаружилась ея наклонность согласиться на шестинедѣльное перемиріе, хотя многое заставляло предполагать, что руководясь какъ примѣрами прошлаго, такъ и возбужденной противъ нея въ данное время дипломатической кампаніей, она питала надежду, что переговоры о мирѣ затянутся и повлекутъ за собою продленіе перемирія на всю зиму, т. е. на желаемый Турками срокъ...

Между тѣмъ участіе и сочувствіе Русскаго народа къ дѣлу балканскихъ Славянъ возрастали неудержимо: денежные приношенія достигали весьма крупныхъ размѣровъ, санитарная помощь организовывалась на прочныхъ основаніяхъ, добровольцы всѣхъ сословій спѣшили потрудиться за правое, святое дѣло... Формулировались цѣлыя отряды донцовъ; съ Кавказа, съ Урала, изъ Западной и Восточной Сибири, изъ Оренбургскаго края, изъ Финляндіи и Западныхъ Окраинъ, словомъ со всѣхъ мѣстностей Русской земли стекались опытные, неустрашимые борцы. Многіе изъ нихъ уже обогрели

своею честною кровью поля битвъ подъ Алексинацемъ, защищая и отстаивая каждую пядь Сербской территоріи отъ напора хищныхъ полчищъ мусульманъ... Дѣло балканскихъ Славянъ сдѣлалось дѣломъ всего Русскаго народа, отъ мала до велика, и потому неудивительно, что настроеніе русскаго общества обратило на себя серьезное вниманіе Европы, заставивъ ее съ уваженіемъ относиться къ стремленіямъ 80-ти миллионнаго Славянскаго племени, жаждавшаго, чтобы участь его братій была навсегда прочно обезпечена. Въмѣстѣ съ тѣмъ Европа вынуждена была оцѣнить по достоинству великодушныя усилія русскаго правительства удерживать порывы своего народа и сознать, что только безпредѣльная любовь и преданность этого народа къ своему Царю-Освободителю и безусловная его вѣра, что въ державныхъ рукахъ обожаемаго Монарха честь и достоинство Россіи не будутъ омрачены, — были властны предотвратить опасность войны. Милословіе Русскаго Императора и на этотъ разъ спасло Европу отъ страшныхъ, грозившихъ ей бѣдствій...

Франція и Австро-Венгрія ни въ чемъ не измѣняли своей политики въ восточныхъ дѣлахъ. Первая, не считая себя непосредственно въ нихъ заинтересованною, присоединилась къ большинству, усердно занимаясь между тѣмъ устройствомъ своихъ внутреннихъ дѣлъ и организаціей арміи; она ни на минуту не выпускала изъ вида свою соперницу Германію, которая въ свою очередь зорко слѣдила за нею. Для этихъ двухъ державъ Восточный вопросъ былъ вопросомъ второстепеннымъ, и онѣ принимали въ немъ участіе лишь въ той мѣрѣ, которая была необходима для поддержанія ихъ достоинства, какъ великихъ державъ Европы. Иное дѣло Австро-Венгрія: каждое возникавшее усложненіе, каждая дипломатическая неудача въ переговорахъ съ Турціей тяжело отзывая-

лись на ее общественномъ строе, возбуждая натянутость отношений съ Мадырами, симпатии которыхъ явно склонились на сторону Турокъ. При всемъ томъ, Австрія дорожила союзомъ трехъ имперій и употребляла всевозможныя усилія не выйти изъ него; поэтому толки о какихъ-то тайныхъ ей преискахъ, о вооруженіи арміи и о прочемъ оказывались продуктами мадыро-жидовской партіи и ее услужливыхъ агентовъ.

Выяснивъ по возможности послѣдовательный ходъ дипломатическихъ переговоровъ и отношенія европейскихъ державъ къ дѣламъ Балканскаго полуострова, обращаемся къ военнымъ дѣйствіямъ...

Во время перемирія, Дервиш-паша посѣтилъ Скутари и, убѣдясь въ бесполезности плѣна князя миридитовъ Пренка, возвратилъ ему свободу, снабдивъ фирманомъ, обезпечившимъ его права; этимъ онъ имѣлъ въ виду привлечь Пренка на свою сторону, а слѣдовательно не допустить до возмущенія подвластнаго ему воинственнаго племени. Затѣмъ Дервиш-паша возвратился въ Подгорицу, откуда его армія уже выступила для маневрированія противъ Кучей...

Черногорскіе отряды попрежнему были разбросаны отъ Медуна, черезъ Рогали, Даниловградъ, до Загорача, противъ сосредоточеннаго между Подгорицей и Спужемъ, превосходившаго численностію непріятеля. Разбросанность эта, кромѣ желанія спасти страну отъ разоренія ее Турками, обуславливалась также неизвѣстностью, куда подгорицкая армія направитъ свой ударъ. Съ Рогамскихъ высотъ Черногорцы могли слѣдить за малѣйшими движеніями врага въ окрестностяхъ Подгорицы, а потому намѣреніе Турокъ атаковать Требачъ не осталось ими незамѣченнымъ. Чтобы обезпечить этотъ холмъ,

нужно было построить на немъ укрѣпленіе, несмотря на непрерывный огонь турецкихъ фортовъ. Однако Черногорцы колебались это исполнить, и только когда Турки перешли 26 сентября р. Зету и уже стали угрожать занятіемъ холма, воевода Илья Пламенацъ, прибывшій изъ Кучей, понявъ опасность, устремился на него съ словами: «Туркамъ ни одной пяди княжевой земли!» и осмотрѣвъ вершинну, выбралъ мѣсто для укрѣпленія, которое затѣмъ въ два дня и въ двѣ ночи было окончено подъ непрерывнымъ огнемъ непріятеля. Неоднократныя попытки рекогносцировочныхъ турецкихъ партій овладѣть холмомъ не имѣли успѣха, такъ какъ построенное изъ большихъ камней укрѣпленіе было настолько прочно, что выстрѣлы полевыхъ орудій не могли причинять ему вреда, а хотя оно предназначалось для гарнизона въ 200 человѣкъ, но было занято только 50-ю, смѣнявшимися два раза въ день, по причинѣ невыносимо-тяжелаго, одуряющаго запаха отъ неубранныхъ Турками труповъ, массами лежавшихъ по отлогостямъ Рогамскихъ высотъ.

28 сентября Турки направились къ Спужу, очевидно отказавшись отъ намѣренія вторично атаковать Рогаме... Расположась отъ д. Стѣны черезъ Челію до Мортыничича по горамъ и оставивъ одинъ баталіонъ на Рогаме, Черногорцы зорко слѣдили за врагами, пославъ въ то же время курьера къ воеводѣ Станко-Радоичичу въ Загорачъ съ извѣстіемъ объ ихъ движеніи.

1 октября большія массы Турокъ, лично предводимыхъ Дервишемъ пашею, направляясь отъ Спужа долиною Зеты къ Высочицкимъ холмамъ, завязали перестрѣлку съ баталіономъ Черногорцевъ у д. Расинова Главница; баталіонъ отъ Челійскаго монастыря и другіе Черногорцы посѣщили къ нему на помощь. Рѣшительное намѣреніе турецкаго главно-

командующаго атаковать Даниловградъ окончательно выяснилось въ послѣдующіе затѣмъ дни.

8 октября 30 баталіоновъ Турокъ, при 4 полевыхъ орудіяхъ, предприняли вторженіе въ Черногорію вдоль Высочицкихъ холмовъ, наступая противъ Мальятскихъ высотъ, которыя были заняты небольшимъ отрядомъ воеводы Ильи Пламенаца. Послѣ сильной перестрѣлки Черногорцы отступили и Дервиш-паша овладѣлъ группою холмовъ, называемыхъ Высочицкими и Мальятскими. Предпринятое Дервишем-пашею 9 октября дальнѣйшее наступленіе долиною Зеты къ Даниловграду было остановлено: съ фронта онъ былъ атакованъ воеводою Ильею Пламенцемъ, съ лѣваго фланга Станко-Радоичемъ, съ тыла Пилетичемъ и Зелалуце, занявшимъ Ильицо Брдо; одновременно пять баталіоновъ воеводы Марко Милинова атаковали Подгорицу со стороны Кучей. Дервиш-паша понесъ большія потери, вернулся на Высочицкіе холмы; у него вышло изъ строя болѣе 2,500 человекъ нижнихъ чиновъ и много офицеровъ, въ томъ числѣ 14 полковниковъ; Желаладин-паша умеръ отъ тяжкихъ ранъ, а Абди-паша пропалъ безъ вѣсти.

Между тѣмъ положеніе Медунъ становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ; онъ былъ снабженъ провіантомъ лишь по 7 октября и гарнизонъ его не только голодалъ, но и въ водѣ ощущалъ крайній недостатокъ. Во время приостановки военныхъ дѣйствій, Черногорцы, при посредничествѣ Австріи, доставили въ Медунъ провіантъ; надѣясь, что въ «добрыхъ услугахъ» держава эта не откажетъ, турецкое правительство вновь обратилось къ ней съ просьбою уговорить черногорскаго князя дать согласіе на доставку въ Медунъ провіанта на болѣе продолжительное время... Униженіе Оттоманской имперіи было полное: князь Николай, уважая прось-

бу Австріи, великодушно согласился снабдить Медунъ провіантомъ только на три дня...

Хотя освобожденіе Медунъ отъ блокады состояло постоянною цѣль усилій Турокъ, но она не была ими достигнута. Когда послѣ одного изъ пораженій турецкихъ полчищъ четыре отдѣльныя ихъ укрѣпленія (кулы) въ долинѣ Рыбницы были разрушены Черногорцами, то подойти ближе къ Медуну и изолировать его представилось для послѣднихъ дѣломъ весьма легкимъ. Вскорѣ вся горная страна до р. Цѣвны уже фактически принадлежала Черногорцамъ, и Медунъ принужденъ былъ сдать на капитуляцію 18 числа октября н. с., причемъ взяты: 500 чел. гарнизона, оружія, снаряды и вообще большіе военные запасы. Сдача Медунъ не замедлила невыгодно отразиться на общемъ положеніи арміи Дервиша-паши; она тотчасъ же очистила Мальятскія и Высочицкія высоты и отступила подъ защиту огня фортовъ и крѣпостцы Служа. Въ то же время, нападеніе 1,500 Турокъ изъ Колашина на черногорское село Липово окончилось неудачею; встрѣченные 450 Черногорцевъ изъ Морачской Рѣчицы, Турки были разбиты и отброшены съ потерей 150 чел. убитыми; у Черногорцевъ убитъ одинъ, ранено 12 человекъ.

Армія Мухтара-паши, численностію отъ 15 до 16,000 чел. при 30 орудіяхъ, находилась на позиціи при Клобувѣ. Пользуясь неопредѣленностію приостановки военныхъ дѣйствій, Турки перевезли изъ Требинья большіе запасы провіанта, закупленнаго въ Рагузѣ. Усиленіе арміи Мухтара-паши вербовкой мусульманъ въ Герцеговинѣ не удалось и только 30 сентября 100 арнаутовъ присоединились къ ней въ лагерь у р. Заслапы.

Всѣ усилія Мухтара-паши были направлены къ тому, что-

бы овладѣть Граховымъ полемъ, откуда ведутъ сравнительно удобныя дороги въ Черногорию.

3 октября Пейко Павловичъ съ отрядомъ герцеговинскихъ усташей и черногорскихъ юнаковъ занялъ высоты на правомъ берегу р. Требиничицы отъ д. Дубоци до д. Ясена; отсюда онъ грозилъ сообщеніямъ изъ Гранчарова къ Требинью, а отчасти даже къ Вилечу, тѣмъ болѣе что мостъ чрезъ р. Чепелицу былъ имъ разрушенъ. Турецкая колонна, конвоировавшая транспортъ съ провіантомъ и подвигавшаяся къ Клобуку, должна была вернуться въ Требинье, не дойдя до назначенія; усташа Мелентія и Мусича прервали сообщенія между Рагузою и Требиньемъ. Два дня Мухтаръ находился въ крайне опасномъ положеніи и только на третій день Шакир-паша, двинувшійся съ своею бригадою отъ Заслапа, освободилъ его, принудивъ Пейко Павловича уйдти съ высотъ, которыя онъ занималъ.

5 октября Мухтар-паша напалъ на черногорскія позиціи у Граховца и хотя взялъ въ началѣ три укрѣпленія, но удержаться въ нихъ не могъ; Черногорцы лишились въ этомъ дѣлѣ 30 чел. убитыми и 70 чел. ранеными. 6 числа бой возобновился; Турки были разбиты и преслѣдуемы до Клобука, лилась 1,400 чел. 7-го были двѣ битвы: одна близъ Клобука, причеиъ Турки завладѣли двумя укрѣпленіями на горѣ Космачъ, но затѣмъ оставили ихъ, потому что изъ Клобука легко было ихъ обстрѣливать; другая произошла между тремя турецкими баталіонами, шедшими изъ Требинья, встрѣтившимися съ 3 баталіонами Черногорцевъ близъ Шльино-Брдо. Турки были на голову разбиты и лишь немногимъ изъ нихъ удалось добраться до Клобука. Отрядъ воеводы Даковича 8 октября сжегъ городъ Любинье и уничтожилъ небольшой ту-

рецкій отрядъ, встрѣченный имъ на пути. 16 октября Пейко Павловичъ съ восемью баталіонами пытался овладѣть Вилечемъ, но Шакир-паша не допустилъ его до этого. Съ того времени хотя схватки происходили безпрестанно, даже съ участіемъ черногорскихъ женщинъ, но не имѣли серьезнаго значенія...

Какъ Дервишъ, такъ и Мухтар-паша, послѣ неудачныхъ столкновеній своихъ съ Черногорцами, осаждали блистательную Порту просьбами о присылкѣ подкрѣпленій; но приславъ имъ что было возможно, она вынуждена была отказывать. Тогда паша обратился къ другому средству пополнить значительно порѣдѣвшіе ряды своихъ войскъ и прибѣгли къ призыву мѣстныхъ мусульманъ. Мы уже видѣли, что весьма немногіе изъ нихъ откликнулись на эти призывы.

Да, дорого обошлась Турціи ея трехмѣсячная ожесточенная борьба съ мужественными сынами Черной горы! По самымъ умѣреннымъ исчислениямъ, потери Турокъ доходили: убитыми 13,000 чел., ранеными 10,000 чел., плѣнными нѣсколько сотъ; у нихъ было отбито 7 крупновскихъ пушекъ, 45 знаменъ, 1,000 лошадей и муловъ, около 10,000 ружей; кромѣ небольшихъ кулъ, Черногорцамъ сдалась со всѣмъ гарнизонамъ и оружіемъ крѣпость Медунь. У Черногорцевъ по официальнымъ источникамъ убито отъ 600 до 700 чел. и ранено 1,300 чел.; но настоящее значеніе этихъ цифръ получается только при сопоставленіи ихъ съ числомъ 25,000 чел., представляющимъ всю вооруженную силу Черногоріи. Но болѣе всего былъ замѣчателенъ панический страхъ, распространявшійся въ турецкихъ войскахъ при приближеніи Черногорцевъ; о сопротивленіи никто и не думалъ, а тотчасъ же начиналось постыдное бѣгство. причеиъ большинство

машинально защищено руками затылки, по которымъ съ обыкновенною силою наносили Черногорцы ловкіе удары ханджарами.

Въ виду переговоровъ о мирѣ, владѣть Алексинацемъ было чрезвычайно важно для Турокъ; съ этою цѣлью они, какъ бы игнорируя «молчаливый» перерывъ военныхъ дѣйствій, нѣсколько разъ нападали на этотъ городъ, но постоянно были отражаемы. 25 сентября въ полдень началась перестрѣлка, продолжавшаяся даже ночью на 26 число: мосты, наведенные Турками черезъ Мораву, были отчасти разрушены динамитомъ, причемъ полковникъ Андреевъ, капитанъ Постельниковъ и волонтеръ Федоровъ проносили къ нимъ разрывные снаряды, стоя по горло въ водѣ и въ 30 шагахъ разстоянія отъ турецкихъ линий. Съ уничтоженіемъ этихъ мостовъ, прекратились и попытки Турокъ атаковать Алексинацъ съ сѣвера, т. е. со стороны делиградской позиціи, гдѣ не имѣлось укрѣпленій, способныхъ защитить его.

Мѣстность, находящаяся верстахъ въ 10 сѣвернѣе Алексинаца, у перекрестка дорогъ изъ этого города въ Чупрію и изъ Крушеваца въ Бияжевацъ, всегда считалась самою удобною для защиты долины Моравы отъ вторженія со стороны Ниша. Еще въ 1806 году воевода Петръ Добринецъ построилъ на ней укрѣпленіе въ видѣ редута, названное турецко-сербскимъ словомъ Делиградъ, т. е. «укрѣпленіе отчаянныхъ», въ виду небольшого числа его защитниковъ, рѣшившихся держаться въ немъ до послѣдней крайности противъ многочисленныхъ полчищъ Турокъ. Съ прекращеніемъ борьбы, Делиградское укрѣпленіе было заброшено и только передъ настоящею войною мѣстность эта, на которой находилась тогда почтовая станція, построенная на подобіе русскихъ постоя-

лыхъ дворовъ, была выбрана для прегражденія Туркамъ наступленія изъ Ниша на Чупрію по правому берегу Моравы и обращена въ сильно укрѣпленную позицію, снабженную значительнымъ числомъ орудій большого калибра. Тамъ оживленнымъ шумнымъ таборомъ былъ раскинутъ лагерь моравской арміи и строились бараки, а 19 сентября привезены были восемь 15 фунтовыхъ пушекъ.

Делиградскія укрѣпленія находились въ связи съ укрѣпленіями лѣваго берега, располагавшимися по гребню высотъ, покрытыхъ дубовымъ лѣсомъ и густымъ кустарникомъ; на склонахъ этихъ высотъ, оканчивающихся въ углу между рр. Дьюнишкою и Моравою, расположенъ монастырь св. Нестора (Николая). Эти лѣсистыя укрѣпленные высоты защищались отрядомъ Хорватовича, располагавшимся у д. Великій Шельеговацъ на р. Дьюнишкѣ, и преграждали турецкой арміи наступленіе на Крушевацъ.

На правомъ берегу Моравы, кромѣ уже существовавшихъ алексинацкихъ укрѣпленій, возводились еще новыя, преимущественно у д. Бобовиште, имѣвшія цѣлью преградить Туркамъ переправу и не дозволить прорваться между Алексинацемъ и Делиградомъ.

У Парачина и Чуприі тоже возводились укрѣпленія и тамъ же собирался резервъ сербской арміи, численностію до 12,000 человекъ. Къ Шабацу и Лозницѣ были направлены подкрѣпленія для дринской арміи; вдоль быстрой и многоводной Дрины строились редуты, а крѣпость Шабацъ приводилась въ оборонительное положеніе и окружалась глубокимъ рвомъ. Около 2 октября, въ виду движенія Турокъ на Неготинъ и Луково, были сформированы шесть новыхъ баталіоновъ, для усиленія двухъ бригадъ, стоявшихъ у этого послѣдняго города.

Численность обѣихъ воюющихъ армій приблизительно была

равнобѣрна; но изъ показаній плѣнныхъ Турокъ оказывалось, что около 2 октября, по приказанію Абдул-Керима, стали прибывать гарнизоны изъ всѣхъ ближайшихъ городовъ, равно изъ Софіи направлялись къ нему войска, стоявшія тамъ лагеремъ.

По извѣстіямъ, имѣвшимъ несомнѣнную достовѣрность, положеніе турецкой арміи было очень затруднительное: она терпѣла нужду не только въ продовольствіи, но и въ боевыхъ снарядахъ; распространено было даже мнѣніе, что Турки будутъ вынуждены оставить передовыя позиціи, занятыя ими противъ дебриградскихъ укрѣпленій и Алексинаца. Всѣ эти соображенія побудили генерала Черняева начать наступательныя дѣйствія противъ турецкихъ позицій.

Вечеромъ 27 сентября три бригады подъ начальствомъ Іована Поповича выступили изъ Алексинаца и въ пяти верстахъ къ югу отъ него навели въ ночь на 28 число два моста и выслали передовыя отряды на поиски за турецко-сербскую границу къ д. Топольницѣ. Въ ту же ночь генералъ Черняевъ, собравъ войска у Дьюниша, лично повелъ ихъ впередъ къ Любену и на Криветскія высоты.

Чупрійская и крагуевацкая бригады и отрядъ полковника Медвѣдовскаго атаковали 28 сентября въ 6 часовъ утра чрезъ Криветь и Корманъ высоты лѣваго турецкаго фланга; атака имѣла цѣлю привлечь непріятеля къ Дьюнишу и тѣмъ облегчить дѣйствія фланговыхъ колоннъ. Турецкій мостъ у Тръняне былъ одновременно атакованъ войсками изъ Бобовиште. Устроивъ ночью мосты, отрядъ Поповича (Дохтурова), перейдя Мораву въ 7 часовъ, устремился на Фазли-пашу, стоявшаго на правомъ флангѣ Турокъ; тѣсня его, онъ овладѣлъ дд. Ноздрино, Горнимъ Буйміромъ и дошелъ до сел. Тешице. Подъ Тешицкою горою у церкви бой былъ самый упорный:

ваљевская бригада, въ рядахъ которой много отставныхъ русскихъ офицеровъ сражались какъ простые солдаты, успѣла, несмотря на огромныя потери, овладѣть двумя укрѣпленіями, но вынуждена была уступить ихъ обратно вслѣдствіе превосходства силъ непріятеля, удержавъ однако за собою Буйміръ и Ноздрино. Капитанъ Биницкій изъ Вуганья тоже дошелъ до Тешицы, у которой такимъ образомъ сербскіе отряды сошлись, занявъ единственный путь отступленія Турокъ. Узнавъ объ этомъ, турецкій обозъ съ аммуниціей, шедшій изъ Ниша, долженъ былъ вернуться обратно въ эту крѣпость.

Направляясь отъ Великаго Шельговаца и Каоника, черезъ лѣсистыя высоты на Крушье, Хорватовичъ занялъ эту дѣревню съ боя и находился въ весьма близкомъ разстояніи отъ Пещаницы, гдѣ была главная квартира Турокъ. Дрались почти цѣлый день, Сербы укрѣпились на высотахъ къ юго-востоку отъ Дьюниша, занявъ также дд. Крушье и Буйміръ. Турки побросали своихъ раненыхъ; а ихъ склады пороха и снарядовъ у Кормана были взорваны сербскою гранатою, брошенною съ праваго берега Моравы. Потери Сербовъ были весьма значительны и простирались до 300 чел. убитыми и до 800 чел. ранеными; изъ русскихъ офицеровъ убито 8, ранено 17 и 7 юнкеровъ.

Хорватовича, расположеннаго на высотахъ между Шельговацемъ и Крушье, Турки атаковали 30 сентября; цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобы отрѣзать его отъ главной моравскій арміи и, отбросивъ въ долину сербской Моравы, открыть себѣ путь къ Крушевацу. Атака ихъ была направлена изъ Гредетина, сѣвернѣе Крушье на Каоникъ; численность наступавшихъ Турокъ простиралась до 20.000 чел. при 40

занятіемъ Турками позицій при Великомъ Шельеговацѣ, Гредетинѣ и Буймірѣ. Турецкій отрядъ изъ Пандирамо пытался наступать по направленію къ Княжевацу; изъ Делиграда и Луково посланы были войска къ Банѣ и Княжевацу.

20 и 21 октября главныя силы Турокъ были направлены противъ крестскихъ укрѣпленій, гдѣ сербскими войсками командовалъ Черняевъ. Въ оба дня дрались съ раннего утра до позней ночи, преимущественно холоднымъ оружіемъ; побѣда осталась на сторонѣ Сербовъ; Хорватовичъ взялъ обратно сербскія позиціи при Шельеговацѣ и Гредетинѣ. Потери съ обѣихъ сторонъ были значительны.

Укрѣпленія при Любницѣ, доставшіяся Туркамъ во время послѣднихъ битвъ на Тимоѣѣ, были вновь заняты полковникомъ Медвѣдовскимъ, послѣ восьмичасоваго ожесточеннаго боя.

23 и 24 октября Турки въ значительныхъ силахъ напали на Дьюнишъ; Сербы вначалѣ отступили, но послѣ неимовѣрныхъ усилій, принудили Турокъ отступить; потери были громадны.

25, 26 и 27 октября Турки стягивали свои войска съ высотъ на Моравѣ въ болѣе прикрытыя позиціи въ долинѣ Дьюниша близъ Великаго Шельеговца. Густыя массы ихъ пѣхоты собирались на высотахъ выше Прчиловаца, противъ Алексинаца; съ большими перерывами обстрѣливали они эту мѣстность и впродолженіи 28 числа. 29 съ утра закипѣлъ ожесточеннѣйшій бой, въ которомъ половина русскаго баталіона геройски легла на мѣстѣ и Дьюнишъ палъ. Сербскія линіи укрѣпленій оказались прорванными и черкесы толпами достигали до Рожанъ; двѣ деревни тотчасъ же были сожжены ими. Генераль Черняевъ вынужденъ былъ отступить для прикрытія Брушеваца. Князь Миланъ въ сопровожденіи всѣхъ

русскихъ и другихъ иностранныхъ офицеровъ, находившихся въ Бѣлградѣ, выѣхалъ ночью въ Делиградъ. Всѣмъ войскамъ, какими можно было гдѣ-либо располагать, послано было приказаніе спѣшить въ Парачинъ и Делиградъ. Хорватовичъ занялъ новую позицію въ Гоглавѣ, на половинѣ пути къ Крушевацу, все населеніе котораго призывалось на защиту этого города. 31 октября происходили схватки при Глагово, хотя Сербы надѣялись, что проходъ между Глагово и Капицею будетъ ими удержанъ до прибытія подкрѣпленій. Делиградъ и Алексинацъ бомбардировались Турками и послѣдній былъ занятъ ими съ боя.

Не было сомнѣнія, что дѣло Сербовъ оказывалось проиграннымъ и что только чудо могло спасти злополучную страну отъ вторженія въ нее голодныхъ, оборванныхъ, дикихъ турецкихъ полчищъ... И чудо это совершилось: мощное слово помазанника Божія, Русскаго Царя-Освободителя-Миротворца, остановило напоръ кровожадныхъ ордъ, уже предвкушавшихъ плоды своихъ успѣховъ... Упорство Порты заключить перемиріе было сломлено и 2 ноября н. с. она уже — *bon gré, mal gré* — предписала своимъ главнокомандующимъ прекратить военныя дѣйствія.

Представляя послѣдовательный ходъ военныхъ дѣйствій на Тимоѣѣ и Моравѣ, мы невольно должны были отложить на время описаніе событій и операцій на Дринѣ и Ибарѣ. Между тѣмъ происходившее тамъ не было вовсе лишено значенія; поэтому дополняемъ теперь ощущающійся пробѣлъ.

Узунъ Мирковичъ, командовавшій нѣкоторое время дринскою арміей, былъ отозванъ и ген. Ранко-Алимпичъ вновь принялъ надъ нею начальство. Между тѣмъ слухи о намѣреніи Турокъ вторгнуться въ Сербію со стороны Бѣлины и Вышеграда приобрѣтали все болѣе и болѣе вѣроятія. 23 ок-

тября Турки перешли Дрину; при Лосницъ бой длился три часа, и въ концѣ концовъ они были отгнаны обратно. При Сербской Рачъ мелкія стычки не прекращались. Усташа Боснии, предводимые Деспотовичемъ, напали въ половинѣ октября на г. Ключъ и сожгли 300 домовъ; у Турокъ убито 105 чел., у усташей 11 и 5 раненыхъ. У Деспотовича образовался отрядъ въ 2,500 чел.; кроме того у начальниковъ отдѣльных частей насчитывалось до 6,000 борцовъ. Недостатокъ въ оружіи ощущался всюду и этимъ только объяснялась слабая предприимчивость усташей; однако Деспотовичу удалось взять турецкій городъ Петровацъ. Около 29 октября происходили на Дринѣ битвы, и отдѣльные сербскіе отряды по одиночкѣ переправлялись черезъ эту рѣку... Амеличъ и Бундаломъ разбили Турокъ при Крупѣ; Бабичъ и понъ Коралъ подъ Старымъ Майданомъ разсѣяли отрядъ Солimana-паши. Во всѣхъ схваткахъ усташамъ доставались въ добычу оружіе и военные снаряды, что конечно было имъ очень съ руки.

Боснійскіе усташа держали въ монастырѣ Эрмани «скупщину» для рѣшенія вопроса, слѣдовало ли продолжать борьбу, или принять предлагавшіяся для Боснии реформы. Полковникъ Деспотовичъ присутствовалъ въ собраніи, а равно делегаты изъ Герцеговины. Послѣ долгихъ преній, послѣдовала слѣдующая резолюція: 1) объявить Европѣ особымъ документомъ, что Боснія не можетъ долѣе управляться турецкими чиновниками; 2) Боснія требуетъ политической автономіи и удаленія турецкихъ войскъ изъ всего вилайета; 3) усташа твердо рѣшились продолжать борьбу, пока не достигнутъ вышеупомянутыхъ цѣлей... Одновременно, боснійскій вали Назреф-паша требовалъ отъ всего христіанскаго и еврейскаго населенія Боснии подписанія «масбата» (адреса) къ правительству, съ заявленіемъ, что жители провинціи не желаютъ ни авто-

номіи для Боснии, ни введенія реформъ, отдавая притомъ свою жизнь и имущество въ распоряженіе султана. Православное и католическое населеніе единодушно отказывалось отъ подписанія подобнаго адреса.

Съ назначеніемъ русскаго генерала Новоселова, прославившагося въ 1848 г. на Кавказѣ при защитѣ укрѣпленія «Ахты», начальникомъ ибарской арміи, военныя дѣйствія ея приняли болѣе рѣшительный характеръ; кроме занятія Чолангичемъ по распоряженію Новоселова Куршумле, о чемъ мы упомянули выше, онъ намѣревался начать наступательное движеніе къ Сѣнницѣ.

12 октября Новоселовъ отразилъ сдѣланное на него Турками нападеніе, а 17 самъ атаковалъ ихъ при Яворѣ и отгналъ до Васильева. Въ этой битвѣ русскій доброволецъ унтер-офицеръ Михайловъ оказался достойнымъ соперникомъ Черногорца Милоша Новака: онъ убилъ 12 турокъ — 4 изъ ружья, 6 изъ револьвера и 2 прикладомъ, получивъ лишь ничтожныя раны. Затѣмъ Турки атаковали 23 октября Новоселова, подвигавшагося къ Новому Варошу; послѣ упорнаго боя, Сербы взяли одно укрѣпленіе, потерявъ убитыми 4 и ранеными 53 чел. Огонь сербской артиллеріи нанесъ Туркамъ значительный уронъ.

Это была послѣдняя битва Сербовъ съ Турками на Ибарѣ ..

Кончая настоящій третій отдѣлъ нашего очерка, приводимъ слышанное нами мнѣніе одного стараго кавказца, лично знавшаго славныхъ дѣятелей кавказской арміи: Пассека, Слѣпцова, Сулова, Бакланова и многихъ другихъ. Мнѣніе это настолько оригинально, что мы позволили себѣ передать его читателямъ:

«Главная ошибка генерала Черняева состояла въ томъ,—

говорилъ кавказецъ, — что онъ рѣшился «сунуться въ воду, не спросясь броду!» Повѣривъ сербскому главному штабу, что Болгары ждуть его съ распростертыми объятіями, Черняевъ не воспользовался своимъ успѣхомъ при Бабиной-Главѣ и бросился къ Ак-Паланкѣ и Пироту. По нашему, по кавказскому, слѣдовало поступить не такъ: погнавъ Турокъ съ Бабиной-Главы и преслѣдуй ихъ по пятамъ къ Нишу, а тамъ, не давая опомниться, атакуй и самую крѣпость. «Смѣлость города беретъ» говоритъ наша русская пословица, и кто знаетъ, — быть можетъ подъ впечатлѣніемъ неудачи, Турки пожалуй растерялись бы и штурмъ былъ бы вовсе не труденъ, тѣмъ болѣе что Сербы были воодушевлены первымъ своимъ успѣхомъ и полѣзли бы на стѣны Ниша не задумываясь... А вѣдь при побѣдѣ послѣдствія были бы неисчислимы и Туркамъ сразу пришлось бы жутко!... Въ случаѣ же неудачи, бѣда была бы не слишкомъ велика, такъ какъ Сербія, оказавшись при самомъ началѣ обезсиленаю, точно также была бы принята подъ защиту державъ, какъ и послѣ пораженія при Дьюнишѣ. Зато сколько было бы сбережено жертвъ, сколько городовъ, селъ и деревень не подвергнулись бы разоренію! Во всякомъ случаѣ, при неудачномъ штурмѣ Ниша, Сербы лишились бы много-много двух-трехъ тысячъ человѣкъ; теперь же ихъ потери чуть ли не въ семеро превышаютъ эту цифру!».

Не позволяя себѣ комментировать чужое мнѣніе, продаемъ за что сами купили...

ОТДѢЛЪ IV.

Могучее слово Русскаго Императора спасло Сербію отъ колечнаго опустошенія, а Европу отъ позора быть вновь равнодушною свидѣтельницею ужасовъ, подобныхъ болгарскимъ. Въслѣдъ за Дьюнишскимъ погромомъ, сербскій князь обратился черезъ русскаго генеральнаго консула въ Бѣлградѣ, г. Карчевъ русскаго генеральнаго консула съ мольбою о заступничествѣ. 30 октября н. с. Государь Императоръ телеграммою изъ Ливадіи соизволилъ повелѣть генералъ-адъютанту Игнатъеву потребовать отъ Порты, чтобы она въ двухдневный срокъ приняла перемиріе на шесть недѣль, а въ крайнемъ случаѣ на два мѣсяца и немедленно приказала бы приостановить военныя дѣйствія: въ противномъ случаѣ, чтобы онъ со всѣмъ посольствомъ выѣхалъ изъ Константинополя и прервалъ съ Портою дипломатическія сношенія.

Эпизодъ переговоровъ съ турецкимъ правительствомъ о заключеніи перемирія какъ нельзя ярче характеризовалъ вѣковое восточное политическое коварство и дипломатическое его нечестіе. Еще за два почти мѣсяца до Дьюнишской битвы, европейскія державы признали необходимымъ прекращеніе военныхъ дѣйствій, вызывавшихъ пролитіе крови, не давая въ то же время рѣшительнаго перевѣса ни одной изъ борю-

пихся сторонъ. Извѣстный восьмилдневный бой подъ Алексанцемъ, сопровождавшійся для Турокъ не менѣе, если не болѣе великими потерями, чѣмъ понесенныя Сербами, ускорило мирное посредничество державъ. Несмотря на всевозможныя натяжки, къ которымъ прибѣгали туркофилы, чтобы доказать, что битвы послѣднихъ чиселъ августа обнаружили военную силу Турціи, трудно было скрыть, что минимые успѣхи турецкаго оружія настолько ослабили турецкую моравскую армию, что она была рѣшительно не въ силахъ тогда же нанести Сербамъ окончательный ударъ. Понятно, что это положеніе дѣлъ было вполне ясно оттоманскому правительству: для него представлялось жизненнымъ вопросомъ выиграть какъ можно болѣе времени, чтобы усилить дѣйствовавшую противъ Сербіи армию и дать отдохнуть и оправиться этой арміи, потрясенной потерями, изнуренной и деморализованной лишеніями и недостатками снабженія. Что таково именно было состояніе турецкой арміи послѣ сраженій на Моравѣ, вромѣ безчисленныхъ заявленій газетныхъ корреспондентовъ, доказывается всего лучше признаніемъ англійскаго генерала Кемпбелля, находившагося въ турецкой главной квартирѣ, въ качествѣ политическаго друга и военнаго совѣтника.

Посредничество европейскихъ державъ, направленное къ заключенію шестиндѣльнаго перемирія и затѣмъ мира, не было сдѣлано въ формѣ коллективнаго предложенія, но въ отдѣльности представителями великихъ державъ въ Константинополѣ. Несмотря однако на всѣ препятствія, мѣшавшія соглашенію державъ въ рѣшеніи Восточнаго вопроса, въ основу переговоровъ о мирѣ были приняты такъ называемыя «англійскія предложенія», сущность которыхъ состояла, съ одной стороны, въ сохраненіи «status quo» для Сербіи и Черногоріи, а главнымъ образомъ въ цѣлости и независимости

Оттоманской имперіи. Безъ сомнѣнія, разединеніе между посредничествовавшими державами было причиною того, что Порты, не отказываясь прямо заключить перемиріе и начать переговоры о мирѣ, выступила съ такими предложеніями мира, которыя поразили удивленіемъ и негодованіемъ не однихъ сторонниковъ улучшенія участи турецкихъ христіанъ, но и наиболѣе искреннихъ и убѣжденныхъ туркофиловъ. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ ухищреній со стороны Порты, имѣвшихъ цѣлю выиграть время: газеты то сообщали о полномъ отказѣ турецкаго правительства отъ всякаго иностраннаго посредничества, то о предъявленіи Портою безчисленныхъ несущественныхъ возраженій; то, наконецъ, о предложеніи, взаимнѣ шестиндѣльнаго перемирія, прекратить военныя дѣйствія на шесть мѣсяцевъ. Можно смѣло сказать, что эта недостойная дипломатическая игра Порты затянулась бы надолго, въ особенности при явномъ почти поощреніи англійскихъ друзей и специально сэра Эллиота, еслибы противовѣсомъ не служило болѣе настойчивое давленіе на турецкое правительство русской дипломатіи. Возвращеніе 5 (17) октября генералъ-адъютанта Игнатъева къ своему посту дало Портѣ почувствовать, что дальнѣйшая проволочка становилась опасною, что лишь немного дней осталось возможнымъ выиграть. Вотъ почему, въ то время какъ султанъ Абдул-Гамидъ съ особымъ, исключительнымъ почетомъ принималъ на аудіенціи русскаго посла, блѣднѣя при мысли о томъ, что генералъ Игнатъевъ привезъ ему ультиматумъ Русскаго Царя, турецкое военное министерство послало главнокомандующему Абдул-Кериму-пашѣ приказаніе нанести Сербамъ рѣшительный ударъ во что бы то ни стало, даже не ожидая стягившихся подкрѣпленій отъ Мухтара и Дервиша пашей. Какъ извѣстно, за этимъ повелѣніемъ послѣдовало сосредоточеніе

пшихся сторонъ. Извѣстный восьмидневный бой подъ Алексинацемъ, сопровождавшійся для Турокъ не менѣе, если не болѣе великими потерями, чѣмъ понесенныя Сербами, ускорило мирное посредничество державъ. Несмотря на всевозможныя натяжки, къ которымъ прибѣгали туркофилы, чтобы доказать, что битвы послѣднихъ чиселъ августа обнаружили военную силу Турціи, трудно было скрыть, что минимые успѣхи турецкаго оружія настолько ослабили турецкую моравскую армию, что она была рѣшительно не въ силахъ тогда же нанести Сербамъ окончательный ударъ. Понятно, что это положеніе дѣлъ было вполне ясно оттоманскому правительству: для него представлялось жизненнымъ вопросомъ выиграть какъ можно болѣе времени, чтобы усилить дѣйствовавшую противъ Сербіи армию и дать отдохнуть и оправиться этой арміи, потрясенной потерями, изнуренной и деморализованной лишениями и недостатками снабженія. Что таково именно было состояніе турецкой арміи послѣ сраженій на Моравѣ, кромѣ безчисленныхъ заявленій газетныхъ корреспондентовъ, доказывается всего лучше признаніемъ англійскаго генерала Кемпбелля, находившагося въ турецкой главной квартирѣ, въ качествѣ политическаго друга и военнаго совѣтника.

Посредничество европейскихъ державъ, направленное къ заключенію шестинедѣльнаго перемирія и затѣмъ мира, не было слѣдано въ формѣ коллективнаго предложенія, но въ отдѣльности представителями великихъ державъ въ Константинополѣ. Несмотря однако на все препятствія, мѣшавшія соглашенію державъ въ рѣшеніи Восточнаго вопроса, въ основу переговоровъ о мирѣ были приняты такъ называемыя «англійскія предложенія», сущность которыхъ состояла, съ одной стороны, въ сохраненіи «status quo» для Сербіи и Черногоріи, а главнымъ образомъ въ цѣлости и независимости

Оттоманской имперіи. Безъ сомнѣнія, разъединеніе между посредническими державами было причиною того, что Порты, не отказываясь прямо заключить перемиріе и начать переговоры о мирѣ, выступила съ такими предложеніями мира, которые поразили удивленіемъ и негодованіемъ не однихъ сторонниковъ улучшенія участи турецкихъ христіанъ, но и наиболѣе искреннихъ и убѣжденныхъ туркофиловъ. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ ухищреній со стороны Порты, имѣвшихъ цѣлью выиграть время: газеты то сообщали о полномъ отказѣ турецкаго правительства отъ всякаго иностраннаго посредничества, то о предъявленіи Портою безчисленныхъ несущественныхъ возраженій; то, наконецъ, о предложеніи, взаимнѣ шестинедѣльнаго перемирія, прекратить военныя дѣйствія на шесть мѣсяцевъ. Можно смѣло сказать, что эта недостойная дипломатическая игра Порты затянулась бы надолго, въ особенности при явномъ почти поощреніи англійскихъ друзей и специально сэра Эллиота, еслибы противоборство не служило болѣе настойчивое давленіе на турецкое правительство русской дипломатіи. Возвращеніе 5 (17) октября генералъ-адъютанта Игнатъева къ своему посту дало Портѣ почувствовать, что дальнѣйшая проволочка становилась опасною, что лишь немного дней осталось возможнымъ выиграть. Вотъ почему, въ то время какъ султанъ Абдул-Гамидъ съ особымъ, исключительнымъ почетомъ принималъ на аудіенціи русскаго посла, блѣднѣя при мысли о томъ, что генералъ Игнатъевъ привезъ ему ультиматумъ Русскаго Царя, турецкое военное министерство послало главнокомандующему Абдул-Кериму-пашѣ приказаніе нанести Сербамъ рѣшительный ударъ во что бы то ни стало, даже не ожидая стягивавшихся подкрѣпленій отъ Мухтара и Девриши пашей. Какъ извѣстно, за этимъ повелѣніемъ послѣдовало сосредоточеніе

всѣхъ наличныхъ турецкихъ силъ Моравы и нападеніе всею массою на сербскія укрѣпленія. Слѣпая ярость и беззавѣтное упорство, съ которыми Турки шли впередъ, несмотря на громадныя потери, хорошо объясняются тѣмъ, что не только турецкая главная квартира, но и сами войска понимали, что имъ необходимо побѣдить какою бы ни было цѣною, такъ какъ дальнѣйшее бездѣйствіе, при ужасномъ состояніи турецкихъ войскъ, было бы столько же гибельно, какъ и пораженіе на дьюнишскихъ высотахъ...

Дьюнишъ палъ, Сербы отступили внутрь страны, — русскій ультиматумъ положилъ конецъ изворотливости оттоманскаго правительства. Не покориться требованіямъ этого ультиматума не было возможности: его энергія произвела впечатлѣніе не только на Порту, но и на всю почти европейскую печать. Органы общественного мнѣнія Европы, еще наканунѣ, 18 октября поощрявшіе Порту увѣреніями, что Россія слишкомъ, яко бы, слаба, чтобы грозно возвысить свой голосъ, теперь наперерывъ убѣждали Турцію подчиниться русскимъ требованіямъ, утѣшая ее тѣмъ, что она достаточно доказала своею военною силою громкими побѣдами. Но и при всемъ этомъ, турецкое правительство не теряло надежды употребить съ выгодой два дня, данные въ видѣ крайняго срока. Только къ вечеру 2 ноября турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ Савфет-паша увѣдомилъ генералъ-адъютанта Игнатьева о принятіи блистательно Портою двухмѣсячнаго перемирія и о томъ, что турецкимъ военачальникамъ посланы приказанія о немедленномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій. Между тѣмъ 30 октября и 1 ноября борьба еще продолжалась, и въ настоящее время совершенно ясно, что если армія Абду Керима не имѣла дальнѣйшихъ успѣховъ и если баши-бузукамъ и черкесамъ не удалось предать огню и мечу гораздо

большую часть сербской территоріи чѣмъ та, которая сдѣлалась ихъ жертвой, то виною тому не недостатокъ доброй воли Порты и ея главнокомандующаго. Паденіе Дьюниша, — и это было признано людьми компетентными въ военномъ дѣлѣ, — еще не открывало Туркамъ настѣжь воротъ Сербіи, какъ старались увѣрить въ томъ Европу Турки и ихъ друзья: за первую линію укрѣпленій былъ возведенъ рядъ другихъ, по направленію отъ Крушеваца къ Чуприи, и не подлежало сомнѣнію, что побѣдоносное шествіе обезсиленной и опьяненной успѣхомъ турецкой арміи было бы ими остановлено. Однако самоувѣренная надежда въ нѣсколько дней вполне разгромить Сербію еще не покидала турецкой главной квартиры, и международный телеграфъ извѣщалъ Европу, что главнокомандующій Абду-Керим-паша не хочетъ будто бы и слышать о перемиріи, не завершивъ своихъ побѣдъ; когда же черезъ два дня стало ясно, что турецкая армія сдѣлала все, что для нея въ данную минуту было возможно, и послѣдовалъ покорный отвѣтъ Порты на русскій ультиматумъ, то туркофильскіе органы принялись увѣрять, что только формальныя приказанія изъ Константинополя остановили побѣдное шествіе Турокъ къ Бѣлграду. Какъ бы ни было, перемиріе было заключено, считая съ 2 ноября на два мѣсяца, и для опредѣленія демаркаціонной линіи между воюющими сторонами, были образованы комиссіи, которымъ предписывалось принять въ основаніе своихъ работъ военный принципъ «uti possidetis». Въ составъ этихъ комиссій для Сербіи были назначены слѣдующіе члены: Россією — полковникъ Зеленый, Англією — генералъ Кемпбелль, Францією — подполковникъ Дорр, Австріей — подполковникъ Раабъ, Германіей — подполковникъ Мантей и Италіей — маіоръ Миноти. Для Черногоріи были назначены слѣдующіе комиссары: со стороны Россіи — полков-

никъ Боголюбовъ, Германіи—консулъ Лихтенбергъ, Австріи—подполковникъ Айбори, Англіи—полковникъ Леноксъ, Франціи—полковникъ Лемуанъ и Италіи—консулъ Дурандо. Выѣстъ съ образованіемъ демаркаціонныхъ комиссій, между державами шли оживленные переговоры по вопросу о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ въ отношеніи турецко-славянской борьбы. Возобновилась мысль о созваніи конференціи изъ представителей европейскихъ державъ, съ цѣлью окончательнаго, по возможности, разрѣшенія такъ называемыхъ восточныхъ замѣшательствъ. Должно признать, что въ дѣлѣ созванія конференціи и опредѣленія ея цѣлей, въ первый разъ со времени начала турецко-славянской распри, обнаружилось довольно полное соглашеніе между великими державами и лишь короткое время длились болѣе второстепенныя препирательства относительно избранія города, въ которомъ предстояло конференціи собраться, а также вопроса о томъ, должна ли Турція имѣть на этихъ совѣщаніяхъ своего представителя. Мѣстомъ созванія конференціи былъ назначенъ Константинополь; державамъ предоставлено было имѣть особыхъ уполномоченныхъ, кромѣ дипломатическихъ представителей ихъ въ Константинополь; Турція участвовала въ совѣщаніяхъ въ лицѣ двухъ делегатовъ, роль которыхъ должна была преимущественно заключаться въ подачѣ необходимыхъ объясненій. Въ основу совѣщаній конференціи были положены извѣстные уже англійскія предложенія; англійскій кабинетъ ставилъ условіемъ *sine qua non* дипломатическихъ совѣщаній сохраненіе цѣлости и независимости Оттоманской имперіи. Относительное единодушіе европейскихъ державъ сдѣлалось возможнымъ единственно въ виду того, что Россія обнаружила твердую рѣшимость выступить на путь неуклоннаго, энергическаго стремленія къ конечному разрѣшенію болѣе года тяготѣвшихъ

надъ Европою вопросовъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ принятія Портою требованій русскаго ультиматума, князь Горчаковъ разослалъ къ представителямъ Россіи при иностранныхъ державахъ циркулярную ноту, въ которой между прочимъ сказано, что въ виду неуспѣшнаго годоваго воздѣйствія дипломатіи и повторенія насилій и варварствъ на всемъ проженіи Оттоманской имперіи, «Государь Императоръ, принимая съ своей стороны твердую рѣшимость преслѣдовать и достигнуть всѣми зависящими отъ Него средствами предначертанную великими державами цѣль, изволилъ признать необходимымъ мобилизовать часть своей арміи». «Государь Императоръ», пишетъ далѣе государственный канцлеръ, «не желаетъ войны и сдѣлаетъ все возможное для избѣжанія оной. Но Его Величество не остановится въ своей рѣшимости дотѣхъ поръ, пока признанные всею Европою принципы справедливости и челоуколюбія, къ коимъ народное чувство Россіи примкнуло съ неудержимою силою, не возымѣтъ полнаго и обезпеченнаго гарантіями осуществленія». Эта нота датирована 1 ноября 1876 года, и въ тотъ же день изданъ Высочайшій приказъ о приведеніи на военное положеніе 7, 8, 9, 10, 11 и 12 армейскихъ корпусовъ и объ образованіи дѣйствующей арміи, съ назначеніемъ главнокомандующимъ ея Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго. Но и ранѣе ноты князя Горчакова и приказа о мобилизаціи арміи, всякія недоразумѣнія по отношенію къ дальнѣйшей роли Россіи въ восточныхъ дѣлахъ были уже разъяснены словами Государя Императора, произнесенными имъ при приѣмѣ московскаго дворянства и городского общества въ Москвѣ 10 ноября н. с. 1876 г. Вотъ эти памятные слова: «Благодарю васъ, господа, за чувства, которыя вы желали Мнѣ выразить по случаю настоящихъ политическихъ обстоя-

тельствъ. Онѣ теперь болѣе разъяснились и потому я готовъ принять вашъ адресъ съ удовольствіемъ.

«Вамъ уже извѣстно, что Турція покорилась Моимъ требованіямъ о немедленномъ заключеніи перемирія, чтобы положить конецъ бесполезной рѣзнѣ въ Сербіи и Черногоріи. Черногорцы показали себя въ этой неравной борьбѣ, какъ всегда, истинными героями. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать про Сербовъ, несмотря на присутствіе въ ихъ рядахъ нашихъ добровольцевъ, изъ которыхъ многіе заплатились кровью за славянское дѣло. Я знаю, что вся Россія, вмѣстѣ со Мною, принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ и происхожденію; но для Меня истинные интересы Россіи дороже всего, и Я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь.

«Вотъ почему Я стараюсь и продолжаю стараться достигнуть, мирнымъ путемъ, дѣйствительнаго улучшенія быта всѣхъ христіанъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ. На дняхъ должны начаться совѣщанія въ Константинополь между представителями шести великихъ державъ, для опредѣленія мирныхъ условій.

«Желаю весьма, чтобы Мы могли придти къ общему соглашенію. Если же оно не состоится и Я увижу, что мы не добьемся такихъ гарантій, которыя обезпечивали бы исполненіе того, что мы вправѣ требовать отъ Порты, то Я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, и увѣренъ, что въ такомъ случаѣ вся Россія отзовется на Мой призывъ, когда Я сочту это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Увѣренъ также, что Москва, какъ всегда, подастъ въ томъ примѣръ. Да поможетъ намъ Богъ исполнить наше святое призваніе».

Общее впечатлѣніе, произведенное на европейскую, даже

враждебную Россіи прессу, этими исполненными достоинствами, твердостью и вмѣстѣ благодушнаго миролюбія словами, было какъ нельзя болѣе благоприятно. Даже австрійскія газеты, состоящія на жалованьи Турціи, понизили свой рѣзко-неприличный тонъ. Седьмая великая держава «Times» находила образъ дѣйствій Россіи вполне естественнымъ и настоятельно убѣждала англійское правительство стремиться къ соглашенію съ петербургскимъ кабинетомъ.

Но въ то время какъ Русскій Императоръ произносилъ въ Москвѣ свои спокойныя и твердыя слова, глава англійскаго правительства выступилъ съ рѣчью, на банкетѣ въ Сити, обратившею на себя вниманіе заносчивостью, советамъ не подходившею къ положенію дѣлъ и сильно напоминавшею, что ораторъ все приносить въ жертву собственному честолюбію, неудовлетворенному даже тою карьерою лорда Беконсфильда, какая едва ли снилась г. Дизраэли при началѣ его политической дѣятельности. Принужденный признать, что положеніе восточныхъ христіанъ требуетъ общаго вниманія европейскихъ державъ, съ цѣлью улучшенія ихъ участи, лордъ Беконсфильдъ тѣмъ не менѣе не удержался въ концѣ рѣчи, отъ хвастливаго указанія на обширныя военныя приготовления Англии, на ея готовность къ войнѣ, «которую, однажды начавъ, она не окончитъ до тѣхъ поръ, пока дѣло справедливости не получитъ полнаго удовлетворенія». Можно было догадываться, что разумѣлось подъ названіемъ «дѣло справедливости»: лордъ Беконсфильдъ, попрежнему, находилъ необходимымъ, для удержанія власти, поддерживать общественное мнѣніе своей страны въ невѣжественномъ убѣжденіи о стремленіяхъ Россіи къ завоеванію Константинополя и отнятію у Англичанъ сокровищъ восточной Индіи. Нельзя ни на одну минуту допустить предположеніе, чтобы Дизраэли во время

произнесения его рѣчи былъ искренно убѣжденъ въ основательности обращенныхъ къ Россіи подозрѣній. Ему было уже извѣстно, вкорѣ послѣ того обнародованное по требованію русскаго государственнаго канцлера, донесеніе представителя Англіи при Россійскомъ дворѣ, лорда Лофтуса, посланное этимъ послѣднимъ министру иностранныхъ дѣлъ лорду Дерби и заключавшее въ себѣ отчетъ объ аудіенціи, данной Русскимъ Императоромъ англійскому послу въ г. Ялтѣ, въ Крыму. Изъ этого донесенія видно, что Государь Императоръ указывалъ лорду Лофтусу на недѣльные толки англійскихъ друзей Турціи, о завоевательныхъ замыслахъ Россіи. «Его Величество», говоритъ въ своемъ донесеніи лордъ Лофтусъ, «выразилъ сожалѣніе, что въ Англіи существуетъ застарѣлая подозрительность въ отношеніи русской политики и постоянное опасеніе насчетъ наступательныхъ дѣйствій и завоеваній со стороны Россіи. Онъ давалъ въ различныхъ случаяхъ самыя торжественныя увѣренія въ томъ, что не желаетъ завоеваній, не добивается никакого расширенія предѣловъ Россіи и не имѣетъ ни малѣйшаго желанія или намѣренія обладать Константинополемъ. Все что было говорено или писано о завѣщаніи Петра Великаго и о замыслахъ Екатерины II не болѣе какъ заблужденія и призраки; ихъ въ дѣйствительности не было и Императоръ считаетъ, что приобрѣтеніе Константинополя было бы несчастіемъ для Россіи; что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи и что эта мысль никогда не приходила въ голову ни Ему, ни Его покойному Родителю, доказавшему это въ 1828 году, когда его побѣдоносная армія стояла въ четырехъ дняхъ пути отъ столицы Турціи». — «Императоръ», пишетъ далѣе лордъ Лофтусъ, «не видитъ, почему бы между Англіею и Россіею не быть полному согласію, основанному на мирной политикѣ, одина-

ново полезной какъ ихъ взаимнымъ интересамъ, такъ и цѣлой Европѣ. Наконецъ, сказалъ мнѣ Его Величество. Россіи приписываютъ намѣреніе завоевать современемъ Индію и приобрѣсти Константинополь. Нельзя же этого ничего нельзя себѣ вообразить. Завоеваніе Индіи для насъ совершенно невозможно; что же касается до завоеванія Константинополя, сказалъ Императоръ, то я снова завѣряю васъ самымъ торжественнымъ образомъ, что не имѣю на это ни желанія, ни намѣренія. Его Величество сильно сѣтовалъ на обнаружившіяся въ Англіи чувства недовѣрія къ Его политикѣ, которыхъ послѣдствія оказались столь вредными для дѣла умиротворенія, и убѣдительно просилъ употребить все зависящія отъ меня мѣры, чтобы разсѣять эту подозрительность и недовѣрчивость; съ этою цѣлью Онъ уполномочилъ меня сообщить англійскому правительству повторенныя мнѣ торжественныя увѣренія».

Самое обнародованіе этой переписки лорда Лофтуса съ графомъ Дерби произошло главнымъ образомъ вслѣдствіе выраженного Русскимъ Государемъ желанія, чтобы употреблены были все средства для искорененія застарѣлой недовѣрчивости Англіи къ намѣреніямъ Россіи. Государь Императоръ еще разъ несомнѣнно доказалъ, что единственная цѣль всехъ стремленій русскаго правительства и народа заключается въ улучшеніи невыносимаго положенія турецкихъ христіанъ, а не въ хищническихъ завоевательныхъ планахъ, которыми до сего времени оправдываетъ англійскій кабинетъ свои турецкія симпатіи. Обнародованіе разговора Императора съ лордомъ Лофтусомъ, какъ и слѣдовало ожидать, произвело благоприятное впечатлѣніе на настроеніе общественнаго мнѣнія Европы и особенно Англіи. Раздались многочисленные голоса, убѣждавшіе правительство искать разрѣшенія Восточнаго вопроса въ искреннемъ соглашеніи съ Россіею; снова собирались на-

родные миттинги въ пользу турецкихъ христіанъ, подобныя тѣмъ, которые получили было значительное развитіе послѣ отчетовъ Беринга и Скайлера, а также корреспондентовъ газетъ и особенно Daily News о болгарскихъ ужасахъ, которые однако вскорѣ прекратились подъ вліяніемъ предложенія Россіи о занятіи войсками Болгаріи, предложенія, перетолкованнаго англійскимъ кабинетомъ и враждебными Россіи публицистами въ смыслъ перваго шага Россіи на пути къ захвату Константинополя. Благодаря новому повороту англійскаго общественнаго мнѣнія, вызванному полнымъ искренности образомъ дѣйствій Россіи, англійское правительство почти не колебалось, приступая къ соглашенію съ европейскими державами относительно разрѣшенія восточныхъ дѣлъ при помощи конференціи.

Прежде чѣмъ обратиться къ описанію хода работъ этой конференціи и достигнутыхъ ею результатовъ, мы должны бросить взглядъ на положеніе дѣлъ въ Сербіи и Черногоріи, а также въ возставшихъ провинціяхъ послѣ Дьюнишскаго сраженія и заключенія перемирія на два мѣсяца.

Пораженія сербскихъ войскъ на Моравѣ произвели въ Сербіи и особенно въ Бѣлградѣ тѣмъ болѣе тягостное впечатлѣніе, что такой быстрый, неудачный исходъ борьбы былъ почти совершенно неожиданностію, по крайней мѣрѣ для столицы Сербіи. Въ первые часы и дни послѣ взятія Турками Дьюнишскихъ укрѣпленій и наступленія ихъ по направленію къ Крушевцу, почти паническій страхъ овладѣлъ не только ближайшимъ къ театру военныхъ дѣйствій населеніемъ, но и столицей. На самомъ дѣлѣ, пораженія слѣдовали одно за другимъ не такъ быстро, какъ можно было думать по безчисленнымъ тревожнымъ извѣстіямъ, и между тѣмъ какъ телеграфъ то и дѣло сообщалъ о различныхъ новыхъ турецкихъ побѣдахъ, какъ взятіе Делиграда, Крушеваца и проч., въ

дѣйствительности энергія побѣдителей истощилась напряженіемъ въ битвахъ на Моравѣ и турецкая армія не пошла далѣе стычекъ при Глаговѣ, передъ Крушевацемъ и занятія покинутого сербами Алексинаца. Къ тому времени подошло приказаніе изъ Константинополя о прекращеніи военныхъ дѣйствій, которыя и были дѣйствительно прекращены между регулярными арміями, хотя еще нѣсколько дней послѣ заключенія перемирія происходили нарушенія такового со стороны скопищъ баши-бузукъ и черкесовъ. Одновременно прекратились военныя дѣйствія и на черногорскомъ театрѣ войны, къ счастью для турецкихъ войскъ, хотя Мухтар-паша пробовалъ было совершить нѣсколько передвиженій, чтобы улучшить положеніе, въ которомъ застало перемиріе его отряды.

Долѣе продолжались стычки съ Турками отрядовъ Деспотовича и отдѣльныхъ частей. Имѣются указанія на то, что турецкое правительство сильно желало исключить Боснію изъ перемирія, но естественно, что ничего подобнаго не могло быть допущено ни Сербіей и Черногоріей, ни посредничествомъ вавшими державами.

Мы сказали уже, что незадолго до несчастныхъ для Сербовъ сраженій на Моравѣ, окончившихся 20 октября окончательнымъ паденіемъ Дьюниша, не многіе предвидѣли такой быстрый исходъ борьбы. Представляется немало затрудненій для объясненія точнаго положенія дѣлъ. Мы знаемъ, что уже болѣе чѣмъ за полтора мѣсяца до 30 октября, въ турецкой главной квартирѣ убѣдились въ невозможности нанести рѣшительный ударъ сербской арміи прежде, чѣмъ будутъ получены достаточныя подкрѣпленія какъ войскомъ, такъ въ особенности боевыми снарядами и припасами. Дѣйствительно, съ самаго конца августа турецкое военное министерство на-

прягало послѣднія усилія, снаряжая въ Константинополь новыя отряды, посылая Абду-Кериму орудія и снаряды и снабжая армию провiantомъ, котораго уже не могла доставить раззоренная Болгарія, изъ которой при всемъ томъ извлекались послѣдніе соки, въ видѣ реквизиціонной перевозки обозовъ, обнищавшими болгарскими крестьянами. Эти приготовления, о которыхъ знала вся Европа, конечно не могли остаться тайною ни для сербскаго правительства, ни тѣмъ болѣе для штаба сербскаго главнокомандующаго. Тѣмъ не менѣе во второй половинѣ октября, сами Турки не считали себя достаточно приготовленными къ рѣшительному нападенію, доказательствомъ чего служатъ распоряженія, сдѣланныя константинопольскимъ сераскиратомъ, по просьбѣ Абду-Керимапаша, объ отвлеченіи къ Нишу части войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Черногоріи и Босніи. Но настоянія державъ и особенно Россіи на скорѣйшемъ заключеніи перемирія понудили Турокъ посильнѣе натискомъ. Успѣхъ рѣшительнаго нападенія сдѣлался возможнымъ только благодаря тому, что положеніе сербско-моравской арміи, также какъ и внутреннее состояніе Сербіи къ октябрю 1876 года, были далеко не удовлетворительны. Уже въ началѣ войны можно было видѣть, что относительное благосостояніе сербскаго населенія въ послѣдніе годы ослабило въ немъ геройскій воинственный духъ, отличавшій предковъ нынѣшнихъ сербскихъ крестьянъ и до сихъ поръ одушевляющій ихъ родныхъ братьевъ Черногорцевъ. Не смотря на то, нѣсколькихъ мѣсяцевъ войны оказались достаточною для того, чтобы сдѣлать изъ сербской милиціи армию, близко подходившую къ тѣмъ требованіямъ, какія въ наше время предъявляются къ европейскимъ регулярнымъ силамъ. Судя по разсѣянными въ различныхъ источникахъ наблюденіямъ очевидцевъ, изъ которыхъ очень мно-

гихъ вовсе нельзя подозрѣвать въ особыхъ симпатіяхъ къ турецкимъ Славянамъ, сербскія войска въ августѣ были настолько стойки и обучены, что неизбѣжность ихъ пораженія Турками вовсе не представлялась безспорною. Но по мѣрѣ того, какъ возрастали военныя достоинства сербской арміи и какъ большая часть притекавшихъ изъ Россіи добровольцевъ являлась хорошимъ, подкрѣплявшимъ военный духъ сербской милиціи элементомъ, матеріальныя средства маленькаго княжества все болѣе и болѣе оскудѣвали. Всякому совершенно понятно, что непосильныя затраты на военныя расходы неминуемо должны были привести къ обѣдненію такое небольшое государство какъ Сербія, въ особенности, если вспомнить, что настоящее положеніе военнаго дѣла требуетъ даже и въ мирное время огромныхъ расходовъ, поглощаетъ самую значительную часть государственнаго бюджета во всѣхъ европейскихъ странахъ. Въ концѣ сентября и въ началѣ октября ни для кого не было тайною, что снабженіе сербской моравской арміи предметами продовольствія, одеждой, артиллерійскими снарядами, не говоря уже о деньгахъ, — сдѣлалось болѣе чѣмъ недостаточнымъ. Казна въ Бѣлградѣ опустѣла, приношенія изъ Россіи, хотя и значительныя, говоря безотносительно, были все же слишкомъ недостаточны для покрытія расходовъ каждаго военнаго дня. Словомъ, моравская сербская армія къ концу борьбы стала страдать отъ голода и холода. Если военная исторія приводитъ иногда примѣры долготерпѣнія закаленныхъ въ бояхъ регулярныхъ армій къ лишеніямъ въ пищѣ и одеждѣ, то отъ молодыхъ милиціонныхъ войскъ, конечно, никто не въ правѣ былъ ожидать подобнаго качества. Но несмотря на то, что защитники моравскихъ укрѣпленій были уже сильно ослаблены и изнурены продолжительными лишеніями, никто до сихъ поръ не отрицалъ мужества, съ которымъ

они держались противъ гораздо сильнѣйшаго непріятеля, сломившаго ихъ ряды, только благодаря отчаянному упорству натиска.

Мы видимъ такимъ образомъ, что кромѣ значительнаго усиленія арміи Абдул-Керима, причиною неудачнаго похода борьбы и притомъ главнѣйшею должно считать истощеніе матеріальныхъ средствъ Сербіи. Гораздо меньшее значеніе слѣдуетъ признать за внутренними несогласіями и раздорами, какъ въ самой арміи, такъ преимущественно между сербской главной квартирой и Бѣлградомъ, хотя сами по себѣ эти несогласія прибавили нѣсколько печальныхъ страницъ къ исторіи послѣдней борьбы Славянъ за освобожденіе. Но и до настоящаго времени мы не имѣемъ еще точныхъ свѣдѣній о причинахъ неурядицы. Болѣе чѣмъ трудно ориентироваться въ массѣ газетныхъ сплетенъ, ожесточенныхъ нападокъ, вызванныхъ оскорбленными самолюбіями, личной злобой и т. п. Не будетъ, однако, большою ошибкою, если вину раздоровъ между сербской интеллигенціей и русскими людьми, явившимися на помощь борившемуся противъ угнетателей народу, мы будемъ прежде всего искать въ отчужденности молодой Сербіи отъ Россіи настоящаго времени. Едва ли Сербы были до послѣдней войны болѣе знакомы съ великимъ родственнымъ имъ государствомъ и съ совершившимся въ его внутреннемъ бытѣ переворотомъ, чѣмъ западная Европа. Для образованной части сербскаго общества, по крайней мѣрѣ для значительной его части, совершенно также какъ напр. для массы полуобразованныхъ западныхъ Европейцевъ, Россія все еще представлялась исключительно военною силою, врагомъ европейской цивилизаціи, минотавромъ, пожирающимъ все, что стоитъ на пути къ ея предполагаемымъ захватамъ.

Вотъ почему, уже съ самаго начала сербско-турецкой

войны, т. е. съ того времени, какъ никогда доселѣ неслыханное общее сочувствіе къ славянскому дѣлу охватило всю Россію и выразилось, между прочимъ, прибытіемъ въ Сербію русскихъ офицеровъ, солдатъ и добровольцевъ, — стали слышаться опасенія относительно усиленія вліянія Россіи, которая будто бы склонна сдѣлать изъ конституціонной Сербіи сербскую губернію, такъ сказать поглотить и переварить маленькое, возрождающееся княжество. Посмотримъ, насколько ближайшее знакомство съ прибывшими русскими могло разсѣять такіа нелѣпныа опасенія, поддерживаемыя и раздуваемыя, главнымъ образомъ въ Бѣлградѣ, нахлынувшими туда иностранными проходимцами. Было бы безцѣльнымъ скрывать, что между русскими добровольцами находилось немало искателей приключеній — явленіе совершенно естественное и общее при всякихъ народныхъ движеніяхъ за освобожденіе. Съ другой стороны, конечно, встрѣчались между ними и лица съ высшимъ европейскимъ образованіемъ, преданныя дѣлу, съ полнымъ его пониманіемъ и искренностью. Но помимо этихъ двухъ крайнихъ точекъ, масса предложившихъ свою помощь русскихъ состояла преимущественно изъ бывшихъ военныхъ людей, воспитанныхъ въ суровой дисциплинѣ русской военной службы и притомъ чаще всего прежняго времени. Имъ пришлось дѣйствовать въ средѣ арміи, представлявшейся въ глазахъ каждаго европейскаго солдата скорѣе толпою едва умѣющихъ обращаться съ оружіемъ крестьянъ, чѣмъ регулярнымъ войскомъ. Естественно, что наши добровольцы военные должны были чувствовать свое превосходство надъ соплеменниками, въ смыслѣ большаго знакомства съ военнымъ дѣломъ. Не только масса сербскихъ поселянъ, призванныхъ къ оружію изъ ихъ темныхъ «кучъ», но и большинство сербскихъ офицеровъ были мало подготовлены

къ такой сравнительно большой и правильной войнѣ, какъ послѣдняя турецко-сербская, только отчасти похожая на прежнія партизанскія возстанія. Иначе и быть не могло въ небольшомъ государствѣ, вся постоянная армія котораго не превышала четырехъ тысячъ человекъ. Поэтому-то настоящаго, необходимаго сближенія между русскими и ихъ братьями, не только по вѣрѣ и племени, но въ данномъ случаѣ и по оружію, вообще не послѣдовало. Русскіе обнаружили наклонность обособиться, неохотно подчинялись сербскимъ военачальникамъ и такая отчужденность, не могла быть даже побѣждена примиряющимъ вліяніемъ главнокомандующаго, генерала Черняева и близко стоявшихъ къ нему лучшихъ русскихъ людей.

Недоразумѣнія и неудовольствія, начинаясь въ штабѣ моравской арміи, переносились въ бѣлградскіе кафаны, постепенно раздуваясь, какъ это обыкновенно бываетъ съ дразнами, имѣющими характеръ сплетенъ. Незадолго до окончательныхъ военныхъ неудачъ Сербіи, произошелъ явный разрывъ между бѣлградскимъ военнымъ министерствомъ и моравскою главною квартирой. Тщетно было бы доискиваться настоящей причины несогласія, возникшаго между генераломъ Черняевымъ и военнымъ министромъ Николичемъ, несогласія побудившаго послѣдняго просить объ увольненіи его въ отставку. Весьма вѣроятно, что настоящая причина разрыва заключалась въ постепенномъ накопленіи мелочныхъ неудовольствій. Какъ бы ни было, повторяемъ, что внутренніе раздоры, всегда опасные для дѣла, не могли, однако, оказать вліянія на тотъ или другой исходъ войны, и это по весьма важнымъ причинамъ. Извѣстно, что масса народа сербскаго не только не утратила своихъ симпатій къ Россіи и Русскимъ, но болѣе чѣмъ когда либо почувствовала свое кровное родство съ великимъ сѣвернымъ славянскимъ народомъ. Въ мо-

равской арміи дружба и согласіе нарушены были не между сербскими милиціонерами и русскими воинами, но лишь между нѣкоторыми изъ второстепенныхъ начальниковъ. Также точно никакого озлобленія къ русскимъ добровольцамъ нельзя видѣть въ князѣ Миланѣ; даже въ самомъ министерствѣ не обазалось элементовъ, способныхъ принести дружбу Русскихъ въ жертву мелочнымъ, личнымъ счетамъ, конечно за исключеніемъ обидѣвнагося чѣмъ-то министра Николича.

Глава сербскаго кабинета Ристичъ, по общему признанію, одинъ изъ наиболѣе способныхъ людей молодой Сербіи, безъ сомнѣнія по достоинству оцѣнилъ возникшія недоразумѣнія; онъ не измѣнилъ ни своихъ симпатій къ Россіи, ни хорошихъ личныхъ отношеній къ русскому главнокомандующему моравскою арміей. Тѣмъ не менѣе, нельзя не замѣтить, что непріязненные отношенія русскихъ добровольцевъ къ сербскому правительству замѣтно усилились въ первые же дни послѣ поражений на Моравѣ. Вскорѣ послѣ перемирія бѣлградское министерство подало въ отставку, вслѣдствіе, будто бы, желанія генерала Черняева и самого князя, чтобы первый вошелъ въ составъ кабинета съ правомъ голоса. Несмотря на то, что отставка кабинета была принята и даже были сдѣланы предложенія г.г. Мариновичу и Цукичу о составленіи новаго министерства, вскорѣ прежній кабинетъ снова былъ призванъ къ власти, не исключая и взявшаго обратно свою просьбу г. Николича.

Еще понятнѣе становятся мелкія причины сербско-русскихъ разногласій, если представить себѣ картину внутренней жизни Бѣлграда, во время войны и вслѣдъ за принятіемъ двухмѣсячнаго перемирія. Тихій, болѣе похожій на средней величины уѣздный городокъ, — какимъ была столица Сербіи передъ войною, — Бѣлградъ съ лѣта 1875 года обратился въ арену между-

народныхъ страстей. Кромѣ русскихъ, пріѣхавшихъ въ Сербію, съ пламенными сердечными желаніями всего добраго южнымъ Славянамъ, въ Бѣлградѣ наѣхало множество корреспондентовъ иностранныхъ газетъ и вообще любознательныхъ иноземцевъ, частью откровенно враждебныхъ славянскому дѣлу, а частью старавшихся увѣреніями ложной дружбы, коварными совѣтами и инсинуаціями отвратить Сербовъ отъ врожденной симпатіи къ ихъ сѣвернымъ братьямъ. Но и кромѣ случайныхъ гостей Бѣлграда, консулы враждебныхъ Славянству державъ не пренебрегали ничѣмъ, чтобы воспользоваться задатками розни между Русскими и Сербами. Въ этомъ отношеніи Англичане особенно выказались въ послѣднюю войну и г. Уайтъ, англійскій консулъ въ Бѣлградѣ, оказался вполне достойнымъ своего Константинопольскаго начальника, сэра Эллиота.

По окончаніи войны, часть русскихъ добровольцевъ оставили Сербію и возвратились въ отечество; нѣкоторые изъ нихъ даже получили приглашеніе не возвращаться болѣе. Эти лица, безъ сомнѣнія, принадлежали къ упомянутой уже нами выше категоріи искателей приключеній, для которыхъ не существуетъ никакихъ высшихъ интересовъ. И, дѣйствительно, ихъ оказалось только незначительное меньшинство (менѣе 100 ч.). Вѣроятно, благодаря репутаціи, какую составили себѣ эти господа въ первые дни послѣ заключенія перемирія, Бѣлградъ выразилъ русскимъ добровольцамъ оскорбительное недовѣріе, не рѣшаясь допустить пребываніе русскихъ отрядовъ въ столицѣ. Впрочемъ, уже въ скоромъ времени недоразумѣнія стали разъясняться и постепенно уничтожились преграды, ставшія между русскими и сербскими ихъ братьями. Только въ одномъ отношеніи, что мы и признали главною причиною раздоровъ съ самаго начала, не удалось придти къ

соглашенію. При новомъ образованіи *ordre de bataille* въ сербской арміи, предпринятомъ послѣ заключенія перемирія, въ виду возможности возобновленія военныхъ дѣйствій, начальство надъ отдѣльными частями было поручено высшимъ сербскимъ офицерамъ, вопреки желанію русскихъ добровольцевъ имѣть своихъ начальниковъ, по прежнему обособляясь отъ сербской арміи. Не достигнувъ соглашенія на этой почвѣ, сербскій кабинетъ даже обратился къ посредничеству русскаго правительства, посланнаго для улаженія дѣлъ въ Бѣлградѣ начальника штаба виленскаго военнаго округа генерала Никитина. Тѣмъ не менѣе соглашенія, повидимому, не послѣдовало, такъ какъ большая часть русскихъ добровольцевъ отправилась обратно въ Россію, что, впрочемъ, объясняется и тѣмъ, что въ виду перемирія не было въ нихъ настоящей необходимости; да и сверхъ того, положеніе дѣлъ было таково, что каждый день можно было ожидать активнаго вмѣшательства въ Восточный вопросъ Россіи: еслибы оно дѣйствительно послѣдовало, то, понятнo, что сербской арміи пришлось бы исполнять только второстепенную роль. Лишь нѣсколько десятковъ русскихъ остались на службѣ въ сербской арміи. Прочіе же по группамъ постепенно покидали Сербію. Все свидѣтельствуетъ, что Сербы и Русскіе разстались, какъ и слѣдовало, по братски. Партии добровольными народными разъ дружески провожаемы благожелательными народными заявленіями расположенія; сербскій князь щедро награждалъ храбрыхъ, какихъ было много между русскими добровольцами, въ чемъ сознаются и наиболѣе упорные ихъ враги. Полковнику Меженинову была поднесена почетная сабля, съ надписью «храбрѣйшему изъ храбрыхъ». Многіе другіе герои увезли на груди столь заслуженные знаки отличія мужества. Генералъ Черняевъ, при возвращеніи въ Бѣлградъ послѣ за-

включенія перемирія, былъ встрѣченъ съ почетомъ княземъ Миланомъ и съ восторгомъ населеніемъ столицы. Многіе представители Бѣлградской интеллигенціи поднесли генералу адреса, выражавшіе сочувствіе храброму вождю и благодарность за понесенныя на пользу страны жертвы. Вскорѣ Черняевъ отправился изъ Бѣлграда въ Вѣну, для свиданія съ семействомъ, а оттуда на нѣкоторое время въ Кишиневъ, въ главную квартиру русской дѣйствующей арміи, чтобы представиться ея высокому главнокомандующему.

Сербскіе патріоты имѣли полную возможность скорѣ послѣ пораженій сербской арміи судить о томъ, гдѣ должны они искать истинныхъ друзей своего отечества. Много поучительнаго могли они извлечь, наблюдая нескрываемую радость большинства органовъ европейской печати, ярко обнаружившуюся послѣ боевыхъ неудачъ сербскаго войска. Но если радость тукорфиловъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ была велика, то враждебное настроеніе Венгровъ выразилось поистинѣ чудовищнымъ образомъ. Венгерская молодежь, ослабленная международною ненавистью, просто неистовствовала. Въ Пештѣ сначала собирались устроить факельное шествіе къ турецкому консулу, что однако не состоялось по совѣтамъ полиціи. Зато пештскіе студенты, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, отправились на поклоненіе могилъ турецкаго дервиша Гюш-Бабы, схороненнаго близъ Пешта еще во время покоренія Венгріи Турками. На эту могилу были принесены вѣнки и букеты изъ живыхъ цвѣтовъ и надъ нею приносились враждебныя Славянству рѣчи. Сверхъ того пештскіе студенты рѣшили собирать пожертванія въ пользу Турокъ и поднести турецкому генералу Абдул-Кериму-пашѣ почетную саблю за взятіе Дьюниша. Желая привлечь къ этому своихъ вѣнскихъ товарищей, венгерская молодежь послала къ

вѣнскимъ студентамъ адресъ, приглашавшій выразить симпатіи Турціи, «сражающейся за европейскую цивилизацію, которой угрожаетъ зачумленное дыханіе московскаго колосса». Но оказалось, что вѣнцы не настолько еще утратили здравый смыслъ и политическій тактъ, чтобы признать злодѣевъ борцами за цивилизацію, и уклонились отъ участія въ безумствахъ пештской молодежи. Съ другой стороны, московскіе студенты послали пештскимъ выраженіе своего презрѣнія къ молодежи, до такой степени злоупотребляющей самыми дорогими для человѣчества понятіями. Берлинскія студенческія общества высказались еще болѣе рѣзко: въ телеграммѣ, адресованной ректору пештскаго университета, берлинцы послали «пештскимъ софтамъ» свое «*percant*» за варварскія тенденціи.

Въ противовѣсъ этому чудовищному движенію въ Венгріи, совершенно противоположное началось въ другой части разноцвѣтной австрійской имперіи—Чехіи. Уже послѣ полученія въ вѣнскомъ университетѣ адреса «пештскихъ софтовъ», студенты-славяне и главнымъ образомъ Чехи думали произвести контр-демонстрацію, но остановились благодаря совѣтамъ нѣмецкихъ товарищей. Зато въ Прагѣ сочувствіе Чеховъ къ родственнымъ южнымъ Славянамъ выразилось съ живѣйшею силой, хотя и не въ формѣ тѣхъ безумныхъ выходокъ, которыми отличились Мадьяры. Энтузіазмъ Чеховъ особенно ярко выразился во время пріѣзда изъ Вѣны въ Прагу генерала Черняева. Кромѣ шумныхъ народныхъ выраженій сочувствія на улицахъ и площади, передъ гостинницею, въ которой остановился Черняевъ, русскій генералъ получилъ множество адресовъ, приглашеній на банкеты и собранія пражскихъ ученыхъ и литературныхъ обществъ и т. п. Но между тѣмъ какъ австрійская полиція въ Пештѣ смотрѣла благосклонно на глупыя выходки венгерскихъ студентовъ,

та же полиція явилась въ Прагѣ во всей красѣ традиціонной австрійской полицейской грубости. Она подвергла генерала Черняева домашнему аресту въ номерѣ гостиницы и вслѣдъ затѣмъ онъ былъ увезенъ изъ Праги до границы въ Баденбахѣ, въ сопровожденіи полицейскихъ комиссаровъ.

Столь же сильнымъ врагомъ турецкихъ Славянъ, какъ и мадьярскій народъ, хотя менѣе наивнымъ и открытымъ, выказало себя католичество. Въ славянскомъ вопросѣ, какъ и всюду, католичество явилось врагомъ освобожденія народовъ отъ деспотическаго ига: въ этомъ отношеніи римская курія осталась вполнѣ вѣрною вѣковымъ своимъ традиціямъ. Вотъ почему нѣтъ ничего поразительнаго въ томъ фактѣ, что папа Пій IX открыто заявилъ себя сторонникомъ оттоманскаго правительства; даже старые раздоры из-за католическихъ армянъ были забыты и выступилъ вопросъ о назначеніи съ одной стороны нунція въ Константинополь, а съ другой — посла Порты въ Ватиканѣ. Соответственно такому настроенію папы, европейская католическая печать, съ присущимъ ей нахальнымъ пошибомъ, нещадно бросала грязью въ турецкихъ Славянъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ ожесточеніи играло роль то обстоятельство, что большая часть возставшихъ христіанъ Турціи принадлежить не къ стаду непогрѣшимаго папы. Именно на почвѣ различія религиозныхъ исповѣданій, католическое бѣлое и черное духовенство старалось постоянно сѣять раздоры между босняками католиками и босняками православными, хотя задача эта далеко не удалась въ той мѣрѣ, какая была желательна для служителей римской курии. Почти излишнимъ было бы указывать, что католичество являлось одною изъ наиболее важныхъ причинъ того, что близко родственные турецкимъ Славянамъ Поляки забыли это племенное родство, высказавшись враждебно дѣлу освобожденія Сла-

вянъ, въ большинствѣ органовъ печати, не говоря уже о предполагавшемся формированіи польскаго легіона для турецкаго надишаха и о присутствіи Поляковъ въ рядахъ турецкихъ войскъ. Тѣмъ не менѣе, послѣднее славянское движеніе знаменательно уже тѣмъ, что даже Поляки раздѣлились въ своихъ отношеніяхъ къ этому политическому вопросу, не говоря уже о Чехіи, гдѣ влияние римской курии не могло ослабить сочувствія народа къ угнетеннымъ соплеменникамъ.

Старый врагъ папы и вѣрный рыцарь вселенской свободы, Гарибальди, съ самаго начала возстанія ставшій его защитникомъ и другомъ, остался вѣренъ дѣлу освобожденія до самыхъ послѣднихъ дней сербско-турецкой войны: такъ мы знаемъ, что уже послѣ дьонисскаго пораженія, зять Гарибальди, Канціо, явился въ Бѣлградъ съ цѣлью формированія италянскаго легіона.

Въ Греціи и Румыніи, вскорѣ послѣ окончательныхъ неудачъ Сербовъ, замѣтно ослабѣлъ воинственный энтузіазмъ, который проявляли обѣ эти страны въ сентябрѣ и втеченіи октября мѣсяцевъ; доиграть до конца двусмысленную роль, которую приняли на себя оба эти государства съ самаго начала борьбы, помогло имъ то обстоятельство, что до сего времени существуютъ безчисленные племена, болѣе или держивающіе рознь между различными племенами, болѣе или менѣе близко стоящими къ Портѣ. Судя по многочисленнымъ свидѣтельствамъ, въ нѣкихъ случаяхъ эта рознь такъ велика, что взаимная вражда турецкихъ христіанъ между собою равняется ихъ общей ненависти къ Османамъ. Развитію таковыхъ прискорбныхъ отношеній, какъ напримѣръ, между болгарами и эллинами, послужилъ причиною раздоръ въ церковной іерархіи, отдѣленіе болгарской церкви отъ греческаго па-

триархата и образование особаго болгарскаго церковнаго управления съ экзархомъ во главѣ. Въ виду подобныхъ элементовъ раздора между племенами, несущими одинаковый политическій и социальный гнетъ, не представлялось для сторонниковъ Оттоманской имперіи особаго труда дѣйствовать въ пользу послѣдней. Дипломатія Англій въ Аѳинахъ прямо противоѣйствовала порывамъ Греческаго народа къ борьбѣ съ Турціею, а Румынія, все время находившаяся подъ неясными вліяніями, заставившими ее въ началѣ войны хладнокровно проглотить отказъ Порты на требованія ея извѣстной ноты, — послѣ дьонинскаго пораженія почувствовала сильный страхъ за свое будущее и стала искать спасенія въ заступничествѣ державъ, подписавшихъ парижскій договоръ 1856 г.

Общее впечатлѣніе, производимое большинствомъ органовъ европейской печати, вскорѣ послѣ дьонинскаго пораженія, было вообще неблагоприятно освобожденію турецкихъ Славянъ. Замѣчательно въ этомъ отношеніи одноцвѣтность германской и французской печати. Ожесточенные враги со времени послѣдней франко-германской войны, французскіе и нѣмецкіе органы печати почти въ одинаковой степени радостно встрѣтили извѣстія о пораженіи сербской арміи. Но именно это обстоятельство какъ нельзя лучше доказывало, что нынѣшній фазисъ Восточнаго вопроса затронулъ вниманіе французскаго и германскаго народовъ не тою его стороною, которая касается освобожденія турецкихъ Славянъ. Для французской и нѣмецкой печати вопросъ о свободѣ турецкихъ христіанъ, взятый абсолютно, видимо не имѣетъ первенствующаго значенія. Для нихъ важно будущее значеніе Восточнаго вопроса въ дѣлѣ взаимныхъ отношеній Германіи и Франціи. Запутанность этого вопроса содѣйствовала тому, что и французы и нѣмцы одинаково опасались политическихъ комбинацій, неожиданныхъ

и виѣстѣ съ тѣмъ грозныхъ. Только этимъ объясняется преобладаніе то явно-враждебнаго, то болѣе благосклоннаго отношенія къ славянскому вопросу такихъ, напримѣръ, французскихъ органовъ печати, какъ «Temps» или «Republique Française». Разясненію дѣла мало помогали, съ одной стороны, проникнутыя духомъ нейтралитета статьи официальныхъ французскихъ изданій и необыкновенно туманный характеръ столбцовъ нѣмецкихъ офиціозныхъ и официальныхъ газетъ, безъ сомнѣнія повторившихъ загадочныя рѣчи «варцинскаго сфинкса».

Мы говорили уже о мѣтаніи изъ стороны въ сторону англійской печати, особенно ея наиболѣе могущественнаго органа «Times»'а. Смотра на тѣ проявленія сочувствія къ турецкимъ Славянамъ, какія весьма часто пробивались наружу въ лучшихъ органахъ англійскаго общественнаго мнѣнія, невольно можно было подумать, что только нелѣпыя, искусственно поддерживаемыя, воззрѣнія Англій на Россію, какъ на угрожающую ей завоевательницу, мѣшаютъ свободолюбивому народу открыто и прямо стать на сторону справедливаго дѣла.

О настроеніи общественнаго мнѣнія Италіи къ славянскому вопросу, какъ до, такъ и послѣ дьонинскихъ неудачъ, можно судить по горячо сочувственнымъ Славянамъ рѣчамъ итальянской печати, также какъ и по многочисленнымъ народнымъ сходкамъ, побуждавшимъ итальянскую дипломатію содѣйствовать усиліямъ Россіи, направленнымъ къ улучшенію участи райи. Строго нейтральный тонъ итальянскаго кабинета, по видимому, какъ бы охлаждающій участіе родины Гарибальди къ угнетеннымъ, быть можетъ до извѣстной степени обязанъ своимъ происхожденіемъ обрушившимся на Италію подозрѣніямъ въ желаніяхъ воспользоваться смутнымъ состояніемъ

европейской политики, для захватовъ отъ Австро-Венгрии, а также и неопредѣленному поведенію Бисмарка, ставшаго близкимъ союзникомъ Италіи, со времени общей для нея и Германіи борьбы съ католическими происксами.

Быть можетъ, позволительно думать, что враждебное отношеніе европейской печати къ турецкимъ Славянамъ всего болѣе зависитъ отъ того невыносимо-натянутого положенія, въ которое поставило Европу новое возникновеніе Восточнаго вопроса. Болѣе года собирающіяся на политическомъ горизонтѣ тучи, заставляють весь старый свѣтъ ежеминутно ожидать катастрофы и требуется быстрый исходъ, къ чему бы онъ ни привелъ, лишь бы ослабѣло всеобщее напряженіе. Вотъ почему всякій разъ бывали встрѣчены Европою сочувственно проявленія съ какой либо стороны чего либо опредѣленнаго и рѣшительнаго.

Но этой, конечно, причинѣ, русскій ультиматумъ произвелъ гораздо болѣе благоприятное впечатлѣніе, чѣмъ можно было а priori ожидать, судя по недавнимъ, крайне враждебнымъ Россіи выходкамъ газетъ. Въ дѣйствіяхъ державъ видимо проявились стремленія къ единодушію, что, между прочимъ, такъ помогло быстрому составленію позредническихъ демаркаціонныхъ комиссій, уже въ началѣ ноября мѣсяца приступившихъ къ выполненію своихъ инструкцій.

Но уже послѣ того, какъ сдѣлалось общеизвѣстнымъ пріятіе всеми воюющими сторонами перемирія и демаркаціонныя комиссіи имѣли по нѣсколько совѣщаній въ Бѣлградѣ и Рагузѣ, послѣдовали на различныхъ пунктахъ театра войны нарушенія перемирія со стороны Турокъ. Не всѣ эти нарушенія производились не подчинявшимися дисциплинѣ толпами бани-бузукъ и черкесовъ. Обиженный военнымъ счастьемъ

турецкій главнокомандующій на черногорскомъ театрѣ войны, Мухтар-паша, котораго прекращеніе военныхъ дѣйствій застигло въ довольно плачевномъ положеніи, 6 ноября двинулся противъ Кореникской области, подъ предлогомъ постановки войскъ на зимнія квартиры. Подъ Заслапомъ, въ ночь съ 10 на 11 ноября, въ корпусѣ Мухтара-паши замерзли 37 солдатъ и 20 лошадей. По этой, какъ онъ объяснилъ, причинѣ онъ передвинулъ часть своихъ войскъ въ Горицу и Билечъ, а самъ съ 10-ю баталіонами вступилъ въ Требинье. Засѣдавшіе въ Рагузѣ комиссары признали это произвольное передвиженіе, заявляя нарушеніе перемирія. На боснійской границѣ, въ то время уже какъ была проэктирована демаркаціонная линія черезъ Ливно, Гламочъ, Дальній-Унацъ и Куленъ-Вакупъ, 14 ноября три турецкіе баталіона изъ Гламоча перешли границу и произвели грабежъ во всѣхъ христіанскихъ селеніяхъ, по направленію къ Горнему-Унацу. Это побудило Деспотовича выступить противъ Турокъ съ своимъ отрядомъ и 19 ноября ему удалось выгнать ихъ изъ Унаца. Болѣе мелкія нарушенія перемирія повторялись еще неоднократно, долго послѣ окончательнаго прекращенія военныхъ дѣйствій, и притомъ исключительно съ турецкой стороны. Только въ одномъ случаѣ Порты предъявила протестъ противъ сербскихъ войскъ, но и тутъ виновными оказались не войска, а жители. Возвращавшіеся изъ-подъ Ниша послѣ 2 ноября бани-бузукъ ознаменовали свой путь къ Софіи всевозможными безчинствами, а въ самой Софіи произвели нѣсколько поджоговъ, грозившихъ разрушеніемъ всему городу, который былъ спасенъ только вмѣшательствомъ турецкаго генерала Ахмет-Меджиба-паши. Даже, такъ сказать, подъ носомъ европейскихъ комиссаровъ, Турки не стѣснялись приказаніями своего военного министерства. Во время слѣдо-

ванія демаркаціонной комисіи къ Делиграду, Турки, 19 ноября убили двухъ часовыхъ на сербскихъ форпостахъ, между Делиградомъ и Алексинацемъ.

Демаркаціонная линія для турецко-черногорскаго театра войны, была опредѣлена уже 24 ноября и объявлена делегатамъ обѣихъ воюющихъ сторонъ. Округъ Суторины и южная часть округа Зубцовъ объявлены нейтральными. Демаркаціонная линія начинается у Гроба и идетъ черезъ позиціи у Заслана, сѣвернѣе, черезъ Баньяны, и восточнѣе, къ Билечу, черезъ возвышенности Планицы, Чрицы, Корито, Липникъ и Равно; южнѣе Горанска, наискось черезъ рѣку Пиву, сѣвернѣе Дорлистора къ рѣкѣ Тара, вдоль черногорской границы чрезъ Сисское озеро къ рѣкѣ Лиму, по черногорской границы до горы Вардаръ, пересѣкая область Кучей до Зелистья, южнѣе Медуна чрезъ Диоплею, вдоль черногорской границы по западному берегу Скутарійскаго озера до Систанъ, чрезъ Свагу и чрезъ Сутоманскій проходъ вдоль по черногорской границѣ. Ширина демаркаціоннаго пояса объявлена въ два километра. Никшичь, Горанско, крѣпостцы въ Дужекомъ проходѣ и Китскій проходъ объявлены остающимися въ блокадѣ и вопросъ о снабженіи ихъ провіантомъ предоставленъ соглашенію воюющихъ сторонъ. Это послѣднее заявленіе Мухтар-паша пнялъ по своему, издавъ 28 ноября распоряженіе, чтобы жители осажденнаго Никшича отправились за съѣстными припасами въ Гацко, и притомъ объявилъ, что если черногорцы воспрепятствуютъ осуществленію означенной мѣры, то отвѣтственность за пролитую кровь и за нарушение перемирія падетъ на черногорское правительство.

Работы демаркаціонной комисіи на сербско-турецкомъ театрѣ войны потребовали нѣсколько большаго времени, благодаря возникновенію различныхъ недоразумѣній. Въ противоположен-

ность телеграфнымъ извѣщеніямъ изъ турецкихъ источниковъ, ни Крушеваць, ни Делиградъ никогда не были взяты Турками, хотя 1 и 2 ноября они дѣлали попытки къ занятію перваго; слѣдовательно оба эти пункта не могли не быть признаны оставшимися во власти Сербовъ. На Тимокъ была принята нейтральная полоса, шириною отъ 1 до 1½ англ. миль, содержащая внутри себя Зайчаръ и Великій Изворъ. Она тянется полукругомъ, начинаясь отъ сербской границы у Гаглова до Прляты. На Моравѣ нейтральная полоса въ $\frac{3}{4}$ —1 милю шириною начинается на сербско-турецкой границѣ у св. Стефана, проходитъ, въ сѣверозападномъ направленіи, мимо Пруговца, до дороги, ведущей на Банью, и захватывая Бобовиште и Чичину, достигаетъ Моравы, вдоль лѣваго берега которой она тянется къ сѣверозападу до Трубарева. Отсюда нейтральная полоса направляется чрезъ Дьюнишь, Малый Шельеговаць, Станцы и Сесемчу и идетъ къ границѣ.

Но не смотря на приостановку военныхъ дѣйствій и работы демаркаціонныхъ комисій, положеніе дѣлъ долгое время сохраняло угрожающій характеръ. Испытанное вѣроломство Турокъ дѣлало то, что въ первое время какъ въ Бѣлградѣ, такъ и въ Цетинѣ плохо вѣрили въ строгое соблюденіе Портою приостановки военныхъ дѣйствій. Дѣйствительно, вооруженія съ обѣихъ сторонъ не прекращались. Сербія призывала къ службѣ остававшіяся еще нетронутымъ запасъ, а константинопольское военное министерство съ усиленною энергіей формировало новые баталіоны редифовъ, укрѣпляло дунайскія и малоазіатскія крѣпости, устроивая укрѣпленные лагеря въ Шумлѣ, Варѣ, Эрзерумѣ, Баязетѣ и проч. и удвоивая ихъ гарнизоны. Со всѣхъ сторонъ раздавались вѣсто воинственныхъ приготовленіяхъ: говорили, что Австрія приступаетъ къ мобилизованію части своей арміи; въ Англіи

уже опредѣленъ былъ составъ корпуса изъ 27 баталіоновъ и 80 орудій, который долженъ былъ бы въ случаѣ надобности отправиться на Балканскій полуостровъ, а въ Вульвичскомъ арсеналѣ ежедневная выработка патроновъ была удвоена, хотя такая усиленная дѣятельность была объясняема ничѣмъ инымъ, какъ введеніемъ въ англійскую армію ружей новой системы Генри-Мартини.

Въ Сербіи всѣ усилія были направлены къ преобразованію ея арміи, причѣмъ за образецъ была принята русская организація. Мѣры эти, какъ само собою разумѣется, принимались не только въ виду вѣроятности возобновленія войны при активномъ вмѣшательствѣ Россіи, но и потому, что опытъ убѣдилъ въ полной неудовлетворительности сербскихъ военныхъ порядковъ, приводившихъ прежде всего къ значительному ослабленію дисциплины въ отдѣльныхъ отрядахъ, не представлявшихъ строгаго характера регулярныхъ войскъ. Армія была раздѣлена на дѣйствующую и резервную; въ составъ первой вошли пѣхотныя войска перваго призыва и войска прочихъ родовъ оружія; резервъ составленъ изъ войскъ втораго и третьяго призывовъ. Дѣйствующая армія состоитъ изъ четырехъ корпусовъ, раздѣленныхъ на бригады. Такимъ образомъ, въ составъ шумадійскаго корпуса вошли бригады бѣлградская, крагуевацкая, рудинская и пожаревацкая; дринскаго корпуса — бригады шабацкая, подринская, вальевская и ужицкая; моравскаго — чачакская, крушевацкая, ягодинская и чупрійская; тимокскаго — бригады алексиначкая, княжевацкая, чернорѣченская и браничевская. Корпусные штабы размѣщены: шумадійскаго корпуса въ Бѣлградѣ, дринскаго въ Вальевѣ, моравскаго — въ Крушевацѣ, тимокскаго — временно въ Јовановцѣ. Артиллерія сформирована въ бригады, кавалерія въ полки, а инженерныя войска въ баталіоны. Вмѣстѣ съ тѣмъ

сербское правительство употребляло все отъ него зависящее, чтобы улучшить, на сколько то позволяли сильно пострадавшія матеріальныя средства страны, вооруженіе арміи, такъ что даже часть резерва третьяго призыва была вооружена ружьями, заряжающимися съ казенной части. Начальниками четырехъ вновь сформированныхъ армейскихъ корпусовъ были назначены слѣдующія лица. Тимокскаго корпуса — полковникъ Хорватовичъ, начальникомъ корпуснаго штаба — подполковникъ Петръ Тоналовичъ; дринскаго корпуса — генералъ Ранко Алимичъ, начальникомъ штаба — подполковникъ Јованъ Андѣловичъ; шумадійскаго — генералъ Протичъ, начальникомъ штаба Навель Георгіевичъ; начальникъ моравскаго корпуса не былъ еще назначенъ, а начальникомъ штаба опредѣленъ майоръ Јованъ Петровичъ. Начальство надъ отрядами добровольцевъ вѣрено произведенному въ полковники майору Влайковичу, а начальство надъ кавалеріей полковнику Андрееву. Военное министерство не преминуло также озаботиться и обмундированіемъ арміи, дѣлая за границу обширные заказы на обувь и одежду: такъ изъ Парижа были доставлены въ ноябрѣ мѣсяцѣ 30,000 шинелей, а изъ Богеміи 10,000 мундировъ.

Едва ли когда и гдѣ бы то ни было положеніе министерства было такъ затруднительно и такъ тягостно, какъ положеніе бѣлградскаго кабинета Ристича по окончаніи войны. Нельзя удивляться тому, что послѣ 30 октября нѣсколько разъ кабинетъ подавалъ князю просьбу объ отставкѣ Осталя въ сторонѣ предлоги и мотивы, на которые въ свое время указывали газетныя извѣстія, какъ на причины нежеланія сербскаго министерства продолжать пользоваться властью. Безчисленныя, возникавшія со всѣхъ сторонъ затрудненія могли сдѣлать невыносимымъ положеніе сербскихъ министровъ. Естественно поэтому, что ни разу не состоялось образованіе новаго

кабинета, хотя князь неоднократно обращался съ предложениями къ Мариновичу: дѣйствительно, трудно было найти охотниковъ возложить на себя тяжкое бремя управления сильно потрясенною маленькою страпою.

Мѣры преобразованія арміи, улучшение разстроенныхъ финансовъ, установленіе заграничныхъ сношеній—все это приходилось дѣлать министерству Ристича при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Мы уже прежде поставили въ этомъ отношеніи на второй планъ всѣ рассказы о столкновенияхъ между кабинетомъ и русскими военными, хотя газеты и старались выставить ихъ единственною причиною неурядицъ въ Бѣлградѣ. Гораздо большее вліяніе имѣли явно враждебныя, или по меньшей мѣрѣ лицемѣрныя вліянія въ Бѣлградѣ представителей европейскихъ державъ.

Въ настоящее время мы имѣемъ только неясныя указанія на старанія англійскаго консула Уайта ставить затрудненія сербскому правительству; во всякомъ случаѣ, его усилія вызвать и поддержать раздоры съ единственнымъ истиннымъ другомъ турецкихъ Славянъ—Россією едва ли кѣмъ нибудь будутъ оспариваемы. Недоброжелательство австрійскаго дипломатическаго представителя, князя Вреде, выразилось уже несравненно отчетливѣе, почти грубо. Два случая столкновений, за которыя пришлось остаться Сербіи безъ вины виноватою, особенно характеристичны. Въ половинѣ ноября мѣсяца австрійскій пароходъ «Радецкій» везъ по Дунаю въ Галацъ болгарскихъ эмигрантовъ, подъ присмотромъ австро-венгерской полиціи. Этимъ эмигрантамъ хорошо памятна была исторія, случившаяся еще въ началѣ возстанія, когда австрійскій пароходъ вѣроломно выдалъ двухъ болгаръ турецкому начальству въ Видинѣ, причемъ эти несчастные были повѣшены Турками. Надо предполагать, что во время своего путешествія на пароходѣ

«Радецкій» болгарскіе эмигранты не встрѣтили такихъ признаковъ въ обращеніи съ ними австрійцевъ, чтобы ихъ опасенія о возможности выдачи головою турецкимъ властямъ могли быть разсѣяны. Какъ бы то ни было, болгарскіе эмигранты пожелали выйти въ Бѣлградѣ, чувствуя себя болѣе безопасными подъ покровительствомъ сербскаго правительства. Капитанъ парохода «Радецкій» и австрійскіе провожатые болгаръ сочли нужнымъ воспротивиться ихъ желанію высадиться. Несмотря на то они вышли на берегъ въ Бѣлградѣ. Это обстоятельство вызвало энергическій протестъ со стороны австрійскаго консула, несмотря на то, что Сербія справедливо указывала на свое право конституціонной страны оказывать покровительство политическимъ изгнанникамъ. Австрія воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы придвинуть къ Бѣлграду два дунайскіе монитора «Лейту» и «Варошъ». Для оправданія всѣхъ этихъ мѣръ, австрійскій консулъ приводилъ увѣреніе, что будто бы бѣлградская полиція высадила эмигрантовъ насильственно и даже произвела обыскъ на пароходѣ. Однако слѣдствіемъ было обнаружено, что сербскою полицією не было сдѣлано ничего подобнаго: полиція только не допустила насильственного задержанія болгаръ на пароходѣ, повинуваясь въ этомъ случаѣ настроенію присутствовавшего на пристани бѣлградскаго населенія. Такимъ образомъ, это столкновение было замято и можно было полагать, что австрійскіе мониторы появились на Дунаѣ совсѣмъ не для того назначенія, которое было придаваемо ихъ появленію.

Но едва успѣло сербское правительство отдѣлаться отъ назойливости австро-венгерскаго правительства по поводу исторіи съ пароходомъ «Радецкій», какъ возникло новое столкновение и новые протесты консула Вреде, какъ видно понимавшаго свою миссію исключительно въ смыслѣ причиненія постоянныхъ

неприятностей Българскому кабинету. Эту новую исторію по вѣнскимъ источникамъ разсказываютъ слѣдующимъ образомъ. 7 (19) декабря на австрійскомъ мониторѣ «Варошъ», стоявшемъ противъ Бѣлграда, при нагрузкѣ снарядовъ въ башнѣ лопнула граната; вслѣдствіе этого обстоятельства, ошибочно принята въ Бѣлградской крѣпости за начатую по ней съ «Вароша» пальбу, въ мониторъ было пущено нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Однако, гораздо правдоподобнѣе другое объясненіе этого приключенія, а именно, что выстрѣлъ въ мониторъ «Варошъ» сдѣланъ былъ часовымъ съ берега крѣпости вслѣдствіе того, что съ монитора, подходившаго къ Бѣлграду, не было дано отвѣта на его неоднократный окликъ. Но такъ или иначе, возникъ новый протестъ и новое принесеніе извиненій г. Вреде со стороны министра Ристича, причемъ въ жертву былъ принесенъ комендантъ Бѣлградской крѣпости, смѣщенный по поводу этого происшествія съ должности. Однимъ изъ послѣдствій столкновения былъ взрывъ негодованія въ средѣ сербскаго министерства, подавшаго новую просьбу объ отставкѣ, впрочемъ, какъ и прежнія просьбы, не имѣвшую результатомъ перемѣны кабинета.

Одновременно съ этими дипломатическими протестами австрійскаго консула въ Бѣлградѣ, обнаруживалось сильное недружелюбіе Мадьяръ къ турецкимъ Славянамъ на засѣданіяхъ рейхстага. Впрочемъ, всѣ явно враждебныя рѣчи мадыарскихъ народныхъ представителей не оказали особеннаго вліянія на образъ дѣйствій австро-венгерскаго правительства, не желавшаго выдѣляться изъ концерта европейскихъ державъ, въ то время довольно единодушно дѣйствовавшихъ въ стремленіи что нибудь сдѣлать сообща для умиротворенія Балканскаго полуострова.

Положеніе дѣлъ въ Черногоріи, послѣ приостановки воен-

ныхъ дѣйствій, было нѣсколько иное, чѣмъ въ Сербіи. Кампанія, ознаменовавшаяся нѣсколькими, одна за другою сдѣлованными блестящими удачами, закончившись взятіемъ крѣпости Медуна и блокадой укрѣпленныхъ мѣстъ, гдѣ застѣла часть арміи Мухтара-паши, только еще сильнѣе укрѣпила геройскій духъ маленькаго воинственнаго народа. Къ сожалѣнію, оскуднѣніе матеріальныхъ средствъ страны въ Черногоріи было еще сильнѣе, чѣмъ въ Сербіи. Послѣ сдачи Турками Медуна, напряженіе всѣхъ силъ Черногоріи достигло крайней степени; снабженіе войскъ продовольствіемъ сдѣлалось затруднительнѣе за недостаткомъ хлѣба, такъ что въ то время говорилось въ шутку, что Турція можетъ успѣшно побѣдить княжество, если ея войска сдадутъ еще нѣсколько крѣпостей, потому что Черногорцамъ нечѣмъ будетъ кормить новыя массы военнопленныхъ. Насколько поведеніе относительно ничтожнаго по своей численности черногорскаго войска было неподражаемо-геройское, настолько же исполненнымъ достоинства было поведеніе ея князя въ дѣлѣ внѣшнихъ сношеній и по отношенію къ побѣжденному врагу. Нѣтъ ни одного намека на то, чтобы коварныя увѣщанія и совѣты, въ которыхъ конечно не было недостатка въ Цетиньѣ, также въ которыхъ и въ Бѣлградѣ, — могли хотя бы немного повліять на князя Николая. Тѣсно дружескія отношенія обоихъ княжествъ между собою до конца остались ненарушенными и вскорѣ послѣ окончанія военныхъ дѣйствій оба князя обмѣнялись братскими привѣтствіями и увѣреніями, что оба народа, что бы ни случилось, до конца понесутъ вмѣстѣ поднятое знамя, пока не будетъ оказано справедливости тому дѣлу, за которое они обнажили мечъ свой.

Великодушіе Черногоріи къ побѣжденному врагу выразилось между прочимъ въ высшей степени достойнымъ обра-

щеніемъ съ плѣнными Турками, изъ которыхъ даже значительная часть—до 500 чел., были освобождены княземъ Николаемъ еще гораздо ранѣе, чѣмъ возникли переговоры о взаимномъ размѣнѣ плѣнныхъ. Между этими плѣнными находилось довольно большое число турецкихъ офицеровъ и между ними генералъ Осман-паша, взятый въ дѣлѣ при Вучьемъ Долѣ. Тѣмъ не менѣе въ Черногоріи, еще менѣе чѣмъ въ Сербіи, вѣрили въ совершенное окончаніе борьбы и установленіе прочнаго мира на удовлетворительныхъ условіяхъ. Поэтому Черногорское княжество, какъ и Сербское, не прекратило своихъ вооруженій, въ виду вѣроятности продолжать войну по истеченіи срока перемирія. Бѣльшей части побѣдоносныхъ баталіоновъ приказано не удаляться изъ своихъ нахій. Артиллерія была значительно пополнена и изготовленіе боеваго матеріала производилось усиленно. Для этихъ цѣлей Черногорія рѣшилась заключить довольно тяжелый для нея, по его размѣрамъ, заемъ на сумму въ 300,000 рублей, что и удалось благополучно. Выѣстъ съ тѣмъ Черногорія вела оживленные переговоры съ миридитами, которыхъ отношенія къ Портѣ къ тому времени окончательно выразились во враждебномъ оттоманскому владычеству смыслѣ. При этихъ переговорахъ предполагалось уступить миридитамъ всю верхнюю Албанію до Подгорицы, оставляя за Черногорією самую Подгорицу и землю между этою крѣпостью и владѣніями Кучей.

Между тѣмъ Турки, по своему обыкновенію, дѣлали всевозможные подходы для того, чтобы улучшить положеніе своихъ войскъ въ Черногоріи, а особенно чтобы по возможности ухудшить положеніе Черногоріи; безъ сомнѣнія и Порта также мало вѣрила въ возможность совершеннаго прекращенія борьбы. Мы уже говорили о попыткахъ Мухтар-паша вырваться изъ тисковъ, въ которыя попала подъ конецъ войны

большая часть его арміи, попыткахъ, имѣвшихъ совершенно явное значеніе нарушенія перемирія и поэтому вызвавшихъ протестъ со стороны засѣдавшей въ Рагузѣ демаркаціонной комисіи. Не ограничиваясь этимъ, Турки старались воспользоваться для своихъ цѣлей и моремъ. Турецкій корветъ «Музаферъ» былъ посланъ въ гравозскій портъ подъ предлогомъ принятія больныхъ и раненыхъ турецкой черногорской арміи. На самомъ же дѣлѣ, миссія этого судна и состоявшихъ при немъ нѣсколькихъ транспортныхъ кораблей заключалась, какъ обнаружилось, совсѣмъ не въ томъ. Турецкое правительство имѣло намѣреніе посадить на эти суда часть войскъ своихъ въ Черногоріи и Герцеговинѣ и перевезти въ Константинополь, гдѣ ихъ ожидали другія назначенія. Эту посадку войскъ предполагалось сдѣлать въ клекомъ и гравозскомъ портахъ, въ расчетъ по всей вѣроятности на дружескую снисходительность австрійскихъ властей. Но даже и посадка войскъ, повидимому, не была истинною или по крайней мѣрѣ единственною цѣлью отправленія въ Гравозу турецкаго корвета. Есть основаніе думать, что «Музаферъ» везъ въ Черногорію боевые снаряды и припасы, такъ какъ узнавъ о предписанномъ австрійскими властями осмотрѣ на немъ относительно военной контрабанды, «Музаферъ» съ поспѣшностью оставилъ гравозскій портъ.

Въ Босніи и восточной Герцеговинѣ приостановка военныхъ дѣйствій еще менѣе оказалась способною успокоить умы. Хотя вслѣдствіе формальныхъ приказаній изъ Бѣлграда и Цетинья отрядъ Деспотовича и отдѣльныя, правильно организованныя четы усташей прекратили нападенія на турецкія войска, но еще въ теченіи ноября и декабря мѣсяцевъ поучаемы были неоднократно извѣстія объ избиеніи то здѣсь, то тамъ христіанскихъ жителей возставшихъ провинцій, о

сожиганіи селъ и о разграбленіи имуществъ. Но цѣлый годъ смуть на Балканскомъ полуостровѣ, сопровождавшихся ужасами, отвратительнѣе и сильнѣе которыхъ ничего уже нельзя себѣ представить, до того притупили нервы Европы, что относительно немногочисленные извѣстія о продолжающихся въ возставшихъ провинціяхъ неистовствахъ не только никого не приводили въ негодованіе, но едва были замѣчаемы. Это тѣмъ болѣе относится къ извѣстіямъ изъ Болгаріи, что несчастная провинція эта уже до дна выпила чашу невѣроятныхъ бѣдствій. Послѣ перемирія ей снова пришлось перенести рядъ неистовствъ со стороны возвращавшихся съ театра войны «побѣдоносныхъ» башки-бузуковъ и черкесовъ. Хотя послѣ 2 ноября было странно даже и говорить о приготовленіяхъ болгаръ къ возстанію и вооруженію, но то въ Виддинѣ, то въ Русчукѣ, въ Софіи или Филиппополѣ, турецкія власти производили аресты, ссылки и даже казни священниковъ, учителей, жителей точныхъ торговцевъ и другихъ отдѣльныхъ представителей болѣе образованнаго класса болгарскаго народа, притомъ въ то время, когда масса этого несчастнаго народа была окончательно обездолена военными реквизиціями.

Но хотя состраданіе Европы мало уже возбуждалось извѣстіями о томъ, что положеніе турецкихъ христіанъ не измѣнилось къ лучшему отъ торжества турецкаго оружія, тѣмъ не менѣе, даже и сторонники мысли о необходимости для европейскаго равновѣсія нераздѣльнаго существованія и благоденствія Оттоманской имперіи не могли отрицать, что все же нѣтъ никакой возможности предоставить подвластные Портѣ народы ихъ собственной судьбѣ. Впрочемъ только-то сказанное нами не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій, европейскія правительства тотчасъ же одушевились искреннимъ и горячимъ желаніемъ

прийти на помощь къ турецкимъ христіанамъ, хотя бы и путемъ дипломатическимъ. Напротивъ, въ настроеніи европейскихъ кабинетовъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, преобладало желаніе предоставить Портѣ-побѣдительницѣ полную свободу дѣйствій, и можно смѣло сказать, что только энергія рѣшительнаго слова Россіи, а отчасти колебанія, иногда въ благопріятномъ для Славянъ смыслѣ, англійскаго общественнаго мнѣнія, были причиною болѣе замѣтнаго дипломатическаго единодушія европейскихъ державъ. Вообще говоря, всякому, кто слѣдилъ за развитіемъ событій на Балканскомъ полуостровѣ съ начала герцеговинскаго возстанія вплоть до 2 ноября 1876 года, стало ясно, что Восточный вопросъ составляетъ для стараго свѣта гораздо большее бремя, чѣмъ всѣ возникавшіе до и послѣ него и уже разрѣшенные политическіе вопросы Европы, не имѣвшіе свойства съ такимъ совершенствомъ нарушать международныя отношенія.

Въ этомъ отношеніи характеристичною и въ политическомъ смыслѣ поучительною является исторія возникновенія константинопольской конференціи, къ которой мы теперь и обратимся.

Ультиматумъ, переданный Портѣ русскимъ посломъ, придавъ толчекъ затянувшимся дипломатическимъ дѣйствіямъ державъ въ Восточномъ вопросѣ, вызвалъ оживленные переговоры о созваніи конференціи изъ представителей европейскихъ державъ, для дальнѣйшаго опредѣленія образа дѣйствій. Однако, прежде чѣмъ конференція собралась въ Константинополь, прошелъ почти мѣсяцъ, употребленный на соглашеніе по различнымъ подробностямъ предстоявшаго совѣщанія. Оттоманскому правительству съ самаго начала не нравилась мысль о созваніи конференціи. Протестъ противъ вниматель-

ства европейскихъ державъ во внутреннiя дѣла Турціи былъ косвеннымъ образомъ выраженъ въ циркулярной нотѣ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ Савфета-паши къ представителямъ Порты при европейскихъ дворахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ циркуляръ долженъ былъ служить возраженіемъ противъ извѣстной уже ноты русскаго государственнаго канцлера князя Горчакова отъ 1 (13) ноября. Въ циркулярѣ Савфета-паши, помѣченномъ 1 декабря, онъ поясняетъ, что Порта, будто бы, не отвѣтственна за печальное положеніе дѣлъ въ нѣкоторыхъ турецкихъ провинціяхъ. Турецкое правительство, говорилъ министръ иностранныхъ дѣлъ, — приняло энергическія мѣры противъ возстанія не ранѣе, какъ истощивъ предварительно всѣ примирительныя средства, въ видахъ сохранения европейскаго мира. Теперь, когда возстаніе уже подавлено, Порта намѣрена ввести реформы, которыя удовлетворяютъ всѣхъ турецкихъ подданныхъ, безъ различія племен и вѣроисповѣданія. По словамъ циркуляра, умѣренный образъ дѣйствій турецкаго правительства служить лучшею гарантіею тому, что реформы будутъ дѣйствительно введены; поэтому вооруженія Россіи и предполагаемая оккупация представляются несправедливыми. Впрочемъ, эта нота Савфета-паши ни на кого въ Европѣ не произвела того дѣйствія, котораго имѣлось въ виду достигнуть. Положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ и вызвавшія его причины были уже хорошо изучены всѣми; впечатлѣніе же болгарскихъ неистовствъ было столь свѣжо и сильно, что смягчить его хитросплетенными фразами не представлялось возможнымъ. Вотъ почему даже туркофильская печать не рѣшилась воспѣвать хвалу посланію турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ. И въ этомъ случаѣ, какъ всегда, Порта сильно рассчитывала на поощреніе Англіи; но кабинетъ Беконсфильда не былъ расположенъ на

этотъ разъ одобрить упорство Порты. Большинство европейскихъ державъ съ готовностью ухватилось за мысль о созваніи конференціи, которая, во всякомъ случаѣ, должна была хотя отдалить немедленное европейское столкновеніе, если ужъ не вовсе уладить Восточный вопросъ мирнымъ путемъ, на что впрочемъ мало надѣялись. Вскорѣ послѣ русскаго ультиматума, собрался чрезвычайный совѣтъ министровъ въ Лондонѣ, на которомъ было рѣшено поддерживать мысль о созваніи конференціи. Этому рѣшенію англійскаго кабинета много способствовало настроеніе англійскаго общественнаго мнѣнія, котораго наиболѣе вліятельный выразитель «Times» говорилъ 2 (14) ноября, что «образъ дѣйствій Англіи долженъ состоять единственно въ томъ, чтобы настаивать на конференціи. При такой программѣ дѣйствій Англія могла бы рассчитывать на сочувствіе всѣхъ державъ, такъ какъ ни одна изъ нихъ не отказалась потребовать осуществленія проэкта, имѣющаго въ виду сохраненіе европейскаго мира». «Times» усматривалъ существенную опасность въ возможности сопротивленія проэктору конференціи со стороны турецкаго правительства и совѣтовалъ лорду Дерби пригрозить въ такомъ случаѣ Портѣ отозваніемъ изъ Константинополя лорда Эллиота. Остальные европейскіе кабинеты не испытывали, повидимому, никакихъ колебаній, давая согласіе на созваніе совѣщанія дипломатическихъ уполномоченныхъ. Словомъ, настроеніе державъ было таково, что дальнѣйшій отказъ Порты принять конференцію представлялся для нея невозможнымъ и согласіе ея было получено; но нельзя признать, чтобы согласіе это было вполнѣ добровольное, потому что еще 11 (23) ноября турецкій посоль при Виндзорскомъ дворѣ Мусурус-паша пытался склонить англійское правительство отрѣчься отъ мысли о конференціи, и когда это не удалось, то дипломатическій пред-

ставитель Порты выразил надежду, что державы, при обсуждении парижского трактата, будут иметь в виду достоинство Оттоманской империи и особенности ее администрации, а также примут во внимание общія реформы, вслѣдствіе которых положеніе возставших провинцій должно быть существенно улучшено.

Въ виду единодушнаго желанія державъ участвовать въ конференціи, она довольно скоро была принята въ принципѣ. Но затѣмъ потребовалось еще нѣкоторое время на соглашеніе относительно менѣе важныхъ подробностей. Сначала разногласіе касалось вопроса о городѣ, въ которомъ должны были происходить совѣщанія; называли Брюссель, Парижъ, даже Пешть мѣстомъ гдѣ произойдетъ съѣздъ будущей конференціи, но здравый смыслъ и настоянія Россіи естественно указывали на столицу Турціи, какъ на единственное мѣсто для конференціи, которая, какъ бы ни перетолковывали ее идею, все же должна была носить, до нѣкоторой степени, характеръ международнаго судилища, какъ ни ненавистно было это обстоятельство для Порты и ее друзей. Вторымъ вопросомъ было соглашеніе относительно того пункта, должны ли была Турція имѣть на предполагаемомъ совѣщаніи своего представителя? Въ сущности, на конференціи, которая неминуемо должна была съ строгостью судьи подвергаться тщательной критикѣ поведеніе Порты, положеніе представителя послѣдней должно было представляться ложнымъ; но для англійскаго кабинета это обстоятельство не казалось яснымъ, почему онъ и употреблялъ всѣ старанія, чтобы оставить за Порто право имѣть на совѣщаніяхъ своего уполномоченнаго, боясь задѣть столь дорогую для него щепетильность оттоманскаго правительства. Впрочемъ, благодаря миролюбивой уступчивости Россіи и въ этомъ пунктѣ, Европа пришла къ довольно удов-

створительной комбинаціи, какъ это мы тотчасъ увидимъ.

Гораздо болѣе имѣло значенія соглашеніе по вопросу о программѣ, которая должна быть положена въ основу конференціи. Въ переговорахъ объ этомъ предварительномъ начертаніи плана совѣщанія съ большою ясностью выразился характеръ отношеній различныхъ европейскихъ державъ къ вопросу объ улучшеніи участи турецкихъ христіанъ. Англійскій кабинетъ съ грубою откровенностью прямо далъ почувствовать, что бѣдствія подвластныхъ Портѣ племенъ представляютъ для него не предметъ состраданія и участія, а лишь досадныя политическія усложненія для англійской политики, вину которыхъ оно охотно готово свалить на самихъ угнетенныхъ. Германское правительство, или вѣрнѣе князь Бисмаркъ, высказалось не обинуясь въ пользу конференціи. Австро-Венгрія, благодаря политическому такту графа Андраши, не позволила себѣ даже показать вида, что можетъ подчиниться давленію мадьярскихъ выходокъ, не находя притомъ никакой выгоды выйдти изъ союза трехъ имперій—политической комбинаціи, безъ сомнѣнія полезной для нея несравненно болѣе, чѣмъ для остальныхъ членовъ Союза. Съ такой же, и даже большей готовностью, приступала къ концерту Франція, одобрявъ высказанное въ палатѣ герцогомъ Деказомъ рѣшеніе принести всевозможныя жертвы въ пользу необходимаго для Франціи сохраненія европейскаго мира. Охотно присоединилась и Италия, хотя по частнымъ извѣстіямъ, не лишенымъ правдоподобія, министръ Меллегари прямо выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы конференція могла успѣшно разрѣшить начертанныя ей цѣли.

Что касается Россіи, то ее образъ дѣйствій въ этихъ переговорахъ доказалъ еще разъ, что для русскаго правительства сущность Восточнаго вопроса заключается не въ чемъ

инномъ, какъ въ преслѣдованіи давняго ея стремленія надежнымъ образомъ измѣнить къ лучшему положеніе турецкихъ Славянъ. Собственные интересы Русскаго государства, на которые вѣчно указываетъ при всякомъ возникновеніи Восточнаго вопроса, Россія понимала въ томъ именно смыслѣ, чтобы въ будущемъ для нея уже не возникали поводы къ постояннымъ заботамъ о жалкой участи ея единовѣрцевъ и соплеменниковъ. Единственно, въ чемъ не могла и не можетъ уступить Россія,—это въ своемъ непремѣнномъ желаніи добиться, наконецъ, такого положенія для турецкихъ Славянъ, при которомъ судьба ихъ не составляла бы для нея предмета вѣчныхъ тревогъ, помимо нравственныхъ страданій для Русскаго народа, отвлекающихъ ея вниманіе отъ необходимыхъ дѣлъ внутренняго устройства государства.

Благодаря уступчивости Россіи, уступчивости, внушенной вышеизложенными соображеніями, къ концу ноября вопросъ о созваніи европейской конференціи былъ рѣшенъ въ подробностяхъ.

Мѣстомъ дипломатическаго совѣщанія назначенъ былъ Константинополь. Каждой изъ европейскихъ великихъ державъ предоставлено было право имѣть на конференціи, кромѣ дипломатическаго представителя, еще одного особаго уполномоченнаго, что, впрочемъ, для Россіи не представлялось необходимостью, такъ какъ генералъ-адъютантъ Игнатьевъ остался единственнымъ представителемъ Россіи на конференціи. Турція должна была также имѣть на совѣщаніи своихъ уполномоченныхъ, но не столько для участія въ разсужденіяхъ, сколько для подаванія необходимыхъ объясненій. Впрочемъ, конференція должна была имѣть въ началѣ нѣсколько предварительныхъ совѣщаній представителей державъ, прежде чѣмъ ея засѣданія сдѣлаются общими. Такія предварительныя за-

сѣданія являлись неизбежными какъ потому, что дипломатическіе представители Европы имѣли надобность установить между собою возможно полное согласіе относительно программы требованій, которыя имѣлось въ виду адресовать Портѣ, такъ и потому, что присутствіе представителей Турціи на предварительныхъ дебатахъ было по многимъ причинамъ неудобнымъ.

Вѣрная своему нелицемѣрному образу дѣйствій, Россія не могла имѣть никакихъ возраженій противъ того, чтобы въ принципѣ совѣщаній были приняты англійскія требованія, заключавшіяся въ томъ, чтобы въ основѣ конференціи лежала цѣлостность Оттоманской имперіи. Согласно тѣмъ же англійскимъ предложеніямъ, въ условіяхъ умиротворенія Балканскаго полуострова должны были заключаться *status quo* для Сербіи и Черногоріи, съ исправленіемъ границъ послѣдней, и введеніе административной автономіи для Босніи, Герцеговины и Болгаріи, которой подробности изложены въ нотѣ графа Андраши отъ 30 декабря 1875 года. Впрочемъ только цѣлостность Оттоманской имперіи являлась *conditio sine qua non* участія Англій въ константинопольской конференціи; развитіе же вопроса о мѣрахъ къ установленію лучшаго порядка управленія въ возставшихъ провинціяхъ предоставлялось въ довольно широкой мѣрѣ усмотрѣнію дипломатическихъ представителей, по ихъ взаимному соглашенію. Личный составъ конференціи состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ. Со стороны Россіи единственнымъ уполномоченнымъ былъ назначенъ русскій посолъ при Оттоманскомъ дворѣ генералъ-адъютантъ Игнатьевъ. Уполномоченнымъ Германіи былъ назначенъ баронъ Вертеръ, Англій — сэръ Генри Эллиотъ и маркизъ Салисбери; Австріи — графъ Зичи; Франціи — графы

Бургоень и Шодорди, Италиі—графъ Корти и Турціи—Мидхат-паша и Савфет-паша.

Въ европейской печати немало занимались характеристикой нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ здѣсь дипломатическихъ представителей, участвовавшихъ въ константинопольской конференціи. Впрочемъ, политическая репутація большей части пословъ европейскихъ державъ при Портѣ была уже давно составлена. Всѣ политическія партіи давно уже признали, что русскій посолъ, генералъ-адъютантъ Игнатъевъ, несомнѣнно обладаетъ болѣе чѣмъ кто либо полнымъ знакомствомъ со всѣми пружинами, двигающими безобразный государственный механизмъ Турціи. Въ этомъ разгадка той ненависти, которую питаютъ къ русскому послу съ одной стороны такъ называемая младо-турецкая партія, а съ другой дипломатическій представитель Англии въ Константинополѣ, долгое время неуспѣшно боровшійся противъ вліянія генерала Игнатъева на Порту. Для представителя Россіи внутреннія дѣла Турціи были настолько знакомы, что его нельзя было провести ни какими расказами о возможности быстрого шествія Османовъ на пути прогресса и цивилизаціи. Кто-то называлъ русскаго посла «Мефистофелемъ востока», подразумевая, вѣроятно, подъ этимъ отношеніемъ генерала ко всѣмъ увѣреніямъ о способности Турціи къ возрожденію. Въ глазахъ людей, посвященныхъ въ современное политическое состояніе Турціи, образъ дѣйствій генерала Игнатъева представляется нѣсколько исполненнымъ глубокаго пониманія дѣлъ, благодаря основательному изученію обстановки, въ которой русскій посолъ столь долго вращался, но и въ сущности болѣе благопріятнымъ истиннымъ интересамъ самой Порты, чѣмъ поведеніемъ англійскихъ совѣтниковъ и юныхъ сыновъ, воспитавшихся въ парижскихъ бульварныхъ кофейныхъ.

Лордъ Генри Эллиотъ не можетъ похвастаться чѣмъ либо напоминающимъ спокойное достоинство генерала Игнатъева. Съ самаго начала его дипломатической дѣятельности въ Константинополѣ, его выводило изъ себя вліяніе русскаго посла на оттоманское правительство, вліяніе, о которое разбивались ухищренія англійскаго представителя. Какого свойства были эти старанія сэра Эллиота занять первенствующее мѣсто между европейскими послами, слишкомъ хорошо видно изъ исторіи послѣдней борьбы турецкихъ Славянъ съ Оттоманскою имперіей. Въ свое время, лорду Эллиоту приписывались не только усилія всячески доставлять Портѣ англійскую помощь: напримѣръ, въ видѣ присылки англійскихъ офицеровъ или появленіе британскаго флота въ Безикѣ,—но даже имя его не осталось чуждо болгарскимъ ужасамъ. По крайней мѣрѣ, нѣсколько разъ было открыто утверждаемо, что англійскій посолъ настойчиво совѣтовалъ Портѣ «энергично подавить возстаніе». Нѣтъ никакого повода думать, что давая такой совѣтъ, лордъ Эллиотъ не предполагалъ, какую «энергію» въ этомъ дѣлѣ употребить турецкое правительство. Напротивъ, онъ почти сознался косвеннымъ образомъ въ томъ, что совѣты его получили правильное толкованіе, всячески стараясь помѣшать разоблаченіямъ болгарскихъ убійствъ, предпринятымъ корреспондентомъ газеты «Daily News» и г. Берингомъ. Ненависть къ Россіи и тщеславное желаніе занять первенствующее мѣсто привели наконецъ лорда Эллиота къ тому, что онъ, въ слѣпомъ желаніи всѣми средствами помочь Турціи, явился главнымъ виновникомъ моравскаго кровопролитія, умышленно скрывъ отъ Порты рѣшительное предостереженіе своего правительства во время сентябрьскихъ переговоровъ о мирѣ. Указаніе на этотъ ничѣмъ неоправдываемый шагъ мы имѣемъ въ одной корреспонденціи газеты «France», при-

чемъ это извѣстіе нигдѣ не было опровергнуто. По словамъ сказанной корреспондентки, русскій посолъ, въ присутствіи представителей другихъ державъ, уличилъ сэра Генри Эллиота, что онъ преднамѣренно не сообщалъ никому о полученномъ имъ отъ своего правительства приказѣ прекратить всякія официальные отношенія къ Туркамъ, если они не примутъ условій, предложенныхъ правительствомъ ея величества. «Я долженъ былъ ждать», сказалъ пойманный врасплохъ сэръ Эллиотъ. «Вы ждали, возразилъ генералъ Игнатъевъ, а между тѣмъ границы Сербіи покрывались трупами. Я долженъ съ сожалѣніемъ сказать вашему превосходительству, что вся кровь, пролитая за послѣдніе два мѣсяца, падетъ на вашу голову. Вы, а не кто иной, виновникъ кровопролитія. Турки провели васъ и вы имъ въ этомъ нисколько не помѣшали, потому что вы другъ ихъ. Вы не только не преслѣдовали политики, свойственной вашему отечеству, но даже никакой политики, основанной на здравыхъ раціональныхъ началахъ. Если война сдѣлается неизбежною, то этимъ Европа будетъ обязана исключительно вамъ».

Мы привели здѣсь этотъ рассказъ, хотя онъ не представляетъ собою достовѣрнаго историческаго факта, только потому, что онъ въ высшей степени характеристиченъ. Возможно, что это удачно придуманный анекдотъ, но уже самое появленіе его показываетъ, въ какой степени мало выдержалъ англійскій посолъ свое дипломатическое достоинство, обнаруживъ бѣлые нитки, которыми шиты его ухищренія удержать за собою дружбу Турціи.

Постоянно всѣми средствами поддерживая заблужденія Турокъ, лордъ Эллиотъ являлся главной причиною всѣхъ неудачъ дипломатическаго похода Европы противъ Оттоманской имперіи и укрѣпилъ въ Туркахъ увѣренность, что при вся-

нихъ обстоятельствахъ Англія вооруженной рукой вступится за Порту.

Особенное вниманіе Европы досталось на долю втораго британскаго уполномоченнаго на конференціи маркиза Салисбери. Выборъ этого представителя состоялся, какъ утверждаютъ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, противъ желанія лорда Беконсфильда, котораго отношенія къ маркизу Салисбери съ давнихъ поръ были очень недружелюбны. Маркизь Салисбери пользовался въ своемъ отечествѣ репутаціей человѣка, обладающаго, при обширномъ знакомствѣ съ положеніемъ дѣлъ на Востоцѣ, открытымъ, благороднымъ характеромъ, неспособнымъ принести чему бы то ни было въ жертву интересы справедливости и истины. Принадлежа по своимъ политическимъ убѣжденіямъ къ торійской партіи, маркизь Салисбери занимаетъ въ англійскомъ кабинетѣ постъ государственнаго секретаря по дѣламъ Остъ-Индіи. Судя по отзывамъ англійскихъ газетъ, усердно занявшихся личностью англійскаго уполномоченнаго, вскорѣ послѣ его назначенія, маркизь Салисбери оставялъ Англію, вполне раздѣляя въ главныхъ чертахъ давнія предубѣжденія англійскихъ государственныхъ людей противъ Россіи, хотя повидимому онъ не принадлежалъ къ партіи беззавѣтныхъ туркофиловъ. Послѣдніе рассчитывали, что уполномоченный, какъ человѣкъ близко знакомый съ положеніемъ дѣлъ въ англійской Индіи, непременно долженъ стать явнымъ защитникомъ Порты, въ угоду симпатій остъиндскихъ мусульманъ къ государству калифа, хотя есть немало оснований думать, что эти доходящія до фанатизма симпатіи сильно преувеличены. На такія чувства остъиндскаго патріотизма маркиза Салисбери, рассчитывалъ быть можетъ и г. Дизраэли, согласившійся безъ особыхъ возраженій на его назначеніе и снабдившій его инструкціями, содержаніе которыхъ конечно

не было обнародовано, но и не нуждалось въ этомъ для того, чтобы быть въ общихъ чертахъ знакомымъ каждому. Известно, по совѣту ли лорда Беконсфильда, или же по собственнымъ побужденіямъ, маркизъ прежде чѣмъ отправиться въ Константинополь, предпринялъ путешествіе по европейскимъ столицамъ. Но несомнѣнно, что цѣлью этой прогулки маркиза Салисбери было узнать подъ рукою настроеніе европейскихъ кабинетовъ и взвѣсить приблизительно шансы Англии въ томъ случаѣ, еслибы она рѣшилась открыто объявить Россіи войну въ защиту Турціи. Еслибы маркизъ и былъ сильно одушевленъ преданностью Туркамъ передъ своимъ отъѣздомъ изъ Лондона, то посѣщеніе столицъ могло бы охладить его нѣсколько сильный туркофильскій пылъ. Англійскій уполномоченный прибылъ 8 (20) ноября въ Парижъ, гдѣ на другой день имѣлъ совѣщаніе съ герцогомъ Деказомъ. Салисбери изъ этого разговора могъ убѣдиться, что первая забота французскаго правительства заключается въ сохраненіи по крайней мѣрѣ до времени европейскаго мира, такъ какъ война, хотя бы вначалѣ локализованная, могла бы вызвать комбинаціи, способныя вовлечь Францію въ столкновение, къ которому она еще не приготовлена. Но этой причинѣ герцогъ Деказъ высказался сочувственно къ умиротворяющимъ стремленіямъ Россіи и далъ это ясно понять англійскому уполномоченному. Утверждаютъ, что въ Парижѣ Салисбери выразилъ мысль о возможности занятія возставшихъ провинцій французскими войсками, что тогда же было признано неосуществимымъ. Изъ Парижа англійскій уполномоченный отправился въ Берлинъ, гдѣ имѣлъ аудіенцію у императора Вильгельма и совѣщался съ Бисмаркомъ. 13 (25) ноября онъ былъ уже въ Вѣнѣ, гдѣ говорилъ съ графомъ Андраши. Берлинское и вѣнское свиданія, повидимому, дали возможность

маркизу Салисбери убѣдиться, что въ союзѣ трехъ имперій есть нити, разорвать которыя представляется дѣломъ очень нелегкимъ; во всякомъ случаѣ, для него должно было стать яснымъ, что всѣ толки объ эфемерности этого союза, объ его фиктивномъ значеніи, распространяющіе въ Европѣ и преимущественно въ Англии ложныя воззрѣнія на положеніе дѣлъ, доказываютъ только отсутствіе здравыхъ политическихъ взглядовъ. Въ Италиі, куда англійскій уполномоченный пріѣхалъ обогащенный полученными имъ во время путешествія свѣдѣніями, онъ былъ встрѣченъ очень радушно. Свиданіе съ итальянскими министрами сопровождалось взаимными увѣреніями о тѣснѣйшихъ дружескихъ отношеніяхъ между Италией и Англией. Но въ томъ, что эти изліянія нельзя было понимать въ смыслѣ готовности рука объ руку защищать Турцію, маркизъ Салисбери могъ убѣдиться изъ статьи вышедшаго на другой день послѣ его пріѣзда въ Римъ номера «Diritto». Органъ министерства полагалъ, «что Италия изъ желанія мира должна поддерживать въ Константинополѣ требованія Россіи, такъ какъ это есть единственное средство избѣжать столкновенія. Если же на Востокѣ возгорится война, то Италия употребитъ всѣ усилія съ цѣлью локализовать ее: а въ случаѣ неуспѣшности этихъ усилій, сохранитъ за собою свободу дѣйствій». 4 декабря н. с. маркизъ Салисбери былъ уже въ Константинополѣ.

Мы имѣемъ менѣе свѣдѣній о личности уполномоченныхъ другихъ державъ. Всѣ они, впрочемъ, отправлялись на конференцію, снабженные инструкціями употреблять всѣ усилія для охраненія мира и сдѣлать все, что было въ ихъ власти, для улучшенія порядка внутренняго управленія въ Турціи. Изъ нихъ австрійскій посолъ, графъ Зичи, представлялъ собою человѣка, вполне преданнаго графу Андраши и изъ ува-

женія къ послѣдному воплиѣ покорнаго приказаніямъ австрійскаго перваго министра. Мадьяръ по происхожденію и старый мадьярскій патриотъ, графъ Зичи однако въ теченіи своей дипломатической дѣятельности въ Константинополѣ воздерживался отъ поступковъ, которые могли бы быть истолкованы въ смыслѣ открытаго пристрастія, къ Турціи и не позволялъ себѣ выходить въ родѣ тѣхъ, которыя составили лорду Эллиоту его печальную репутацию. Германскій посолъ, баронъ Вертеръ, являлся только исполнителемъ непосредственныхъ приказаній князя Бисмарка по каждому отдѣльному вопросу, такъ что даже участвуя на конференціи, онъ получилъ лишь ограниченное право принимать ея резолюціи къ свѣдѣнію «ad referendum». Такими же, заранѣе получившими внушенія своихъ правительствъ, явились итальянскій уполномоченный графъ Корти и французскіе графы Бургоенъ и Шодорди. О послѣднихъ говорили впрочемъ, что будучи легитимистами и рьяными католиками, оба графа по сердечнымъ симпатіямъ охотнѣе стали бы прямо безусловными сторонниками Порты, видя въ этомъ случай угодить искреннѣйшему другу султана папѣ Пію IX.

Къ первымъ числамъ декабря въ Константинополѣ съѣзжались всѣ уполномоченные европейскихъ державъ. Столица Турціи находилась въ это время въ крайне тревожномъ положеніи. Въ совѣтѣ министровъ Порты шли почти ежедневныя совѣщанія, посвященныя обсужденію новой турецкой конституціи, творцомъ которой былъ Мидхад-паша. Затѣмъ этого турецкаго реформатора находили сочувствіе только въ немногихъ его ближайшихъ друзьяхъ и приверженцахъ, также какъ онъ воспитывавшихся въ увеселительныхъ заведеніяхъ западной Европы. Напротивъ, старотурецкая партія

являлась упорнымъ противникомъ предложенныхъ нововведеній, понимая, безъ сомнѣнія, что будущая конституція есть ничто иное, какъ комедія. Обладающіе наибольшою опытностію государственные люди Турціи, конечно, ни минуты не сомнѣвались, что все придуманное Мидхадом-пашей карточное зданіе должно разбиться объ религиозныя и бытовыя условія, для которыхъ европейскія учрежденія совершенно немислимы. Въ безчисленныхъ протестахъ противъ конституціи играло также не послѣднюю роль опасеніе, чтобы вновь введенныя порядки не уничтожили единственную для служащихъ привлекательность—возможность наживаться потомъ и кровью народа. Осуществить свои проэкты помогало Мидхадупашѣ только счастливое для него стеченіе событій. Понявъ во время положеніе дѣлъ, онъ старался провести въ совѣтъ свои проэкты, напирая на то, что только скорѣйшее утвержденіе и провозглашеніе конституціи можетъ парализовать единоплеменные европейскіе державъ и сдѣлать бесплодными усилія конференціи, сохранивъ такимъ образомъ за Портою безопасность отъ всякаго внѣшательства извнѣ въ ея внутреннія отверженія всякаго внѣшательства партій и партій Мидхадпаша. Но борьба между старотурецкою партіей и партіей Мидхадпаша окончилась довольно скоро торжествомъ послѣдняго, потому что 6 декабря прежній великій визирь Мехмед Руп-паша долженъ былъ уступить свое мѣсто творцу конституціи. Съ этого времени работы по сочиненію турецкой хартии пошли съ большою поспѣшностію. Мидхадпаша рѣшился обнародовать ее ранѣе начатія засѣданія дипломатической конференціи. Намѣреніе это скоро сдѣлалось общезвѣстнымъ. Предчувствуя, что поспѣшность новаго великаго визира объясняется желаніемъ парализовать въ самомъ началѣ попытку къ умноженію Востока, европейскіе кабинеты предписали своимъ уполномоченнымъ отсвѣтовать преждевременное обнародованіе

конституціи. Въ этомъ смыслѣ даны были совѣты правительству Оттоманской имперіи нѣкоторыми изъ европейскихъ пословъ, въ томъ числѣ, какъ утверждаютъ официальные извѣстія, англійскимъ посломъ лордомъ Эллиотомъ. Но по частнымъ сообщеніямъ, вполнѣ правдоподобнымъ, сэръ Эллиотъ, исполняя официально предписанія своего правительства, въ то же время самъ являлся чуть ли не сотрудникомъ турецкой государственной канцеляріи, изготовлявшей параграфы новаго уложенія. Конституція была вполнѣ изготовлена къ концу ноября, мы приводимъ здѣсь ея основанія, для полноты нашего очерка. Новая хартія сопровождалась вступительнымъ манифестомъ султана, въ которомъ было сказано, что съ введеніемъ ея въ дѣйствіе, Турція должна возродиться къ новой жизни. Конституція устанавливала прежде всего нераздѣльность Оттоманской имперіи, уравнивая всѣхъ подданныхъ султана, безъ различія вѣроисповѣданій, посредствомъ приданія имъ общаго наименованія «Оттомановъ». Далѣе шли слѣдующія постановленія: Особа султана безотвѣтственная и неприкосновенная; государственною религіей провозглашается исламъ, хотя допущена свобода и другихъ вѣроисповѣданій. Затѣмъ, «Оттоманамъ» дарованы: свобода печати, право ассоціацій, подача петицій, свобода преподаванія, равенство всѣхъ передъ закономъ, личная и имущественная неприкосновенность и проч. Рядомъ съ учрежденіемъ отвѣтственного министерства, конституція устанавливала представительство изъ двухъ палатъ: палаты депутатовъ и сената, сессія которыхъ должна продолжаться ежегодно по четыре мѣсяца, начиная съ 1 ноября. Палатамъ предоставлена извѣстная доля законодательной инициативы, причемъ законы должны утверждаться султаномъ. Палата депутатовъ образуется изъ представителей, избираемыхъ путемъ тайныхъ выборовъ населеніемъ, по расчету одного де-

путата на 100,000 жителей. Законодательный періодъ установленъ четырехлѣтній. По судебной части конституція установила несмѣняемость судей и гласное судопроизводство. Министры, члены кассационныхъ судовъ и лица, обвиняемые въ оскорбленіи величества, должны быть судимы верховнымъ судомъ. Къ числу правъ палатъ отнесено обсужденіе бюджета и вопросовъ, касающихся установленія налоговъ; для финансовой отчетности учреждена особая контрольная палата, члены которой несмѣняемы. Провинціальное управленіе основано на началахъ децентрализаціи; дѣлами провинціи завѣдуютъ выборные генеральные совѣты. Первоначальное обученіе обязательно. Конституція можетъ быть измѣнена не иначе, какъ по почину министерства или палатъ, съ утвержденія султаномъ.

Пока эта конституція, по плану напоминающая британскую, наскоро составлялась канцелярією Мидхада-паши, уполномоченные европейскихъ державъ, тотчасъ послѣ обычныхъ аудіенцій у султана, спѣшили приступить къ предварительнымъ совѣщаніямъ, назначавшимся, какъ мы уже говорили, для обсуждения общаго плана и соглашеній, безъ участія Турокъ. 11 декабря н. с. начались эти предварительныя совѣщанія, въ домѣ русскаго посольства, причемъ предсѣдателемъ конференціи былъ избранъ генералъ-адъютантъ Игнатьевъ. Характеръ этихъ совѣщаній отличался желаніемъ добиться единодушія, даже и тогда еслибъ пришлось для этой цѣли сдѣлать довольно значительныя взаимныя уступки. Въ принципѣ было признано, что несмотря на пресловутую конституцію, изобиловавшую либеральными обѣщаніями, не представляется никакой возможности вѣрить, что Турція, столь часто нарушавшая свои торжественныя обѣщанія, на этотъ разъ сдержитъ слово и дѣйствительно упрочитъ благосостояніе своихъ

христианских подданных. Поэтому необходимость гарантий, обеспечивающих успешность тех стараний, которые Европа намѣрена была предпринять для улучшения внутренних турецких порядков, признана безусловною всеми уполномоченными. Затѣмъ уже пренія относились къ формѣ помннутыхъ гарантий. Предложенная оккупация Болгаріи русскими войсками, а Босніи и Герцеговины австрійскими была отвергнута, благодаря взаимнымъ опасеніямъ державъ, хотя самый вопросъ объ оккупации видимо представлялся для уполномоченныхъ заслуживающимъ вниманія и имѣющимъ значеніе дѣйствительной гарантіи. Этимъ объясняются извѣстія о предположеніяхъ, вызванныхъ съ разныхъ сторонъ, о занятіи возставшихъ провинцій то французскими, то бельгійскими и даже швейцарскими войсками, и если затѣмъ никакого предложенія объ оккупации не состоялось, то, быть можетъ, лишь потому, что государство, войсками которыхъ предполагалось воспользоваться, выказали мало къ тому готовности. Благодаря этому, вопросъ о гарантіяхъ былъ сведенъ къ учрежденію международной комисіи, составленной изъ представителей европейскихъ державъ, обязанность которой должна была состоять въ строгомъ наблюденіи за правильнымъ выполненіемъ административныхъ реформъ, которыя предполагалось ввести въ возможно широкой формѣ. Дополнительными гарантіями должны были служить слѣдующія постановленія: введеніе въ возставшихъ провинціяхъ иноземной жандармской и полицейской стражи, назначеніе губернаторовъ изъ христианъ и притомъ съ утвержденія Европы. Вопросъ о вассальныхъ отношеніяхъ славянскихъ областей къ Портѣ былъ отвергнутъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ недавнихъ изобіи мирныхъ жителей, конференція высказала желаніе принять въ числѣ другихъ мѣръ обезоруженіе мусульманскаго населенія,

но прямаго соглашенія по этому предмету не послѣдовало въ виду того, что ношеніе оружія составляетъ весьма чтимый у Турокъ обычай. Была предложена и принята другая комбинація: разрѣшить ношеніе оружія, кромѣ мусульманъ, также и христианамъ, и въ то же время строго воспретить всякому показываться въ публичныхъ мѣстахъ, имѣя при себѣ оружіе; примѣненіе этой мѣры представлялось тѣмъ менѣе затруднительнымъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Турціи она уже примѣнялась, какъ напримѣръ въ Албаніи, гдѣ ни Албанцамъ, ни Черногорцамъ не дозволяется носить оружіе.

Таковы были въ главныхъ основаніяхъ тѣ пункты, по которымъ состоялось единодушное соглашеніе между европейскими уполномоченными на предварительной конференціи. Выработанныя ею положенія представлены были блистательной Портѣ въ формѣ вполне солидарнаго и твердаго рѣшенія державъ, съ присоединеніемъ заключенія о собраніи общей конференціи, на которую призывались турецкіе уполномоченные, для совмѣстнаго обсужденія предположенныхъ мѣръ. Даже и это единодушіе, несмотря на то, что оно создавалось цѣною значительныхъ взаимныхъ уступокъ, повидимому, было неожиданностію для турецкихъ министровъ. Они, казалось, рассчитывали, что взаимное соперничество европейскихъ державъ должно съ самаго начала повести къ раздору между уполномоченными конференціи и уничтоженію ея значенія въ самомъ зародышѣ. Вотъ почему министры Турціи не безъ нѣкотораго смущенія приняли къ свѣдѣнію весьма умѣренныя, но энергическія требованія Европы. Но уже вскорѣ появились извѣстія, что Порта мало расположена покориться требованіямъ уполномоченныхъ, мотивируя это упрямство тѣмъ, что она намѣрена дать въ скоромъ времени всемъ своимъ подданнымъ, — а не только однимъ христианамъ, —

такія льготы, которыя значительно превосходятъ начертанныя конференціей скромныя реформы. Такимъ образомъ, единственнымъ результатомъ представленія Портѣ заключеній предварительной конференціи была еще большая успѣшность, съ которою турецкіе министры, съ Мидхадом-пашею во главѣ, стремились покончить съ уставомъ конституціи, чтобы успѣть обнародовать его ко времени открытія общей конференціи.

Еще до начала открытія этой послѣдней, можно было судить по общимъ признакамъ, что она едва ли придетъ къ успѣшнымъ результатамъ. Великій визирь и его партія, ослабленные своимъ виѣшнимъ европеизмомъ, съ восточною самонадѣянностью вообразили, что они ни въ чемъ не уступаютъ лучшимъ государственнымъ людямъ Европы и что имъ предстоитъ миссія возродить Турцію къ новой жизни, повести ее путемъ европейской цивилизаціи и поставить наравнѣ съ другими государствами Европы. Отсюда рѣшимость во всякомъ случаѣ противиться будущимъ рѣшеніямъ державъ, тѣмъ болѣе что Мидхада-пашу и его приверженцевъ невозможно было убѣдить въ дѣйствительномъ единодушіи Европы. Политическое положеніе дѣлъ могло только укрѣпить ихъ въ упрямствѣ, немало поощряло его и поведеніе англійскаго кабинета, который во всемъ этомъ дѣлѣ обнаружилъ двойственность, одновременно допуская и то, что провозглашалъ громко маркизь Салисбери, и что шепталъ на ухо турецкому министерству сэръ Эллиотъ.

Общая константинопольская конференція открылась 21 декабря н. с., съ участіемъ уполномоченныхъ оттоманскаго правительства, министра иностранныхъ дѣлъ Савфета-пашы и вызваннаго изъ Берлина турецкаго посла при германскомъ правительствѣ Эдхема-пашы, замѣнившаго Мидхада-пашу. Въ первомъ засѣданіи общей конференціи уполномоченными

европейскихъ державъ официально представлены были Портѣ тѣ постановленія, которыя были выработаны на предварительныхъ совѣщаніяхъ и которыя нами уже изложены выше. Въ это время раздался пушечные выстрѣлы: турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, объявивъ делегатамъ, что выстрѣлы означаютъ торжественное объявленіе конституціи, дарованной Турціи султаномъ, выступилъ съ рѣчью, содержавшею въ себѣ рѣзко искаженное изложеніе событій, съ начала возстанія. Дождь въ этомъ изложеніи до такой степени очевидно переиживалась съ правдой, что способна была вызвать негодованіе даже со стороны тѣхъ уполномоченныхъ, которые наиболѣе были расположены къ Портѣ и по личнымъ симпатіямъ и по настроенію ихъ правительствъ. Между прочимъ маркизь Салисбери нѣсколько разъ выказывалъ готовность прервать краснорѣчіе турецкаго министра и наконецъ гласно заявилъ свой протестъ противъ одного мѣста рѣчи Савфета-пашы, гласившаго, что «болгарское возстаніе было подавлено быстро и съ относительно ничтожными жертвами». Вообще впечатлѣніе, произведенное на обѣ стороны результатомъ перваго засѣданія общей конференціи, было двойное: съ одной стороны, турецкіе уполномоченные ушли изъ засѣданія, еще болѣе склонные упорно отрицать право Европы давать Турціи совѣты, хотя они и обѣщали представить возраженія лишь на «нѣкоторые отдѣльные пункты». Съ другой стороны, самонадѣянность оттоманскаго правительства не могла не порадовать самымъ неприятнымъ образомъ европейскихъ уполномоченныхъ и укрѣпила въ нихъ рѣшимость еще тѣснѣе соединиться на почвѣ столь умѣренно составленныхъ требованій, хотя бы для этого пришлось даже употребить давленіе на Порту, въ смыслѣ угрозы прекратить съ нею всякія дипломатическія сношенія, въ случаѣ ея отказа подчиниться

выработанной конференціе программъ. Въ этой рѣшимости представители Европы были поддержаны лучшею частью европейской печати и уполномочившими ихъ правительствами, хотя и тутъ дѣло не обошлось безъ значительныхъ противорѣчій. Такъ въ то время, какъ маркизь Салисбери во всеуслышаніе грозилъ Портѣ исключеніемъ изъ европейскаго концерта, официальный «Morning Post» отъ 16 (28) декабря заявлялъ, что британское правительство, каковы бы ни были его рѣшенія по Восточному вопросу, не намѣрено ни отзываться флота изъ безикской бухты, ни прерывать дипломатическихъ сношеній съ Портою.

Слѣдующія затѣмъ засѣданія общей конференціи были посвящены обсужденію каждаго изъ европейскихъ требованій во всѣхъ подробностяхъ и выслушиванію возраженій турецкихъ уполномоченныхъ. Последніе, казалось, рѣшились злоупотреблять терпѣніемъ европейскихъ дипломатическихъ представителей. Они одинъ за другимъ отвергли всѣ основные пункты, касавшіеся гарантій, признанныхъ всею Европою необходимыми для того, чтобы будущее положеніе турецкихъ христіанъ было упрочено. Особенно возмущались они противъ прозекта образованія международной повѣрочной комиссіи и учрежденія международной полицейской стражи. Единственнымъ отвѣтомъ на всѣ представленія конференціи было со стороны Турокъ указаніе на вновь обнародованную 12 (24) декабря констатующую, дарующую реформы всѣмъ народамъ, входящимъ въ составъ Турецкой имперіи. По частнымъ извѣстіямъ, въ засѣданіяхъ конференціи не обошлось безъ нѣкоторыхъ курьезовъ. Такъ германскій посолъ, баронъ Вертеръ, выведенный изъ себя безцеремоннымъ поведеніемъ Турокъ, всталъ съ мѣста и провозгласилъ, что находить невозможными всякія дальнѣйшія уступки и требуетъ рѣши-

тельныхъ мѣръ противъ Порты. Эту горячность германскаго представителя газеты не замедлили приписать намѣренію князя Бисмарка втянуть Россію въ немедленную войну, съ цѣлью ослабить ее. Въ другомъ засѣданіи, на указанія, сдѣланныя графомъ Шодорди на болгарскія неистовства Турокъ, Эджем-паша съ запальчивостію отвѣчалъ французскому уполномоченному, что, будто бы, болгарскія убійства представляютъ собою пустяки въ сравненіи съ варфоломеевскою ночью, драгонами, коммуной и другими событіями, пятнающими исторію Франціи...

И помимо этихъ безцеремонныхъ выходокъ турецкихъ делегатовъ, было уже достаточно ясно для всѣхъ, что Порта не задумается отвѣтить отказомъ на всѣ обращенныя къ ней требованія. Въ то время, какъ Савфетъ и Эджем-паша обѣщали уступчивость по «нѣкоторымъ пунктамъ», константинопольскія газеты возбуждали фанатизмъ въ массѣ Турокъ, а Болгаръ и Босняковъ правительство заставляло подписывать адреса, заключавшіе въ себѣ благодарность за дарованную конституцію и нежеланіе воспользоваться какими либо особыми реформами. Вновь образованной конституціею большой совѣтъ изъ пашей Оттоманской имперіи, въ которомъ участвовали представители христіанскихъ вѣроисповѣданій, составлялся изъ лицъ, для большинства которыхъ изолированность положенія Турціи не представлялась чѣмъ либо опаснымъ.

Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, посвященныхъ бесплоднымъ препирательствамъ съ турецкими уполномоченными, представители европейскихъ державъ рѣшили прибѣгнуть къ окончательному формулированію обсужденныхъ требованій, смягчивъ ихъ лишь настолько, чтобы ихъ отверженіе было невозможно. Въ последнемъ засѣданіи конференціи, состоявшемъ

ся 2 (14) января 1877 г., маркиз Салисбери сообщилъ турецкимъ делегатамъ, отъ имени своихъ сотоварищей, сущность смягченныхъ предложеній державъ, заявивъ, что ему предписано удалиться изъ Константинополя, если Порты не приметъ этихъ предложеній. Лордъ Эллиотъ и прочіе уполномоченные, одинъ за другимъ, сдѣлали заявленія въ такомъ же смыслѣ. Въ отвѣтъ на это, Савфет-паша выразилъ сожалѣніе о такомъ рѣшеніи державъ и въ то же время высказалъ, что считаетъ невозможнымъ уступить, если не по всемъ, то по крайней мѣрѣ по двумъ существеннымъ пунктамъ, а именно: учрежденію международной контрольной комисіи и назначенію христіанъ-губернаторовъ съ утвержденія европейскихъ державъ. Впрочемъ, турецкій министръ заявилъ, что окончательное рѣшеніе этого вопроса будетъ предоставлено совѣту изъ 180 сановниковъ, которые должны будутъ дать рѣшительный отвѣтъ на европейскія предложенія.

Вслѣдъ за этимъ засѣданіемъ конференціи и ранѣ созванія большаго совѣта, состоялось совѣщаніе турецкихъ министровъ, на которомъ 5 (17) января рѣшено предложить верховному совѣту отклонить совершенно предложенія державъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, совѣтъ министровъ призналъ необходимымъ усилить военныя приготовления Турціи. Засѣданіе большаго совѣта было назначено на 6 (18) января 1877 г.; въ немъ должны были принять участіе, между сановниками Оттоманской имперіи, также и патріархи греческій, армяно-грегоріанскій и армяно-католическій, а также экзархъ болгарскій и великій раввинъ еврейскій.

Открытіе большаго совѣта сановниковъ, между которыми находилось около 60 христіанъ, преимущественно грековъ-фанариотовъ, дѣйствительно состоялось въ назначенный для этого день. Засѣданіе началось рѣчью Мидхада-паши. Вели-

кій визирь прочелъ предварительно очеркъ событій со времени возникновенія возстанія, затѣмъ изложилъ въ подробности требованія державъ. Онъ объяснилъ, что «въ видахъ примиренія, турецкіе уполномоченные дѣлали встрѣчныя предложенія и уступки, насколько это дозволялось достоинствомъ Оттоманской имперіи. Затѣмъ, описавъ положеніе дѣлъ, онъ назвалъ его серьезнымъ, указавъ на опасности войны и на плохое состояніе турецкихъ финансовъ. Но придавая своей рѣчи нѣсколько пессимистическій характеръ, Мидхад-паша въ то же время очень хорошо зналъ свою аудиторію и могъ быть увѣреннымъ заранѣе, что рѣшеніе большаго совѣта будетъ составлено въ благопріятномъ для министровъ смыслѣ. На его рѣчь отвѣчали религіозные представители грековъ и армянъ; они отвергли предложенія державъ съ особенной энергіей, вызванной усерднымъ желаніемъ угодить правительству и дальше его самого пойти на его пути. Послѣ этого, предложенія конференціи были уже единогласно отклонены членами совѣта, при крикахъ: «лучше смерть, чѣмъ безчестье». Большой совѣтъ даже не ограничился отклоненіемъ европейскихъ требованій, но настаивалъ взять обратно и тѣ встрѣчныя предложенія и уступки, какія были сдѣланы на конференціи турецкими делегатами.

Впрочемъ, уполномоченные Турціи все-таки не рѣшились передать представителямъ европейскихъ державъ рѣшеніе большаго совѣта, въ его рѣзкой формѣ. Послѣднее засѣданіе конференціи, на которомъ Порты должна была представить свой окончательный отвѣтъ, состоялось 8 (20) января. Савфет-паша прочелъ ноту, въ которой заявлялось, что Порты могла бы войти въ соглашеніе по извѣстнымъ отдѣльнымъ пунктамъ, но вопросъ о назначеніи губернаторовъ рѣчь министра иностранныхъ дѣлъ обходила молчаніемъ. Что касает-

ся до назначенія контрольной комисіи, то Порты предлагала избрать ее изъ среды мѣстныхъ жителей, подъ предѣдательствомъ турецкаго чиновника. Разрѣшеніе вопроса о Сербіи и Черногоріи и объ условіяхъ мира съ ними нота предлагала отложить до другаго времени.

Смыслъ этой рѣчи былъ совершенно ясенъ для дипломатическихъ представителей. Въ отвѣтъ на нее маркизь Салисбери заявилъ, что такъ какъ Порты отказалась дать согласіе на двѣ гарантіи, представляющіяся наиболѣе существенными, то для переговоровъ не остается уже почвы и конференція должна быть закрыта. Въ такомъ же смыслѣ высказался и генераль-адъютантъ Игнатьевъ, заявивъ, что предложенія Порты въ сущности не имѣютъ никакого содержанія и потому приняты быть не могутъ. При этомъ русскій посоль прибавилъ, что отвѣтственность за это должна пасть на Порту. вмѣстѣ съ тѣмъ, генераль Игнатьевъ высказалъ надежду, что Порты не станутъ предпринимать враждебныхъ дѣйствій противъ Сербіи и Черногоріи и будетъ справедливо относиться къ положенію своихъ христіанскихъ подданныхъ. Затѣмъ конференція была признана оконченною; въ заключеніе уполномоченные европейскихъ державъ поочередно объявили турецкимъ уполномоченнымъ, что въ виду совершеннаго отклоненія Портою постановленій конференціи, они, по приказанію ихъ правительствъ, оставляютъ Константинополь, причемъ англійскій посоль упомянулъ и объ отозваніи изъ безикской бухты британскаго флота.

Такимъ образомъ константинопольская конференція разошлась, не принеся положительныхъ результатовъ.

Посланники оставили Константинополь, передавъ дѣла повѣреннымъ европейскихъ державъ.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

Стран.

Бѣдствія балканскихъ христіанъ подъ турецкимъ господствомъ, равнодушіе Европы.—Первый ударъ Туркамъ нанесенъ Россіей при Екатеринѣ.—Кучук-Канарджійскій миръ.—Зависть и безсиліе Европы.—Парижскій трактатъ 1856.—Султанскій фирманъ 10 февраля 1856.—Географическій очеркъ Герцеговины; населеніе; землевладѣніе; бѣдственное положеніе и безправіе райи.—Наружность герцеговинца 5

Начало борьбы: притѣсенія со стороны сборщиковъ податей.—Бѣгство населенія, рѣзня возвратившихся.—Возстаніе Славянъ.—Тяжесть налоговъ.—Быстрое распространеніе возстанія.—Безусибность прокламаціи генераль-губернатора Дервиш-паши и примирительныхъ попытокъ комиссаровъ Порты.—Угрозы Порты противъ Черногоріи и Сербіи.—Примирительная политика трехъ имперій.—Неискренность Европы, ставшей за принципъ „дѣлности и независимости“ Турціи.—Отношенія къ восточному вопросу Англии, Австріи, Россіи, Франціи, Италіи и Германіи.—Положеніе Сербіи и Черногоріи. 16

Первыя стычки неудачныя для Турокъ, затруднительность ихъ положенія.—Возстаніе въ Босніи, побоище въ Баньалу-

кахъ.—Волонтеры-иностранцы, партизанская война.—Население Боснии.—Волнение умовъ въ Сербіи.—Образование консульской комисіи.—Осада Требишья.—Битва при Добрѣ.—Ожесточеніе сторонъ въ Боснии.—Миролюбивыя усилія князей Милана и Николая.—Эмиграція въ Австрію и усиленіе войскъ на ея границѣ.

33

Составъ консульской комисіи.—Сходка герцеговинскихъ предводителей въ Косиревѣ.—Безуспѣшность миролюбивыхъ попытокъ консуловъ.—Битва при Прапатницѣ.—Дружескіе совѣты европейскихъ державъ Порты и султанскій праде 2 октября.—Банкротство Порты, возвѣщенное 6 октября; ея долги.—Прокламація Сервера-паши къ герцеговинцамъ и коварство и звѣрства Турокъ.

45

Религіозный раздоръ христіанъ въ Боснии.—Расположеніе инсургентовъ.—Соглашеніе трехъ имперій; нота гр. Андраши; султанскій фирманъ 12 декабря.—Новый турецкій главнокомандующій въ Герцеговинѣ Реуф-паша.—Осада фортовъ Никшичь и Горанско и освобожденіе ихъ.—Наступленіе зимы.—Замѣна Реуфа Мухтар-пашею

61

Отдѣлъ II.

Пораженіе Турокъ при Дуже.—Врученіе Портѣ ноты гр. Андраши; медлительность Англіи въ присоединеніи къ другимъ державамъ, ободрившая Порту.—Содержаніе ноты.—Вызванное ею новое праде 11 февраля о реформахъ; его несостоятельность.—Неудачная попытка Порты къ соглашенію съ кн. Николаемъ.—Попытка Австріи усмирить возстаніе; поѣздка бар. Родича въ Цетинье и Рагузу и переговоры съ инсургентами.—Перемиріе съ 1 по 12 апрѣля.—Письменная условія инсургентовъ.—Очеркъ Боснии

71

Новыя стѣчки удачныя для инсургентовъ.—Арестъ Любиграича въ Австріи.—Затрудненія Турокъ.—Осада Никшича.—

Лживость донесеній Мухтара.—Герцеговинскіе вожди Пейко Павловичъ и Лазарь Сочица.—Возрожденіе инсurreкціи въ Боснии.—Петръ Карагеоргиевичъ.—Различіе отношеній Сербіи и Черногоріи къ возстанію.—Направленіе турецкихъ войскъ къ границамъ княжествъ.—Вооруженіе Сербіи.—Непріятности съ австрійскимъ консуломъ.—Инсurreкція въ Болгаріи.—Избѣженіе христіанъ

97

Сѣздъ трехъ канцлеровъ въ Берлинѣ.—Убійство въ Салоникахъ консуловъ Германіи и Франціи, мѣры противъ виновныхъ.—Соглашеніе канцлеровъ; нота 13 мая, редижированная княземъ Горчаковымъ (берлинскій меморандумъ).—Отказъ Англіи примкнуть къ нотѣ, посылка ея броненоснаго флота въ Бизикскую бухту.—Митхад-паша и сближеніе его съ духовенствомъ.—Демонстрація софтовъ 10 мая, уступки султана Абдул-Азиза.

112

Сверженіе и убійство Абдул-Азиза, 30 мая и 4 іюня.—Избѣженіе министровъ Гассан-беємъ 15 іюня

125

Возвращеніе Мурада V.—Негодование въ англійскомъ обществѣ, вызванное политикой Дизраэли.—Возбужденіе европейской дипломатіи.—Упорство возстанія.—Затруднительное положеніе Сербіи и Черногоріи.—Сочувствіе въ Россіи къ славянамъ.—Приготовленія Сербіи къ войнѣ.—Пріѣздъ ген. Чернаева.

134

Отдѣлъ III.

Объявленіе войны Сербіей и Черногоріей.—Прокламація князя Милана 30 іюня.—Силы Черногорцевъ.—Свиданіе въ Рейхштадтѣ Императоровъ Россіи и Австро-Венгріи

143

Обзоръ театра военныхъ дѣйствій.—Военныя силы Турокъ, Сербовъ и Черногорцевъ.

152

Наступательныя дѣйствія моравской арміи Черняева на крѣп. Нильс.—Битва при Бабиной-Главѣ.—Наступательное движеніе дринской арміи ген. Ранко-Алимпича; очищеніе Турками Малаго Зворника.—Дѣйствія тимокскаго корпуса полк. Ёшанина.—Дѣйствія корпуса ген. Заха.—Дѣйствія Черногорцевъ.—Несбывшіяся надежды на содѣйствіе Болгаръ, подавленныхъ турецкими жестокостями. 164

Дипломатическое затишье—нейтралитетъ Европы.—Подозрительность Австро-Венгріи. Нейтрализація Дуная.—Сочувствіе въ Россіи къ славянской борьбѣ.—Біографія Черняева, его подвиги въ Средней Азій.—Лихорадочная дѣятельность Порты.—Демонстрація Румыніи.—Помощь Портѣ изъ Египта и Туниса.—Неблагопріятные шансы Сербовъ. 175

Военныя дѣйствія около Зайчара; смерть Кирѣева.—Обратное движеніе Сербовъ отъ Бабиной-Главы къ Алексинацу.—Незначительность дѣйствій отрядовъ ген. Заха и Алимпича.—Рѣшительное пораженіе Турокъ Черногорцами въ Вучьемъ Долѣ, громадныя потери Турокъ. 184

Выжидательное положеніе европейскихъ державъ. Тревога Австро-Венгріи. Шумные митинги въ Англіи и неизмѣнность политики англійскаго правительства.—Исслѣдованіе турецкихъ жестокостей въ Болгаріи.—Анархія въ Константинополѣ, болѣзнь Мурада, безденежье, выпускъ каинъ, фанатизмъ улемовъ, вербовка волонтеровъ.—Обманчивость надеждъ на Румынію и Грецію.—Состояніе воюющихъ силъ.—Наступленія Турокъ на границы Сербіи.—Пораженіе Турокъ на Тимокѣ. Занятіе ими Княжеваца и Зайчара.—Назначеніе 6 августа ген. Черняева главнокомандующимъ моравско-тимокскою арміей.—Затруднительность Турокъ на черногорскомъ театрѣ войны.—Положеніе южной черногорской арміи.—Двукратное жестокое пораженіе турокъ подъ Медуномъ. 191

Дѣятельное усиленіе турецкихъ армій въ Герцеговинѣ и Албаніи.—Безуспѣшность новыхъ наступленій Турокъ на серб-

скія позиціи и бездѣйствіе.—Новый планъ наступленія въ Моравскую долину, на Алексинацъ.—Упорный, но нерѣшительный десятидневный бой подъ Алексинацемъ.—Атака противъ Сербовъ на лѣвомъ берегу Моравы.—Смерть Раевскаго.—Оставленіе Сербами Алексинаца.—Взаимное положеніе воюющихъ сторонъ 204

Неурядица въ турецкихъ войскахъ.—Усиленіе турецкой арміи.—Атака на делиградскія позиціи.—Ожесточенный бой 10 сентября.—Перемиріе съ 16 по 25 сентября.—Отступленіе Турокъ изъ Зайчара.—Незначительность дѣйствій на Дринѣ и Ибарѣ.—Оборонительное положеніе Турокъ передъ Черногорцами.—Пораженіе Турокъ на Рогамскихъ высотахъ.—Мухтар-паша идетъ въ Черногорію, но Черногорцы окружаютъ его 218

Нязложеніе Мурада и вступленіе на престолъ Абдул-Га-мида, по инициативѣ Митхада-пашы.—Гаттъ поваго султана, —противорѣчіе его съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ.—Звѣрства, совершенныя въ Болгаріи.—Возбужденіе общественнаго мнѣнія Европы.—Вооруженіе Греціи.—Волненія на островѣ Критѣ.—Мобилизація румынскихъ войскъ.—Дипломатическія давленія въ Константинополѣ, Бѣлградѣ и Цетинѣ.—Князь Миланъ обращается къ посредничеству державъ-поручительницъ.—Нота державъ Портѣ 2 сентября о заключеніи мира.—Держкія условія Порты, одобренныя Эллиотомъ.—8-дневное перемиріе.—Негодованіе сербской арміи и провозглашеніе Милана королемъ 16 сентября, отказъ Милана отъ этого титула.—Желаніе Порты продлить перемиріе, чтобы нанести Сербіи рѣшительный ударъ; отказъ Сербіи.—Англійскія основы переговоровъ о мирѣ, одобренныя державами.—Предложеніе ихъ турецкому правительству, которое ихъ отклоняетъ подъ предлогомъ задуманныхъ болѣе широкихъ общихъ реформъ.—Державы настаиваютъ на продолжительномъ перемирії, Порты соглашается на 6-мѣсячное, на невозможныхъ условіяхъ, одобренныхъ Англійей.—Сербія соглашается на 6-недѣльное перемиріе.—Телеграмма князя *

Горчакова 14 октября. — Возрастающее участие Русскаго народа	229
Отступление Турокъ отъ Рогаме. — Отраженное движеніе ихъ къ Даниловграду. — Сдача Турками Медуна. — Пораженіе ихъ у Граховца. — Потери Турокъ въ войнѣ съ Черногорцами.	250
Операции Турокъ противъ моравской арміи. — Делиградское укрѣпленіе. — Наступательныя дѣйствія Черняева, новыя битвы, перерывъ сообщеній Турокъ съ Виддиномъ и Нишемъ. — Битва при Зайчарѣ. — Успѣхи Турокъ на Моравѣ. — Паденіе Дьюниша, отступление Черняева къ Крушевацу. — Выѣздъ Милана въ Делиградъ. — Занятіе Турками Алексинаца. — Прекращеніе военныхъ дѣйствій по требованію Русскаго Государя. — Военныя дѣйствія на Дринѣ и Ибарѣ. — Скупщина боснійскихъ усташей и ея резолюція	256

Отдѣлъ IV.

Просьба Милана о заступничествѣ и ультиматумъ изъ Ливадіи о перемиріи. — Англійскія условія мира. — Разъединеніе державъ и претензіи и ухищренія Порты. — 2-мѣсячное перемиріе 2 ноября. — Демаркаціонныя комиссіи. — Вопросъ о конференціи европейскихъ державъ. — Мобилизація русской арміи. — Высочайшая рѣчь въ Москвѣ 10 ноября. — Угрожающая рѣчь Дизраэли въ Сити. — Денеша лорда Лофтуса объ аудиенціи у Государя	267
---	-----

Объясненіе неудачной развязки сербской кампаніи: усиленіе арміи Абдул-Керима, истощеніе матеріальныхъ средствъ Сербіи; разъединеніе между Сербами и Русскими, подозрительность первыхъ, ихъ неподготовленность къ войнѣ; разрывъ между военнымъ министерствомъ и моравской главной квартирой; интриги иностранцевъ. — Возвращеніе въ отечество русскихъ добровольцевъ. — Туркофильскія демонстраціи вен-

герской молодежи. — Патриотическій энтузіазмъ Чеховъ во время пребыванія Черняева въ Пештѣ. — Враждебность католичества. — Охлажденіе Греціи и Румыніи. — Настроеніе европейской печати	279
Нарушенія Турками перемирія. — Работы демаркаціонныхъ комиссій. — Продолженіе вооруженій съ обѣихъ сторонъ. — Преобразованіе сербской арміи. — Затруднительное положеніе сербскаго министерства. — Столкновенія съ Австріей — освобожденіе болгарскихъ эмигрантовъ, случай съ мониторомъ „Варошъ“. — Положеніе дѣлъ въ Черногоріи, Герцеговинѣ и Босніи	294
Медленность созванія конференціи. — Протестъ Порты и общаніе реформъ. — Предварительные переговоры державъ. — Уступчивость Россіи. — Открытіе конференціи въ Константинополѣ. — Характеристика членовъ конференціи	307
Затѣи Митхада касательно турецкой конституціи, сотрудничество Элліота. — Основанія конституціи. — Предварительныя совѣщанія европейскихъ уполномоченныхъ, установившіеся пункты соглашенія. — Сомнительные признаки. — Первое засѣданіе общей конференціи и оборудованіе турецкой конституціи. — Упорство Турокъ. — Созваніе большаго совѣта 6 января, отвергшаго требованія конференціи. — Закрытіе ея	320